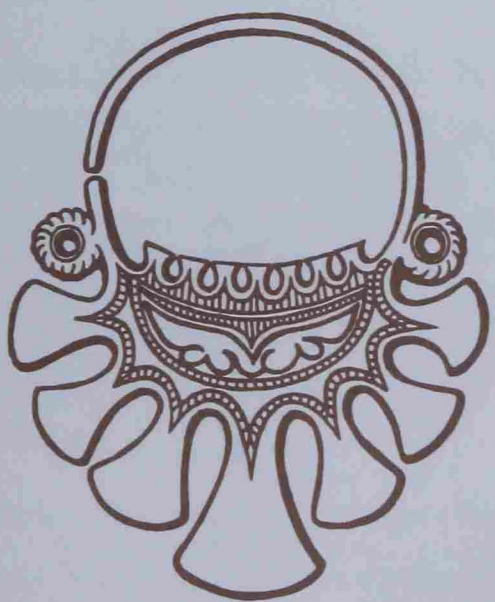
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1998 3

3-й экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1998 3

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Мерперт Н.Я. К семидесятилетию Рауфа Магомедовича Мунчаева 5
Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи 22
Никитенко Н.И. Начало освоения железа в белозерской культуре 36
Смирнов К.А. Верховая езда у племен дьяковской, городецкой и ананьинской культур 48
Никонов А.А. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) 57
Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография 67
Жилина Н.В. Стили и технология древнерусской зерни и скани 75

Публикации

Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987–1995 гг.) 85
Головачева Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры 99
Аксенов В.С., Бабенко Л.И. Погребение VI–VII веков н.э. у села Мохнач 111
Закурина Т.Ю. Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова 123

Заметки

Матвеев Ю.П. Антропоморфное изображение на сосуде срубной культуры 135
Заднепровский Ю.А., Бушков В.И. Предметы кочевников эпохи раннего железа в Эйлатанском районе Ферганы 136
Абрамзон М.Г., Горлов Ю.В. Два "синдских" диобола, найденные в Фанагории 141
Гуляев В.И., Савченко Е.И. Роговой гребень скифского времени с территории Среднего Дона 145

© Российская академия наук
Институт археологии, 1998 г.

Красовский И.С. О плане Десятинной церкви в Киеве 149
Лагутин А.Б. Погребение средневекового кочевника у села Прибрежное в Северо-Западном Крыму 156
Векслер А.Г., Коваль В.Ю. Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве 163
Панова Т.Д. О некоторых керамических находках в культурном слое московского Кремля 167
Артемьев А.Р. Каменное надгробие 1696 г. из Нерчинска 170

История науки

Алексеев Л.В. Археология средневекового периода в Белоруссии (1950–1990 гг.) 176
Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. 191

Критика и библиография

Кольцов Л.В. Тверской археологический сборник. Выпуск 1. Тверь, 1994; Выпуск 2. Тверь, 1996 207
Смирнов К.А. *Агафонова Н.Н., Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Страницы истории земли Пермской. Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века. Учебное пособие. Пермь, 1996 211
Кошеленко Г.А. *Bopearachchi O., Aman ur Rachman.* Pre-Kushana Coins in Pakistan. Karachi, 1995 214
Седов В.В. *Adolfas Tautavičius.* Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius, 1996 220
Хрушкова Л.Г. Correspondance de Giovanni Battista de Rossi et de Louis Duchesne (1873–1894). Établie et annotée par Patrick Saint-Roch. Collection de l'École Française de Rome, 205. Roma, 1995 223
Зайцева С.Е. *Ганецкая И.В.* Маеліка на Беларусі у XI–XVIII стст. Мінск, 1995 228

Хроника

Забела Г. Археология в Литве в 1991–1996 гг.: достижения и проблемы 237
Сташенков Д.А. Международная археологическая конференция "Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э." (Самара, 1995) 244
Крадин Н.Н. Бохайский симпозиум в Приморье (Владивосток, 1996) 247
Татауров С.Ф., Тихонов С.С. IV Всероссийский семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" (Новосибирск, 1996) 249
Исланова И.В., Кольцов Л.В. Четвертый семинар "Тверская земля и сопредельные территории в древности" (Тверь, 1997) 252
Марковин В.И., Цетлин Ю.Б. Памяти Юрия Николаевича Захарука (1914–1997) 254

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1998 3

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Merpert N.Y. To the Seventieth Aniversary of Rauf Magomedovich Munchaev 5
Pryakhin A.D., Besedin V.I. Horse Bridle of the Middle Bronze Age in the Eastern European Forest Steppe and the Steppe 22
Nikitenko N.I. Beginning of the Iron Usage in the Belozersk Culture 36
Smirnov K.A. Riding Used by Diakovo, Gorodets and Ananyeno Culture Tribes 48
Nikonov A.A. Flooded Remains of Constructions Located along the Bosporus of the Cimmerians . 57
Yatsenko S.A. Funeral and Memorial Rites of Sarmatians and Ethnography of Ossetians 67
Zhilina N.V. Styles and Technology of Ancient Russia Grain and Filigree Work 75

Publications

Golovanova L.V., Hoffecker J.F., Kharitonov V.M., Romanova G.P. Mezmayskaya Cave (1987-1995 preliminary study results) 85
Golovacheva N.V., Marchenko K.K., Rogov E.Y. Unique Constructions of the Olivia Chorus Northern District 99
Aksenov V.S., Babenko L.I. Burial of the 6th–7th Centuries AD near the Village Mokhnach 111
Zakurina T.Y. Iron Processing Complex in the Pskov Middle City 123

Notes

Matveev Y.P. Anthropomorphic Picture on a Timber-grave Culture Vessel 135
Zadneprovsky Y.A., Bushkov V.I. Early Iron Age Objects in the Eilatansky District of the Fergana Region 136
Abramzon M.G., Gorlov Y.V. Two "sinda" diobols found in Phanagoria 141
Gulayev V.I., Savchenko E.I. An Antler Comb Dating to the Scythian Age Found in the Middle Don Region 145
Krasovsky I.S. On the Plan of the Dessyatina Church in Kiev 149
Lagutin A.B. A Burial of a Medieval Nomad Found near the village Pribrezhnoye in the North-West Crimea 156
Veksler A.G., Koval V.Y. A Byzantine Amphora with Dipinto from the Excavation Area of the Manezh Square in Moscow 163

Panova T.D. On Some Ceramics Finds in the Occupation Layer of the Moscow Kremlin 167
Artemyev A.P. A 1696 Tomb Stone from the town of Nerchinsk 170

History of Science

Alekseev L.V. Arhaeology in Belorussia in the 1950s–1990s (Medieval Period) 176
Formozov A.A. Russian Archaeologists and Political Repression of the 1920s–1940s 191

Critique and Bibliography

Koltsov L.V. Tver Archaeological Collected Works. Issue 1. Tver, 1994; Issue 2. Tver, 1996 207
Smirnov K.A. *Agafonova N.N., Belavin A.M., Krylasova N.B.* Perm Land History Pages. Learning Aid. Perm, 1996 211
Koshelenko G.A. *Bopearachchi O., Aman ur Rachman.* Pre-Kushana Coins in Pakistan. Karachi, 1995 214
Sedov V.V. *Adolfas Tautavičius.* Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V-IXa.). Vilnius, 1996..... 220
Khrushkova L.G. Correspondance de Giovanni Battista de Rossi et de Louis Duchesne (1873–1894). Établie et annotée par Patrick Saint-Roch. Collection de l'École Française de Rome, 205. Roma, 1995 223
Zaitzeva S.E. *Ganetzkaya I.V.* Majolica in Belorussia, 11–18 centuries AD. Minsk, 1995..... 228

Chronicle

Zabela G. Archaeology in Lithuania in 1991–1996: Achievements and Problems 237
Stashenkov D.A. International Archaeological Conference "Culture of the Eurasian Steppes in the Second Half of the First Millennium AD" (Samara, 1995) 244
Kradin N.N. Bokhai Symposium in the Primorye Region (Vladivostok, 1996) 247
Tataurov S.F., Tikhonov S.S. IV All-Russian Seminar "Integration of Archaeological and Ethnographic Research" (Novosibirsk, 1996) 249
Islanova I.V., Koltsov L.V. The Fourth Seminar "The Tver Land and Adjacent Territories in the Ancient Times" (Tver, 1997) 252
Markovin V.I., Tsetlin Y.B. To Commemorate Yury Nikolaevich Zakharuk (1914–1997) 254

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ РАУФА МАГОМЕДОВИЧА МУНЧАЕВА

Рауф Магомедович Мунчаев встречает свое семидесятилетие на капитанском мостике корабля Российской археологии. Встречает как ученый с мировым именем, крупнейший авторитет по археологии и древнейшей истории его родного Кавказа, организатор и бессменный руководитель первых в отечественной науке, длящихся вот уже более четверти века и получивших широкое международное признание исследований в Месопотамии – этой подлинной колыбели человеческой цивилизации. Встречает как автор многих книг и сотен исследовательских статей, изданных, помимо России, в самых различных странах нескольких континентов – Англии, Германии, Франции, Италии, Испании, США, Ираке, Сирии, Японии. Встречает как ветеран нашего Института, где он прошел полувековой путь – от аспиранта до директора Института, с которым он сроднился, где из года в год нарастала и разворачивалась не только научная, но и глубоко плодотворная организационно-административная его деятельность. И, главное, встречает в расцвете сил, полный творческих замыслов, не только сохранившим, но и продолжающим наращивать свою трудоспособность, упорство в преодолении трудностей, поразительную научную организованность, умение увидеть главное в каждом начинании и довести его до конца.

Настоящая статья не претендует на полное освещение творческого, а тем более жизненного пути юбиляра и даже на краткую характеристику всех сторон предельно многогранной его деятельности. Ее венчает и само положение руководителя основного археологического учреждения страны и огромный список печатных трудов по самым актуальным и широким проблемам нашей науки и блестящие полевые исследования в самых горячих точках археологии и почетные звания Заслуженного

© Н.Я. Мерперт, 1998 г.

деятеля науки Российской Федерации и Заслуженного деятеля науки Республики Дагестан. Но основные этапы становления Рауфа Магомедовича как ученого, как организатора науки, как представителя российской археологии на международной арене проходили у меня на глазах. Нас связывают не только более 45 лет совместного служения нашему Институту, но и теснейшее сотрудничество при разработке общих проблем, при проведении десятков ответственнейших экспедиций как внутри страны, так и далеко за ее пределами, где, руководя работами, Р.М. Мунчаев для отечественной науки оказывался первопроходцем, при участии также в десятках международных конференций, симпозиумов и совещаний. Связывает жизнь в одной палатке, когда делились всем – и планами, и надеждами, и воспоминаниями, и оценками. А если суммировать все наши экспедиции, то жизнь эта будет исчисляться многими годами. Все это и позволило мне считать себя в праве на этот краткий очерк, посвященный лишь отдельным, наиболее значительным по представлениям автора, вехам в научной деятельности юбиляра.

В далеком уже 1949 г. в Институт (находился он тогда на Пятницкой улице) пришел стройный юноша-дагестанец с иссиня-черными волосами (особенно запомнились густые его брови). В Москве он был впервые: блестяще закончив в Махачкале Дагестанский педагогический институт, он был зачислен в аспирантуру Дагестанского филиала Академии наук СССР и для прохождения ее послан в центральное археологическое учреждение страны. Был ему 21 год, но за спиной его были уже достаточно суровая жизненная школа и годы трудовой деятельности.

Родился Рауф Магомедович в 1928 г. в городе Закаталы Азербайджанской Республики. Город отличался интернациональным составом населения (азербайджанцы, дагестанцы, русские, армяне, греки, евреи, даже немцы) и глубоко укоренившимся интернационализмом, который и стал одним из отличительных качеств молодого человека. Учился Р.М. Мунчаев в русской школе, где отличался как рано пробудившимся интересом к истории, так и отменными успехами в освоении русской классической литературы, в частности поэзии, которую он мог часами цитировать (по сей день с глубокой благодарностью вспоминает он свою учительницу русского языка и литературы Н.Н. Харикову, выпускницу Московской женской гимназии). И это плодотворное увлечение он пронес через все последующие десятилетия.

Очень скоро началась и трудовая деятельность: шли тяжелые военные годы, а в семье было пятеро детей, из которых Рауф Магомедович был старшим. Еще школьником он стал рабочим в совхозе, потом лаборантом на опытной сельскохозяйственной станции. По окончании пединститута был оставлен в нем же лаборантом, а некоторое время работал помощником Председателя Совета Министров Дагестана.

Но вопрос о выборе дальнейшего пути перед ним не стоял: археология избрана была еще в годы учебы, избрана продуманно и определенно. Прежде всего – археология Кавказа, а внутри нее – древнейшие периоды: энеолит и бронзовый век. По этой специальности Р.М. Мунчаев и был принят в аспирантуру нашего Института, которую проходил под руководством Е.И. Крупнова. Совершенно закономерно, что на Кавказе же, в Дагестане, начал он и полевую свою деятельность в составе экспедиции К.Ф. Смирнова в 1950 г.

Но с самого начала аспирант Мунчаев стремился к максимальному углублению и тематическому расширению профессиональной подготовки. Вместе со студентами он два года занимается на кафедре археологии Исторического факультета МГУ, где слушает лекции таких выдающихся ученых, как С.В. Киселев и Б.Н. Граков, принимает активное участие в работе Сектора неолита и бронзового века Института, ходит на заседания и других секторов. И кандидатских экзаменов по специальности сдавал он пять, а не один, как практикуется ныне, причем все по резко различным темам – вплоть до Хазарского Каганата. А во вторую экспедицию – в 1951 г. – он едет на Волгу, где копает курганы и поселения срубной культуры (там и началось наше с ним экспедиционное сотрудничество). Работы эти были весьма результативными и очень

напряженными: в зоне затопления будущего Куйбышевского моря надо было спасать максимальное число памятников, контактировать со строителями ГЭС и местными властями, которым было не до нас – затапливались не только памятники, но и многочисленные села, требующие переселения. Надо было в этих динамичных (мягко говоря) условиях находить рабочих, расселять и кормить большие группы студентов, преодолевать значительные расстояния в заволжских степях (Мунчаев вынужден был на месте научиться водить экспедиционную полуторку), создавать переправы и даже строить мосты. И там прекрасно проявились энергия, постоянная выдержка и организаторские способности Рауфа Магомедовича. Помимо упомянутого, еще два полевых сезона проработал он в Куйбышевской экспедиции, совмещая ее с Кавказскими, ставшими для него, естественно, основными.

С поразительной оперативностью обработав материалы последних, как и многочисленные музейные коллекции и огромную соответствующую литературу, Р.М. Мунчаев уже в 1953 г., т.е. в установленный срок, завершил диссертационное исследование "Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III–II тыс. до н.э.)". Защита его собрала значительную аудиторию, прошла весьма темпераментно и завершилась единогласным присуждением соискателю ученой степени кандидата исторических наук. Хорошо помню, как первый оппонент (вторым был автор этих строк) Б.Б. Пиотровский назвал работу новаторской и подчеркнул, что именно Дагестан являлся подлинной лакуной в исследовании первобытной археологии Кавказа и что работа Р.М. Мунчаева кладет начало успешному заполнению этой лакуны. И действительно, Кавказ, с одной стороны, являлся традиционным направлением отечественной археологии, что определялось серией замечательных открытий, начиная с памятников майкопской и куро-аракской культур. Но, с другой стороны, этот важнейший регион евразийского пограничья был археологически исследован крайне неравномерно. Это касалось и территориального охвата полевых работ, и качественного уровня их документации (т.е. состояния источникового фонда в целом), и разработки коренных вопросов древнейшей его истории. К последним должны быть отнесены определение основных этапов культурного развития и характерных для них конкретных культурных общностей, соотношение между ними, их внутренние периодизации и хронология, специфика в различных регионах и общая роль в древней истории как самого Кавказа, так и обширных смежных областей. Уже в кандидатской диссертации Р.М. Мунчаев дал обоснованное определение энеолита и бронзового века Дагестана, хотя оба эти понятия, как и отнесение к ним конкретных культур, оставались в те годы весьма дискуссионными для Кавказа в целом. Тогда же им были предложены и опыты периодизации и хронологии обоих этих периодов Северо-Восточного Кавказа, получившие в дальнейшем значительное развитие и ставшие известным эталоном для соответствующих разработок в ряде других кавказских областей. Поэтому приведенное определение Б.Б. Пиотровским кандидатской диссертации Р.М. Мунчаева как новаторской было совершенно оправданным.

После защиты юбиляр на короткий срок покинул наш Институт и полтора года работал в Дагестанском филиале Академии наук, где успел провести успешную экспедицию в горный Дагестан, позволившую открыть и с большой оперативностью ввести в научный оборот группу памятников III–II тыс. до н.э. и более раннего времени (начиная с каменного века). Особенно важно, что открытия эти сделаны именно в горных районах, т.е на территории, где проживает большинство народностей многоязычного Дагестана и которая, вместе с тем, оставалась подлинным белым пятном на археологической карте Кавказа. Среди вновь открытых экспедицией памятников оказалось, в частности, и получившее впоследствии широкую известность Чохское поселение, материалы которого имеют принципиальное значение для разработки ключевой проблемы появления не только на Кавказе, но и на территории нашей страны в целом как древнейшего земледелия, так и древнейшего животноводства. Новые материалы позволили Рауфу Магомедовичу приступить к определению локальных особенностей развития местных культур и рассмотреть ряд

прочих достаточно важных проблем, включая проблему самого заселения горного Дагестана. Последней проблеме была посвящена специальная статья. В других работах этого раннего периода Р.М. Мунчаев осветил общее состояние археологического изучения республики в целом и наметил дальнейшие их перспективы, которые и реализовались в последующие годы при активнейшем его участии.

В 1955 г. юбиляр возвратился в наш Институт, чтобы более уже его не покидать. Став заместителем начальника Северо-Кавказской экспедиции – своего учителя Е.И. Крупнова, он сразу же продолжил исследования древнейших культур Кавказа, непрестанно расширяя географические, хронологические, проблемные рамки этих исследований. Особо следует отметить весьма своевременную и интересную разработку им общей проблемы кавказского энеолита и соотношения его с ранним бронзовым веком. Исследования материалов Каякентского, а далее замечательного Лугового поселений, остатки которого за три раскопочных сезонов были вскрыты полностью, позволили убедительно доказать генетическую преемственность в развитии местной культуры обоих названных периодов и выявить конкретные формы связи ее с синхронными культурами как Северного, так и Южного Кавказа. Впервые был поставлен вопрос о сочетании в едином слое Лугового поселения элементов кура-араксской и майкопской культур, о взаимодействии между последними. Одновременно экспедиция проводила широкие разведки в абсолютно не исследованных ранее полупустынных районах Северо-Западного Прикаспия. В их ходе был открыт ряд памятников различных периодов, в том числе бронзового века, особенно важных для разработки проблемы связей Кавказа с восточноевропейской степной полосой. Достаточно результативные исследования проводились и на территории последней: курганы бронзового века раскапывались в Ачикулаке Ставропольского края. Полученные там и в других регионах Северо-Западного Прикаспия материалы подтвердили, в частности, сделанный Р.М. Мунчаевым еще в кандидатской диссертации вывод о проникновении во II тыс. до н.э. степных племен – носителей катакомбной культуры – вглубь Кавказа, вплоть до Дербента.

В середине пятидесятых годов была восстановлена автономия Чечено-Ингушетии, что в значительной мере повлияло на дальнейшую направленность работ Северо-Кавказской экспедиции. Верный свойственной ему высокой гражданской позиции, Е.И. Крупнов принял решение перебазировать ее исследования на территорию собственно Чечни как наименее исследованной в то время области Северного Кавказа. Здесь потребовались прежде всего широкие разведки, осуществление которых было возложено на специальный отряд и персонально на возглавившего отряд Р.М. Мунчаева. За несколько последовательных сезонов обследования охватили всю Чечню, ликвидировав белое пятно на археологической карте Кавказа. Было открыто значительное число замечательных памятников самых различных периодов, ставших впоследствии объектами широкомасштабных и чрезвычайно результативных раскопок. Многие из них получили широкую известность и вошли в основной фонд северокавказской первобытной археологии.

Таковы I и II Сержень-Юртовские поселения и могильник, раскопок которых были начаты Р.М. Мунчаевым, определившим огромное значение этих памятников для исследований ярчайшего феномена раннего железного века Северного Кавказа – кобанской культуры. Это было полностью подтверждено дальнейшими раскопками Е.И. Крупнова, Н.А. Мерперта и особенно В.И. Козенковой. И именно Р.М. Мунчаев в первый же сезон работ на этих памятниках сумел выделить под кобанским слоем начала I тыс. до н.э. значительно более ранний слой, датируемый первой половиной III тыс. до н.э. Он содержал весьма своеобразный комплекс керамических материалов, включавший и определенные майкопские элементы. Тем самым информативность Сержень-Юрта была значительно повышена.

Более десяти лет велись широкие раскопки в районе с. Бамут, где Р.М. Мунчаевым полностью исследованы два больших курганных могильника – позднесредневековый и, что особенно важно, бронзового века. Последний наряд с прочими содержал заме-

чательные комплексы той же майкопской культуры. Вместе с находками в нижнем слое Сержень-Юрта они позволили убедительно обосновать впервые сформулированный юбиляром тезис о распространении этой культуры на территории Чечено-Ингушетии и ее активном взаимодействии с куро-аракской культурой. Все это положило начало принципиальным изменениям в оценке масштаба и роли майкопского феномена в древнейшей истории как самого Кавказа, так и значительных смежных регионов евразийского пограничья.

Наряду с активными полевыми исследованиями, лишь часть которых была упомянута выше, Р.М. Мунчаевым велась не менее плодотворная аналитическая работа. Материалы раскопок и сделанные на их основе научные обобщения с завидной оперативностью вводились в научный оборот. Регулярно публиковались большие статьи с исчерпывающей характеристикой и интерпретацией данных ключевых памятников, таких, как Карабудахкентский могильник раннего бронзового века (фактически изданный монографически), курганы у с. Манас в Дагестане, уже названные Луговое поселение, Бамутские курганы, Серженьюртовский комплекс памятников и др. Большинство этих публикаций увидело свет в изданиях нашего Института – МИА, "Советской археологии", "Кратких сообщениях", и ряде специальных сборников. Основные интересы юбиляра уже явно сосредоточились на проблемах энеолита и раннего бронзового века Кавказа. И уже в 1960 г. заведующий Сектором неолита и бронзового века Института С.В. Киселев имел все основания писать: "Р.М. Мунчаев является вполне самостоятельным и весьма плодотворно работающим исследователем археологических проблем Кавказа... Сосредоточив свое внимание на проблеме энеолита ... Р.М. Мунчаев открыл тесные и определяющие связи между племенами Северо-Восточного Кавказа... и Закавказья энеолитического времени". Этот важнейший тезис, справедливо подчеркнутый нашим выдающимся ученым, уже в следующем 1961 г. получил исчерпывающую разработку и прочную систему доказательств в обобщающей монографии Рауфа Магомедовича "Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа" (МИА, N 100). Положив в основу ее материалы собственных раскопок у с. Луговое, автор в качестве сравнительного материала привлек далее данные энеолитических памятников фактически всего Кавказа, как Северного, так и Южного. Аналитическое их рассмотрение позволило обосновать весьма исторически значимый вывод о поразительном единстве культуры III тыс. до н.э. на обширных пространствах Кавказского региона и высказать предположение об определенной роли этой общности как подосновы кавказского этнического субстрата.

Монография весомо подтвердила справедливость отмеченной выше оценки С.В. Киселева. Добавлю к этому, что уже в ней в ходе разработки проблемы отмеченных связей были заметно уточнены общие представления о кавказском энеолите и принадлежности к нему конкретных культур, о соотношении его с ранним бронзовым веком и, главное, о месте названного феномена среди культурных явлений Ближневосточного очага человеческих цивилизаций, важнейшим форпостом которого на евразийском пограничье может по праву считаться Кавказ. В этом плане Р.М. Мунчаев явился достойным продолжателем исследовательских направлений, заложенных такими крупными представителями отечественного кавказоведения, как Б.А. Куфтин и А.А. Иессен. Именно эти ученые положили начало рассмотрению древнейших культурных феноменов Кавказа в общей системе развития основных регионов Ближнего и Среднего Востока (Месопотамии, Ирана, Восточного Средиземноморья, Анатолии) и Юго-Восточной Европы (Балкано-Эгейского региона). Р.М. Мунчаев продолжил и развил эти направления.

И если в отмеченной монографии основное внимание исследователя было все же сосредоточено территориально на Северо-Восточном Кавказе, а хронологически на IV–III тыс. до н.э., то дальнейшая последовательная и целенаправленная разработка кавказской тематики юбиляром привела к ее значительному расширению – и территориальному, и хронологическому, и проблемному. Полевые работы приводили к все новым открытиям, анализ материалов как из собственных раскопок, так и из

многочисленных музейных коллекций, библиотек, архивов десятков городов обусловил и новый охват, и новые направления исследования. Здесь достаточно назвать лишь некоторые избранные работы Рауфа Магомедовича в 1960-е годы. Продолжавшиеся масштабные раскопки Бамутского могильника в Чечено-Ингушетии, обработка и интерпретация находок из Усть-Джегутинского могильника Карачаево-Черкесии, анализ материалов многих прочих памятников раннего бронзового века различных областей Северного Кавказа обусловили особый интерес исследователя к этой эпохе, особенно к ярчайшему ее проявлению – майкопской культуре. Им публикуется ряд соответствующих работ, таких, как "Бамутские курганы эпохи бронзы" (1964) "Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике" (1966), "Население Чечено-Ингушетии при первобытно-общинном строе" (1967), "О древнейшей металлургии Кавказа" (1968) и многие другие. Вместе с тем обзорные статьи посвящаются и другим культурным феноменам и областям региона, включая и Южный Кавказ. Теперь уже поставлена задача создания исследования, территориально охватывающего весь Кавказ, а хронологически – не только его энеолит, но и предшествовавший ему и ранее почти совсем не освещенный в научной литературе неолит и последовавший за энеолитом ярчайший ранний бронзовый век. Речь шла, таким образом, о реконструкции исторического процесса, протекавшего в обширном и многообразном регионе на протяжении более трех тысячелетий, фактически о создании древнейшей истории Кавказа. И уже к 1971 г. эта далеко не легкая задача была выполнена в полной мере и на неизменном для автора высоком научном уровне.

Обширное исследование "Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы" было представлено Р.М. Мунчаевым в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, которая и была блестяще защищена в том же году в Тбилисском университете. Защита вызвала значительный резонанс среди археологической общественности. Приведу в этой связи отрывок из одного из многих неофициальных отзывов на работу, принадлежащий перу такого крупного (и скупого на похвалы) русского археолога, как А.В. Арциховский: "Представленная известным советским археологом-кавказоведом Р.М. Мунчаевым докторская диссертация является первым в исторической литературе широким обобщающим исследованием, посвященным древнейшей истории Кавказа. Территориально охвачен весь Кавказ, что принципиально отличает работу от имевшихся до сих пор локальных исследований, ограничивавшихся отдельными районами этой важнейшей области. Хронологический охват очень значителен: рассмотрен огромный период, длившийся три тысячелетия и ознаменованный значительными историческими сдвигами, сыгравшими огромную роль в судьбах населения как самого Кавказа, так и обширных территорий Восточной Европы и Передней Азии. Первый из таких сдвигов – становление производящих форм экономики. Для территории нашей страны Кавказ явился одним из основных очагов этого процесса, что с предельной четкостью показано в рецензируемой работе. Второй сдвиг – появление и развитие металлургии и формирование мощного Кавказского металлургического очага. Роль этого очага в экономике Восточной Европы и Передней Азии в период раннего бронзового века невозможно переоценить. Однако во всех своих исторических проявлениях он впервые представлен лишь в настоящей работе".

В 1975 г. исследование, пополненное новейшими материалами, было опубликовано под названием "Кавказ на заре бронзового века" и с тех пор является настольной книгой всех кавказоведов, да и не только их, но и специалистов по первобытной археологии Восточной Европы и Переднего Востока в целом. Высокие ее достоинства и роль в разработке ключевых вопросов древнейшей истории указанных регионов Старого Света были подчеркнуты целым рядом рецензентов. Приведу некоторые цитаты из этих рецензий.

"Монография не только освещает древнейшую историю Кавказа, но и намечает основные этапы исторического процесса в специфических условиях района. Совместное рассмотрение в одном исследовании материалов Закавказья и Северного

Кавказа позволило автору достаточно полно охарактеризовать историческую ситуацию, сложившуюся в V–III тысячелетиях до н.э." (Массон В.М., 1977). "Насыщенная большим фактическим материалом, опирающаяся на открытия последних лет, книга эта наглядно демонстрирует успехи кавказского направления советской археологии, вводит памятники древнего Кавказа в систему культур Переднего Востока, создает почву для дальнейших плодотворных дискуссий" (Кушнарева К.Х., Джапаридзе О.М., 1978).

Не менее определенные оценки книги содержатся в многочисленных письмах, полученных автором после ее публикации. Известный армянский археолог А.А. Мартиросян подчеркивает беспрецедентную широту охвата материалов, фундированность интерпретаций, объективность представленных в книге оценок. И во всех прочих письмах неизменно подчеркивается, что книга явилась первым подлинно обобщающим трудом, охватившим древности всего кавказского региона на протяжении более трех тысячелетий, определившим их специфику, многообразие, место в процессе культурного развития обширных смежных территорий Восточной Европы и Переднего Востока.

И в дальнейшем развитие кавказской проблематики занимало видное место в научном творчестве Р.М. Мунчаева и было ознаменовано новыми монографическими работами – "Энеолит Кавказа" (1981), "Куро-аракская культура" и "Майкопская культура" (обе 1994), опубликованными в соответствующих томах двадцатитомной серии "Археология". Развитие это продолжается и поныне.

Но начиная с 1969 г. и территория полевых работ, и сама проблематика исследований юбиляра резко возросли. В этой связи следуют вспомнить, что еще в 1962 г. Е.И. Крупнов подчеркивал, что "...разбираемые вопросы Р.М. Мунчаев всегда освещает на широком историческом фоне, умело привлекая соответствующие материалы с территорий... Малой и Передней Азии..." Именно на эти территории и расширилась исследовательская деятельность Рауфа Магомедовича.

В 1969 г. была создана Иракская археологическая экспедиция Института археологии РАН, руководство которой было поручено Р.М. Мунчаеву. Ответственность этого поручения не требует комментариев. Ирак – сердце Месопотамии. С последней же связаны важнейшие переломные моменты в древней истории Старого Света, да и человечества в целом, такие, как переход от присваивающей к производящей экономике, становление основных форм последней – земледелия и скотоводства, появление керамики и металлургии, резкое усложнение социальных структур, возникновение городов, письменности, государственной власти, древнейшей в мире цивилизации. Начала всех этих явлений уходят в междуречье Тигра и Евфрата. Памятники его предельно информативны, но и столь же специфичны и трудны для исследования. И никогда еще археологи нашей страны не участвовали ни в полевых исследованиях в Месопотамии, ни в аналитической обработке ее памятников, ни в интерпретации и историческом осмыслении их материалов. Не было опыта, не было традиции, не было методического "задела". И все это – от определения проблематики до выбора объектов, методических и очень нелегких организационных вопросов – легло на плечи Рауфа Магомедовича.

Для исследований был избран чрезвычайно насыщенный памятниками, но крайне слабо исследованный район Ирака – Синджарская долина, простирающаяся на Северо-Западе страны от г. Телль-Афара до сирийской границы. Вся она покрыта густой сетью теллей со слоями от позднеассирийского царства (первая половина I тыс. до н.э.) до первых раннеземледельческих культур, знаменовавших начало самого заселения долины на рубеже VII и VI тыс. до н.э. Работы экспедиции были подчинены разработке двух избранных ее руководством проблем: происхождение и развитие производящего хозяйства и сложение древнейшей цивилизации Месопотамии. Обе проблемы имеют первостепенное значение для общих представлений о древнейшей истории человечества в целом. Предстояли многолетние, предельно напряженные и – повторяю – столь же ответственные полевые исследования. И первым, полностью

оправдавшим себе мероприятием Р.М. Мунчаева был хорошо продуманный подбор состава экспедиций, который соответствовал бы трудности и новизне (для отечественных специалистов) поставленных задач и обеспечивал бы успешное их исполнение. Четырнадцать полевых сезонов (в большинстве своем трехмесячных) провела экспедиция в Ираке. И основной, руководимый Рауфом Магомедовичем, состав ее – Н.О. Бадер, В.А. Башилов, О.Г. Большаков, В.И. Гуляев, И.Г. Нариманов и автор этих строк – проработал весь этот немалый срок, с каждым сезоном совершенствуясь, познавая сложнейшую специфику месопотамской полевой археологии, осваивая известные и вырабатывая новые методические ее приемы, все более решительно включаясь в теоретическую разработку указанных выше важнейших проблем. Отсутствовавший ранее опыт был накоплен. Отсутствовавшая традиция российских полевых исследований Месопотамии создана. И заслуга в этом юбиляра совершенно очевидна. Все годы он корректировал выработку основных направлений исследований экспедиции, непосредственно, не брезгуя самой черновой работой, участвовал в их осуществлении, в обобщении и интерпретации их результатов, в их публикации и представлении международной научной общественности, наконец, фактически единолично нес бремя организационного, административного и, я бы сказал, "дипломатического" обеспечения экспедиции.

Здесь не место рассматривать ход исследований экспедиции, но я попытаюсь суммировать общие ее результаты. Открыты и подвергнуты широкомасштабным раскопкам памятники не менее четырех тысячелетий в районе, подвергавшемся ранее лишь единичным разведкам. Среди них – первое в Северо-Западном Ираке уникальное поселение докерамического неолита (PPNB) Телль Магзалия (конец VIII–VII тыс. до н.э.). Открыта неизвестная ранее древнейшая раннеземледельческая культура месопотамской долины, знаменующая начало керамического неолита и получившая наименование Телль-Сотто по первому вскрытому экспедицией ее памятнику (конец VII – начало VI тыс. до н.э.). Тем самым заполнена лакуна между докерамическим неолитом и неолитической хассунской культурой и выяснены корни последней. Сама хассунская культура представлена в исследованиях экспедиции поселением Ярым Тепе I (VI тыс. до н.э.), которое по масштабу раскопок, мощности и стратификации культурного слоя, общей информативности материала может по праву считаться наиболее значительным хассунским памятником. Его шестиметровый слой, включающий серию последовательных строительных уровней, отражает весь период развития культуры от ее истоков до финала. То же следует сказать о знаменитой раннеэнеолитической халафской культуре (конец VI – третья четверть V тыс. до н.э.): ей принадлежат восьмиметровые слои поселений Ярым Тепе II и Ярым Тепе III, впервые отразившие все ступени развития культуры вплоть до смены ее прашумерийской убейдской культурой. Последняя также была представлена в исследованиях экспедиции четырехметровым верхним слоем Ярым-Тепе III, яркие материалы которого документировали не только ряд ступеней ее развития, но и самый переход от халафа к убейду.

Раскопки такого масштаба, охватившие памятники пяти последовательных ступеней развития древнейшей Месопотамии, беспрецедентны. При этом еще раз подчеркну, что Телль Магзалия явилась первым памятником докерамического неолита Северо-Западного Ирака, Телль Сотто знаменовал открытие новой культуры, а Ярым Тепе I, II и III являются наиболее информативными объектами хассунской и халафской культур, эталонными для изучения последних.

Работы экспедиции привлекли к себе пристальное внимание широкой археологической общественности и прежде всего исследователей Ближневосточного культурного очага. Уже в 1970 г. экспедицию посетил крупнейший английский исследователь Месопотамии Сетон Ллойд. Ознакомившись с первыми результатами ее работ, он отразил их в своей известной книге "Археология Месопотамии", подчеркнув чрезвычайно высокий методический уровень раскопок (Ллойд С., 1984, с. 78). Второй ветеран месопотамской археологии проф. М. Маллован в своих мемуарах особо останав-

ливается на беседе с Р.М. Мунчаевым в Лондоне в 1982 г., посвященной прежде всего исследованиям нашей экспедиции. Неоднократно раскопки ее посещали британская (рук. Д. Отс, Д. Киркбрайт, Н. Постгэйт), германская (рук. Р. Бёмер), японская (рук. Х. Фудзи) и др. экспедиции. В 1974 г. в Кембриджском университете в Великобритании был организован англо-российский семинар по проблемам древнейшей Месопотамии. С 1979 по 1989 г. работал Российско-Американский симпозиум, распространивший проблематику уже на весь Древний Восток. Одним из основных инициаторов этих плодотворных мероприятий был Рауф Магомедович. То же относится и к многочисленным публикациям материалов экспедиции, подготовленным с большой оперативностью и изданным помимо России в Англии, Германии, Ираке и т.д. Их более 60 (см. список печатных трудов Р.М. Мунчаева), и юбиляр являлся автором или соавтором всех этих работ, в том числе большой монографии "Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии" (1981). А в 1993 г. университетом штата Аризона (США) был издан обширный труд (Early stages..., 1993), обобщивший результаты четырнадцатилетней иракской эпопеи и созданный Р.М. Мунчаевым совместно с Н.О. Бадером и автором этих строк. Высоко оценив его, видный английский археолог-востоковед Джоан Отс отметила: "Британская археология играла лидирующую роль в исследовании севера (Месопотамии. – *Н.М.*), но она перешла к Советской экспедиции, исследования которой существенно изменили представления о неолите Месопотамии" (Oates J., 1994, p. 882).

Таким образом, разработка проблемы происхождения и развития производящего хозяйства в Северной Месопотамии была предельно результативной. Продолжалась она и далее, но уже параллельно с разработкой проблемы сложения древнейшей цивилизации указанного региона. И основывалась эта работа уже на материалах полевых исследований в Северо-Восточной Сирии, к которым возглавляемая Р.М. Мунчаевым экспедиция приступила в 1988 г. С тех пор минули десять полевых сезонов. Исследования велись в левобережье Хабура, на территории, являющейся прямым продолжением Синджарской долины. Раскопкам подверглись два памятника. Первый – Телль Хазна I, основной, большой храмовый комплекс конца IV – первой половины III тыс. до н.э. Стоял он изолированно, вне поселения и, очевидно, являлся культово-административным центром целой округи. Его уникально сохранившиеся сооружения располагались на последовательно возвышавшихся ступенчатых террасах. Ранее столь сложные храмовые комплексы такой глубокой древности были известны лишь в Южной и Средней Месопотамии. Сирия же считалась областью, резко запаздывавшей в своем развитии и светящей отраженным светом культурных достижений указанных регионов. Последние исследования, включая и раскопки Телль Хазны I, заставляют в корне пересмотреть подобные представления и включить Сирию в число передовых центров развивающейся древневосточной цивилизации.

И не только передовых, но и древнейших. Второй объект, исследуемый экспедицией Р.М. Мунчаева, – многослойное поселение Телль Хазна II достаточно ярко это продемонстрировал: нижний трехметровый слой его принадлежал упоминавшейся уже культуре Телль Сотто – древнейшей раннеземледельческой культуре долинного типа Месопотамии...

И вновь предельно напряженная работа, совершенствование методики, выработка новых, аналитические исследования огромных материалов, оперативное и обстоятельное введение их в научный оборот (см. список печатных трудов Р.М. Мунчаева).

Исследования по всем отмеченным направлениям продолжаются по нарастающей...

Естественно, основное внимание уделено в этой статье почти полувековой исследовательской деятельности Рауфа Магомедовича. Но с самого начала юбиляр умел сочетать ее с активной, результативной и достойной глубокого уважения организационной, административной и общественной деятельностью. Трудно перечислить все должности, все соответствующие функции, исполнявшиеся им с начала 1950-х годов и в нашем Институте, и в общей системе отечественной археологии. Достаточно отметить его вот уже тридцатилетнюю работу в дирекции института, из них 23 года – на

посту заместителя директора, от которого требовалось особое искусство лоцмана, дабы провести Институт через все рифы, возникшие в наши нелегкие годы. И нет необходимости говорить о том, насколько успешно справлялся Р.М. Мунчаев со своими ответственнейшими обязанностями, отстаивая интересы коллектива Института, способствуя не только нормальному его функционированию в отнюдь не нормальных условиях, но и развитию, неуклонному повышению результативности его работы, укреплению международного престижа российской археологии в целом.

Можно удивляться способности юбиляра справляться с бесчисленными своими нагрузками. С момента его появления в институте они нарастали год от года. Одних редакционных коллегий было восемь ("Советская археология", "Советская этнография", "Общественные науки за рубежом", "Краткие сообщения ИА", "Археология СССР" и др.); три редакционных совета ("Российская археология", "Вестник Древней истории", "World Archaeology" (Англия); три ученых совета, Высшая аттестационная комиссия и др.

Всей своей деятельностью Р.М. Мунчаев заслужил широкое признание международной археологической общественности и по праву является ныне одним из наиболее известных в мире российских археологов. Он избран членом-корреспондентом Центрального Германского института всеобщей и сравнительной археологии и Итальянского института Африки и Востока. С 1985 по 1995 гг. он являлся членом Исполкома и Постоянного совета Международного союза до- и протоисторических наук. Почетным членом последнего он остается и по сей день.

И главное, Рауф Магомедович нигде не "числился": он везде работал, везде оставлял частицу своих сил, энергии, организованности, многогранных способностей, целеустремленности. Ныне ему 70. А все эти достоинства не только не иссякают, но непрестанно возрастают. Пусть же будет так еще многие десятилетия!

Институт археологии РАН
Москва

Н.Я. Мерперт

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кушнарева К.Х., Джапаридзе О.М., 1978. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975 // СА. № 1.

Ллойд С., 1984. Археология Месопотамии. М.

Массон В.М., 1977. Р.М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века. // ВИ. № 8.

Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization. Soviet Excavation in Northern Iraq. Edited by N. Yoffe and J.J. Clark. Arisona.

Oates J., 1994. An extraordinarily ungrateful conceit: a western publication of important Soviet field-studies // Antiquity. V. 68. N 261.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Р.М. МУНЧАЕВА*

1. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 2–14.
2. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана. Махачкала, 1954. 29 с.
3. К вопросу о времени заселения Нагорного Дагестана // Дагестанская правда. 1954. 16 октября.
4. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита // СА. 1955. Вып. XXII. С. 6–20.
5. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганы у ст. Манас) // СА. 1956. Вып. XXVI. С. 167–203 (в соавт. с К.Ф. Смирновым).
6. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакска (ДА ССР) // КСИИМК. 1957. Вып. 67. С. 78–82 (в соавт. с В.И. Марковиным).
7. Конференция по древней и средневековой истории Кавказа // СА. 1957. № 1. С. 297–300.

* В список не вошло более 50 статей и заметок, опубликованных в различных энциклопедиях.

8. Археологические памятники у с. Карабудахкент (ДАССР) // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М., 1958. С. 147–175 (в соавт. с К.Ф. Смирновым).
9. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 41–52.
10. Рецензия: Т.А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957 // СА. 1958. № 4. С. 236–239.
11. Ученые ОАР в Советском Союзе // Вестн. АН СССР. 1958. № 9.
12. Итоги Кавказской археологической конференции // КСИИМК. 1959. Вып. 73. С. 3–13.
13. Рецензия: Е.И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957 // СА. 1959. С. 266–270 (в соавт. с В.И. Марковиным).
14. К истории археологического изучения Дагестана // Сборник по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 9–20.
15. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа. Тез. докл. науч. сессии Ин-та ИЯЛ Дагестана, филиала АН СССР по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 9–11.
16. Сессия Отделения исторических наук и Пленум ИИМК АН СССР 1959 г. // СА. 1959. № 3. С. 272–276 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым).
17. Научная сессия по археологии Дагестана // СА. 1959. № 4. С. 334–337.
18. Институт археологии в 1958 г. // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 121–125.
19. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100. 167 с.: 12 табл.
20. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. 1961. Вып. 84. С. 19–29 (в соавт. с В.И. Марковиным).
21. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 г.) // КСИА. 1961. Вып. 84. С. 56–62.
22. Археологические исследования в Ассинском ущелье в 1956 г. // Известия Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея. Вып. X. Грозный, 1961. С. 73–94.
23. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961. С. 57–66.
24. Некоторые данные о средневековых памятниках Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961. С. 271–286 (в соавт. с В.Г. Котовичем, Н.Д. Путинцевой).
25. Итоги полевых работ археологов и этнографов // Вестн. АН СССР. 1962. № 6. С. 115–118 (в соавт. с В.А. Александровым).
26. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3. С. 176–198.
27. С.В. Киселев // ВИ. 1962. № 12. С. 204.
28. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 139–211.
29. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 217–242.
30. Рецензия: Т.А. Бунятов. Очерки азербайджанской археологии. Баку. 1960 // СА. 1963. № 3. С. 253–256.
31. Рецензия: Выдающийся труд по древней истории Северного Кавказа. Е.И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1961 // СА. 1963. № 4. С. 271–278.
32. К 60-летию Е.И. Крупнова // СА. 1964. № 1. С. 3–7.
33. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964. № 1. С. 158–164 (в соавт. с В.И. Марковиным).
34. Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 90–99.
35. Древнейший металлический котел // Неделя. 1964. № 10. С. 8.
36. Золотые лица // Неделя. 1964. № 12. С. 7.
37. Н.Б. Шейхов // СА. 1964. № 3. С. 342.
38. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 40–49 (в соавт. с В.И. Марковиным).
39. Каякентско-хорочоевская культура // СИЭ. 1965. Т. 7. С. 143, 144.
40. Кувшинные погребения // СИЭ. 1965. Т. 8. С. 251, 252.
41. Куро-аракский энеолит // СИЭ. 1965. Т. 8. С. 316, 317.
42. Новые сарматские памятники в Чечено-Ингушетии // СА. 1965. № 2. С. 174–184.
43. Начало эпохи металла (энеолит) и бронзовый век // Очерки истории Чечено-Ингушетии. Проспект. Грозный, 1965. С. 6–8.
44. Северный Кавказ в свете новейших археологических исследований (по материалам СКАЭ за 1958–1964 гг.) // Матер. сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 10–13.

45. О древнейшем гончарном круге на Северном Кавказе // Матер. сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 60, 61 (в соавт. с А.А. Бобринским).
46. Рецензия: Д.М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963 // СА. 1965. № 4. С. 268–271.
47. Сессия ОИ АН СССР и Отделения общественных наук АН АзССР // СА. 1965. № 4. С. 292–297 (в соавт. с И.Г. Наримановым).
48. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 92–96.
49. Лчашен // СИЭ. 1965. Т. 8. С. 823, 824.
50. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 74–80 (в соавт. с В.И. Сарианиди).
51. А.А. Иессен // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 3–5 (в соавт. с Е.И. Крупновым).
52. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 14–22 (в соавт. с А.А. Бобринским).
53. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 9–28.
54. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. 1966. № 3. С. 133–151 (в соавт. с А.Л. Нечитайло).
55. Археологическая экспедиция в Афганистане // Вестн. АН СССР. 1966. № 7. С. 64–68. (в соавт. с Г.А. Кошеленко).
56. Кызыл-Ванк // СИЭ. 1966. Т. 8. С. 347, 348.
57. Мингечаур // СИЭ. 1966. Т. 9. С. 460, 461.
58. Новосвободненский могильник // СИЭ. 1967. Т. 10. С. 289, 290.
59. Одиши // СИЭ. 1967. Т. 10. С. 480.
60. Северокавказская экспедиция // АО–1966. М., 1967. С. 57–64 (в соавт. с Е.И. Крупновым и др.).
61. Глава I. Население Чечено-Ингушетии при первобытно-общинном строе. Раздел 1. Древнейшие времена // Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т. 1. Грозный, 1967. С. 6–16 (в соавт. с В.И. Марковиным).
62. Рецензия: С.А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967 // СА. 1968. № 3. С. 255–262 (в соавт. с А.А. Мартиросяном).
63. О древнейшей металлургии Кавказа // СА. 1968. № 4. С. 16–26 (в соавт. с Ф.М. Махмудовым, И.Г. Наримановым).
64. Северокавказская экспедиция // АО – 1967. М., 1968. С. 65–69 (в соавт. с В.Б. Виноградовым и др.).
65. Раскопки Бамутских курганов в 1965 г. // Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный, 1968. С. 131–152.
66. Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике // КСИА. 1969. Вып. 115. С. 54–57.
67. Советская археологическая экспедиция в Ираке // Вестн. АН СССР. 1969. № 9. С. 96–104.
68. The investigations of the soviet archeological expedition in Iraq // Sumer. 1969. V. XXV. N 1–2. P. 125–132. Pl. I–VII (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
69. Археологические исследования в долине Синджара (Ирак) // АО – 1969. М., 1970. С. 438–440 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
70. Первая советская археологическая экспедиция в Месопотамии // Тез. докл., посвящ. итогам полевых исследований 1969 г. М., 1970. С. 26–29.
71. Дибир Муслимович Атаев // СА. 1970. № 3. С. 296, 297.
72. Советские археологические исследования в Северо-Западном Ираке. // Вестн. АН СССР. 1970. № 10. С. 105–114 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
73. Раскопки в Ираке (на арабском яз.) // Аль Мадар. 1970. № 18. С. 5–8.
74. Евгений Игнатьевич Крупнов // СА. 1971. № 1. С. 311–314.
75. Е.И. Крупнов // ВИ. 1971. № 1.
76. Исследования раннеземледельческих памятников в Северном Ираке // АО – 1970. М., 1971. С. 450–454 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
77. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // СА. 1971. № 3. С. 141–169 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
78. Исследования раннеземледельческих поселений в Северной Месопотамии в 1970 г. // Тез. докл., посвящ. итогам археологических и этнографических исследований. Тбилиси, 1971. С. 95–99.

79. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V–III тыс. до н.э.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1971. С. 3–61.
80. New Studies of Early Agricultural Settlements in the Sinjar Valley // VII Congr. Int. des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques. Moscow. 1971. P. 1–13 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
81. Памяти автора. Предисловие к книге Е.И. Крупнова "Средневековая Ингушетия". М., 1971. С. 5–9.
82. Работы советских археологов в Ираке // Вестн. АН СССР. 1972. № 1. С. 72–78 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
83. Раскопки раннеземледельческих памятников на севере Ирака // АО – 1971. М., 1972. С. 557–560 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
84. Итоги работ Иракской археологической экспедиции АН СССР в 1971 г. // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 1. С. 64–66.
85. Первые земледельцы планеты // Наука и жизнь. 1973. № 1. С. 89–96 (в соавт. с В.И. Гуляевым).
86. Иракская экспедиция // АО – 1972. М., 1973. С. 502–506 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
87. Тетрамица // СИЭ. 1973. Т. 14. С. 204.
88. Excavations at Yarimtepe 1970. Second preliminary report // Sumer. 1971. V. XXVII. N 1–2. Baghdad, 1973. P. 9–22. Pl. I–XV (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
89. The Archeological Research in the Sinjar Valley (1971) // Sumer. 1971. V. XXVII. N 1–2. Baghdad, 1973. P. 23–32. Pl. I–IX (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
90. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 71–77.
91. Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain Northern Iraq // Iraq. 1973. V. XXXV. Part 2. P. 93–113 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
92. Archeological Investigations in Mesopotamia // Social Sciences. 1973. V. 4. N 2. (на англ., франц., испан., и япон. языках).
93. Исследования Иракской экспедиции // АО – 1973. М., 1974. С. 539–544 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
94. Новые работы советских археологов // Наука сегодня. М., 1974. С. 191–198.
95. Первая встреча советских и английских археологов // Вестн. АН СССР. 1975. № 4. С. 105–112.
96. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. 415 с.
97. Раскопки в Месопотамии // АО – 1974. М., 1975. С. 563–565 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
98. Ялойлу-тепиская культура // СИЭ. 1976. Т. 16. С. 879, 880.
99. Ярым-тепе // СИЭ. 1976. Т. 16. С. 990, 991.
100. К XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза // СА. 1976. № 1. С. 5–8.
101. Evidence about ancient farming Settlements in North Mesopotamia obtained by the Soviet Expedition // IX Конгр. до- и протоисторических наук. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1976. С. 58–67 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
102. Советская экспедиция в Месопотамии // АО – 1975. М., 1976. С. 584, 585.
103. У истоков цивилизации // Советский Союз. 1976. № 11 (в соавт. с В.И. Гуляевым).
104. И мир встает столетье за столетьем //-Наука и жизнь. 1976. № 11. С. 33–35. Табл. IV (в соавт. С В.И. Гуляевым).
105. Археологические раскопки в Синджарской долине // Азия и Африка сегодня. 1976. № 12. С. 55–58 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
106. The Investigations of Soviet Expedition in Iraq. 1973 // Sumer. 1976. V. XXXII. N 1–2. P. 25–61 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом, Н.О. Бадером).
107. Раскопки на городище Ай Ханум в 1965–1968 гг. // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 118–124 (в соавт. с Г.А. Кошеленко).
108. Тайны Ярымтепе II (по материалам археологических исследований в Ираке) // Азия и Африка сегодня. 1977. № 1. С. 46, 47 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
109. Древнейшая металлургия Месопотамии // СА. 1977. № 3. С. 154–163 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
110. IX конгресс Международного союза до- и протоисторических наук. Ницца // Вестн. АН СССР. 1977. № 9. С. 110–115 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
111. Исследования Иракской экспедиции 1976 года // АО – 1976. М., 1977. С. 590–592 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
112. Энеолит СССР. Всесоюз. конф. "Новейшие достижения советских археологов". Тез. пленарных докл. М., 1977. С. 10–14 (в соавт. с В.М. Массоном).

113. The Investigations of Soviet Expedition in Iraq. 1974. // Sumer. 1977. V. XXXIII. N 1. P. 65–104 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом, Н. О. Бадером).
114. Исследования в Месопотамии // АО – 1977. М., 1978. С. 577–579 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
115. Soviet investigations in the Sinjar plain, 1975 // Sumer. 1978. V. XXXIV. N 1–2. P. 27–70 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом, Н.О. Бадером).
116. Археологические исследования поселения халафской культуры Ярымтепе II в Синджарской долине на северо-западе Ирака // Археологические и этнографические разыскания в Азербайджане (1975). Баку, 1978. С. 10–14 (в соавт. с В.И. Гуляевым, И.Г. Наримановым).
117. Исследования в Месопотамии // АО – 1978. М., 1979. С. 598–600 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
118. Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии // Вестн. АН СССР. 1979. № 2. С. 107–112 (в соавт. с Н.О. Бадером).
119. Проблемы происхождения производящих форм хозяйства // Вестн. АН СССР. 1979. № 10 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
120. Происхождение земледелия и технологии: Западная или Восточная Азия? // СА. 1979. № 3. С. 320–327 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
121. Предисловие к сб. "Северный Кавказ в древности и средние века". М., 1980. С. 3–6.
122. Исследование поселений Телль Магзалия и Ярымтепе III // АО – 1979. М., 1980. С. 487–489 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
123. Зарубежные связи Института археологии АН СССР // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 36–42.
124. Совещание руководителей Институтов археологии // Общественные науки. 1980. № 2. С. 179–181.
125. Investigations of the Soviet Expedition in Northern Iraq. 1976 // Sumer. 1981. V. XXXVII. N 1–2. P. 22–54 (в соавт. с Н.О. Бадером, Н.Я. Мерпертом).
126. Soviet Expedition's Surveys in the Sinjar Valley // Sumer. 1981. V. XXXVII. N 1–2. P. 55–95 (в соавт. с Н.О. Бадером, Н.Я. Мерпертом).
127. Археологические исследования в Месопотамии // АО – 1980. М., 1981. С. 489, 490 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
128. XXVI съезд КПСС и задачи советской археологии // СА. 1981. № 1. С. 5–7.
129. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // М., 1981. 320 с. (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
130. Первый советско-американский симпозиум археологов // Вестн. АН СССР. 1982. № 6 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
131. Первый советско-индийский семинар по археологии // Вестн. АН СССР. 1982. № 8. С. 81–83.
132. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 28–49 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
133. Советско-американский симпозиум по археологии // СА. 1982. № 3. С. 284–288.
134. Поселение убейдской культуры Ярым-тепе III в Северной Месопотамии (из итогов работ советской экспедиции в Ираке) // СА. 1982. № 4. С. 133–149 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
135. Образование СССР – торжество национальной политики КПСС // СА. 1982. № 4. С. 5–7.
136. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982. С. 93–164, 333–339.
137. Второе открытие Месопотамии // Наука в СССР. 1983. № 1. С. 56–61 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
138. Археологическая поездка по Сирии // СА. 1984. № 1. С. 307–317 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
139. Некоторые проблемы археологии Месопотамии в свете новейших исследований (из итогов работ советской экспедиции в Ираке) // КСИА. 1984. Вып. 180. С. 38–44.
140. Archeological Studies in the Sinjar Valley, 1980 // Sumer. 1984. V. XLIII. N 1–2. P. 32–53 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом, Н.О. Бадером).
141. Soviet Expedition Research at Yarimtepe III Settlement in North-Western Iraq, 1978–1979 // Sumer. 1984. V. XLIII. N 1–2. P. 54–68 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
142. Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Средней Азии. Самарканд, 1983 // СА. 1985. № 3. С. 312–315 (в соавт. с В.И. Гуляевым).
143. Некоторые итоги и перспективы развития советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС // СА. 1986. № 1. С. 5–9.
144. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из курганов эпохи бронзы у села Бамут // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 27–39.

145. Второй сов.-фр. симпоз. по археологии Средней Азии с древнейших времен до эпохи раннего железа // Информ. бюл. Международной ассоциации по изучению Центральной Азии. Вып. 11. М., 1986. С. 51–58.
146. Советско-американское сотрудничество в области археологии // Древние цивилизации Ближнего Востока. Ташкент, 1986 (в соавт. с В.М. Массоном).
147. Новая серия монографий в изданиях французской археологической делегации в Афганистане // Народы Азии и Африки. 1986. № 4 (в соавт. с Г.А. Кошеленко).
148. Искусство Матхуры // 10-я авторско-читательская конф. журнала "Вестник древней истории". М., 1987 (в соавт. с Г.М. Бонгард-Левиным, Г.А. Кошеленко).
149. Искусство Матхуры: некоторые итоги и перспективы изучения // ВДИ. 1987. № 3. С. 18–42 (в соавт. с Г.М. Бонгард-Левиным, Г.А. Кошеленко).
150. The Earliest Levels of Yarimtepe I and Yarimtepe II in Northern Iraq // Iraq. 1987. V. XLIX. P. 1–36. Pl. I–IX (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
151. Матхура: 150 лет археологических исследований // СА. 1988. № 2. С. 5–22 (в соавт. с Г.М. Бонгард-Левиным и Г.А. Кошеленко).
152. Kunst und Kultur in Nordkaukasus. Leipzig, 1988. 176 p. (в соавт. с В.И. Марковиным).
153. Третий советско-американский археологический симпозиум. Вашингтон, 1986 // СА. 1988. № 3. С. 295–299 (в соавт. с В.И. Гуляевым).
154. Племена Северного Кавказа в эпоху неолита и энеолита. Глава II, 1 // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 35–44 (в соавт. с В.В. Бжания и др.).
155. L'etude du Problem des Rapports Culture dand l'Archeoloqie Sovietique (Asie Moyene, Iran, Mesopotamie, Caucase) // L'Asie centrale et ses Rapports avec les civilisations orientales des origins a l'age du fer. Paris, november, 1985. Paris, 1988. P. 23–28.
156. Предисловие к сб. "Древности Ставрополья". М., 1989. С. 3–5.
157. Советские археологи в Сирии // Природа. 1989. № 2. С. 62–64 (в соавт. с Н.О. Бадером, Н.Я. Мерпертом).
158. Работы советской археологической экспедиции в Сирии // ВДИ. 1989. № 1. С. 181–185 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
159. Следы минувших тысячелетий (об археологических исследованиях в Сирии) // Вестн. АН СССР. 1990. № 11. С. 101, 111 (в соавт. с Н.О. Бадером, Н.Я. Мерпертом).
160. Телль Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988–1989 гг.) // СА. 1990. № 3. С. 5–24 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
161. Исследования Сирийской археологической экспедиции АН СССР в 1989 г. // ВДИ. 1990. № 3. С. 113–117 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом, Н.О. Бадером).
162. Tell Hazna // Less Dossiers d'Archeoloqie. Paris, december, 1990. N 155. P. 30, 31 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
163. The Caucasus in the 3rd millennium B.C. // Perspectives in Archeological Research in the USSR. Roma, 1991. P. 41–68.
164. Nordkaukasien in Neolitikum, Chalcolittikum und Fruhbronzezeit // Die Kupferzeit als Historische Epoche. Teil I. Bonn, 1991. P. 47–54.
165. Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф. Тез. докл. и сообщ. Шатой, 1991. С. 4–7.
166. Soviet Investigations in North-East Syria, 1988 // Les Annales Archeologiques Arabes Syrinnes. V. XXXVII–XXXVIII, 1987–1988. Damascus, 1991. P. 190–216 (в соавт. с Н.О. Бадером, Н.Я. Мерпертом).
167. Культуры дописьменной Месопотамии // Наука и человечество. М., 1991. С. 55–65.
168. Памяти Валерия Павловича Алексеева // Вестник шелкового пути. Археологические источники. 1993. Вып. 1. с. 4–11 (в соавт. с М.Г. Абдушелишвили и др.).
169. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4. С. 25–42 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
170. Новые открытия и проблемы археологии Верхней Месопотамии // ВДИ. 1993. № 4. С. 127–136.
171. History and Organization of Archeological Research in the USSR // Theory and Practice of prehistory: views from Edges of Europe. University of Cantabria. 1993. P. 83–99 (на исп. и англ. яз.).
172. Archeological Expedition of the Institute of Archeology. Academy of Sciences of the USSR, Beyond the Soviet State borders // Theory and Practice of prehistory: views from Edges of Europe. University of Cantabria, 1993. P. 77–81 (на исп. и англ. яз.).

173. Yarim Tepe II // Early Stages in Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. 1993. P. 73–114 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
174. Yarim Tepe II: The Halaf levels // Early Stages in Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. 1993. P. 129–162 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
175. Yarim Tepe III: The Halaf Levels // Early Stages in Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. 1993. P. 163–205 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
176. Burial Practice of the Halaf Culture // Early Stages in Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. 1993. P. 207–223 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
177. Yarim Tepe III: The Ubaid Levels // Early Stages in Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. 1993. P. 227–240 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
178. The Earliest Evidence for Metallurgy in Ancient Mesopotamia // Early Stages in Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. 1993. P. 241–248 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
179. Some Problems in the Archeology of Mesopotamia in Light of Recent Research by the Soviet Expedition in Iraq // Early Stages in Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press. 1993. P. 249–255.
180. The excavations at Tell Hazna I, Syria, 1991 // Cahiers de l'Euphrate. Paris, 1993. N 7. P. 161–189 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом, Н.О. Бадером).
181. La Edad Del Bronce Anticuo en el Caucaso // 6 Coloquio Hispano-Ruso de Historia. Madrid, 1994. P. 93–121.
182. Caucaso, Culture del. Enciclopedia Dell Arte Antica. Classicue Orientale. Second Supplemento 1971–1994. V. II. Roma. 1994. P. 61–67.
183. Телль Хазна: открытия и загадки // Наука и человечество. 1992–94. М., 1994. С. 40–47 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
184. The Religious Complex at Tell Hazna I Settlement in North-East Syria // The International Colloqium "Aleppo and Silk Road, Summaries of Papers". Damascus, 1994. P. 38–40 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
185. Origine and Development of Most Ancient Agricultural Cultures of North-East Syria // The International Colloqium "Aleppo and Silk Road. Summaries of papers". Damascus, 1994. P. 41–43 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
186. К 75-летию Института археологии РАН // РА. 1994. № 4. С. 5–8 (в соавт. с К.А. Смирновым).
187. Куро-аракская культура // Археология. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 8–57, 147–156.
188. Майкопская культура // Археология. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 158–225, 356–368.
189. Da Hassuna a Accad. Scavi della Missione Rusa Nella Regione di Hassake, Siria di Nord-East, 1988–1992 // Mesopotamia. 1994. XXIX. Firenze. P. 5–48 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
190. Soviet Investigations in Syria // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archeology. V. I. N 2. P. 196–201 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и Н.О. Бадером).
191. Les Importations d'obsidienne sur les Sites des IX–VII Millenaires B.P. du Djebel Sinjar, Iraq // Paleorient. 1994. V. 20/2. P. 5–8 (в соавт. с Н.О. Бадером, Н.Я. Мерпертом).
192. Предисловие от редактора // Историко-археологический альманах. М., 1995. С. 3.
193. Исследования поселения Телль Хазна I в Сирии // АО–1994. М., 1995. С. 326–329 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
194. Halaf Culture and Djezireh // The International Colloquim "The Syrian Djezireh. Cultural Heritage and Interrelations". Summaries of papers. Damascus, 1996. P. 107, 108.
195. Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). Тез. докл. М., 1996. С. 3, 4.
196. Памяти Д.А. Халилова // РА. 1996. № 2. С. 248, 249 (в соавт. с Т.А. Бунятовым, И.Г. Нариманов).
197. Предисловие от редактора // Историко-археологический альманах. М., 1996. С. 4.
198. Раскопки поселения Телль Хазна I в Сирии // АО–1995. М., 1966. С. 397–399 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).

199. Итоги деятельности Института археологии РАН в 1994 году // Бюл. Отделения истории РАН. М., 1996. № 1. С. 145–152.
200. Ближний Восток и Кавказ: проблема культурных связей в VI–III тысячелетиях до н.э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996. С. 35, 36.
201. The Halaf Culture: Peculiarities of the V mil. B.C. North Mesopotamian Architecture // Al-Rafidan. V. XVIII. Tokyo. 1997. P. 69–79.
202. Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // РА. 1997. № 2. С. 5–28 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).
203. Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V тыс. до н.э. // РА. 1997. № 3. С. 5–19.
204. Recent Discoveries in North-Eastern Syria in the Context of the Archeology of the Caucasus (in the Light of the Discoveries of the Expedition of the Institute of Archeology, Russian Acad. Sc., in Mesopotamia) // Archeology of Caucasus: new discoveries and perspectives. International Scientifical Session: Abstracts of papers. Tbilisi, 1997. P. 64–66.
205. Предисловие // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Серия "Материалы и исследования по археологии России". № 1. М., 1997. С. 3 (в соавт. с В.С. Ольховским).
206. Актуальные проблемы историко-археологического изучения Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; Москва, 1997. С. 3.
207 Раскопки культово-административного центра Телль Хазна I в Сирии // АО-1996. М., 1997. С. 390–393 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом и др.).
208. Северная Месопотамия в свете новейших археологических исследований // "Эрмитажные чтения" памяти Б.Б. Пиотровского. Санкт-Петербург, 1998. С. 67–69 (в соавт. с Н.Я. Мерпертом).

А.Д. ПРЯХИН, В.И. БЕСЕДИН

КОНСКАЯ УЗДА ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И СТЕПИ

С заключительным этапом периода средней бронзы лесостепи и степи Евразии связано широкое распространение свидетельств массового использования лошади в качестве упряжного животного – псалиев. Первая сводка псалиев эпохи бронзы, опубликованная К.Ф. Смирновым, относилась к Волго-Уральскому региону и открывалась псалиями из расколотой пополам кости (Смирнов К.Ф., 1961). Однако привлеченный исследователем круг аналогий и поднятые проблемы вывели работу за рамки обычных публикаций археологического материала, а сами псалии с тех пор привлекают пристальное внимание исследователей эпохи бронзы. Они стали постоянным предметом типологических построений и дискуссий, чему способствуют все новые и новые находки. Достаточно сказать, что в работе В.С. Горбунова только с памятников Волго-Уральского региона учтено свыше 20 местонахождений псалиев (Горбунов В.С., 1992, с. 136–138, 188, 189). В недавней сводке Е.Е. Кузьминой (и к моменту выхода работы уже далекой от полноты) учтено свыше 60 памятников и местонахождений эпохи бронзы в степи и лесостепи Евразии с более чем 100 находками (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 171–188). В появившейся двумя годами позже типологической схеме Ю.В. Гончаровой, содержащей, к сожалению, ряд неточностей, использовано уже более 70 экз. одних только дисковидных псалиев с шипами с 39 памятников (Гончарова Ю.В., 1996).

Нет необходимости доказывать, сколь существенное значение придается ныне оценке псалиев в хронологических построениях. Дело в том, что фиксируемый факт распространения близких типов этих изделий на обширных пространствах Евразии позволяет синхронизировать различные комплексы и культуры.

На этом фоне в тени остался подход, учитывающий не только глобальные диахронные построения, но и локальные особенности псалиев в пределах отдельных культур и культурно-исторических образований эпохи бронзы (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 129; Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1992). Заметим, что подобная идея была заложена еще в работе К.Ф. Смирнова, в частности в выделении им первого поволжского или поволжско-казахстанского типа псалиев (Смирнов К.Ф., 1961, с. 49, 61 и сл.).

Значительное расширение круга источников привело к тому, что значительная часть псалиев ныне публикуется в виде подчас весьма схематичных рисунков, без сколько-нибудь подробного описания каждой из находок. При этом иногда опускаются важные конструктивные детали, не говоря уже о следах использования. Результатом явились многочисленные неточности в последующих формально-типологических построениях.

На протяжении ряда лет нами de visu изучались щитковые псалии с шипами из собраний музеев Воронежа, Тамбова, Липецка, Самары, Саратова, Екатеринбурга, Челябинска и других городов. Наиболее обстоятельному изучению подверглись находки с территории Доно-Волжского региона. Бóльшая часть приводимых прорисовок выполнена нами непосредственно с оригинальных изделий и в некоторых деталях может отличаться от авторских публикаций. По некоторым из них есть к тому же и результаты выполненного А.Н. Усачуком трасологического анализа (Усачук А.Н., 1996).

© А.Д. Пряхин, В.И. Беседин, 1998 г.

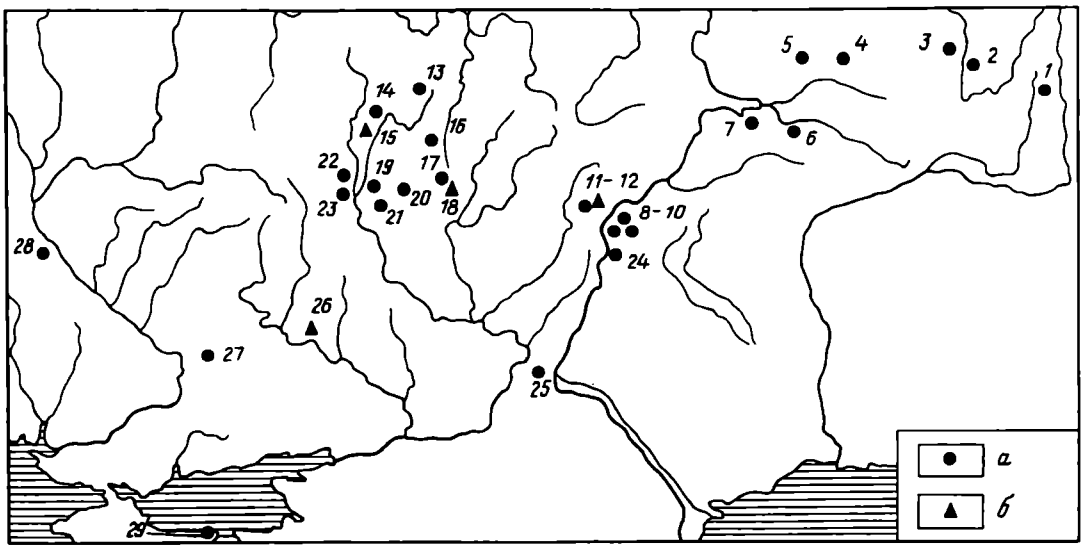


Рис. 1. Карта распространения дисковидных (щитковых) псалиев с шипами на территории Восточной Европы

а – находки псалиев, *б* – находки шипов

1 – Тавлыкаево IV; *2* – Веселый; *3* – Баланбаш; *4* – Сурушское; *5* – Потаповский; *6* – Красноселка; *7* – Утевский IV; *8–10* – Бородаевка II, Старицкое, Березовка; *11–12* – Золотая гора (Большая Дмитриевка), Сторожевка; *13* – Староюрьево; *14* – Филатовский; *15* – Введенка; *16* – Селезни; *17* – Пичаево; *18* – Власовский; *19* – Отрожка; *20* – Софьино; *21* – Кондрашкинский; *22* – Богоявленский; *23* – Кондрашевка; *24* – Краснополье; *25* – Баранниково; *26* – Ильичевское; *27* – Богуслав; *28* – Трахтемиров; *29* – Каменка

На момент подготовки настоящей статьи мы располагали сведениями о более чем 60 находках дисковидных псалиев с шипами, их деталей или фрагментов из 29 памятников с территории Восточной Европы (рис. 1). Подавляющее их большинство расположено в Доно-Волжской лесостепи и в прилегающих районах Заволжья, причем подобная концентрация не является отражением степени археологической изученности различных регионов. Напротив, наибольшее число находок получено из относительно слабо исследованных районов северной Доно-Волжской лесостепи.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют проследить стадии изготовления и эксплуатации щитковых псалиев. Для обработки кости применялись металлические и кремневые инструменты. Отмечены следы резки, строгания и перетирания (распиливания лезвием без зубцов). Для уплощения и выравнивания поверхности изделий использовался абразив. Отверстия сверлились как станковым, так и ручным сверлом (Усачук А.Н., 1996, с. 26, 27).

Зафиксированные следы термической обработки могли иметь, как мы полагаем, двоякий характер; во-первых, это распаривание кости для облегчения процесса изготовления и, в частности, для вставки шипов; во-вторых, сухой нагрев готового изделия с целью придания ему большей твердости.

Общий облик рассматриваемых псалиев хорошо известен. Это щиток со вставными или монолитными шипами, большим центральным отверстием и одним или несколькими меньшими отверстиями, расположенными как на периферии щитка или его боковой поверхности, так и на примыкающей к нему планке. Причем планка может и отсутствовать.

Схема крепления псалиев, правда, применительно к желобчатым изделиям, была установлена еще К.Ф. Смирновым. Согласно его реконструкции, основу узды составлял намордник (капцуг, недоуздок). К планке крепился низко опущенный наносный ремень, к мягким удилам – подгубный и пропущенный через боковое отверстие нащечный ремни (Смирнов К.Ф., 1961, с. 50, 51, рис. 3). Сходный способ крепления дисковидных псалиев с шипами был предложен одним из авторов для находок из погребения доно-волжской абашевской культуры у с. Староюрьево на территории

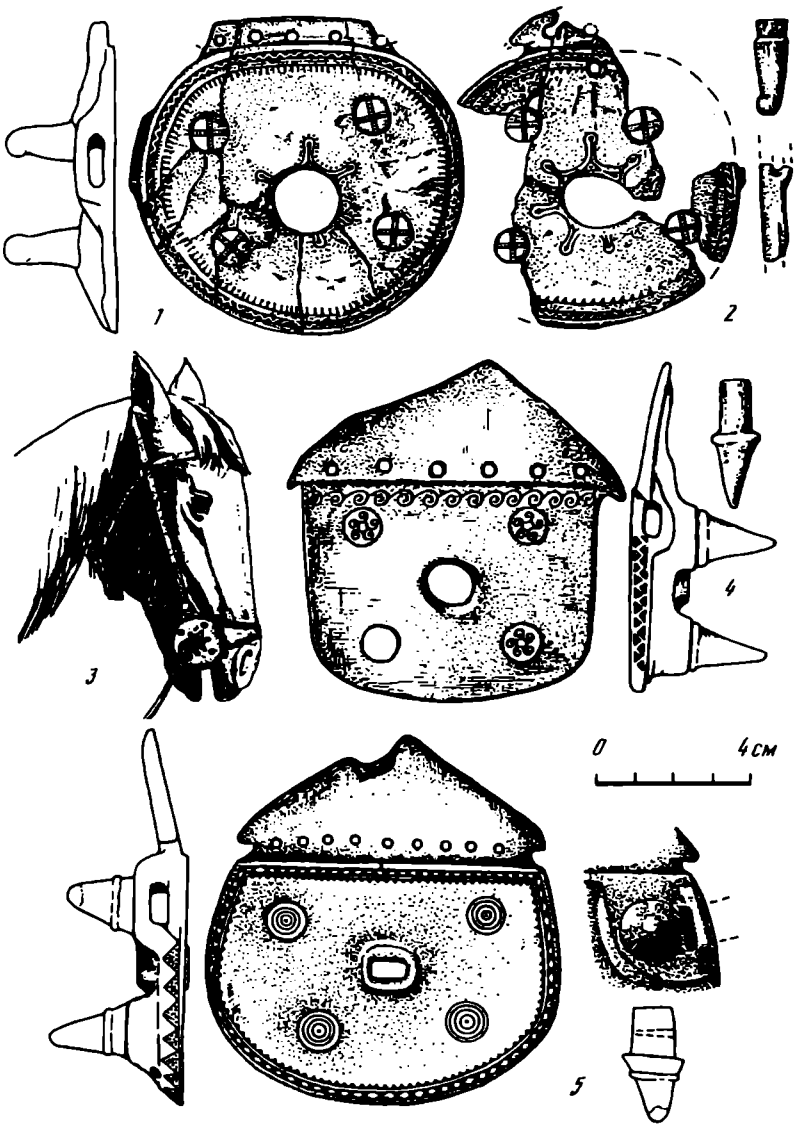


Рис. 2. Псалии из Староюрьево и их аналогии
1, 2 – Староюрьево, кург. 2, погр. 2; *3* – реконструкция крепления староюрьевских псалиев; *4* – Богоявленский, погр. 3; *5* – Филатовский, погр. 1

Тамбовской обл. (рис. 2, *1–2*) (Пряхин А.Д., 1972, с. 237, 238). Н.Н. Чередниченко полагал, что крепление пропущенного через боковое отверстие нащечного ремня к удилам с внутренней стороны вообще являлось общим признаком для псалиев евразийских степей и Карпато-Дунайского бассейна (Чередниченко Н.Н., 1975, с. 79; Березанская С.С. и др., 1986, с. 69–71).

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства позволяют внести определенные коррективы в названные построения. Прежде всего это касается способа крепления нащечного ремня. Дополнительное изучение староюрьевских псалиев показало отсутствие на обратной стороне щитка узколокализованных следов, которые можно было бы связать с креплением нащечного ремня к удилам. Наличие сильной заполировки на поверхностях у бокового отверстия правого псалия позволяет предположить, что ремень крепился непосредственно к нему (рис. 2, *3*). Это наблюдение подтверждается случаями расположения бокового отверстия напротив одного из шипов, когда крепление нащечного ремня к удилам невозможно (рис. 2, *4, 5*; 3, *1, 3, 8*). По-видимому, не использовался и подгубный ремень. Во всяком случае на тех псалиях, где центральное

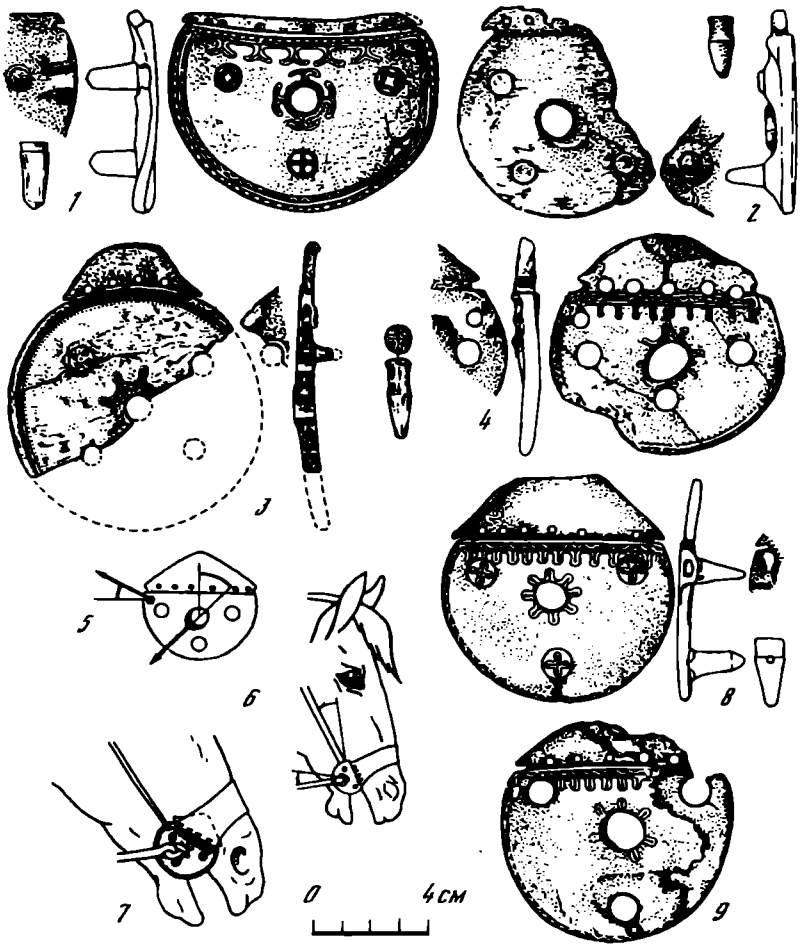


Рис. 3. Псалии староюрьевского типа
1, 2 – Пичаево, погр. 1; *3, 4* – Селезни, погр. 2; *5–7* – схема механических воздействий и реконструкция крепления псалия с тремя шипáми; *8, 9* – Потаповский, кург. 5, погр. 8

отверстие окружено с внутренней стороны конической втулкой, характерные следы износа отсутствуют.

Псалии из Староюрьева представляют значительный интерес еще и потому, что несут многочисленные следы длительной эксплуатации и переделок. Так, на хорошо сохранившемся правом псалии, возможно, была укорочена планка, для чего она была надпилена с двух сторон. В пользу подобного предположения говорит слабая заполировка боковой поверхности, явно не соответствующая состоянию остальных частей щитка и планки. Показательно, что аналогичная картина фиксируется и еще на одном псалии с узкой планкой, происходящем из Пичаевского кургана (Тамбовская обл.) (рис. 3, *1*). Причем, как отмечает А.Н. Усачук, прием перетирания (распиливания лезвием без зубцов) особенно характерен для изготовления именно узких планок.

Ранее уже отмечались некоторые различия правого и левого староюрьевских псалиев. Щиток первого значительно сильнее изношен, есть несоответствия в орнаменте. Наконец, правый псалий – единственный из изученных трасологически, у которого отверстия для шипов изготовлены не сверлением, а резкой. Предложенное ранее объяснение сильной изношенности правого псалия большей нагрузкой на него при управлении (Пряхин А.Д., 1972, с. 238) подтверждается на других парных экземплярах.

Но в случае со староюрьевскими находками нельзя исключать и того обстоятельства, что левый псалий был изготовлен позже, взамен сломавшегося. Тогда же были изготовлены и шипы для обоих экземпляров, которые на правом псалии явно

моложе щитка. Для новых шипов отверстия были аккуратно подрезаны. Орнамент на новый псалий наносится по прежнему образцу. Но он не явился его точной копией. Впрочем, и вновь изготовленный экземпляр не остался неизменным. На нем уже в ходе эксплуатации было просверлено отверстие в верхней части щитка, через которое пропускался какой-то ремешок.

Определенное представление о первоначальном облике староюрьевских псалиев дают менее изношенные экземпляры из погребений доно-волжской абашевской культуры в Богоявленском (Воронежская обл.) и Филатовском (Липецкая обл.) курганах (рис. 2, *4*, *5*) (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1991, рис. 3; Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, рис. 9, *1*). Подчеркнем, что планка у них, как и у других находок, хорошей сохранности, имеет значительные размеры и треугольную или трапециевидную форму.

Богоявленский комплекс дал весомые свидетельства использования наряду с костяными и деревянных псалиев – костяные втулка и два шипа без каких-либо следов костяного щитка (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 126, 128). Аналогичная ситуация зафиксирована в кур. 1 у пос. Сторожевка на территории Саратовской обл., где найдены семь шипов (один не сохранился?), опять же без остатков щитков (Кочерженко О.В., 1996, с. 53, рис. 2, *6–12*).

Значительна серия псалиев, имеющих три шипа. Их синхронность с четырехшипными экземплярами документируется многочисленными случаями совместного нахождения в закрытых комплексах (рис. 3, *1*, *2*, *3*, *4*). В Пичаевском кургане они были положены вместе, один на другом (Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995, с. 73), что предполагает возможность принадлежности их одной уздечке. Сохранившийся частично неорнаментированный псалий еще в древности ремонтировался – трещина возле шипа была стянута бронзовой скобой (рис. 3, *2*).

Дополнительные материалы к изучению эксплуатации псалиев и реконструкции узды дают находки из абашевского Селезневского кургана в Тамбовской обл. (Моисеев Н.Б., 1996). Обращает на себя внимание то, что направление канала бокового отверстия на одном псалии и следов потертости от нащечного ремня на другом не перпендикулярно оси симметрии изделий, как следовало бы ожидать, а находится под довольно острым углом к нему (рис. 3, *3–5*). Подобное отклонение фиксируется и на проанализированных выше находках, но там оно менее значительно. На наш взгляд, объяснение следует искать в особенностях крепления псалиев на морде лошади. При расположении оси изделий перпендикулярно к губам один из шипиков неизбежно оказывался между зубами и мог быть закушен. Направление нащечного ремня и характер изношенности центрального отверстия определяют степень доворота псалия (рис. 3, *6*, *7*). При такой реконструкции один из шипов давил на угол рта, а два других – на губы лошади.

Правый псалий из Селезневского кургана отличается от рассматриваемых здесь находок отсутствием торцевого отверстия. Для крепления нащечного ремня на нем поверх орнамента (!) у края щитка просверлено отверстие. Внимательное изучение изделия позволило, однако, зафиксировать на обратной стороне щитка два почти полностью снивелированных бугорка, которые сильно залощены проходившим здесь ремешком (рис. 3, *4*). Напрашивается предположение, что это остатки сломавшейся и срезанной планки для торцевого отверстия. В качестве дополнительного аргумента сошлемся на безусловно парные экземпляры из Потаповского могильника в лесостепном Заволжье (Васильев И.Б. и др., 1994, рис. 3, *2*, *3*). На левом из них имеется аналогичное староюрьевским псалиям торцевое отверстие (рис. 3, *8*). На правом же псалии отверстие, как и на Селезневском, просверлено поверх орнамента у края щитка (рис. 3, *9*). Обратная сторона щитка разрушена, и остатки боковой планки не фиксируются. Но в том, что она была, у нас сомнения нет.

Псалии, подобные селезневскому и потаповскому, обычно относят к иной разновидности, чем староюрьевские, причем типологически более ранней. В основу кла-

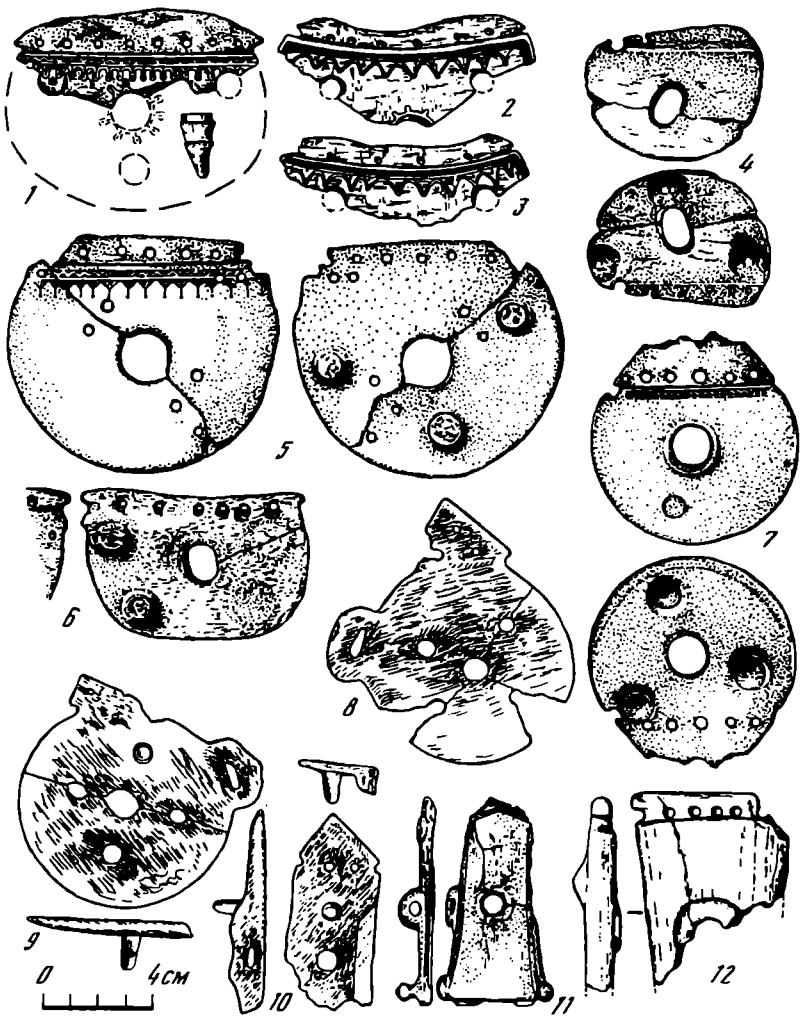


Рис. 4. Псалии, производные от староюрьевского типа
1 – Кондрашкинский, погр. 1; *2, 3* – Красноселка; *4* – Богуслав; *5* – Сарату-Монтеору; *6* – Отрожка; *7* – Каменный Амбар 5, погр. 8; *8–10* – Веселый; *11* – Золотая гора, кург. 2, погр. 1; *12* – Краснополье, кург. 2, погр. 4

дется подход с позиций развития от простого к сложному. Мы проанализировали ряд других аналогичных находок (рис. 4). На псалии из погребения доно-волжской абашевской культуры в Кондрашкинском кургане на территории Воронежской обл. (рис. 4, *1*) вторичный характер нанесенного поверх орнамента отверстия документируется результатами трасологического анализа (Усачук А.Н., 1996, с. 29). У экземпляров, происходящих из могильника Красноселки (Самарская обл.), края дисков разрушены, но на одном из них отверстие у края опять же просверлено по орнаменту (рис. 4, *2, 3*) (Моргунова Н.Л., Порохова О.И., 1988, рис. 1). Край псалия с поселения Богуслав (Днепропетровская обл., Украина) вообще стерт до самого шипа (рис. 4, *4*)[1]. Сильно изношено изделий с поселения Отрожка в черте современного г. Воронежа (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, с. 127, 128, рис. 5, *2, 5*). Отверстие у края щитка на нем врезано в шип, поскольку иначе его нельзя было сделать (рис. 4, *6*). Судя по фотографиям, не сохранился край щитка утраченного ныне псалия из Кондрашевки на территории Воронежской обл. (Латынин Б.А., 1965, рис. 2). В литературе часто приводится опубликованный А. Оанча псалий с поселения Сарату-Монтеору в Румы-

[1] Благодарим В.А. Ромашко за разрешение опубликовать данную находку.

нии (Oancea A., 1976, p. 61, 62, fig. 1, *3*). Но при этом почему-то упускается из виду, что и этот экземпляр неоднократно ремонтировался: поломаный щиток был скреплен, его край срезан, поверх орнамента просверлены отверстия для крепления нащечного ремня, возможно, даже повторно (рис. 4, *5*).

Неясна ситуация только с изделием из могильника Каменный Амбар 5, расположенного уже в Зауралье. Авторы публикации отмечают многочисленные следы ремонта на псалиях этого памятника: спил и зашлифовку сломанных шипов, отверстие или его наметку на месте сломанного шипа и т.д. (Костюков В.П. и др., 1995, с. 175, рис. 24, *4*). Судя по публикации, у интересующего нас экземпляра (рис. 4, *7*) край щитка поврежден.

Тем самым фиксируемое на псалиях с планкой отверстие у края щитка в большинстве случаев оказывается вторичным. Возможно и иное объяснение. Чтобы не нарушать целостности композиции, на орнаментированных изделиях отверстие прорезалось сбоку. В то же время на лишенных декора псалиях оно делалось у края щитка. В любом случае мы имеем дело с одной и той же традицией крепления нащечного ремня.

Е.Е. Кузьминой опубликованы дисковидные псалии с шипами из раскопанного И.М. Смирновым в 1920 г. кургана у хутора Веселый близ Стерлитамака в Башкирии (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 175, рис. 36, *2, 3*). Псалии наряду с планкой для наносного ремня имели еще одну небольшую планку для крепления нащечного ремня, что послужило основанием для выделения автором этих псалиев в особый тип. В состав же названного комплекса входило три псалия, предположительно определенных И.М. Смирновым как пряжки (архив ИИМК, д. 63/1920, л. 2–4, табл. 1). Рисунки в отчете выполнены пером, характерными для опытного рисовальщика уверенными линиями и хорошо передают все особенности изделий. Мы приводим ксерокопии рисунков всех трех находок (рис. 4, *8–10*). Обращает на себя внимание третий, не публиковавшийся ранее псалий. Он имел узкий прямоугольный (?) щиток с примыкающей треугольной планкой, вставные шипы и боковое отверстие для крепления нащечного ремня (рис. 4, *10*). Внешний облик изделия сближает его с желобчатыми псалиями типа 1 по К.Ф. Смирнову, но все конструктивные особенности характерны для псалиев староюрьевского типа. Насколько можно судить по рисунку, стилистические особенности оформления планок и шипов всех трех псалиев из данного захоронения позволяют предполагать их изготовление одним мастером. Что касается различий в оформлении отверстия для нащечного ремня, то это, возможно, объясняется характером материала: для первых двух использовались слишком тонкие заготовки, не позволившие прорезать боковое отверстие.

Комплекс из кургана у хутора Веселый позволяет связать псалии староюрьевского типа с некоторыми находками с территории Нижнего Поволжья. Псалии из могильника Золотая гора на территории Саратовской обл. сохранились во фрагментированном виде. Однако в совокупности дают представление об их первоначальном облике (Юдин А.И. и др., 1996, с. 126, рис. 2, 4, второй ряд). Как и в кургане у хутора Веселый, они имели удлиненный плоский (!) щиток, планку и специально оформленное боковое отверстие, но уже монолитные шипы (рис. 4, *11*). Аналогичные конструктивные особенности характерны и для хорошо известных псалиев из Краснополья (рис. 4, *12*) (Смирнов К.Ф., 1961, с. 47). Н.М. Малов попытался реконструировать их как один, имеющий две симметрично расположенных планки для наносного и подгубного ремней (Малов Н.М., 1983, с. 205, рис. 1, *3*). Исследователь не учел, что при подобной реконструкции вся нижняя часть изделия утрачивает какую-либо функциональную нагрузку, в частности отверстия на планке вообще оказываются под мордой лошади. В обоснование своей реконструкции Н.М. Малов отмечал, что фрагменты псалиев совмещаются. Однако поверхность соприкосновения незначительна, что, как нам представляется, не позволяет признать приводимую им реконструкцию достоверной.

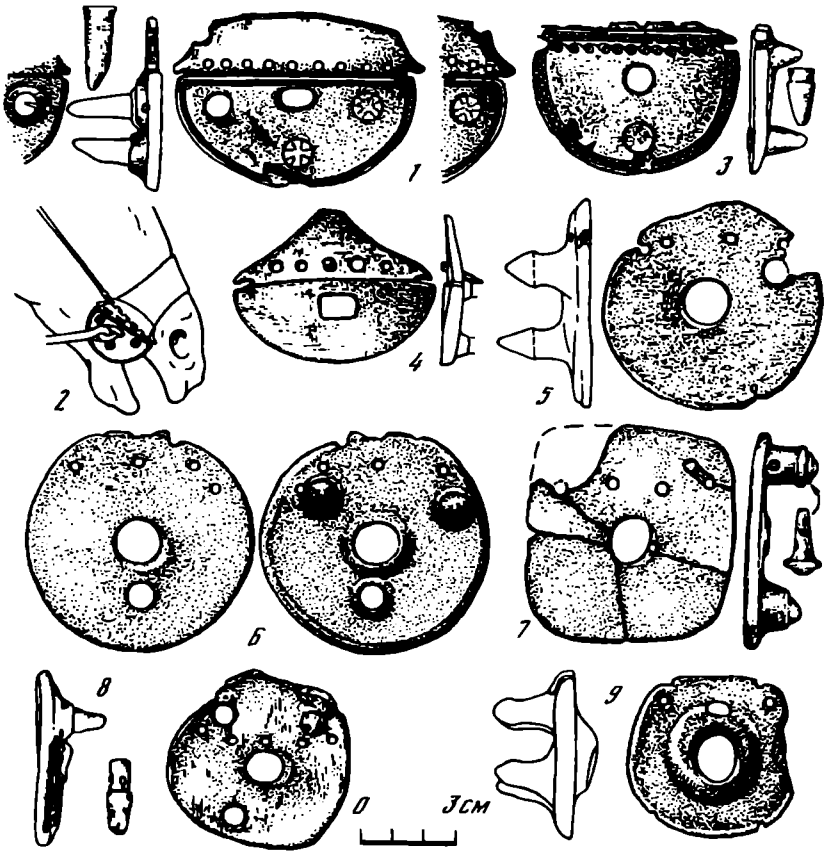


Рис. 5. Псалии Филатовского кургана и их аналогии из лесостепного Заволжья

1, 2 – Филатовский, погр. 3 (псалии и реконструкция их крепления); *3, 4* – Утевский VI, кург. 6, погр. 6; *5, 6* – Филатовский, погр. 1; *7* – Филатовский, погр. 3; *8, 9* – Потаповский, кург. 3, погр. 4

Сходство в креплении ремней к староюрьевским и желобчатым псалиям уже неоднократно отмечалось ранее (Пряхин А.Д., 1972, с. 237; Кузмина Е.Е., 1980, с. 15, 16; 1994, с. 182). Находки из Веселого, Краснополья и Золотой горы надежно документируют их типологическую взаимосвязь.

Подводя итог обзору этой группы псалиев, выделим их наиболее характерные черты. Важнейшим функциональным признаком является крепление нащечного ремня к щитку в его верхней части. Вместе с ним использовался крепившийся к планке широкий наносный ремень. Эти признаки устойчиво связаны с традицией орнаментации щитка и изготовлением вставных шипов.

Прежде чем дать оценку остальных находок, отметим, что из крепящихся к псалиям ремней оголовья функционально необходимым является только нащечный, поскольку удерживает удила в углах рта лошади. Поэтому при любой конструкции узды должно предполагаться его наличие. Для характеристики узды важны и другие признаки. Во-первых, сработанность центрального отверстия на псалиях всегда направлена вниз и вбок, к шее лошади. Эта сработанность хорошо фиксируется на изделиях и видна даже в публикациях. Во-вторых, удила и нащечный ремень оказывали разное воздействие на изделие. Удила с прикрепленным к ним поводом в процессе эксплуатации стирали, разнашивали края отверстия, в то время как жестко закрепленный нащечный ремень вызывал сильную заполировку поверхностей.

Примечательны псалии из погр. 3 Филатовского кургана (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995, рис. 11, *6, 7*). По большинству признаков они близки рассмотренным выше, но не имеют дополнительного отверстия на щитке (рис. 5, *1*). Слабая изношенность изделий не позволяет визуально определить характерную для нащечного ремня

заполировку. Размещение верхних шипов и отверстия для удил в одну линию предполагает, как отмечалось, наклонное положение псалиев, что исключает крепление нащечного ремня к отверстиям на планке.

В то же время на планках есть симметрично расположенные пазы, к которым, надо полагать, крепился нащечный ремень (рис. 5, *2*). Скорее всего сходным образом крепился ремень и к единственному орнаментированному псалию из VI Утевского могильника в Заволжье (рис. 5, *3*). Вместе с ним в одном комплексе (погр. 6 кург. 6) обнаружен еще один, уже неорнаментированный экземпляр (рис. 5, *4*). Края его планки имеют нехарактерную для других изделий вогнутость, что, подобно пазам на Филатовских псалиях, может быть связано с фиксацией нащечного ремня. Среди многочисленных находок из VI Утевского могильника (Васильев И.Б. и др., 1992) только эти два псалия имеют по три шипа и, возможно, использовались в одной уздечке.

Широкий наносный ремень использовался на псалиях без планки, также происходящих из Филатовского кургана и Потаповского могильника. На двух из них у края щитка есть и отверстия для крепления нащечного ремня (рис. 5, *5*, *6*). Два других, хотя и найдены в разных могильниках, имеют одинаковую конструктивную особенность: отверстия для крепления ремней находятся ниже верхнего ряда шипов, почти вплотную к отверстию для удил (рис. 5, *7*, *8*). Такое их расположение, видимо, связано с тем, что к ним крепились одновременно и нащечный, и наносный ремни.

Иной характер имеют отверстия в верхней части щитка у еще одного изделия из Потаповского могильника (рис. 5, *9*). Они различны: центральное имеет овальную форму, а расположенные по краям – округлые и меньше размерами. Очевидно их различное функциональное назначение. Оно определяется благодаря находкам из Трахтемирова под Киевом и Каменки в Крыму (Лесков А.М., 1964; Рыбалова В.Д., 1966), поскольку в общих чертах сходно с системой крепления псалиев староюрьевского типа. Овальное отверстие в центре предназначалось для узкого наносного ремня, расположенные у края щитка округлые – для нащечного (рис. 6, *1–3*). Именно своеобразный характер отверстия для крепления наносного ремня на перечисленных псалиях позволяет опознать его и на изделии из Потаповского могильника (см. рис. 5, *9*). В таком случае нащечный ремень крепился вдоль края щитка поперечным прошивом через округлые отверстия и расположенные напротив них пазы в щитке.

Весьма однородная серия псалиев происходит из погр. 4, 6 кург. 6 и погр. 5 кург. 2, уже упоминавшегося VI Утевского могильника (Васильев И.Б. и др., 1992). Все они имеют щиток и примыкающую к нему планку с отверстиями. От псалиев староюрьевского типа их отличают отсутствие дополнительных отверстий на щитке, монолитные шипы и их размещение как на щитке, так и на планке, а также наличие вставных шпеньков (рис. 6, *4–7*). Аналогичные псалии широко распространены в Зауралье (Зданович Г.Б., 1985, рис. 2, *1*, *3*; Генинг В.Ф. и др., 1992, рис. 75, *1*, *2* и др.; Костюков В.П. и др., 1995, рис. 22, *1–5*; 24, *2*, *3*), но в Восточной Европе помимо VI Утевского могильника они не известны. Отдельные авторы предполагают наличие в подобных случаях крепления ремней к шипам, акцентируя при этом внимание на их фигурной форме (Костюков В.П. и др., 1995, с. 175). Принимая такую возможность в принципе, нельзя не видеть, что для большинства утевских псалиев она исключена. Различный характер отверстий на планке позволяет предполагать, что на утевских находках оба ремня крепились к ней.

Заметим, что подобное отличие в креплении нащечного ремня сохраняется и в более позднее время на псалиях из расколотой пополам кости; большинство зауральских псалиев (Аксайман, Сатан, Мирный IV и др.) не имеет бокового отверстия на щитке (Зданович Г.Б, 1985; Кузьмина Е.Е., 1994, с. 181, 182).

Среди восточноевропейских находок только три псалия имели по одному дополнительному отверстию – с поселения Баланбаш уральской абашевской культуры в Башкирии (рис. 6, *8*), из Утевского VI (рис. 6, *9*) и Потаповского (рис. 6, *10*) могильников (Сальников К.В., 1967, рис. 8, *19*; Латынин Б.А., 1965, рис. 1; Васильев и др.,

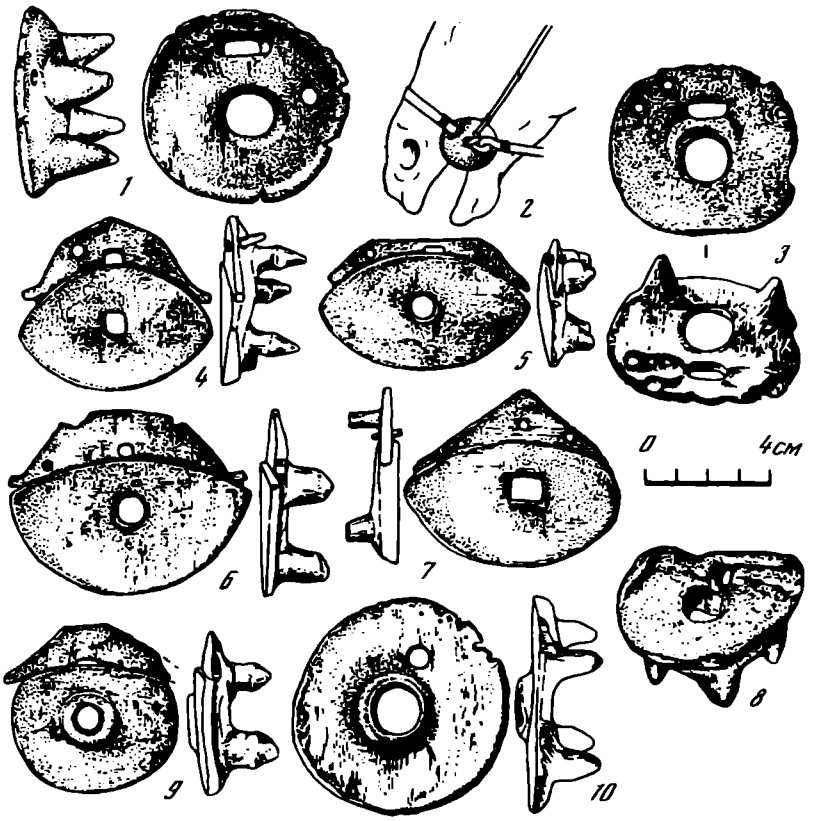


Рис. 6. Псалии южноуральского (синташтинского) типа
1, 2 – Трахтемиров (псалий и реконструкция крепления); *3* – Каменка; *4, 5* – Утевский VI, кург. 6, погр. 4; *6, 9* – Утевский VI, кург. 6, погр. 6; *7* – Утевский VI, кург. 2, погр. 5; *8* – Баланбаш; *10* – Потаповский, кург. 5, погр. 8

1992; 1994). Утевский экземпляр отличается от остальных наличием планки. Данных для реконструкции узды недостаточно. Следует, видимо, исключить возможность крепления нащечного ремня к центральному отверстию, поскольку на выступающих втулках Потаповского и Утевского изделий фиксируются только следы потертостей от удил. К тому же дуговидная поверхность щитков не обеспечивала надежной фиксации ремня, допускала его проворот, а значит, и возможность сползания удил из углов рта лошади. Исходя из взаимного расположения шипов и отверстий, мы допускаем возможность одновременного крепления нащечного и наносного ремней к меньшему.

Еще несколько дисковидных псалиев с шипами обнаружены в последние годы в Саратовском Поволжье, причем как в левобережье, так и на противоположном берегу Волги (рис. 7). (Памятники срубной культуры..., 1993, табл. 9, *12*; 14, *31*; Матюхин А.Д., 1994; Дремов И.И., 1996, рис. 1, *2*; Юдин А.И. и др., 1996, с. 126, рис. 2, 4). По нашим представлениям, они происходят из комплексов, характеризующих поздний этап доно-волжской абашевской культуры.

Большая часть этих находок сильно фрагментирована, утрачены диагностирующие детали. Однако реконструируемый облик изделий и характерная орнаментация не оставляют сомнений в их принадлежности к кругу староюрьевских. Особенностью находок из кург. 4 уже упоминавшегося могильника Золотая гора является наличие вставных костяных шпеньков на планке (рис. 7, *4, 5*). Кроме того, левый псалий из этого комплекса не имеет шипов.

Приведенный материал охватывает почти все известные нам находки щитковых псалиев с шипами с территории Восточной Европы. За рамками анализа остались лишь фрагментированные экземпляры, заготовки (Софьино, Тавлыкаево IV, Суруш)

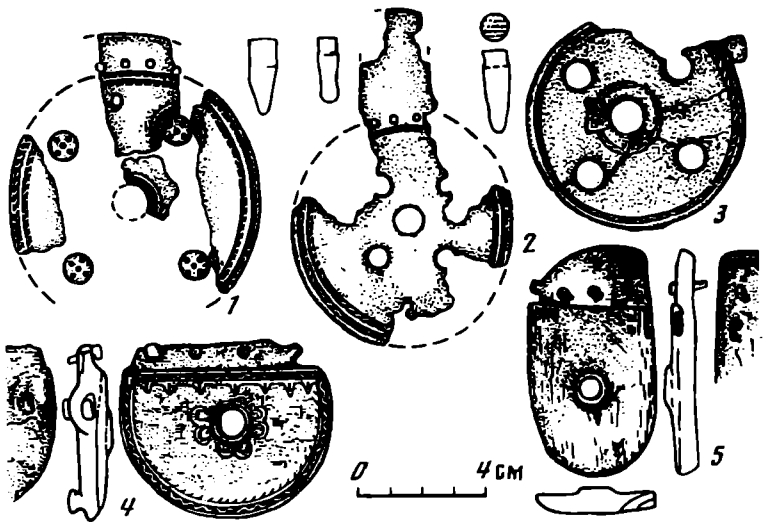


Рис. 7. Псалии из Степного Поволжья
1 – Старицкое; *2* – Бородаевка II (Калмыцкая гора), кург. 1, погр. 21; *3* – Березовский, погр. 1; *4, 5* – Золотая гора, кург. 4, погр. 1

и неопубликованные пока находки (например, псалии из раскопок Е.П. Мыськова курганов у хутора Баранниково в Волгоградской обл.).

Для членения таких псалиев важнейшим функциональным признаком является предполагаемый способ крепления нащечного ремня, что нашло отражение в характере и расположении отверстий. По морфологическим признакам они делятся на изделия с планкой и без нее. Совокупность этих признаков и определяет исходный, весьма ограниченный набор разновидностей.

Многообразие форм щитка и планки, видимо, более отражает индивидуальный стиль мастеров. Надо думать, существовавшие в то время каноны не исключали творческой инициативы мастера, что, кстати сказать, нашло выражение и в исключительном разнообразии такой, казалось бы, сугубо функциональной детали псалиев, как шипы.

К сказанному остается добавить, что хотя типология и является неотъемлемым инструментом археологического исследования, тем не менее типологические построения не должны определяться лишь формальными признаками. Порой непонятно, что же кладется в их основу: материал, изделие древнего мастера или попавшая в землю вещь (что, как мы показали, не всегда тождественно). Конечно же, когда речь идет о костяных псалиях, типологические схемы нельзя строить, исходя только из опубликованных прорисовок. Иначе появляются сложные типологические конструкции с алфавитно-цифровой индексацией, ссылки на которые заставляют каждый раз обращаться к первоисточнику, чтобы понять, о чем же идет речь. Заметим, что применительно к щитковым псалиям более рациональным представляется название типов по хорошо известным находкам, например староюрьевский, синташтинский.

При нынешнем состоянии источниковой базы и уровня разработки относительной хронологии можно с уверенностью говорить о том, что псалии с территории Доно-Волжской лесостепи по крайней мере не позже остальных изделий подобного рода. В подтверждение сказанного приведем схему их взаимовстречаемости (рис. 8).

Показательно, что доминирующие в Доно-Волжском междуречье псалии староюрьевского типа встречены совместно практически со всеми основными разновидностями, включая и морфологически наиболее простые. Этот факт хорошо известен. Тем не менее приводившиеся ранее типологические схемы дисковидных и следующих за ними псалиев из расколотой пополам кости строились на признании единого для евразийской степи и лесостепи эволюционного развития псалиев, без учета региональных особенностей. Между тем всякая типологическая схема может отражать

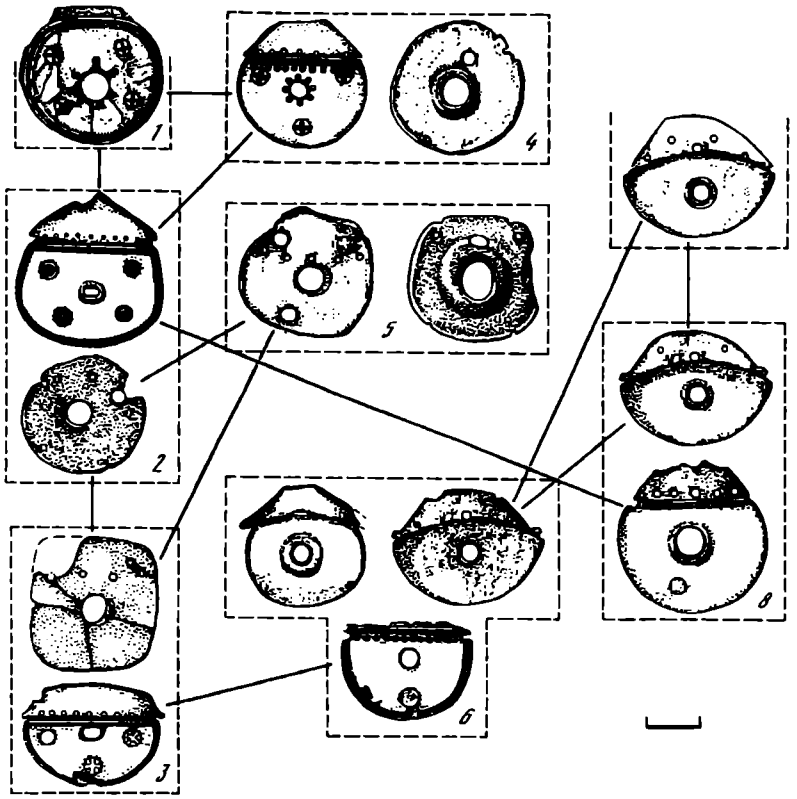


Рис. 8. Взаимовстречаемость разных типов псалиев
1 – Староюрьево, кург. 2, погр. 2; *2* – Филатовский, погр. 1; *3* – Филатовский, погр. 3 (лесостепное Подонье); *4* – Потаповский, кург. 5, погр. 8; *5* – Потаповский, кург. 3, погр. 4; *6* – Утевский VI, кург. 6, погр. 6 (Волго-Уральское междуречье); *7* – Синташта, погр. 30; *8* – Каменный Амбар 5, погр. 8 (Зауралье)

реальную эволюцию только в случае надежно документированных различий в хронологии отдельных типов. Иначе она допускает неоднозначность трактовок, особенно при разной географической локализации.

Изложенные наблюдения показывают, что вопреки высказанному Е.Е. Кузьминой суждению о крайнем разнообразии и нестабильности форм псалиев, интенсивном поиске наиболее эффективных способах запряжки (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 180), в Восточной Европе на заключительном этапе средней бронзы существовали фактически только две устойчивые традиции и весьма ограниченный типологический набор псалиев. Эти традиции можно определить как доно-волжскую, связанную прежде всего с носителями доно-волжской абашевской культуры, и южноуральскую. Их отличительной чертой является способ крепления нащечного ремня. На этот функциональный признак накладываются технологические, обусловившие размеры изделия, способ изготовления шипов и пр., декоративные и в определенной степени индивидуальный стиль мастеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1992. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. 1. СПб.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Гончарова Ю.В., 1996. К вопросу о классификации дисковидных псалий с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы // Древние культуры и технологии. СПб.

Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.

Дремов И.И., 1996. Курган покровского времени у с. Березовка, как материал социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Тез. докл. и матер. конф. Воронеж.

Зданович Г.Б., 1985. Щитковые псалии Среднего Поишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995. Новый памятник средней бронзы в южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Кочерженко О.В., 1996. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и использование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.

Кузьмина Е.Е., 1980. Еще раз о дисковидных псалиях Евразийских степей // КСИА. Вып. 161.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.

Латынин Б.А., 1965. Архаические круглые псалии с шипами // Новое в советской археологии. М.

Лесков А.М., 1964. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. № 1.

Малов Н.М., 1983. Конструктивные особенности псалия из Краснополья // СА. № 4.

Матюхин А.Д., 1994. Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника // Материалы науч.-практ. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.

Моисеев Н.Б., 1996. Дисковидные псалии из Селезневской парной курганной группы // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тез. докл. междунар. науч. конф. Тамбов.

Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Моргунова Н.Л., Порохова О.И., 1988. Работы Оренбургского пединститута // АО-1986. М.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье, 1993 // САИ. Вып. В 1-10.

Пряхин А.Д., 1972. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. № 3.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1992. Щитковые (диковидные) псалии со вставными шипами с территории Восточной Европы // Studia minora facultatis philosophicae Universitatis Brunensis. E37. Brno.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1991. Курган у с. Богоявленское // СА. № 1.

Рыбалова В.Д., 1966. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи // СА. № 4.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Смирнов К.Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. № 3.

Усачук А.Н., 1996. О щитковых псалиях из коллекции Тамбовского областного краеведческого музея // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тез. докл. междунар. науч. конф. Тамбов.

Чередниченко Н.Н., 1975. Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II – начале I тыс. до н.э. // Новейшие открытия советских археологов. Ч. 1. Киев.

Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И., 1996. Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное и проблема формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.

Oancea A., 1976. Branches de mors au corps en forme de disque // Thraco-Dacica. Recuel d'etudes a l'occasion du II Congres International de Thracologie. Bucuresti.

Воронежский государственный
университет

A.D. PRYAKHIN, V.I. BESEDIN

HORSE BRIDLE OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN THE EASTERN EUROPEAN FOREST STEPPE AND THE STEPPE

Summary

The paper summarises results of studying a series of disk-shaped cheek-pieces with spikes (more than 60 samples) found in the territory of Eastern Europe. Based on the analysis of construction design features and traces of the items usage, a reconstruction of the horse harness is offered. The research conducted allows to state that at the final stage of the Middle Bronze in Eastern Europe two stable traditions of harnessing chariot horses were in use. The Don-Volga tradition predominated. It was linked with Don-Volga Abashevo people. The eastern (South Urals) component is present in fewer cases.

Н.И. НИКИТЕНКО

НАЧАЛО ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА В БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

При исследовании процессов освоения железа на территории степей Восточной Европы один из основных вопросов – выявление критериев начала перехода от бронзы к железу. В начале XX в. М. Гернесом было сделано наблюдение, что период между первым появлением железа в виде случайных находок изделий из него и широким налаженным производством на базе местных руд составляет не менее 200 лет (Гернес М., 1914). Таким образом, встал вопрос, как определяется и чем характеризуется этот период между первым появлением железных вещей и стадией утилитарного применения железа, т.е. железным веком.

По мнению Г. Чайлда, время производства из железа некоторых видов оружия и предметов украшения надо определять как переходное от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (Чайлд Г., 1949, с. 48–50). Так было введено понятие переходного периода от бронзового века к железному. Тот факт, что между появлением железных вещей и железным веком существует определенный промежуток времени, никем не отрицается, но некоторые исследователи прямо называют его переходным от бронзы к железу и выделяют в особую фазу. Другие же относят этот временной промежуток либо полностью к раннему железному веку, либо частично к эпохе поздней бронзы, а частично – к раннему железному веку. Например, Дж. Вальдбаум говорит, что до стадии утилитарного использования железа был период, который начинается в Восточном Средиземноморье с 1200 г. до н.э. и характеризуется переходом производства оружия и орудий труда от бронзы к железу, но в то же время она называет этот период "ранним железным веком I" (Waldbaum J., 1980, p. 82). В. Пигот, рассматривая развитие железоделательного производства в Западном Иране, считает, что этот процесс начинается с 1450 г. н.э., а выделяемый им период с этого года до 550 г. до н.э. относит к "раннему железному веку I" (Pigott V., 1980, p. 420). С другой стороны, Р. Плейнер убежден, что ранний железный век в Западной Европе начинается с 700 г. до н.э., а время до этого года относится к бронзовому веку, несмотря на появление серий железных вещей (Pleiner R., 1980, p. 379). Но несмотря на разноголосицу в употребляемой терминологии, наличие переходного периода как такового в сущности признается всеми исследователями.

Рядом ученых (Т. Вертайм, Р. Тилекот, Р. Маддин, Д. Мули, Т. Уайлер, Дж. Вальдбаум и др.) были выделены общие черты, характеризующие начало освоения железа на различных территориях древнего мира. Отмечалось, что при переходе от бронзы к железу шло постепенное вытеснение бронзовых изделий железными, но не было преобладания железа над бронзой. Этот период характеризовался увеличением удельного веса железных изделий.

Однако всего этого недостаточно для полной и точной характеристики переходного периода как процесса. Вероятно, наиболее точным определением переходного периода от бронзы к железу является характеристика, данная ему Э. Снодграссом: "...железному веку предшествовал очень долгий период... более или менее непоследовательного экспериментирования (Snodgrass A., 1980, p. 235). Э. Снодграсс выделил три следующие друг за другом стадии железа. Первая стадия характеризуется применением железа в качестве украшений. Вторую стадию – переходную, когда фиксируются первые серии железных вещей, но преобладают бронзовые изделия, –

© Н.И. Никитенко, 1998 г.

Э. Снодграсс называет стадией интенсивного экспериментирования. На этой стадии появляется "работающее" железо, но используется практически бронза. На третьей стадии железо превосходит бронзу как рабочий металл, хотя и продолжается производство бронзовой продукции. Работающее железо – это критерий, отделяющий стадии 2 и 3 от стадии 1. Развитие железоделательного производства идет путем проб и ошибок, что находит отражение в разнообразии форм и качества железных изделий. Разница между стадиями 2 и 3 заключается в пропорциях использования железа на данной территории. На третьей стадии железные изделия уже преобладают над бронзовыми. Но стадия 3 все еще является стадией интенсивного экспериментирования (Snodgrass A., 1980, p. 335–338). Такое развитие применения железа было убедительно продемонстрировано Э. Снодграссом на кипрских материалах XII–X вв. до н.э. (Snodgrass A., 1980, p. 341).

Если рассмотреть, как трактуется в научной литературе процесс перехода от бронзового века к железному на территории степной и лесостепной зон Восточной Европы, то выяснится, что большинством исследователей выделяется фаза в развитии применения железа, когда железные вещи получают широкое распространение, но бронзовые по-прежнему преобладают. В частности, Б.Н. Граков, который привел первую сводку древнейших железных вещей на территории Европейской части СССР, предположил, что секрет выработки небольших криц сыродутным способом был известен в данном регионе в течение почти всего II тыс. до н.э. и применение железа на территории степей развивалось так же, как и на других территориях, – процесс восстановления железа и получения малых криц использовался в разгар существования медных и бронзовых орудий. Этот период совпадает с количественным ростом железных вещей в Восточном Средиземноморье. Решительное же наступление железа на бронзу на юге Европейской части СССР относится к VIII – концу VII в. до н.э., как и в областях гальштатта, и, как и там, железо побеждает бронзу вполне лишь к середине VII в. до н.э. В этом процессе территория Европейской части СССР не отставала от территории Западной Европы (Граков Б.Н., 1958, с. 9). Необходимо отметить, что в работе Б.Н. Гракова были определены хронологические рамки становления первоначального освоения железа: середина II тыс. до н.э. – середина VII в. до н.э., но термин "переходный период" еще не применялся.

По мнению Б.А. Шрамко, процесс ознакомления с железом в Восточной Европе в конце II – начале I тыс. до н.э. привел к добыче нового металла из руд, а экспериментирование в производстве железа происходило самостоятельно и параллельно с развитием этого процесса в ряде передовых стран Европы (Шрамко Б.А., 1965, с. 225). Причину столь бурного развития применения железа Б.А. Шрамко видел в экономических условиях: "к концу II тыс. до н.э. племена, обитавшие на территории Восточно-Европейской равнины, достигли такого уровня развития, при котором дальнейший рост производительных сил требовал расширения сырьевой базы" (Шрамко Б.А., 1965, с. 219). Исследователь признавал, что стимулом развития железа был дефицит бронзы, но связывал его с экономическим развитием и прогрессом, а не регрессом. С технологической стороны Б.А. Шрамко выделял две ступени периода развития использования железа: с начала IX в. до н.э. до VIII в. до н.э. и с VIII в. до н.э. до VII в. до н.э. – в это время шел процесс освоения технологии добычи и обработки железа. Со второй половины VII в. до н.э. наступает настоящий железный век (Шрамко Б.А., 1965, с. 225); его технологическими критериями для Б.А. Шрамко являются разнообразие технологий изготовления железных изделий и повышение их качества.

В истории выявления переходного периода в степях Восточной Европы в отечественной научной литературе особое место занимают работы по исследованию белозерской культуры, так как определенное количество железных вещей появляется именно в этой культуре, которую большинство ученых относит к позднему бронзовому веку (Лесков А.М., 1967, с. 143–178; Отрощенко В.В., 1981; Черняков И.Т., 1985). Памятники же предскифского периода совпадают, по мнению А.М. Лескова, с началом железного века (Лесков А.М., 1967, с. 144).

А.И. Тереножкин первым выделил существование переходного периода от бронзового века к железному на территории степей Восточной Европы. С его точки зрения, белозерская ступень соответствует еще бронзовому веку (Тереножкин А.И., 1976, с. 191). Выделенная им для позднейшего предскифского периода ранняя черногоровская ступень соответствует собственному переходу от бронзы к железу, а более поздняя новочеркасская ступень оказывается уже временем развитого железного века (Тереножкин А.И., 1976, с. 5, 6). Критерием выделения переходного периода для упомянутого исследователя является процесс вытеснения бронзовых изделий железными. На новочеркасском этапе изделия из железа полностью заменяют бронзовые, что и фиксирует, по его мнению, начало железного века (Тереножкин А.М., 1976, с. 192–196). Большинство исследователей предскифского периода принимают эту схему становления и развития железного века на территории степей юга Восточной Европы, созданную А.И. Тереножкиным (Черняков И.Т., 1985; Культуры..., 1986; Ванчугов В.П., 1990; Дударев С.Л., 1991).

Однако некоторые ученые четко не выделяют переходный период. Так, в работе "История черной металлургии на территории Украины" ее авторы, следуя западной традиции, считают, что эпоха XI–X вв. до н.э. (время существования белозерской культуры) относится к первой древнейшей ступени железного века, которая еще на протяжении одного-двух столетий сосуществует с конечной фазой бронзового века (История ..., 1983, с. 19). Этой же традиции следует и В.С. Бочкарев, который пришел к выводу, что начало раннежелезного века в Причерноморском регионе следует относить к XII–X вв. до н.э. (Бочкарев В.С., 1988).

Таким образом, встал вопрос, к какому периоду относится белозерская культура – к позднему бронзовому или раннему железному веку либо к переходному времени между этими веками. Для решения этого вопроса необходимо сначала обратить внимание на развитие белозерской культуры.

Исследователи белозерской культуры отмечают кризисные явления в ее экономике по сравнению с предшествовавшей сабатиновской (Тереножкин А.И., 1976; Отрощенко В.В., 1981; Черняков И.Т., 1985; Культуры ..., 1986; Ванчугов В.П., 1990). Это выражается в сокращении населения, уменьшении количества поселений, примитивизации домостроительства, сокращении бронзолитейного производства, вызванного дефицитом бронзы и выразившимся в миниатюризации металлических изделий, исчезновении обычая класть крупные функциональные металлические предметы в погребения, возрождении кремневой индустрии и т.д.

Причины этого упадка объясняют миграционными (Черняков И.Т., 1985, с. 155), климатическими (Махортых С.В., Иевлев М.М., 1991, с. 18–30) факторами, кризисными явлениями в экономике, связанными с наступлением эпохи раннего железа, подчеркивается, что тенденции упадка характерны для перехода к кочевому скотоводству (Культуры ..., 1986, с. 150–152). Некоторые ученые, например В.П. Ванчугов, объясняют причины кризисных явлений переходным характером белозерской экономики от оседлого земледельческого уклада к кочевому скотоводству, причем этот период хронологически совпал с переходным периодом от эпохи бронзы к эпохе железа (Ванчугов В.П., 1990, с. 109). Но все же переходный характер экономики белозерской культуры является не причиной кризисных явлений, а их следствием.

Нужно также отметить и удивительное сходство кризисных явлений начала переходного периода в степях Восточной Европы и регионах Восточного Средиземноморья. Это сходство уже было замечено исследователями (Ванчугов В.П., 1990, с. 104, 161). Кроме того, во многом сходные процессы происходили в конце II – начале I тыс. до н.э. и на других территориях – в Болгарии (Тончева Г., 1980), в Венгрии (Археология Венгрии, 1986). Возможно, что все эти процессы были взаимосвязаны и правы те исследователи, которые отмечают эту связь (Kimming W., 1964, S. 220–244; Черняков И.Т., 1984, с. 34–41). В научной литературе по данному периоду уже неоднократно подчеркивалось, что процесс перехода от бронзы к железу начался в

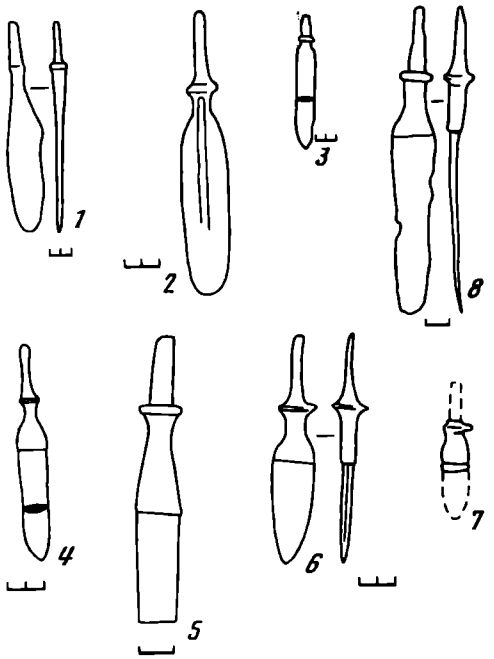


Рис. 1

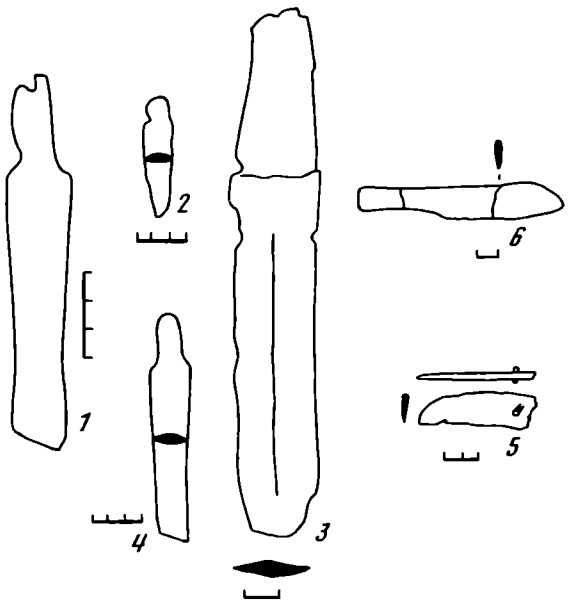


Рис. 2

Рис. 1. Двулезвийные ножи-кинжальчики: *1* – г. Таращанск; *2* – погребение на поселении у с. Афанасьевка; *3* – погребение кург. 2 могильника Каланчак; *4* – погребение могильника у с. Кочковатое; *5* – погребение кургана Широкая могила; *6* – погребение могильника у с. Заповитное, *7* – Малохортицкое поселение, *8* – погребение у с. Хаджилар (*1–3* – бронзовые, *4–8* – биметаллические)

Рис. 2. Железные двулезвийные кожи-кинжальчики и железные однолезвийные ножи: *1* – погр. 1 кург. 3 могильника у с. Каиры; *2* – погребение могильника у с. Кочковатое; *3* – погребение могильника у с. Облои; *4* – погребение могильника Будуржель; *5* – погр. 3 кург. 5 у с. Первомаевка; *6* – погр. 1 кург. 3 у с. Похребя

историческом аспекте в эпоху регресса, связанного с периодом региональных культурных перемен (Waldbaum J., 1978, p. 67).

Обратимся теперь к истории появления наиболее ранних железных вещей, известных с территории юга Восточной Европы.

Из материалов культур бронзового века известны отдельные редкие и единичные находки железных изделий. Первая сводка наиболее древних находок на территории степи и лесостепи Восточной Европы, как уже говорилось, была представлена Б.Н. Граковым (Граков Б.Н., 1958), однако сейчас количество их увеличилось. Самое древнее биметаллическое изделие – нож или кинжальчик с лезвием из кричного железа – найдено на территории, пограничной со степью, в погр. 5 кург. 4 на левом берегу р. Уразовой в бассейне Северского Донца в с. Герасимовка. Погребение раннекатакомбной культуры относится к 1700 г. до н.э. (Шрамко Б.А., Машкаров Ю.Г., 1993, с. 163–170, рис. 3, *1*, *2*). В сабатиновское время железные вещи также очень редки и единичны. Известно шило с поселения Ташлык 1, относящееся к XIII в. до н.э. – это четырехгранный в сечении стержень, длиной 91 мм, на утолщенном конце находится острие (История ..., 1983, с. 15). В кург. 1 погр. 2 у с. Лиманцы Снигеревского рай-на Николаевской обл., которое относится к сабатиновской культуре, было найдено железное шило (История ..., 1983, рис. 3, *4*).

Если на протяжении четырех веков на огромной территории от Дуная до Волги известно лишь 7 изделий из железа, то в белозерской культуре на протяжении двух веков ее существования и на весьма ограниченной территории, занимаемой этой культурой, известно вдвое большее количество железных изделий – 15.

На территории этой культуры найдено около 40 бронзовых, 6 биметаллических, 5 железных ножей или кинжальчиков (рис. 1, *3*). Биметаллические ножи-кинжальчики

(История ..., 1983, с. 16) аналогичны бронзовым изделиям типа Н-36 и Н-38 по классификации Е.Н. Черных, 1976, с. 120, 121). Они имеют выделенный бронзовый черенок с четким кольцевым упором вокруг него; железный клинок вставлен в основание, переходящее в черенок. Биметаллические ножи-кинжалы из могильника у с. Кочковатое (Ванчугов В.П., 1990, рис. 33, *15*) (рис. 1, *4*), кургана Широкая могила (Культуры ..., 1986, рис. 4, *1*) (рис. 1, *5*), из погребения у с. Хаджилар в Молдове (Агульников С.М., Курчатов С.И., 1994, с. 4–7, рис. 1, *11*) (рис. 1, *8*) имеют железные клинки с параллельными лезвиями, без ребра по клинку. У экземпляра из с. Кочковатое выделен переход от упора к верхней части клинка, у кинжальчика из Широкой могилы этот переход не выделен, а экземпляр из Хаджиляра, имеющий слабо выделенный переход, является по этому признаку промежуточным между ними. Наиболее близок этим экземплярам нож-кинжал из кург. 2 могильника у с. Каланчак (Черных Е.Н., 1976, табл. XXXVI, *15*), целиком изготовленный из бронзы и соответствующий типу Н-38 (рис. 1, *3*). Сохранившаяся длина кинжальчика из Широкой могилы равна 8 см, длины экземпляров из Кочковатовского могильника и Хаджиляра – около 13 см. Длина цельнобронзового кинжальчика из с. Каланчак равна 16 см. Таким образом, биметаллические кинжальчики мало отличаются по размерам от своих бронзовых аналогов.

Железный клинок листовидной формы биметаллического ножа-кинжала из погребения у хутора Степное у с. Заповитное (Отрощенко В.В., 1975, рис. 6, *3*) (рис. 1, *6*) – бронзовая часть его имеет выделенный переход от упора к верхней части клинка, общая длина изделия 11 см. Наиболее близкими ему являются бронзовые ножи типа Н-36 и Н-40 из Таращанска (рис. 1, *1*) (Черных Е.Н., 1976, табл. XXXVI, *1*) и Афанасьевки (рис. 1, *2*) (Ванчугов В.П., 1990, рис. 33, *17*). Размеры этих вещей 20 и 16 см. Известны плохо сохранившиеся биметаллические ножи-кинжальчики с упором из Збурьевки (Культуры..., 1986; с. 159) и Малохортицкого поселения (Культуры..., 1986, рис. 4, *3*) (рис. 1, *7*).

Е.Н. Черных учел около 20 экз. бронзовых ножей-кинжалов типа Н-36 и Н-38 и высказал предположение, что "карта распространения находок этих ножей и химический состав проанализированных находок позволяют видеть в них местное производство в пределах металлодобывающего района в Поднепровье" (Черных Е.Н., 1976, с. 120, 121).

Железные двулезвийные черешковые ножи (рис. 2) подражают бронзовым ножам типа Н-18 и Н-20 по классификации Е.Н. Черных. Железные двулезвийные ножи из погр. 1 кург. 3 могильника у с. Каиры (Кубышев А.И., 1988, рис. 37, *4*) (рис. 2, *1*), могильника у с. Кочковатое (Ванчугов В.П., 1990, рис. 33, *13*) (рис. 2, *2*), могильника Будуржелы (Ванчугов В.П., 1990, рис. 33, *12*) (рис. 2, *4*) имеют выделенный черенок, параллельные лезвия без ребра по клинку. Размеры их соответственно (см): 16,5, 7 и 13. Эти экземпляры аналогичны бронзовым ножам типа Н-18 из могильника Будуржель (рис. 3, *1*, *7*, *8*) (Ванчугов В.П., 1990, рис. 33, *6*, *7*, *10*), с. Кочковатое (рис. 3, *2*) (Ванчугов В.П., 1990, рис. 33, *9*), погр. 2 кург. 6 у с. Первомаевка (рис. 3, *5*) (Черных Е.Н., 1976, табл. XXXV, *11*). Размеры бронзовых ножей колеблются от 7 до 20 см). Обращает на себя внимание значительный разброс в длинах как бронзовых, так и железных ножей типа Н-18.

Железный двулезвийный черенковый нож с параллельными лезвиями и ребром по клинку длиной 16 см из раскопок Г.Л. Евдокимова в с. Облои в 1989 г. (сообщение Г.Л. Евдокимова) (рис. 2, *3*) имеет близкие аналогии среди бронзовых ножей типа Н-20 из Обуховки (рис. 3, *3*) (Черных Е.Н., 1976, табл. XXXV, *14*), Змеевки (рис. 3, *4*) (Черных Е.Н., 1976, табл. XXXV, *13*). Длина ножа из Обуховки 11 см. Таким образом, железный нож на 5 см больше своего бронзового аналога. Ножи из сел Облои и Каиры являются наиболее крупными среди ножей этого типа.

Приблизительная дата железных ножей – конец X в. до н.э. (Ванчугов В.П., 1990, с. 119). По мнению Е.Н. Черных, бронзовые изделия этих типов можно рассматри-

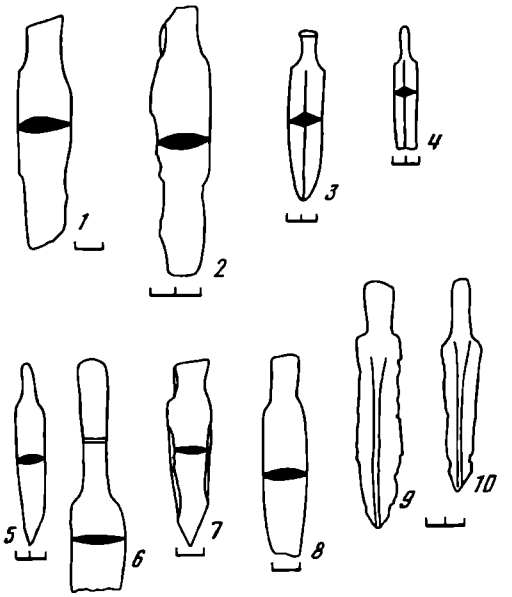


Рис. 3. Бронзовые двулезвийные ножи-кинжальчики: *1, 7, 8* – погребения могильника Будуржель; *2* – погребение могильника у с. Кочковатое; *3, 6* – Обуховка; *4* – поселение Змеевка; *5* – погр. 2 кург. 6 у с. Первомаевка; *9* – погребение кург. 2 могильника Каланчак; *10* – Любимовка

вать как северопричерноморский тип. Они известны на этой территории с конца сабатиновского – начала белозерского времени (Культуры..., 1986, с. 117). В белозерское время они найдены также и в районе Волго-Донского междуречья (Шарафутдинова Э.С., 1991, с. 184–196).

Таким образом, на территории белозерской культуры впервые фиксируются серии предметов из железа, которые представлены категорией ножей-кинжальчиков. Биметаллические и железные относятся к разным типам ножей, каждый из которых имеет свой прототип из бронзы. Следовательно, сосуществование однотипных биметаллических и бронзовых, железных и бронзовых вещей позволяет говорить о местном производстве не только бронзовых и биметаллических, но и железных орудий на белозерском этапе.

Кроме изделий местного производства, известны и импортные железные вещи. В погр. 3 кург. 5 у с. Первомаевка Херсонской обл. был найден железный однолезвийный нож длиной 12 см с горбатой спинкой (Евдокимов Г.Л., 1987, с. 109, рис. 2, *4*) (рис. 2, *5*). Деревянная рукоять крепилась к полотну ножа при помощи железной заклепки. Другой сопровождающий инвентарь был типично белозерским: два кубка с цилиндрическими шейками и стеклянные бусы. По мнению Г.Е. Евдокимова, аналогичным первомайскому является нож из Гановиц, имеющий в свою очередь аналогии в Эгеиде и Анатолии (Евдокимов Г.Л., 1987, с. 109). Но в Гановице была найдена лишь железная рукоять ножа с бронзовыми заклепками (Pleiner R., 1980, p. 337, fig. II. *1, 4*), что свидетельствует лишь об одинаковом способе крепления рукояти. По форме наиболее близок ножу из с. Первомаевка железный однолезвийный нож без выделенного черенка из Кносса, он датируется XII–XI вв. до н.э. (Bouzek J., 1969, S. 27, Taf. 6, *14*). Возможно, что нож из Первомаевки имеет средиземноморское происхождение.

В погр. I кургана III у с. Похребя в Молдове был найден однолезвийный черешковый железный нож длиной около 12 см (рис. 2, *6*) (Агульников С.М., Кетрару Н.А., 1992, с. 137, рис. 2, *6*). Кроме ножа, в погребении были обнаружены стеклянные бусы и глиняный кубок, типичные для белозерской культуры, а также корчага и черпак, имеющие аналогии в памятниках культуры Бабадаг 1 (Агульников С.М., Кетрару Н.А., 1992, с. 140). Ближайшие одновременные бронзовые аналогии ножу из этого погребения находятся в памятниках Балкано-Дунайского региона (Patek E., 1968, Taf.

Таблица 1

Ножи белозерской культуры

Тип по Е.Н. Черных	Бронза	Бронза – железо	Железо
Н-36,38	22+	6	0
Н-18,20	18+	0	5
Импортные ножи	1	0	2
Всего	41+	6	7

Примечание. "+" – точное количество неизвестно.

IX, *6*), а бронзовый нож из Новогригорьевского клада белозерской культуры является самым близким территориально (Ванчугов В.П., 1990, с. 89, рис. 36, *3*). Вероятно, что нож из с. Похребя происходит из Балкано-Подунавья. В то же время В.П. Ванчугов высказал предположение о местном производстве однолезвийных бронзовых ножей. Основанием для этого служит находка фрагмента литейной формы однолезвийного ножа на поселении Суворово VI (Ванчугов В.П., 1990, с. 89, рис. 34, *1*). На наш взгляд, размеры этого обломка литейной формы не позволяют с уверенностью говорить о типе этого ножа.

Таким образом, при рассмотрении белозерских ножей может быть составлена таблица с подсчетами по типам ножей с учетом металла, из которого они изготовлены (табл. 1).

Кроме ножей, известны и другие железные импортные изделия, относящиеся к белозерскому времени. В основном погребении кург. 1 у с. Казаклия в Молдове были найдены два куска однолезвийного железного меча раннегальштатского типа, по мнению автора раскопок (Чеботаренко Г.Ф., 1982, с. 137). Погребение сопровождалось пятью глиняными сосудами, один из которых – корчага – имеет аналогии среди корчаг-урн из культуры позднего бронзового века Нижнего Дуная. Г.Ф. Чеботаренко относит этот курган к X–IX вв. до н.э. (Чеботаренко Г.Ф., 1982, с. 134–145). В Казаклийском могильнике были найдены и фрагменты железной фибулы (Агульников С.М., 1987, с. 4, 5). К сожалению, рисунки этих вещей не были опубликованы и мы можем полагаться лишь на слова авторов раскопок и сообщений.

Следует особо подчеркнуть, что все импортные железные вещи, найденные в погребениях белозерской культуры, имеют по всей вероятности, западное происхождение. Данное предположение основано на отмеченном морфологическом сходстве этих предметов с вещами в основном из Балкано-Дунайского региона, а также на территориальной близости мест их находок к Балкано-Подунавью.

Рассмотрим, как металлический инвентарь белозерской культуры распределяется по местам его обнаружения – погребениям, поселениям, кладам. Учитываются также случайные находки и находки литейных форм (табл. 2).

Ножи-кинжальчики, стрелы, украшения были найдены как в погребениях, так и на поселениях, копья являлись случайными находками либо входили в состав кладов (табл. 2). Как видно из табл. 2, кельты, долота и шилья в погребениях не обнаружены.

В погребениях были найдены и импортные железные вещи – меч, ножи, фибула (табл. 2). Импортные изделия из бронзы известны в основном по кладам (табл. 2) – это кинжал, топоры, секира с Северного Кавказа, а также нож, кельты, браслеты из Центральной Европы. Нужно отметить, что, несмотря на небольшое количество находок металлических предметов, известны многочисленные каменные литейные формы для изготовления бронзовых изделий типов, считающихся характерными для белозерской культуры (табл. 2). Находки литейных форм на территории белозерской культуры указывают на использование населением этой культуры отливавшихся в них изделий. Отсутствие до настоящего времени их находок свидетельствует о том, что металлоемкие изделия представляли большую ценность и сломанные вещи, видимо, сразу же переплавлялись. Следует подчеркнуть, что литейных форм метал-

Таблица 2

Распределение металлических находок белозерской культуры

Изделие	Погребения			Поселения			Клады			Случайные находки			Всего	Литейные формы
	Бр	Би	Же	Бр	Би	Же	Бр	Би	Же	Бр	Би	Же		
Кинжалы, мечи	–	–	/1и	–	–	–	/1и	–	–	–	–	–	2	1
Копья	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	2	3
Стрелы	2	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	3	2
Топоры	–	–	–	–	–	–	/2и	–	–	–	–	–	2	–
Секиры	–	–	–	–	–	–	/1и	–	–	–	–	–	1	–
Ножи	25	5	5/2и	22	1	–	2/1и	–	–	4	–	–	67	17
Тесла	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Кельты	–	–	–	2	–	–	6/8и	–	–	2	–	–	18	25
Шилья	–	–	–	9	–	–	–	–	–	–	–	–	9	2
Долота	–	–	–	–	–	–	1	–	–	13	–	–	14	8
Фибулы	/8и	–	/1и	–	–	–	–	–	–	–	–	–	9	–
Браслеты	26+	–	–	1	–	–	1/5и	–	–	1	–	–	34	2
Булавки	6/1и	–	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	13	4
Подвески	20+	–	–	10	–	–	–	–	–	–	–	–	30+	+
Всего	88+	5	9	51	1	0	29	0	0	21	0	0	204	64

Примечание. Бр – бронзовое, Би – биметаллическое, Же – железное, и – импортное изделие; + – точное количество находок неизвестно. В таблицу вошли: кинжал – из клада Чеболакчия-Викторовка (Ванчугов В.П., 1990, рис. 36, *61*); копья – из клада Калантаев (Культуры..., 1986, с. 140), случайная находка копья из с. Келеберды Ильмезовского р-на Черкасской обл. (Черных Е.Н., 1976, с. 102, табл. XXVI); стрелы – из погребения Васильевского могильника (Ванчугов В.П., 1990, рис. 35, *3*), из погребения у с. Старые Буюкалы (Ванчугов В.П., 1990, рис. 35, *7*), с поселения Суворово VI (Ванчугов В.П., 1990, с. 92); топоры – два кавказских топора из клада Аккермень (Ванчугов В.П., 1990, рис. 36, *13, 14*); секира – кавказская секира из клада Чеболакчия-Викторовка (Ванчугов В.П., 1990, рис. 36, *16*); ножи – бронзовые ножи известны с поселений, погребений и кладов (Ванчугов В.П., 1990, с. 53; Черных Е.Н., 1976, с. 119–121; Культуры..., 1986, с. 138–143); кельты – из кладов Новогригорьевского (Ванчугов В.П., 1990, рис. 36, *5–8*), Павловки (Ванчугов В.П., 1990, рис. 36, *1*), Соколен (Черных Е.Н., 1976, с. 78, 88), Мельниковки (Черных Е.Н., 1976, с. 84), Медведовки (Черных Е.Н., 1976, с. 88), Калантаева (Культуры..., 1986, с. 140), Староселья (Культуры..., 1986, с. 140), с поселений Завадовка (Культуры..., 1986, с. 138), Чебановка III (Ванчугов В.П., 1990, с. 90), а также случайные находки двух кельтов из с. Красный Кут (Лесков А.М., 1967, с. 159, рис. 8, *1, 2*); долота – находка из клада Соколены и 13 случайных находок (Черных Е.Н., 1976, с. 109, 110); шилья – с поселений Белозерский лиман, Кировское, Ушкалка, Змиевка, Вороновка II, с. Криничное (Кривцова-Гракова О.А., 1949, с. 85; Черных Е.Н., 1976, с. 125; Ванчугов В.П., 1990, с. 25, 31); фибулы из погребений могильников Кочковатое, Казаклия, Струмок, Лукьяновского, Первомаевского, Степного, с. Широкое (Ванчугов В.П., 1990, с. 111, 112); браслеты из погребений могильников Широкое, Федоровка, из слоя Кировского поселения (Черных Е.Н., 1976, с. 130, 131); булавки из погребений могильников Верхнехортицкого, в том числе и кобанская булавка, Широкое (Культуры..., 1986, с. 129), Будуржель, Тирасполь (Ванчугов В.П., 1990, рис. 37, *16, 17, 19*), из поселений Вороновка II (Ванчугов В.П., 1990, рис. 37, *18*), В.Тарасовка, Кировское, Змеевка (Черных Е.Н., 1976, с. 126–129).

лоемких предметов – кинжала, копий, кельтов, тесел – найдено большее количество, чем их бронзовых экземпляров. В то же время количество найденных мелких бронзовых вещей: ножей, долот, шильев, украшений – значительно превышает количество их литейных форм (табл. 2). Такая ситуация демонстрирует вынужденную экономию металла в белозерской культуре. Подсчеты бронзовых изделий белозерской культуры производились по памятникам, указанным в примечании к табл. 2.

Таблица 3

Металлические изделия белозерской культуры

Изделие	Бронза	Бронза-железо	Железо	Всего
Оружие	9	0	1	10
Орудия труда	32	0	0	32
Ножи-кинжальчики	44	6	5	55
Ножи однолезвийные	9	0	2	11
Украшения	85+	0	1	86+
Всего	179+	6	9	194

Примечание. + – точное количество неизвестно.

В белозерской культуре, несмотря на появление серий железных вещей, явно преобладают бронзовые изделия. Характерным для белозерской культуры является преобладание среди всех изделий из железа ножей-кинжальчиков (табл. 3).

Именно широкое применение бронзовых ножей-кинжальчиков белозерским населением в повседневной жизни сделало их столь многочисленными; возможно, поэтому они и стали первым опытом в серийном применении железа. В научной литературе уделялось мало внимания назначению этой категории изделий. Поэтому возникает вопрос, являются ли эти предметы простыми орудиями труда или они имеют определенный сакральный смысл. На эту мысль наводит идея о всеобщей миниатюризации металлических изделий, которую поддерживают многие исследователи белозерской культуры (Ванчугов В.П., Бочкарев В.С. и др.). В таком случае они могли быть уменьшенными копиями сабатиновских двулезвийных кинжалов и рассматриваться в качестве символа оружия, помещаемого в могилы. Поэтому изготовление серий таких биметаллических и железных ножей-кинжальчиков могло бы объяснить применение железа не просто в утилитарных вещах, а в предметах-символах. Но на наш взгляд, наиболее вероятно, что ножи-кинжальчики были все-таки простыми орудиями труда. Генетически они были связаны с двулезвийными ножами сабатиновской культуры (Культуры..., 1986, с. 138–143). Функции же сабатиновских кинжалов были разнообразны, и на это обратила внимание еще О.А. Кривцова-Гракова (1955, с. 161). Одной из таких утилитарных функций, например, было, по мнению И.Т. Чернякова, использование для обработки литейных форм узколезвийных миниатюрных ножей с круглым упором для рукояти (Черняков И.Т., 1965, с. 113, рис. 8, *б*). Таким образом, при отсутствии массового количества однолезвийных ножей как в сабатиновской, так и в белозерской культуре их чисто утилитарные функции должны были выполнять двулезвийные. Из-за своих небольших размеров белозерские ножи-кинжальчики вряд ли служили оружием, но такая их особенность не препятствовала использованию белозерских как бронзовых, так и железных и биметаллических ножей в качестве орудий труда. В пользу этого свидетельствует помещение биметаллических экземпляров из Хаджиляра и Кочковатого в могилы рядом с заупокойной пищей. Местонахождение кинжальчика из Широкого в погребении in situ неизвестно, так как захоронение было ограблено. Кинжальчик из Степного находился в могиле рядом с сосудом в юго-восточном углу напротив рук погребенного. Железный нож-кинжал из с. Каиры также был найден в погребении рядом с напутственной пищей. Подобное расположение в могилах демонстрирует утилитарность этих орудий и заставляет сомневаться в сакральности их функций, поскольку можно предположить, что амулеты или символическое оружие должны были занимать свое место в погребении в непосредственной близости к умершему – например, на груди в качестве амулета или у рук, на поясе в качестве символа оружия. Кроме того, по размерам железные и биметаллические ножи близки своим бронзовым аналогам. Значит, они не являлись уменьшенными копиями цельнобронзовых орудий белозерской культуры, а скорее всего использовались наравне с ними.

Таблица 4

Категории металлических изделий белозерской культуры

Бронза	Бронза-железо	Железо
Кинжал импортный	Нож-кинжальчик	Меч импортный
Копье		Нож импортный
Стрела		Нож-кинжальчик
Топор импортный		Фибула импортная
Секира импортная		
Нож-кинжальчик		
Нож однолезвийный		
Долото		
Кельт (+ импорт)		
Тесло		
Шило		
Подвеска		
Фибула импортная		
Браслет (+импорт)		
Булавка (+импорт)		

Если обратиться к распространению металлических изделий по категориям, то вновь подтверждается полное преобладание бронзы над железом, особенно если выделить импортные – как бронзовые, так и железные – вещи (табл. 4). Очевидно, что ассортимент изделий из железа чрезвычайно узок и представлен по сути одной категорией – ножами-кинжальчиками.

Все вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы о начале перехода от бронзы к железу на территории юга степей Восточной Европы. На наш взгляд, рамки переходного периода, установленные А.И. Тереножкиным для памятников степи Восточной Европы, нуждаются в расширении: процесс перехода от бронзы к железу начался на позднебелозерском этапе. В условиях регресса металлургии белозерской культуры, обусловленного различными причинами, возникла потребность замены бронзы, ставшей дефицитным металлом, иным материалом. Это и послужило толчком к использованию железа, которое как металл уже было известно, о чем свидетельствуют уже упоминавшиеся находки ножа из с. Герасимовка, шильев из Ташлык 1 и погр. 2 кург. 1 у с. Лиманцы. В результате появляются первые серии утилитарных биметаллических и железных изделий (табл. 2), подражающие бронзовым образцам. Такими изделиями стали наиболее распространенные в белозерской культуре двулезвийные ножи-кинжальчики типа Н-18, 20 и Н-36, 38. Остальные категории вещей продолжают изготавливать из бронзы: копья с прорезным пером, кельты, долота, стрелы и т.д.

Основными признаками начала перехода от бронзы к железу можно считать следующее: появление железа в сериях биметаллических изделий выдержанных типов, подражающих бронзовым; появление чисто железных вещей определенных типов, подражавших бронзовым и сосуществовавших на определенном этапе. Следовательно, перед нами эксперимент с новым материалом, который заключался в более или менее удачном применении железа для изготовления традиционных изделий. В данном случае тип вещи не зависел от свойств нового материала, из которого она была изготовлена. Биметаллические вещи, повторяющие форму бронзовых, являлись вероятно, одним из первых опытов в серийном изготовлении железных предметов. Наличие таких биметаллических изделий характерно для многих регионов Циркумпонтийской зоны в начале переходного периода: для Восточного Средиземноморья

(Snodgrass A., 1980, p. 335–374), Ирана (Pigott V., 1980, p. 416–459), Северного Кавказа (Дударев С.Л., 1991) и др. Но недостаток данных не позволяет утверждать, что это было общим признаком процесса освоения железа для любой территории.

Особенностью внедрения железа на территории степей Восточной Европы является тот факт, что в позднебелозерское время первые серии биметаллических и железных вещей, подражавших бронзовым, представлены одной категорией – ножами-кинжальчиками, имевшими местное происхождение, но одновременно фиксируется и проникновение импортных железных изделий. Все эти предметы имеют многочисленные аналогии в памятниках культур Балкано-Дунайского региона. Поэтому, возможно, что одним из путей, по которому железные вещи попадали в степь, был западный, Таким образом, на территории белозерской культуры, и это является еще одной из ее особенностей, применение железа начинается со стадии II по Э. Снодграссу, т.е. со стадии интенсивного экспериментирования. Освоение железа в Северном Причерноморье шло, минуя стадию I по Э. Снодграссу, – в этом регионе нет украшений из железа местного производства, так как железные фибулы являются импортными, а ножи-кинжальчики могли иметь чисто утилитарную функцию.

Процесс освоения железа в степях Восточной Европы развивался и в культурах, сменивших белозерскую. Дальнейшие этапы развития этого процесса нуждаются в специальных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агульников С.М., 1987. Белозерские памятники степной Молдавии // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. VI Республ. конф. молодых археологов. Кишинев.

Агульников С.М., Кетрару Н.А., 1992. Курган белозерской культуры у с. Похребя в Нижнем Поднестровье // АИМ за 1986 г. Кишинев.

Агульников С.М., Курчатов С.И., 1994. Курган белозерского времени у с. Хаджилар в Нижнем Поднестровье // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. Запорожье.

Археология Венгрии, 1986. М.

Бочкарев В.С., 1988. К вопросу о ранней стадии использования железа в Северном Причерноморье // Всесоюз. семинар, посвящ. 90-летию со дня рождения М.И. Артамонова. Л.

Ванчугов В.П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Гернес М., 1914. Культура доисторического прошлого. Железный век. Ч. III. М.

Граков Б.Н., 1958. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР // СА. № 4.

Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Евдокимов Г.Л., 1987. Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

История черной металлургии и металлообработки на территории Украины, 1983. Киев.

Кривцова-Гракова О.А., 1949. Бессарабский клад // тр. ГИМ. Вып. 1.

Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46.

Кубышев А.И., 1988. Отчет об археологических работах // Архив ИА УАН. 1988/20.

Культуры эпохи бронзы на территории Украины, 1986. Киев.

Лесков А.М., 1967. О северо-причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев.

Махортых С.В., Иевлев М.М., 1991. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Отрощенко В.В., 1975. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев.

Отрощенко В.В., 1981. Срубная культура Степного Поднепровья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
Тончева Г., 1980. Миграционные движения в эпоху поздней бронзы и гальштатта на территории Северо-Восточной Болгарии. София.
Чайлд Г., 1949. Прогресс и археология. М.
Чеботаренко Г.Ф., 1982. Курган X–IX вв. до н.э. у с. Казаклия // АИМ в 1977–1978 гг. Кишинев.
Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
Черняков И.Т., 1965. Красномаяцкий клад литейщика // КСОГАМ за 1963 г. Одесса.
Черняков И.Т., 1984. Связи сабатиновских племен Северо-Западного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем // Северное Причерноморье. Материалы по археологии. Киев.
Черняков И.Т., 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев.
Шарафутдинова Э.С., 1991. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и Степном Прикубанье // СА. № 1.
Шрамко Б.А., 1965. Появление и освоение железа в Восточной Европе // Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР. Харьков.
Шрамко Б.А., Машкаров Ю.Г., 1993. Исследование биметаллического ножа из погребения катакомбной культуры // СА. № 2.
Bouzek J., 1969. Homerisches Griechenland. Praha.
Kimming W., 1964. Seevolkerbewegung und Urnenfelderkultur // Studien aus Alteuropa. Teil 1. Koln; Graz.
Patek E., 1968. Die Urnenfelderkultur in Transdanubien. Budapest.
Pigott V., 1980. The Iron Age in Western Iran // The Comming of the Age of Iron. New York; London.
Pleiner R., 1980. Early Iron Metallurgy in Europe // The Comming of the Age of Iron. New York; London.
Snodgrass A., 1980. Iron and Early Metallurgy in the Mediterranean // The Comming of the Age of Iron. New York; London.
Waldbaum J., 1978. From Bronze to Iron. Goteborg.
Waldbaum J., 1980. The First Archaeological Apperance of Iron and the Transition of Iron Age // The Comming of the Age of Iron. New York; London.

Центр историко-градостроительных
исследований г. Москвы

N.I. NIKITENKO

BEGINNING OF THE IRON USAGE IN THE BELOZERSK CULTURE

S u m m a r y

The paper is devoted to the issue related to the edentification of criteria that indicate the beginning of a transition from bronze to iron in the manufacturing of household objects and weapons in the territory of Eastern European steppes. The author pays attention to the extent to which this issue had been studied in scientific literature and supports the statement made by E. Snodgrass according to which the transition from bronze to iron was defined as "a period of inconsistent experimenting" that includes three stages of development. Based on the studies of the Belozersk culture, the author makes a conclusion that the transition period started at the Late Belozersk stage and identifies its major traits: presence of iron in the series of bimetallic and iron goods of mature types that imitate bronze items and that coexist with them at a certain stage; there is some experimenting with new material which includes more or less successful application of iron in the manufacturing of traditional goods. There is one specific feature related to the introduction of iron in the territory of Eastern European steppes: during the Late Belozersk Age the first series of bimetallic and iron goods were represented by one category of tools: knives-daggers, i.e. the use of iron in this region starts from the second stage in the E. Snodgrass classification bypassing the first stage, that of jewellery.

К.А. СМИРНОВ

ВЕРХОВАЯ ЕЗДА У ПЛЕМЕН ДЬЯКОВСКОЙ, ГОРОДЕЦКОЙ И АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУР

Нет необходимости говорить о том, какую огромную роль сыграл конь в развитии человеческого общества. Это отмечали многие исследователи. Еще В.А. Городцов писал, что приручение лошади и использование ее для верховой езды и перевозки грузов было важнейшим событием в истории, так как это дало возможность быстро и легко передвигаться на большие расстояния (Городцов В.А., 1910, с. 154, 159). Поэтому понятен интерес исследователей ко всему, что связано с использованием коня человеком: появлению в стаде, использованию для верховой езды, для транспортировки грузов и при пахоте. Детали конского снаряжения входят в число элементов материальной культуры, хорошо характеризующих уровень развития общества.

Начало верховой езды в степях юга Восточной Европы, по мнению К.Ф. Смирнова, относится ко второй половине II тыс. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 71). По-видимому, севернее, в лесной полосе, этот процесс проходил позднее. О.Н. Бадер с некоторой долей сомнения отмечал наличие лошади в стаде фатьяновской культуры (Бадер О.Н., 1939, с. 114). Однако наличие лошади в стаде еще не дает оснований говорить об ее использовании для транспортных целей. В.И. Цалкин для более позднего времени – I тыс. до н.э. – отмечал, что, судя по костным остаткам, найденным при исследовании городищ в Волго-Окском междуречье, лошадь широко использовалась для пищевых целей (Цалкин В.И., 1962, с. 66). Насколько я знаю, в процессе многолетних раскопок в фатьяновских памятниках не было найдено предметов, которые могут быть отнесены к деталям конского снаряжения, прежде всего деталей узды. Таким образом, говорить о начале верховой езды у населения лесной полосы в эпоху бронзы пока нет оснований. Вместе с тем нельзя не отметить, что В.Б. Ковалевская пишет о фактах, когда конем управляли без уздечки и без удил (Ковалевская В.Б., 1977, с. 13). Это было отмечено в северной Африке.

Судя по находкам и свидетельству Геродота, начало верховой езды у населения Волго-Окского междуречья можно датировать второй четвертью I тыс. до н.э. Излагая сведения об обитателях лесной полосы, Геродот пишет о способе охоты у племени йирков, которое может быть отождествлено с племенами дьяковской культуры (Смирнов К.А., 1987, с. 40). Он пишет: "Они так же живут охотой, занимаясь ею следующим образом: охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране. У каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним" (Доватур А.И. и др., 1982, с. 109). Это сообщение свидетельствует не только о том, что конь использовался для верховой езды, но также и о высокой культуре обучения коня и о навыках управления им.

По-видимому, первые находки предметов конского снаряжения с памятников лесной полосы включают железные удила с Дьякова городища (Сизов В.И., 1897, с. 264), костяной двудырчатый псалий одного из вятских городищ (МАВГ, 1893, табл. XI, рис. 35) и бронзовые двукольчатые удила, найденные у д. Чирки Тетюшского уезда (Штукенберг А.А., 1901, с. 201). По мере ведения раскопок на памятниках лесной полосы количество находок деталей конского снаряжения стало увеличиваться.

© К.А. Смирнов, 1998 г.

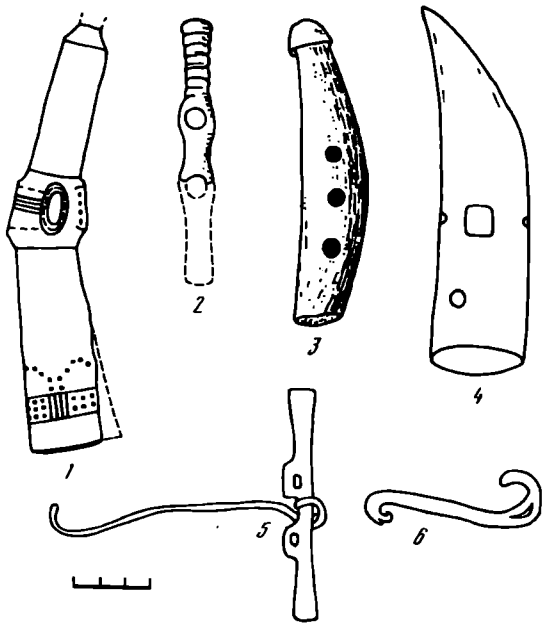


Рис. 1

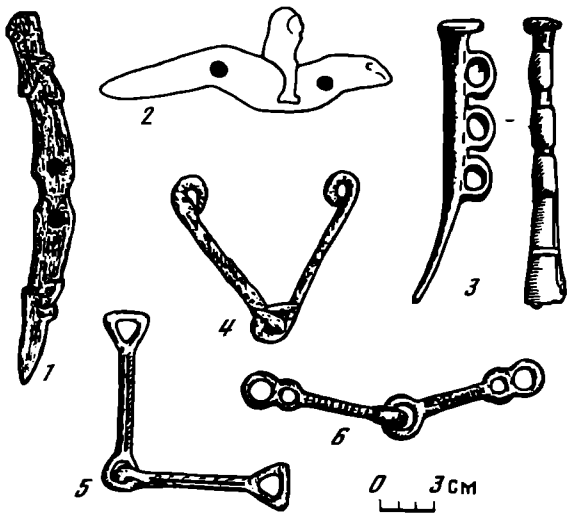


Рис. 2

Рис. 1. Детали конской узды с памятников дьяковской и городецкой культур. *1–4* – кость, рог; *5, 6* – железо. *1* – городище "Графская гора"; *2, 4* – Старшее Каширское городище; *3* – городище Ош-Панда; *5* – Троицкое городище; *6* – Щербинское городище

Рис. 2. Детали конской узды с памятников ананьинской культуры
1, 2 – кость; *3, 5, 6* – бронза; *4* – железо.
1 – Аргыжское городище; *2* – Луговской могильник; *3* – Мурзихинский могильник II; *4–6* – Старший Ахмыловский могильник

При исследовании В.А. Городцова на Старшем Каширском городище был найден костяной псалий в виде стержня с двумя отверстиями (Городцов В.А., 1933, с. 31) (рис. 1, *2*). По мнению Ю.А. Краснова, он напоминает позднескифские или сарматские железные образцы (Краснов Ю.А., 1971, с. 118). По-видимому, он был сделан по южному образцу. Однако больший интерес представляет другой псалий, отнесенный В.А. Городцовым к предметам загадочного назначения (рис. 1, *4*). Это массивный костяной предмет длиной 13,7 см. Один конец обрезан и имеет канал примерно на две трети длины, другой заострен и немного отогнут. Примерно на середине длины имеются четыре отверстия и одно ближе к краю. Судя по дневнику раскопок, находка должна быть отнесена к начальной стадии существования городища, которое датируется периодом с VII–VI по IV в. до н.э. (Смирнов К.А., 1988, с. 242). Псалии близкой формы, относящиеся к этому же времени или несколько более раннему, известны в степи и лесостепи. По мнению К.Ф. Смирнова, они могли использоваться с мягкими удилами, сделанными из сухожилий. Нельзя не отметить, что на рельефе с изображением ассирийского царя Ашурбанипала (668–629 гг. до н.э.) изображена голова коня с аналогичными псалиями (Смирнов К.Ф., 1961, с. 58). По-видимому, псалии применялись с мягкими удилами из сухожилий, концы которых пропускались через прямоугольные отверстия и соединялись с поводом. Через круглое отверстие пропускался ремень, закреплявший конец удил. Нащечный ремень раздваивался, и один его конец крепился к отверстию у широкого конца псалия, а второй завязывался у тонкого конца.

Близкий по типу псалий был найден при раскопках на городище "Графская гора" у г. Кимры (рис. 1, *1*). Он вырезан из лосиного рога и представляет собой слегка изогнутый, сужающийся к одному концу стержень длиной 16,5 см. В торцовой стороне широкого конца имеется выемка. В середине псалия имеется многогранное утолщение, в котором прорезаны два канала овальной формы. Предмет орнаментирован.

Помимо целого, был найден обломок аналогичного, но не парного псалия. Оба предмета найдены в слое с костяными однокрылыми наконечниками стрел VII–VI вв. до н.э. (Смирнов К.А., 1972, с. 182). Третий близкий по типу роговой псалий был найден при раскопках Ю.Г. Гендуне на Корчевском городище, исследование которого проводилось в 1903–1904 гг. В отчетах, хранящихся в архиве ИИМК в Санкт-Петербурге, отсутствуют какие-либо сведения о стратиграфии памятника. Имеется только суммарное описание находок.

Однако к отчетам прилагаются фотографии, на одной из которых имеется изображение продолговатого, слегка изогнутого предмета с двумя пазами. Судя по форме, это псалий. Он не имеет орнаментации, но, судя по фотографии, сделан тщательно. По-видимому, пазы сделаны так же, как на псалии с городища "Графская гора". Были ли другие отверстия, на основании фотографии сказать трудно. На фотографии псалия помещен вместе с наконечниками стрел и гарпунов, характерных для второй четверти – середины I тыс. до н.э. (Смирнов К.А., 1978, с. 136). По-видимому, обломок аналогичного псалия был найден Л.А. Евтюховой при раскопках городища Прислон. Среди костяных предметов, отнесенные исследователем к рукояткам, один несомненно является обломком псалия, аналогичного вышеописанным. Исследователь отметила архаичный характер керамики на памятнике, что, по-видимому, дает основание отнести находку ко времени около середины I тыс. до н.э. или немного раньше (Евтюхова Л.А., 1928, с. 217).

На городище Ош-Панда, расположенном к югу от Оки, был найден костяной трехдырчатый псалий (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965, табл. 13, *4*) (рис. 1, *3*). По мнению Б.Н. Гракова, он должен быть датирован первой половиной VI в. до н.э. (Граков Б.Н., 1961, с. 147).

Бронзовые скифские стремечковидные удила, характерные для VII–VI вв. до н.э., были найдены южнее Оки у сел Лебежайки и Мордовские Карагужи (Гуляев В.И., 1962, с. 117). Части железных удил скифского типа, характерных для V–III вв. до н.э., были найдены на городищах Щербинское (рис. 1, *6*), Кузнечики и Березняки. Городище Березняки входит в число классических поздних памятников. Однако при его исследовании было найдено несколько предметов, относящихся к более раннему времени, к середине I тыс. до н.э. (Смирнов К.А., 1993, с. 6). Б.Н. Граков отмечал, не указывая конкретные памятники, что такие удила известны к югу от Оки.

Детали конской узды известны и на поселениях ананьинской культуры. На Аргыжском городище в верховьях Вятки были найдены два костяных двудырчатых псалия (Вараксина Л.И., 1929, с. 112), (рис. 2, *1*), костяной псалий, найденный на городище Сорочьи горы (Збруева А.В., 1952, с. 62) и на городище "Курган" (Христофоровское) (Археологическая карта Татарской АССР, 1986, с. 89), Гремячий ключ (Халиков А.Х., 1977, с. 220).

На территории дьяковской и городецкой культур все предметы конского снаряжения, относящиеся к I тыс. до н.э. были найдены при исследовании поселений, что было обусловлено отсутствием могильников. На территории ананьинской культуры подавляющая часть находок происходит из некрополей. А.В. Збруева отмечала находку железных удил и псалия из Зуевского могильника и костяного псалия из Маклашеевского (Збруева А.В., 1952, с. 62).

При раскопках Акозинского могильника, где была исследована большая серия погребений, найдены бронзовые двукольчатые удила и костяные псалии. А.Х. Халиков датировал эту находку на основании южных параллелей временем с конца VIII по середину VII в. до н.э. (Халиков А.Х., 1962, с. 50). Кроме того, там были железные удила, характерные для IV в. до н.э. Позднее на Ананьинском могильнике были найдены звено бронзовых стремечковидных удил и двудырчатый железный псалий (Археологическая карта Татарской АССР, 1981, с. 185), бронзовые удила найдены при исследовании Билярского могильника (Халиков А.Х., 1977, с. 219), в Полянском могильнике обнаружены костяные трехдырчатые псалии (Археологическая карта Татарской АССР, 1986, с. 88). Бронзовые трехпетельчатые псалии найдены в I Мурзи-

хинском могильнике и аналогичный псалий во II (Археологические памятники..., 1988, с. 88) (рис. 2, *3*). Бронзовый трехпетельчатый псалий и обломок стремечковидных удил были найдены при раскопках В.С. Патрушева на Пустоморквашенском могильнике (Патрушев В.С., 1990, с. 65). Весьма интересны железные удила и железные двудырчатые псалии, найденные при исследовании Козьмодемьянского могильника на о-ве Мольбищенском (Большов С.В., 1988, с. 29).

Особого упоминания заслуживает костяной двудырчатый псалий из Луговского могильника, изображающий человека, сидящего верхом на каком-то существе (Арсланов Л.Ш., Корепанов К.И., 1991, с. 22). По мнению авторов, человек сидит на мифическом коне. По моему мнению, более вероятно, что человек сидит на существе, напоминающем змея (рис. 2, *2*).

Но, конечно, особое место среди древностей Восточной Европы занимает Старший Ахмыловский могильник, на котором было исследовано 1011 погребений, и в 11 из них найдены детали конской узды (Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982). После завершения раскопок Старшего Ахмыловского могильника А.Х. Халиков учел все детали конской узды, найденные к тому времени, классифицировал их и на основании южных аналогий датировал временем от VIII до VI в. до н.э. Наиболее ранними являются бронзовые двукольчатые удила, несколько позднее бронзовые стремечковидные и железные (Халиков А.Х., 1977, с. 218). Нельзя не отметить, что, судя по аналогиям в степных курганах, железные удила такого типа бытовали в V–IV вв. и встречаются даже в III в. (Петренко В.Г., 1967, с. 159).

В.С. Патрушев выделил большую группу бляшек, которые, по его мнению, были украшением узды (Патрушев В.С., 1984, с. 105). Близкие по форме бляшки имеются в коллекциях с дьяковских городищ. Однако применялись ли они для украшения конской узды или для чего-то другого – сказать трудно.

Все предметы, являющиеся деталями конской узды, и многие предметы вооружения имеют аналогии в скифских и савроматских памятниках. О том, что совершенное для своего времени скифское вооружение и конское снаряжение служили образцом для обитателей лесной полосы, исследователи писали не раз и, вероятно, нет необходимости это доказывать. Кроме того, племена, населявшие Среднее Поволжье, имели постоянные контакты с жителями Северного Кавказа (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с. 219). По моему мнению, материал, добытый при исследовании ананьинских могильников, находящихся в Марийском Поволжье, позволяет предположить, что такие контакты имели место в продолжение всего времени существования населения, оставившего могильники.

Из всех исследованных памятников только материалы Старшего Ахмыловского могильника позволяют ответить на вопрос, какую роль играли всадники в ананьинском обществе и, по-видимому, у других племен лесной полосы в I тыс. до н.э. Для этого надо определить процент погребений, содержащих детали конского снаряжения не относительно всех погребений, а только относительно погребений воинов, о чем можно судить по наличию оружия. Из 1011 погребений предметы вооружения содержат 310: главным образом кельты, а также кинжалы, наконечники копий, проушные топоры, наконечники стрел, удила и псалии. Из 310 погребений 17 содержат по нескольку предметов вооружения: кельт, копье, кинжал, в одном случае кельта нет. Эти погребения можно определить как богатые. Из 310 погребений в 11 имеются детали конской узды. Вероятно, было бы закономерно предположить, что они оказались в богатых погребениях. Но это не так. Только в четырех из них были удила. В двух случаях помимо удил имелся кельт, в двух – стрелы и в трех случаях кроме удил не было ничего. То, что среди находок со Старшего Ахмыловского могильника нет роговых и костяных псалиев, обусловлено, по-видимому, тем, что кость там сохранялась очень плохо. Погребения с удилами равномерно распределены по площади могильника.

Погребения с деталями узды составляют 3,5% погребений с оружием, что позволяет сделать вывод, что рассматриваемое общество не было обществом всадников.

Можно предположить, что и у других племен лесной полосы дело обстояло так же. Вероятно, конями пользовались вожди, а остальные воины были пешие.

Интересные сведения о германцах, жителях лесов, сообщает Юлий Цезарь. Он неоднократно отмечает, что они были прекрасными наездниками, и далее пишет: "В конных сражениях они часто соскакивают с лошадей и сражаются пешими, а лошади у них приучены оставаться на месте, и в случае необходимости они быстро к ним отступают" (Записки Юлия Цезаря..., 1948, с. 71). Весьма вероятно, что такой способ ведения боя был широко распространен у жителей лесной полосы. Возможно, что верховой конь был в большей степени свидетельством высокого общественного положения наездника и в меньшей – средством передвижения. Использовался ли на ранней стадии конь для транспортировки грузов, сказать пока трудно.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что у населения лесной полосы Восточной Европы – бассейны рек верхняя Волга, Кама, Ока – во второй четверти I тыс. до н.э. верховая езда была освоена.

Ко времени около рубежа н.э. и в начале I тыс. получили распространение железные удила с железными псалиями. Так же как и в более раннее время, эти находки единичны. Среди них обладают четкими признаками удила с псалиями, имеющими расширенные уплощенные концы и две петли (рис. 1, *5*). Два экземпляра таких псалиев были найдены на Троицком городище. Один из них богато инкрустирован бронзой. Найдены были также двусоставные удила с длинными псалиями (Смирнов К.А., 1974, с. 61). И.Г. Розенфельдт была склонна датировать такие псалии более поздним временем – второй половиной – концом I тыс. (Розенфельдт И.Г., 1982, с. 140). Удила двусоставные с подвижными кольцами были найдены на городищах Дьяковом и Щербинском (Смирнов К.А., 1974, с. 61), а также В.А. Городцовым при исследовании Троице-Пеленицкого городища (Городцов В.А., 1930, с. 36). Н.В. Трубникова отмечала находку конского снаряжения на городище Пичке-Сарче в Чувашии: "Железные удила с большими круглыми кольцами и железными же псалиями в виде стержня с двумя небольшими выступами с отверстиями на них в середине" (Трубникова Н.В., 1964, с. 180, 181). Она отметила, что аналогичные удила имеются в Рязанских могильниках.

А.Н. Башенькин нашел удила с железными псалиями в могильнике Чагода I, который по комплексу находок чрезвычайно близок памятникам дьяковской культуры и датируется автором концом I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. (Башенькин А.Н., 1994, с. 4).

К востоку от Волги в могильниках начала I тыс. н.э. детали конской узды были редкой находкой. Интересно отметить, что известны находки мягких (ременных) удил (Агеев Б.Б., 1992, с. 49).

Завершая рассмотрение материала, надо отметить, что более поздние образцы представлены небольшим количеством находок по сравнению с ранними. По-видимому, это следует объяснять тем, что более ранние псалии делались из кости или рога, и, когда они ломались, их выбрасывали. Начиная с рубежа н.э. удила и псалии в подавляющем числе изготовлялись из железа, и поврежденные экземпляры являлись сырьем.

Закономерен вопрос, почему среди находок, связанных с верховой ездой, отсутствуют предметы, которые можно было бы рассматривать как части седла. Это можно объяснить тем, что седла делались из органических материалов без металлических деталей.

И.Г. Розенфельдт, говоря о древностях Волго-Окского междуречья, с долей сомнения выделяла детали збруи (пряжки) для второй половины – конца I тыс. (Розенфельдт И.Г., 1982, с. 138–142). Она отметила находку стремени на городище Подмоклово на Оке. По моему мнению, его отношение к культурному слою проблематично.

Ю.П. Аверкиева, описывая кочевое общество американских индейцев в XVIII–XIX вв., отмечала, что у них было широко распространено мягкое седло без стремян.

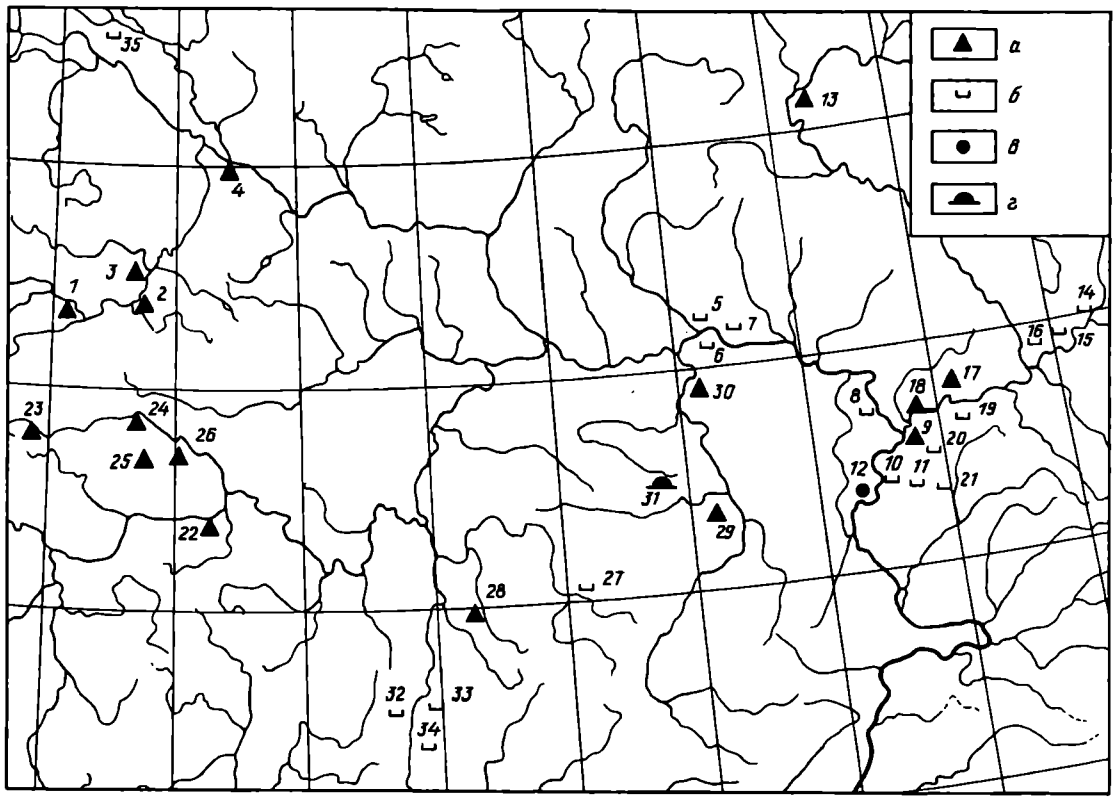


Рис. 3. Находки деталей конской узды у племен дьяковской, городецкой и ананьиской культур
а – городища, *б* – могильники, *в* – случайные находки, *г* – курган.
1 – Корчевское; *2* – Прислон; *3* – Графская гора; *4* – Березняки; *5* – Старший Ахмыловский; *6* – Акозинский; *7* – Козьмодемьянский (Мольбищенский); *8* – Пустоморквашенский; *9* – Курган (Христофоровское); *10* – Полянский; *11* – Маклашеевский; *12* – Чирки; *13* – Аргыжское; *14* – Зуевский; *15* – Луговской; *16* – Ананьинский; *17* – Сорочьи горы; *18* – Гремячий ключ; *19* – Мурзихинский II; *20* – Мурзихинский I; *21* – Билярский; *22* – Старшее Каширское; *23* – Троицкое; *24* – Дьяково; *25* – Щербинское; *26* – Кузнечики; *27* – Ражкинский; *28* – Троице-Пеленицкое; *29* – Ош-Панда; *30* – Пичке-Сарче; *31* – Андреевский курган; *32* – Крюково-Кужновский; *33* – Елизавет-Михайловский; *34* – Пановский; *35* – Чегода I

Оно представляло собой подушку и закреплялось при помощи двух ремней (Аверкиева Ю.П., 1970, с. 23).

Нельзя не отметить свидетельство Юлия Цезаря, который писал о германцах: "По их понятиям, нет ничего позорнее и трусливее, как пользоваться седлом" (Записки Юлия Цезаря..., 1948, с. 71).

Вполне вероятно, что еще в первой половине – середине I тыс. конское снаряжение у жителей лесов ограничивалось уздой. Интересный факт наблюдал М.Р. Полесских, проводивший исследование пензенских могильников III–IV вв. на р. Суре. В погребении № 6 Ражкинского могильника на правом запястье костяка была найдена бронзовая римских шпора (определение В.Д. Блаватского), употреблявшаяся, по-видимому, как украшение (Полесских М.Р., 1959, с. 207). Этот факт несомненно свидетельствует о том, что жители лесной полосы Восточной Европы не использовали приемы управления конем, известные в более южных районах, в частности у римлян.

Рассмотренный материал показывает, что хотя жители лесной полосы Восточной Европы – Волго-Окского междуречья и Прикамья – освоили верховую езду во второй четверти I тыс. до н.э., они не стали обществом всадников и их воины в массе были пешими.

По-видимому, к рубежу н.э. положение изменилось очень мало или не изменилось вообще. В связи с этим очень интересны материалы Андреевского кургана (Степанов П.Д., 1980), которые, по моему мнению, содержат два самостоятельных могиль-

ника (Смирнов К.А., 1992, с. 3). Могильник, перекрытый курганом, включает 7 могильных ям, в которых погребено 13 человек. Некоторые из них явно занимали в обществе подчиненное положение. Из погребенных восемь были воинами, при каждом из них было несколько предметов вооружения. Удила входили в инвентарь четверых, и с одним был положен череп коня. Таким образом, даже в этом могильнике, имеющем ряд южных сарматских черт, значительную часть погребенных составляли пешие воины.

В насыпи Андреевского кургана обнаружено 49 захоронений, из них 20 содержат предметы вооружения и в 7 погребениях есть удила. Таким образом, конные воины составляли около 1/3 от общего числа воинов. Стремена и другие детали седла в обоих могильниках не были найдены.

Интересную картину дают мордовские могильники конца I – начала II тыс. В Крюково-Кужновском могильнике было исследовано 586 погребений, из них оружие содержат 248 (Материалы по истории Мордвы..., 1952). Удила были найдены в 24 погребениях и из них в 15 – стремена.

Во всех случаях, кроме погребения № 278, удила были в комплексе с предметами вооружения. Таким образом, в этом могильнике погребения всадников составляют около 10% всех погребений с оружием.

Аналогичную картину дают и другие мордовские могильники этого времени (Средне-цнинская мордва..., 1989). В Пановском могильнике, где было исследовано 144 погребения, предметы вооружения содержали 68. Из них в семи погребениях были удила и в трех – стремена. Погребения, содержащие стремена, выделяются богатством. Таким образом, в Пановском могильнике процент всадников составляет около 10.

В Елизавет-Михайловском могильнике было исследовано 136 погребений, из них содержали оружие 71. Удила были в 10 погребениях, и в 3 из них – стремена.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что обитатели лесной полосы Восточной Европы стали использовать коня для верховой езды со второй четверти I тыс. до н.э. (рис. 3). Им было знакомо совершенное для того времени конское снаряжение обитателей степного пояса – скифов и савромат. Вместе с тем надо отметить, что, судя по материалу, процент всадников был низок. Говорить о том, что в начале I тыс. он повысился, нет оснований. Интересно отметить, что в мордовских могильниках конца I тыс. погребения всадников составляют около 10%, остальные воины пешие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверкиева Ю.П., 1970. Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. М.

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.

Арсланов Л.Ш., Корепанов К.И., 1991. Археология и топонимия Елабужского края. Елабуга.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье, 1981. М.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986. Ч. I. Казань.

Археологические памятники центрального Закамья, 1988. Казань.

Бадер О.Н., 1939. Первобытное хозяйство на Оке и в верхнем Поволжье // ВДИ. № 3.

Башенькин А.Н., 1994. Исследования в Молого-Шекснинском междуречье // АО – 1993. М.

Большов С.В., 1988. Могильник на острове Мольбищенский. Йошкар-Ола.

Вараксина Л.И., 1929. Костеносные городища Камско-Вятского края // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.

Городцов В.А., 1910. Бытовая археология. М.

Городцов В.А., 1930. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. Рязань.

Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. № 85. М.; Л.

Граков Б.Н., 1961. Бронзовая рукоять меча из-под Мурома // СА. № 4.

Гуляев В.И., 1962. К вопросу о связях городецких племен с югом в VII–IV вв. до н.э. // Историко-археологический сборник. М.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.
Евтюхова Л.А., 1928. Городище у деревни Прислон // Тр. секции археологии. IV. РАНИОН.
Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, 1948. М.; Л.
Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.
Ковалевская В.Б., 1977. Конь и всадник. М.
Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
МАВР: Материалы по археологии восточных губерний России, 1893. I. М.
Материалы по истории мордвы VIII–XI вв., 1952. Маршанск.
Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VIII–VI вв. до н.э. Йошкар-Ола.
Патрушев В.С., 1990. Новые исследования Пустоморквашенского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар-Ола.
Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.
Петренко В.Г., 1967. Правобережье среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Д1–4. М.
Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и древний восток. М.
Полесских М.Р., 1959. Могильники древней Мордвы // СА. № 4.
Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
Сизов В.И., 1897. Дьяково городище близ Москвы // Тр. IX АС. Т. II. М.
Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Д1–14. М.
Смирнов К.А., 1972. Роговой псалий с городища "Графская гора" // СА. № 2.
Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
Смирнов К.А., 1978. Находки с Корчевского городища из раскопок Ю.Г. Гендуне // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
Смирнов К.А., 1987. Геродот о населении Волго-Окского междуречья // СА. № 4.
Смирнов К.А., 1988. Костяной псалий со Старшего Каширского городища // СА. № 2.
Смирнов К.А., 1992. О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.
Смирнов К.А., 1993. К вопросу о начале верховой езды у населения верхнего Поволжья // Археологические памятники на верхней Волге. Тверь.
Смирнов К.Ф., 1961. О древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. № 1.
Средне-цнинская мордва VIII–XI вв., 1969. Саранск.
Степанов П.Д., 1980. Андреевский курган. Саранск.
Трубникова Н.В., 1964. Раскопки городища Пичке-Сарче в Чувашии // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. Уч. зап. Вып. XXV. Чебоксары.
Халиков А.Х., 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. II. Йошкар-Ола.
Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–V вв. до н.э.). М.
Цалкин В.И., 1962. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. № 107.
Штукенберг А.А., 1901. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XVII. Вып. 4. Казань.

Институт археологии РАН,
Москва

K.A. SMIRNOV

RIDING USED BY DIAKOVO, GORODETS AND ANANYENO CULTURE TIBES

Summary

Inhabitants of the Eastern Europe forest belt started using the horse for riding in the second quarter of the first millennium BC. They knew horse harness of steppe people – Scythians and Sarmatians – that was the most advanced for that time. But percentage of horse riders was very small. Riders account for only 3.5% in the Senior Akhmylovo burial field. Judging by available goods, by the turn of BC and AD the percentage of horse riders did not increase. By the end of the first millennium AD in the early Mordova burial fields burials of warriors-riders where weapons and harness were found account for approximately 10%.

А.А. НИКОНОВ

ЗАТОПЛЕННЫЕ ОСТАТКИ АНТИЧНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПО БЕРЕГАМ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО (В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ МОРЯ)

После известных подводно-археологических работ В.Д. Блаватского, К.К. Шилика и др. на Черноморских берегах Тамани и Крыма нет сомнений в том, что часть античных сооружений и даже поселений оказалась затопленной в ходе продолжающейся трансгрессии моря. За последние годы такого рода наблюдения существенно пополнились, значительно расширив перечень подводных объектов, сведений об их распространенности и принадлежности к разного рода сооружениям. Уточняется и глубина их залегания ниже уровня моря, т.е. величина и скорость современной трансгрессии. Ниже вкратце охарактеризованы основные обнаруженные к настоящему времени местонахождения по периферии Крымского п-ова и частично на Тамани, начиная с северо-запада, с Азовского побережья, затем на берегах Керченского пролива и, наконец, на юге, на Черноморском берегу полуострова (рис. 1).

В 1991 г. в нескольких сотнях метров южнее поселения Золотое (на восточном берегу Казантипского залива) автором обнаружена ныне располагающаяся целиком под водой ровная каменная стена. Позднее оказалось, что сооружение независимо было открыто ранее Н.И. Винокуровым. Начинаясь от подводной части современного песчаного пляжа в нескольких десятках метров от современной береговой линии, простирающейся по азимуту 150°, стена тянется широтно, т.е. под углом 30–60° к береговой линии. Стена прослежена на расстоянии свыше 50 м при ширине около 2 м. Сложена она из разного по величине камня на цементе. Современная высота верха стены над прилежащим песчаным дном в ближней к берегу части 0,3 м, а глубина ее верха от поверхности моря изменяется от 1 м ближе к берегу до 1,7 м у дальней (прослеженной) части. Несомненно, что это был мол в гавани прилежащего античного поселения, который поднимался над тогдашним уровнем моря на высоту > 0,5–1,0 м. Соотнося этот мол с прилежащим поселением, существовавшим в основном со второй половины III в. до н.э. до середины III в. н.э. (по А.А. Масленникову), получим, что уровень моря здесь повысился на величину около 2 м за последние 2,3–1,8 тыс. лет. На такой же глубине К.К. Шиликом найдено скопление античной керамики на юго-востоке Казантипского п-ова (Шилик К.К., 1985). Уровень моря повышался здесь со скоростью порядка 1 мм/год.

В 12–15 км восточнее, на том же Азовском берегу А.А. Масленниковым раскапывалось небольшое прибрежное античное поселение Салачик (Золотое Восточное). На берегу впадающей здесь в море безымянной речки, всего в 5–10 м от ее устья, вскрыты остатки нижнего строительного горизонта IV–III вв. до н.э., в том числе подпорные (?) стены. Они залегают на слоях V в. до н.э. и ныне спускаются до самого уровня моря, чего, конечно, не могло быть при строительстве. По косвенным соображениям, уровень моря тогда должен был находиться не менее чем на 1–1,5 м ниже современного. О его подъеме говорит также тот факт, что в прибрежных колодцах, вырытых, вероятно, еще в античное время, ныне вода осолонена. Один из колодцев, раскопанный непосредственно на поселении, содержал воду, вообще не пригодную для питья. Такого осолонения, конечно, не могло быть в античное время.

© А.А. Никонов, 1998 г.

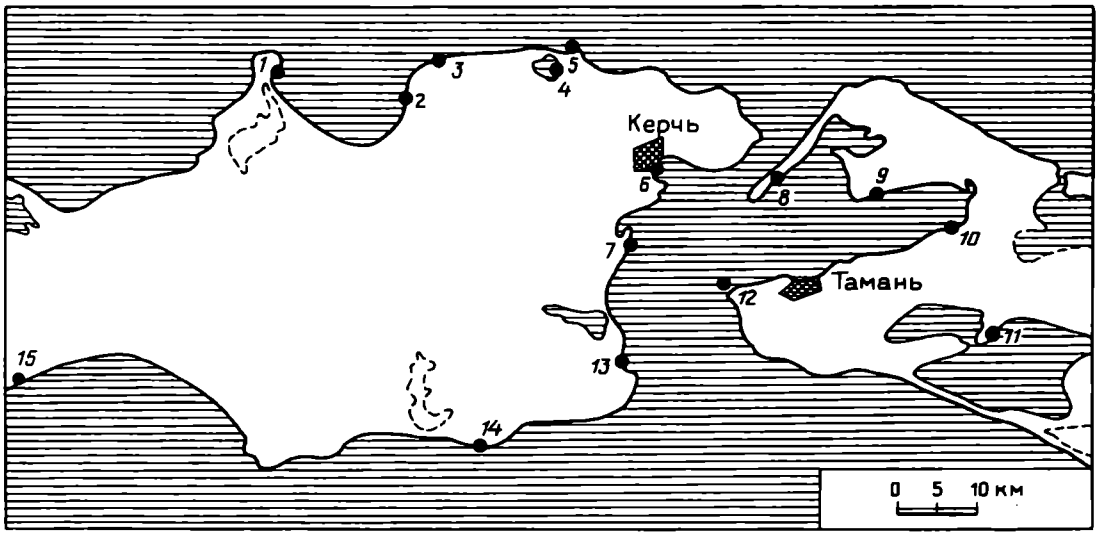


Рис. 1. Схема расположения затопленных остатков античных сооружений на Боспоре Киммерийском. *1* – мыс Казантип, юго-восточный берег; *2* – Золотое; *3* – Салачик (Генеральское Западное); *4* – Чокракский мыс; *5* – Зенонов Херсонес (мыс Зюк); *6* – Пантикапей; *7* – Нимфей; *8* – коса Чушка; *9* – Патрей; *10* – Фанагория; *11* – Кизилташский лиман; *12* – основание косы Тузлы; *13* – Акра; *14* – Киммерик; *15* – Феодосия (Кафа)

В рассматриваемом аспекте важны также наблюдения восточнее поселения по соседству с "Сиреневой бухтой". В крутом обрыве берега, сложенном на высоту около 10 м делювиальными суглинками, сохранились кладки трех углубленных в склон рыбохранилищ. Их ныне открытые, обращенные к морю (северу) части располагаются на расстоянии 15–20 м от береговой черты, за высоким двухметровым песчано-ракушечным пляжевым намывом (рис. 2), но при штормах основание склона и западного хранилища подмывается высокими волнами. Рыбохранилища в поперечнике представляют собой аркообразные каменные кладки высотой около 3 м с толщиной стен 0,7–0,8 м.

Основание западного рыбохранилища залегает на культурном слое (возможно, частью подкопанном) на высоте 2,8–3,2 м над уровнем моря. На полу на высоте 3,0–3,5 м накопились слои чистого мелко- и среднезернистого с битой ракушей песка и почвенных супесей, по-видимому, эолового происхождения. Основание восточного хранилища расположено на 1,5 м выше, чем западного. Согласно определениям А.А. Масленниковым возраста керамики, время постройки и использования рыбохранилищ – IV–VI вв. н.э. Есть основание полагать, что восточное построено позже западного, когда последнее пришло в негодность в условиях повышающегося уровня моря. Ясно, что при строительстве западного, более низко расположенного хранилища, оно было устроено на недосягаемой даже для штормовых волн высоте, а его подмыв и занос эоловым песком внутри начались значительно позже в ходе подъема уровня моря. Величину этого подъема здесь с III–IV вв. н.э. резонно принимать не меньшей 1–1,5 м. Скорее всего она достигала 2 м, если судить по величине заплесков штормовых волн в настоящее время (4–5 м), т.е. на 1–2 м выше нынешней высоты основания западного рыбохранилища. Это указывает на то, что скорость повышения уровня моря была не менее 0,6–0,9, возможно, 1,2 мм/год.

Античное поселение на берегу Чокракского озера, обнаруженное и исследуемое Восточно-Крымской экспедицией, расположено на вдающемся в озеро с юга длинном узком полуострове. Внизу под обрывами западного и восточного берегов полуострова на 0,1–0,2 м выше поверхности современного озера (высохшего его дна) обнаружены остатки каменных кладок. Согласно А.А. Масленникову, это фундаменты наземных строений античного времени, располагавшихся на более высокой суше. Озеро отделено от моря крупной пересыпью (а ныне и дамбой), так что его дно в месте находок

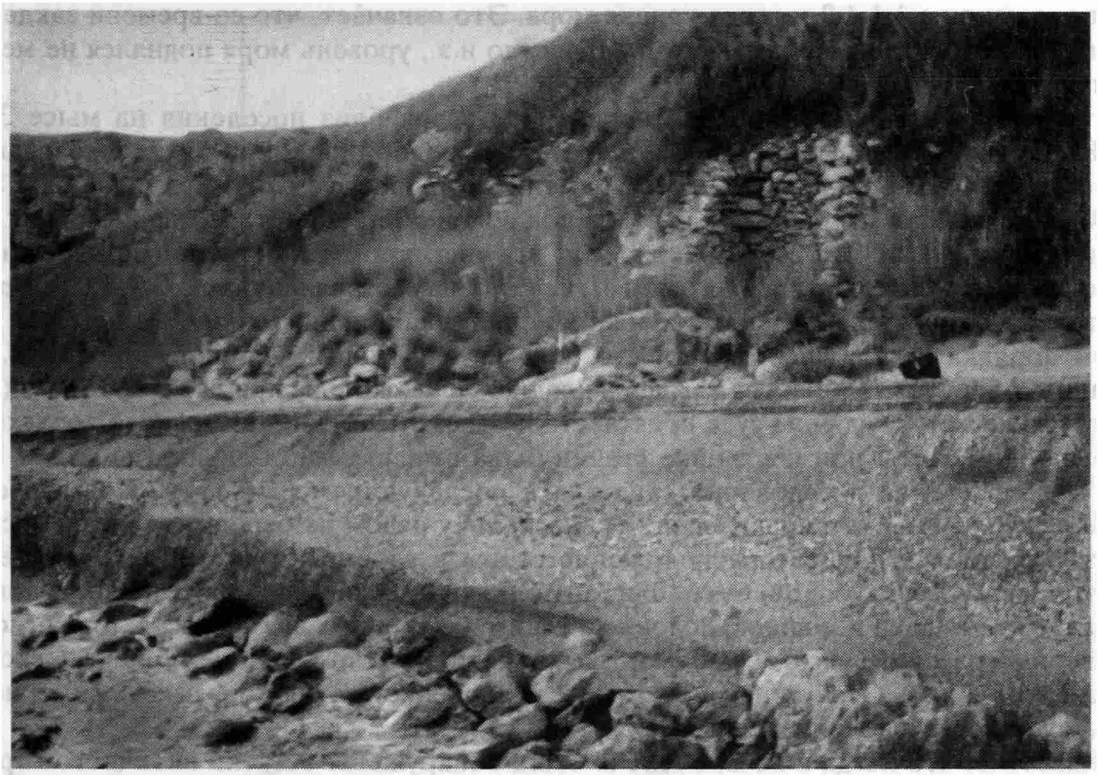


Рис. 2. Северный берег Керченского п-ова вблизи "Сиреневой бухты", вид с северо-запада. На первом плане – подмываемый нормальным прибоем высокий песчаный пляж с галечно-валунным основанием у прибойной линии. На среднем плане – остатки каменной кладки рыбохранилищ (более раннее – справа) и их развалы, подмываемые штормовыми волнами. Фото автора

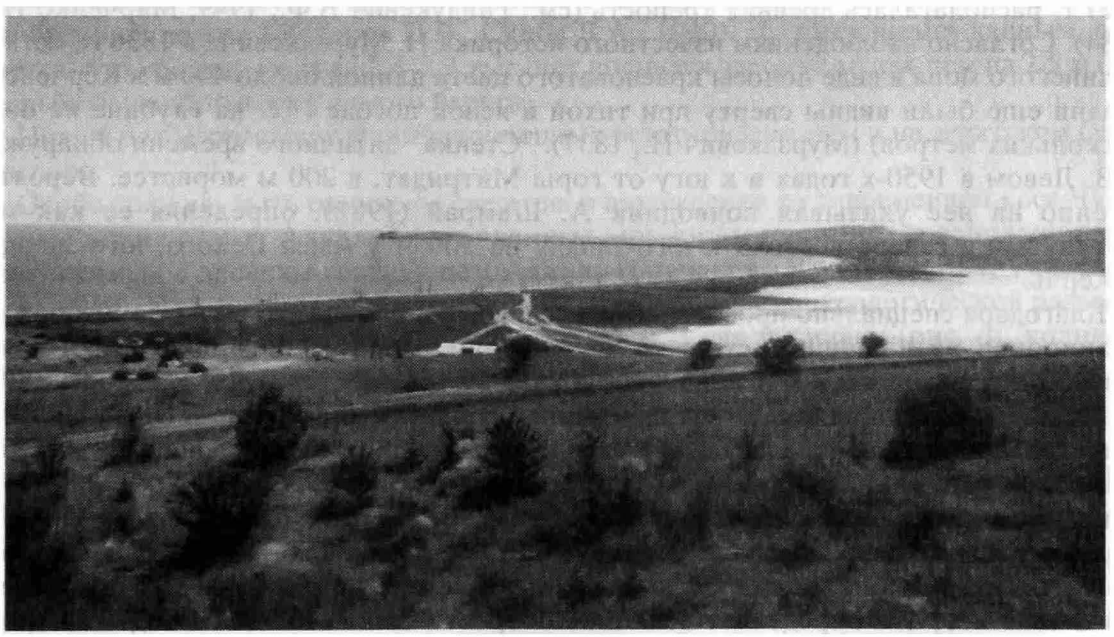


Рис. 3. Северный берег Керченского п-ова у мыса Зюк (вдали). На обращенной к зрителю западной стороне мыса А.А. Масленниковым обнаружен под водой античный мол. На переднем плане видна пересыпь, отделяющая от моря Чокракское озеро (справа), которое в античное время было морским заливом и на берегу которого античные строения частично уходят ниже современного уровня моря (пункты *4* и *5* на рис. 1). Фото автора

расположено на 1,1-1,2 м ниже уровня моря. Это означает, что со времени закладки фундаментов, судя по керамике, в IV–III вв. до н.э., уровень моря поднялся не менее чем на 1,2–1,5 м.

Несколько северо-восточнее Чокракского озера близ поселения на мысе Зюк (с. Курортное) (VI в. до н.э. – VI в. н.э.) в мелководной широкой бухте на западном берегу мыса в 50–80 м севернее современного рыболовецкого причала в 1978 г. А.А. Масленниковым была обнаружена под водой стена широтного простирания. Ее выявленная длина 10–12 м, практически вся она, кроме собственно прибрежного участка, находилась под водой в заливе, где глубина составляла около 0,5–1,0 м. Гряда состояла из крупных необработанных камней, имела ширину около 2 м и высоту над дном порядка 0,5 м. Несомненно, что речь идет о моле в удобной бухте (рис. 3). Удалось обнаружить один ряд камней в кладке. Но поскольку при глубине в 0,5 м (как ныне) даже мелкосидящие суда приставать к берегу (молу) не могут, надо допускать, что глубина бухты при постройке стенки была существенно больше (не менее 1,0–1,5 м), т.е. стенка в основании занесена в последующем наносами. Прямых свидетельств времени установки мола нет, поскольку рядом на берегу культурный слой не зафиксирован. Однако расположение стены в удобной западной (в отличие от восточной, более глубокой) бухте близ античного городка Зенонов Херсонес, а также характер ее кладки и ширина, подобные таким же у других античных молов региона, позволяют рассматривать ее как сооружение античного времени (не моложе, а скорее древнее III в. н.э.). Отсюда предполагаемое повышение уровня моря здесь примерно за 2 тыс. лет составило не менее 1,0–1,5 м.

Известно, что когда в начале XIX в. были обнаружены остатки античного города Мирмекия, его стены уходили под уровень моря, хотя во время основания города (не позже VI в. до н.э.), конечно, находились на суше. Это означает, что со времени античности уровень моря относительно суши здесь повысился, по-видимому, не менее чем на 1 м, т.е. повышение происходило со скоростью не менее 0,4 мм/год.

В Пантикапее древний мол направления восток – северо-восток показан на картах Н. Бларамберга и А. Ашика под водой к востоку от выступа берега, на котором до 1827 г. располагалась древняя крепость (см.: Гайдукевич В.Ф., 1949; Марченко И.Д., 1984). Согласно наблюдениям известного историка Н. Мурзакевича в 1836 г., остатки эллинского мола в виде полосы красноватого цвета длиной около 400 м в Керченской гавани еще были видны сверху при тихой и ясной погоде (т.е. на глубине не более нескольких метров) (Мурзакевич Н., 1837). "Стенка" античного времени обнаружена С.В. Левом в 1950-х годах и к югу от горы Митридат, в 200 м мористее. Вероятно, именно на нее указывал подводник А. Шамрай (1982), определяя ее как мол, вытянутый с северо-востока к юго-западу на 500 м у мыса Белого, юго-западнее г. Керчь.

Благодаря специально проведенному исследованию древнего рельефа и городской планировки на нынешней суше по материалам бурения, историческим и археологическим источникам (Р.Г. Синенко, доклад в Санкт-Петербурге в декабре 1994 г.) удалось установить наличие гавани севернее горы Митридат еще в III–II вв. до н.э. Античный мол предполагается по расположению погребенной песчаной полосы севернее этого залива. Изменение городской планировки связано в основном с накоплением культурных слоев мощностью до 10–14 м, однако нахождение античной керамики в скважинах до глубин 3,0–3,5 м ниже современного уровня моря позволяет считать, что именно такова была здесь относительная величина его подъема за 2,3–2 тыс. лет, что определяет величину скорости относительного подъема уровня моря здесь около 1,5 мм/год.

Остатки каменного мола под водой у мыса Ак-Бурун (у Камыш-Бурунской косы) были известны в прошлом веке П. Дюбрюксу (Беренбойм Д.Я., 1959).

Около античного городища Нимфей, согласно сведениям ныне покойной Н.Л. Грач (1985, подробнее – устное сообщение), при особо низком уровне моря и совершенно тихой погоде в 1973 г. археологи наблюдали под водой стены усадьбы. В 400 м южнее

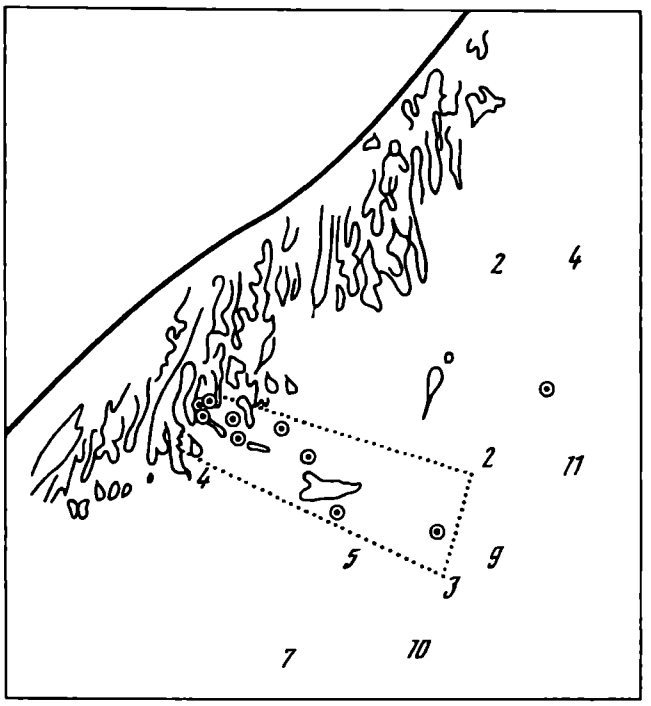


Рис. 4. Местоположение затопленных античных колонн на восточном склоне косы Чушка (по Р.А. Орбели, 1947)

города в бухте, в 8 м от береговой линии были обнаружены стены двух помещений высотой до 2,2 м. Поднятая со дна керамика определена как относящаяся к последней четверти IV в. до н.э. Позднее, однако, никогда не удавалось обнаружить эти развалины вновь. Имеются и другие сведения о затоплении культурных слоев Нимфея в прибрежной полосе (Федоров П.В., Скиба Л.А., 1960). По имеющимся данным, получается, что уровень моря за 2,4–2,3 тыс. лет поднялся здесь не менее чем на 2,5 м (если усадьба была заложена у самого берега).

Целый ряд местонахождений затопленных остатков известен и на азиатском берегу Боспора.

Особо должны быть отмечены сведения о нахождении на современной косе Чушка, южнее античного г. Ахиллий затопленных мраморных колонн, предположительно соотносимых с древним святилищем Ахилла (Горчакова Е., 1883, с. 197; Гайдукевич В.Ф., 1949). Их местоположение зафиксировано подводно-археологической разведкой (Орбели Р.А., 1947) на восточном берегу косы. Судя по плану (рис. 4), колоннада располагалась поперек косы, будучи вытянутой от современного изрезанного песчаного берега на восточном краю косы в середине ее протяжения до глубин около 3 м на востоке – юго-востоке. На этом мелководье никаких значимых береговых процессов, кроме эолового перевевания, не происходило, поэтому есть все основания по максимальной глубине нахождения колонн на дне судить о повышении уровня моря с античности на величину около 3,5 м.

На юге Таманского залива затопленные на глубину до 3,5 м остатки наземных сооружений античного времени, в том числе оборонительных стен, мостовых, хорошо известны у Гермонассы, а у Фанагории под водой зафиксированы остатки древнего мола (Паллас П.С., 1877; Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., 1963). Относительное повышение уровня моря на южном берегу залива составило не менее 4 м с VI–V вв. до н.э., что дает скорость подъема уровня моря около 1,6 мм/гол или более. Если затопление началось после II в. до н.э., то повышение уровня (на 2,65 м плюс первоначальная высота оснований наземных сооружений над морем 1 м) определяется величиной скорости 1,4–1,7 мм/год.

Вблизи основания мыса Тузла на азиатском берегу Боспора теперь можно считать обнаруженными остатки Корокондамы в виде четырехугольника стен, различимого на аэрофотоснимках целиком под водой Таманского залива (Шилик К.К., 1991). Судя по предметам из соседнего, принадлежавшего городу некрополя VI в. до н.э. – первых веков н.э. (Сорокина Н.П., 1957), город прекратил существование не позже III в. н.э., т.е. раньше, чем многие соседние города. Скорее всего, это происходило одновременно (и в результате?) затопления. Глубина нахождения остатков города, по-видимому, не менее 2 м.

В северной части залива у древнего поселения Патрей колодец второй половины III в. до н.э. обнаружен почти в 100 м от современной береговой линии на глубине 1,55 м (Абрамов А.П., Сазонов Ю.С., 1991; Таскаев В.Н., 1995). Так как глубина его составляла 1,7–1,8 м, то уровень моря следует принимать здесь в то время примерно на 2,6–3 м ниже современного. Следовательно, средняя скорость подъема уровня моря составляла не менее 1,1 мм/год. По устному сообщению А.П. Абрамова в 1991 г., каменная кладка наземного сооружения обнаружена в 300 м от современной береговой линии на глубине 3,5 м, что может дать скорость повышения уровня моря здесь около 1,5 мм/год.

На восточном побережье Керченского п-ова у с. Заветное экспедиция К.К. Шилика обнаружила под водой и частью изучила остатки поселения, идентифицируемого с г. Акра. Выявлены стены, в том числе оборонительные, толщиной 2,2 м, башня, остатки культурного слоя. Следы поселений простираются на 180 м от берега на глубину до 3,5 м. В 130 (170) м от берега на глубине 3 м обнаружен каменный колодец с деревянными конструкциями глубиной 1,1 м. В нем найдены обломки амфор первой четверти IV – начала III в. до н.э. (Шилик К.К., 1985; 1986; 1987; 1991). От современного уреза воды к северо-востоку на 180 м по дну моря прослежена прямолинейная стена. Другая параллельная стена, судя по данным эхозондирования, обнаружена на расстоянии 130 м от первой. Ее длина 230 м, а северный конец располагается на глубине 1,5 м (Шилик К.К., 1991). Имеющиеся материалы позволяют считать, что со времени существования города уровень моря поднялся тут примерно на 4 м, т.е. повышался со скоростью 1,6–1,7 мм/год.

Редкий случай нахождения античного мола на суше представлен у западного подножия г. Опук, где располагался античный г. Киммерик. Здесь на дне современного оз. Элькен, отделенного пересыпью от открытого моря и располагающегося на 1,0–1,4 м ниже уровня моря, видна верхняя часть "стены" (рис. 5). В конце прошлого века видимая длина стены составляла свыше 300 м, в 1927 г. – 290 м. По нашим наблюдениям 1986 г., это искусственная кладка (вал) из известняковых глыб и обломков шириной 2,1 м, видимой длиной 115 м, вытянутая по азимуту 290° с поворотом на западном конце до 300°. Со времени наблюдений П. Дюбрюкса и Н. Бларамберга археологи считают это сооружение остатком оборонительной стены Киммерика (Марти Ю.Ю., 1927; 1928; Гайдукевич В.Ф., 1949; Зеест И.Б., 1950). На плане Н. Бларамберга (см. рис. 5) "стена" показана как протягивающаяся непрерывно от озера к юго-востоку до стен города. Однако уже Ю.Ю. Марти (1928) установил ее отсутствие в юго-восточной части, прокопав здесь 20 разведочных канав. Согласно этому автору, юго-восточный отрезок "стены" не сохранился. Предположение Ю.Ю. Марти о выборке камня на этом отрезке не находит подтверждения в прорытых им же 20 поперечных канавах, а предположение о размыве этого (тыльного!) участка морем вообще неприемлемо для специалиста по береговым процессам. На самом деле сооружение первоначально и не продолжалось далее к юго-востоку, о чем говорят отсутствие каких-либо его следов на протяжении 210 м до стен города и следов разборки и, наконец, сохранившийся юго-восточный торец. Также нет оснований считать сооружение остатком оборонительной стены. Геометрия (единичность и направленность внутрь древнего залива) и древняя топография местности (расположение "стены" в бывшем морском заливе и снижение ее от суши), ее конструктивные особенности (обрыв в море, ныне в озеро, характер кладки, в частности наличие

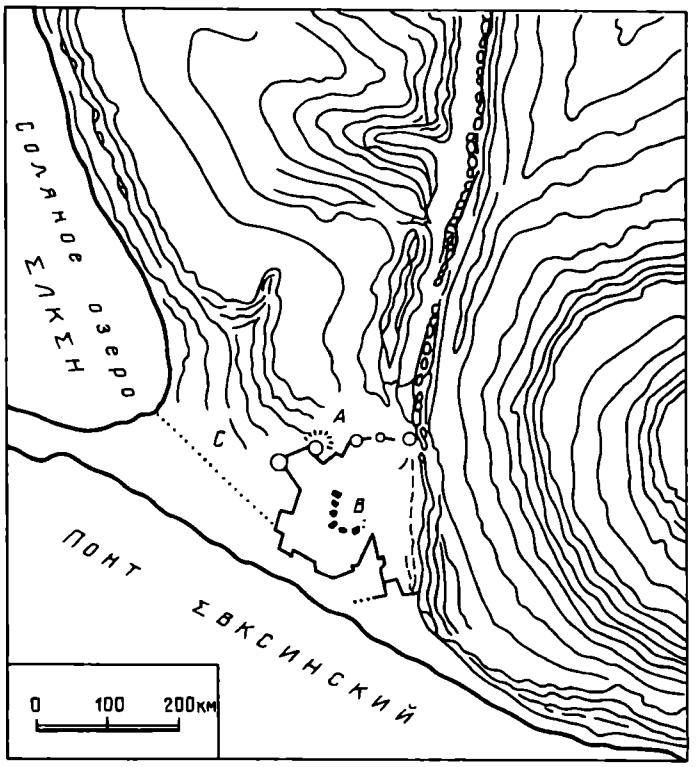


Рис. 5. Местоположение стен г. Киммерик у оз. Элькен на южном берегу Керченского п-ова. План Н. Бларамберга. *A*, *B* – стены города; *C* – морская "стена", фактически мол (в юго-восточной части показан условно)

парапета, и др.) заставляют видеть в конструкции сооружение типа соединенных мола и пристани.

Время существования мола, судя по найденной нами на нем толстостенной керамике позднеантичного облика, не позднее III–IV вв. н.э. (определение Э.Я. Николаевой). Однако дата постройки вполне может быть и более ранней, соответствующей времени основного функционирования города, а именно, согласно Б.И. Зеест, V–III вв. до н.э. Обратим также внимание на указание в анонимном перипле первых веков н.э. со сведениями еще от IV в. до н.э. о существовании в Киммерике пристани для кораблей, защищенной от западных ветров (см.: Гайдукевич В.Ф., 1949, с. 183). По всем признакам упомянутая "стена" и есть остаток этой пристани.

Площадки на молу-пристани ныне располагаются на 0,6–0,8 м ниже уровня моря, а конец мола – на 1 м ниже. Считая, что конец мола должен был при постройке возвышаться не менее чем на 0,3–0,5 м над морем, получаем здесь повышение уровня моря за 2,5–1,7 тыс. лет на величину > 1,5 м. В 1920-х годах стенка возвышалась на высоту до 0,8 м, ныне – на 0,2–0,4 м над уровнем озера, но глубина моря у мола при его постройке, несомненно, должна была составлять не менее 1,5–2,0 м, чтобы обеспечить подход судов.

Имеются скупые сведения о нахождении под водой Коктебельской бухты остатков (древнегреческого?) мола, далеко уходящего в море. Конструкция была зафиксирована в 1930-е годы на аэрофотоснимках (Воспоминания..., 1990), но о ее специальном исследовании ничего не известно. Ясно только, что для затопления длинного и капитального мола античного времени уровень моря должен был подняться не менее чем на 2–3 м.

Наконец, в Феодосийской бухте, в порту бывшей Кафы у Карантинной горки, в конце XIX в. обнаружен древний каменный мол, "не доходящий ныне до берега на несколько десятков метров" (Колли Л., 1909). Поверхность мола была погружена под

воду в то время на 2–3 м, что и можно принимать за минимальную величину относительного подъема уровня моря. Возможная ее величина 4–5 м. Остается неясным точное время сооружения другого крупного мола из деревянных свай, обнаруженного в начале XX в. под водой (Штерн Э.Р., 1906). Мол насчитывал 4 тыс. основных свай, забитых в ил на глубину до 8 м и возвышавшихся над дном на 4 м. От главной цитадели Кафы он шел на 280 м к северо-западу и далее под прямым углом на столько же к юго-западу. Вероятно, этот мол относится к развитому средневековью и также был затоплен в процессе подъема уровня моря.

В целом можно констатировать, что портовые сооружения обнаруживаются не только у крупных античных городов вдоль побережья Керченского п-ова, таких, как Кафа, Киммерик, Пантикапей, Фанагория, но и у более скромных городков и поселений типа Золотое и Зенонов Херсонес на Азовском побережье и у современного Коктебеля на Черноморском. Это открывает перспективу обнаружения при целенаправленных поисках подобных же сооружений в ряде других мест, например, вблизи развалин Порфмия, Парфения, Мирмекия, Тиритаки и у некоторых сельских поселений.

Среди известных ныне под водой сооружений важнейшими являются портовые, особенно молы – причальные стенки. Характерно, что во всех известных местонахождениях они располагаются вблизи городов и поселений античного и римского времени (1), целиком находясь ниже современного уровня моря (2); начинаются в нескольких десятках или более метров от современной береговой линии (3). Будучи построены из крупных обломков и глыб известняка на прочном известковом цементе в традициях античной кладки, они, как правило, хорошо сохранились. Ввиду ровного, хотя подчас и с понижением в сторону моря, протяжения их верхних поверхностей нет оснований говорить о разрушении их верхних частей абразией, т.е. о снижении первоначальной высоты. Это обстоятельство, так же, как и положение бывших наземных концов на несколько десятков метров мористее современной береговой черты, и, конечно, целиком подводное ныне положение не оставляют сомнения в том, что речь идет о затоплении этих портовых сооружений в ходе современной трансгрессии. О том же говорит и нахождение под водой бывших наземными сооружений (как минимум их оснований).

Как показано выше, в пределах берегов Боспора Киммерийского подъем уровня моря с античных времен оценивается в 2,0–3,5 м. На рассматриваемых берегах мы не знаем ни одного случая, когда бы можно было говорить о повышении уровня моря за последние 2,5 тыс. лет на величину, превышающую 4 м.

Нахождение портовых сооружений, да и целых частей поселений в затопленном состоянии (Фанагория, Чокрак, Нимфей, Акра, Патрей) вполне подтверждает утвердившиеся представления о повышении уровня Черного и Азовского морей за последние 2,5 тыс. лет, после начала греческой колонизации рассматриваемых берегов (Беренбойм Д.Я., 1959; Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., 1963; Куликов А.В., 1995 и др.). Уровень моря повысился на 1,5–2,0 м или несколько более на северном берегу и на величину свыше 2,5–3,0 м – вероятно на 3,5–4,0 м – на восточном и южном берегах Керченского п-ова. Это означает, что средняя расчетная скорость относительного повышения уровня моря у северных берегов Керченского п-ова составляла в этот период от не менее 0,6–0,8 до 1,2 мм/год, а у восточных и южных – 1,0–1,6 мм/год.

Различия в средней скорости относительного повышения уровня моря на разных берегах обусловлены различным сочетанием эвстатического и тектонического факторов. При принятии средней скорости эвстатического повышения уровня Мирового океана в 1,0 мм/год (Nikonov et al., 1996) получаем, что северный берег Керченского п-ова затапливался практически целиком за счет эвстатического фактора, тогда как на его южном берегу, а также по берегам Керченского пролива и Таманского залива значительным (0,5–0,8 мм/год) оказывается вклад тектонически обусловленных погружений земной коры.

Однако на северном берегу Тамани затопленные остатки поселений неизвестны, что может свидетельствовать о его тектоническом поднятии.

Большинство рассмотренных поселений располагается на сложенных коренными породами берегах или непосредственно у них (пункты *1, 2, 4–7, 9, 10, 12–15* на рис. 1). Поэтому для рассматриваемого района объяснение значительного (до глубины 3–4 м) затопления археологических памятников уплотнением осадков в дельтах (Селиванов А.Д., 1996) является неприемлемым.

Поскольку в настоящей работе рассмотрены лишь остатки искусственных сооружений, сохранивших истинное положение, то такие береговые процессы, как абразия берегов и дна, заиливание дна и преобразование кос и отмелей, не имеют прямого отношения к вопросу о причинах изменений уровня моря.

Автор признателен Э.Я. Николаевой и А.А. Масленникову за предоставление некоторых сведений и консультации по вопросам датировки памятников, Ю.В. Горлову – за ряд замечаний, сделанных по рукописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., Сазонов Ю.С., 1991. Комплекс амфор второй четверти V в. до н.э. из Патрея // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Беренбойм Д.Я., 1959. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. № 4.

Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., 1963. Открытие затонувшего мира. М.

Воспоминания о Максимилиане Волошине, 1990.

Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.

Горчакова Е., 1883. Воспоминания о Крыме. Ч. II. М.

Грач Н.Л., 1985. Нимфей в конце IV–I вв. до н.э. // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси.

Зеест И.Б., 1950. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора // КСИА. Вып. XXXIII.

Колли Л., 1909. Следы древней культуры на дне морском // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. № 43. Симферополь.

Куликов А.В., 1995. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // Проблемы истории, философии и культуры. Т. II. Магнитогорск.

Марти Ю.Ю., 1927. Отчет о работах экспедиций Керченского археологического музея летом 1927 г. // Архив ЛОИА. Инв. № 170.

Марти Ю.Ю., 1928. Городища Боспорского царства к югу от Керчи. Киммерик, Китэй, Акра // Изв. Таврического о-ва истории, археологии, этнографии. Т. II. 59. Керчь.

Марченко И.Д., 1984. Об акротериях Пантикапея // Сообщ. Государственного Музея изобразительных искусств. Вып. 7. М.

Мурзакевич Н., 1837. Поездка в Крым в 1836 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Т. III. СПб.

Орбели Р.А., 1947. Исследования и изыскания. М.; Л.

Паллас П.С., 1877. Разные замечания касательного до острова Тамана // Зап. Одесского о-ва истории и древностей. Т. X.

Селиванов А.Д., 1996. Изменения уровня Мирового океана в плейстоцене-голоцене и развитие морских берегов. М.

Сорокина Н.П., 1957. Тузлинский некрополь. М.

Таскаев В.Н., 1995. Подводные исследования в Таманском заливе // АО-1994. М.

Федоров П.В., Скиба Л.А., 1960. Колебания уровней Черного и Каспийского морей в голоцене // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 4.

Шамрай А., 1982. Поднято со дна Керченского пролива // Спортсмен-подводник. № 67. М.

Шилик К.К., 1985. Работа Боспорского подводно-археологического отряда // АО-1983. М.

Шилик К.К., 1986. Работы Боспорского отряда // АО-1984. М.

Шилик К.К., 1987. Античный город на дне Керченского пролива // Человек, море, техника. 87. Л.

Шилик К.К., 1991. Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Thracia Pontica. IV. Sofia.

Штерн фон Э.Р., 1906. Феодосия и ее керамика. Одесса.

Nikonov A.A., Enman S.V., Mishin A.V., 1996. The study of recent vertical crustal movements in the coastal zone of the Azov-Black sea basin // IAG Regional Symposium on Deformation and Crustal Movement Investigations Using Geodetic Techniques. Proceedings. Szekesfehevar. Hungary.

Институт физики Земли РАН,
Москва

A.A. NIKONOV

FLOODED REMAINS OF CONSTRUCTIONS LOCATED ALONG THE BOSPORUS OF THE CIMMERIANS

Summary

The author presents information on 18 flooded construction remains of dwellings that date to ancient times that have been uncovered recently in the maritime Bosporus of the Cimmerians. Using more or less justified datings as a basis for analysis, it is possible to state that over the past 1500–2500 years the sea level rose here not more than by four meters at an average rate of 1 to 1,6 mm per year.

At the same time this process was slower in the Crimea Azov maritime zone (1,5–2 m on average at a rate of 0,6–1,2 mm per year) than in the Kerch strait and the Black sea maritime zone – up to 2,5–4 m at a rate of 1–1,6 mm per year). This difference was explained by the impact made by tectonic factors in addition to eustatic factors.

С.А. ЯЦЕНКО

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ И ОСЕТИНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ФЕДОРОВИЧА СМИРНОВА

В обширном творческом наследии К.Ф. Смирнова[1] не последнее место занимает небольшая по объему статья "Сарматы-огнепоклонники" (Смирнов К.Ф., 1975а). Если не касаться ее названия и краткого введения, то в основном в ней рассматриваются следы погребальных ритуалов в курганах, **связанные с разжигаемым у могилы костром** (посыпание горящими углями могильной ямы и самого покойного, рассыпание прокаленной на стороне земли и т.п.) (Смирнов К.Ф., 1975а, с. 156, 157). Некоторые выводы автора являются сугубо предположительными, и на сегодняшний день их трудно как доказать, так и опровергнуть (например, глиняные курильницы и конские захоронения в равной мере связаны прежде всего именно с **культом огня**; посыпка мелом семантически адекватна прежней посыпке горящими углями).

Следы действий с огнем в сарматских курганах разнообразны, и мы обычно имеем слишком мало информации, для того чтобы уточнить их смысл. Так, неясно, для чего конкретно разжигались костры? Почему посыпался горячими углями покойник? При объяснении этих и иных следов религиозных обрядов археологу в условиях дефицита информации приходится балансировать между двумя крайностями: расплывчатыми, слишком осторожными (и потому мало что говорящими читателю) формулировками, с одной стороны, и безудержной фантазией – с другой.

К счастью, в нашем случае имеется возможность и третьего пути – корректное привлечение материалов по чрезвычайно архаичным погребальным и поминальным ритуалам наследников сармато-аланских культур – кавказских осетин. По единодушному мнению этнографов, эти традиции в значительной части восходят к скифо-сарматской древности. Отдельные этнографы и историки уже неоднократно обращались в своих трудах в поисках аналогий к сарматскому материалу. Однако во времена активной творческой работы К.Ф. Смирнова обращению сарматологов к осетинской этнографии мешало несколько объективных причин.

Во-первых, материал по осетинским погребально-поминальным традициям чрезвычайно распылен в многочисленных публикациях, многие из которых почти недоступны даже столичным специалистам. Первая обобщающая статья на эту тему Б.А. Калоева вышла в свет уже после смерти К.Ф. Смирнова (Калоев Б.А., 1984).

Во-вторых, после блестящих пионерских работ таких мэтров, как В.Ф. Миллер, Д. Дюмезиль и В.И. Абаев, высветивших значительные архаичные иранские пласты в осетинской культуре, в разработке этой темы наступил определенный перерыв. С 1950-х по 1970-е годы в науке преобладала концепция, согласно которой осетины являются не потомками сармато-аланов, а кавказскими аборигенами-горцами, перешедшими на чуждый им иранский язык и лишь поверхностно воспринявшими часть

---

[1] Статья представляет собой переработанный текст доклада на I Чтениях памяти К.Ф. Смирнова 27.11.1995 г. Идея данного доклада обсуждалась в мае 1994 г. с ведущим осетинским этнографом В.С. Уарзиати. В тексте учтены отдельные замечания М.Г. Мошковой. С любезного разрешения А.А. Узянова использованы неопубликованные материалы его раскопок.

© С.А. Яценко, 1998 г.

сарматских ритуалов. О возникновении и эволюции этой теории, о ее связи с политической ситуацией в регионе можно подробнее узнать из содержательной статьи А.В. Исаенко и В.Д. Кучиева (Исаенко А.В., Кучиев В.Д., 1995, с. 21–25).

С начала 1980-х годов ряд ведущих историков и этнографов – кавказоведов и иранистов – начал активную полемику с авторами данной концепции. Благодаря серии работ последних лет (Абаев В.И., 1982; 1990, с. 381–395; Чибиров Л.А., 1984; Чочиев А.Р., 1985; Батчаев В.М., 1986, гл. II; Уарзиати В.С., 1990; 1995; Кузьмина Е.Е., 1990; Дзиццойты Ю.А., 1992; Кузнецов В.А., 1993, гл. III; Калоев Б.А., 1996; Бубенок О.Б., 1997, с. 138–170) вновь убедительно показана на новом материале генетическая преемственность от сармато-аланов к осетинам, выявлено большое число не учтенных ранее древних традиций, восходящих к кочевому скифо-сарматскому миру, подтверждены сармато-аланские корни нартского эпоса. В недавней статье М.М. Герасимовой была продемонстрирована близость антропологического облика раннесредневековых аланов и этнографических осетин вплоть до их переселения на равнину царским правительством в конце XVIII в. (Герасимова М.М., 1994, с. 60).

Сегодня подавляющее большинство специалистов по истории аланов и осетин отвергает концепцию "ираноязычной автохтонности". Это открывает возможность для привлечения в ряде случаев осетинских параллелей при интерпретации сарматских материалов.

Благодаря оседанию предков осетин в горных условиях Кавказа традиция возведения курганной насыпи в осетинском язычестве исчезла. Однако роль огня в погребально-поминальном ритуале еще недавно была весьма велика.

Начнем с **разжигания костра у могилы**. У осетин отчетливо сохранялись древние мотивировки этой традиции. По словам информаторов, во-первых, тем самым могила предварительно очищалась от злых духов. Во-вторых, так решали важную задачу: передать покойному в иной мир частичку огня одной из основных святынь осетинского язычества – домашнего очага (Чурсин Г.Ф., 1925, с. 89). Именно от него наиболее влиятельной женщиной данной большой семьи разжигался примогильный костер. Предварительно в доме тело умершего ставили к очагу (Чибиров Л.А., 1963, с. 398). По дыму примогильного костра судили о жизни умершего в ином мире. Так, дым, идущий вертикально вверх, означал, что боги даровали покойному вечное блаженство (Тотров В.К., 1964, с. 178).

Археологи часто задают себе недоуменный вопрос: чем конкретно объяснить разное количество примогильных костров, разный объем продуктов горения в различных могилах? Осетинский этнографический материал отвечает на него недвусмысленно: все зависело не от общественного статуса умершего, а от погодных условий при захоронении. При ясной теплой погоде костер у могилы **жгли в первую ночь** после похорон, а при дождливой или морозной костер устраивали три ночи подряд, чтобы умерший согрелся и обсушил свою одежду (Чибиров Л.А., 1963, с. 358)[2]. (Хочу подчеркнуть, что наши наблюдения касаются лишь кострищ. Такие явления, как сжигание погребальных сооружений или рассыпание на большой площади прокаленной земли в курганах, из осетинской традиции необъяснимы из-за исчезновения самого курганного ритуала.)

В.К. Тотров убедительно показал, что осетинское выражение "сидеть тебе в огне" (судзгæ фæбадай) первоначально означало доброе пожелание покойному (Тотров В.К., 1964, с. 170). В сарматских и особенно в савромато-исседонских могилах скифского времени труп подчас бывал сильно обожжен. К.Ф. Смирнов объяснял это в ряде случаев тем, что на умершего в яму попадали угли из высыпаемых сверху остатков костра (Смирнов К.Ф., 1975а, с. 157). Однако у осетин еще недавно бытовал странный для стороннего наблюдателя обычай разжигать огонь на короткое время непосредственно **на груди трупа** перед помещением в склеп. Для этого использовали небольшой заряд пороха (Калоев Б.А., 1984, с. 94).

---

[2] У мусульман – горных таджиков – последний вариант имел уже явно вторичное и малореалистическое объяснение: "чтобы защитить похороненный труп от волков" (Троицкая А.Л., 1971, с. 241).

Исследователи сходятся на том, что центральная идея огненных ритуалов при погребении у осетин связана с **культом домашнего очага**. В осетинской традиции в каждом доме огонь предписывалось поддерживать негасимо. С огнем в очаге запрещалось шутить, его нельзя было ругать, переступать через него. Пролитая в очаг чужаком вода подчас приводила к кровной мести (Чибиров Л.А., 1963, с. 354–357). Огню обязательно выделялась доля от любого жертвоприношения – считалось, что без этого другие божества не примут жертву (Тотров В.К., 1964, с. 170). Огонь очага являлся центральным элементом всего цикла новогодних праздников (Чибиров Л.А., 1984, с. 161, 162). Сам ритуал осетинского гостеприимства, как предполагал еще М.М. Ковалевский (Ковалевский М.М., 1890, с. 36, 37), связан с уважением к святыне очага (Чибиров Л.А., 1963, с. 356), т.е. к его божеству. Последнее в позднейшее время именовалось Бындур (Чибиров Л.А., 1984, с. 61), но первоначально у аланов это божество, по данным филологов, было явно женским, и его имя было близко индийскому "Тапати", скифскому "Табити" и осетинскому "Сафа" (Гуриев Т.А., 1991, с. 150–155).

Приведу еще несколько примеров сарматских погребальных традиций, хорошо документированных также 2000 лет спустя у этнографических осетин.

1. Гробы в форме лодок. Они известны еще в раннесарматское время. К.Ф. Смирнов в одной из статей подробно описал такой детский гробик-лодочку, сшитый из коры и окрашенный в красный цвет (могильник Герасимовка III в Южном Приуралье) (Смирнов К.Ф., 1966, с. 37). Подобные гробы бытовали у осетин еще в XVIII–XIX вв.; они найдены, например, в знаменитом "Городе мертвых" у селения Даргавс (Тменов В.Х., 1979, с. 45, 47). В позднесредневековой осетинской "Поэме об Алгузе" говорится, что умерший царь "оставил нас без покровителя, а сам сел на золотую лодку" (Поэма об Алгузе, 1993, с. 52).

2. Погребения девушек со струнными инструментами. В раннесарматском кург. 8 Мечетсайского могильника в Южном Приуралье молодая женщина и старуха были помещены на одно погребальное ложе, имели сходные гривны, одинаковые чашечки из панцыря черепахи и т.п., хотя с первой было положено больше дорогих вещей. Девушку среди прочего сопровождали несколько амулетов и деревянный **струнный инструмент типа домбры** (Смирнов К.Ф., 1975б, с. 142, 143). Для сарматского мира эта находка пока уникальна. К.Ф. Смирнов допускал, что девушка была "жрицей". Т.М. Кузнецова недавно привела ряд доводов против этой версии, однако пока нет оснований соглашаться с ее определением умершей как рабыни-музыкантши (см.: Кузнецова Т.М., 1993, с. 85, 86)[3]. Из-за плохой сохранности органики в большинстве сарматских курганов я не рискну судить о распространенности такого обычая. Обратимся к осетинской этнографии. Оказывается, недавно существовала традиция, по которой после смерти девушек, не познавших еще радостей семейной жизни, помещали в фамильный склеп вместе с несколькими их любимыми вещицами и струнным инструментом (Калоев Б.А., 1984, с. 75).

3. Надгробие Левкия, сына Фарнака, из некрополя Пантикапея хранится в Эрмитаже и датируется Л.И. Давыдовой рубежом н.э. (Давыдова Л.И., 1990, с. 60, № 51). На этом подростковом надгробии изображен редкий сюжет, не имеющий соответствия в тогдашней греческой религиозной традиции и пока не разъясненный: юноша стреляет из лука, за ним мальчик ведет под уздцы коня.

Если мы обратимся к поминальным традициям осетин, то, напротив, параллель данному сюжету обнаружить нетрудно. Во-первых, на поминках в день похорон устраивалась ритуальная стрельба из лука в цель (хъабахъ). Главным призом победителю в стрельбе был когда-то конь (Дзацзиев А.Б. и др., 1994, с. 188)[4]. Во-вторых,

---

[3] Похожие случаи документировались лишь для тюркских кочевников позднего средневековья; см., например (Шинжин И.Б., 1994).

[4] Любопытно, что в ряде текстов древнейшего исторического цикла нартского эпоса "Борьба Ахсартагата и Бората" Кафтысар-хуандон-алдар (собирательный образ царей Боспора) предлагает прибывшим в его столицу за помощью видным нартам (аланам) в первую очередь показать себя в стрельбе из лука на поминках.

неудивительно, что подобные поминки устраивались для подростка, а не для мужчины. По осетинским обычаям, по достижении мальчиками трех лет для них устраивали праздник "цауаггаг", после которого они считались во многих отношениях уже взрослыми и переходили под покровительство "мужских божеств" (см., например: Уарзиати В.С., 1987, с. 23).

4. Состав ритуальной мясной пищи для умершего. Если говорить о баранине, то в ранне- и среднесарматское время в большинстве районов Сарматии это передние ноги барана, изредка – с лопатками или боком (т.е. с ребрами) (см., например: Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 106; Марченко И.И., 1988, с. 11; Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1988, с. 9; Симоненко А.В., 1993, с. 79). В позднесарматское время обычай помещения мясной пищи в могилу в одних регионах почти угасает (Южная Башкирия, Степная Таврия), а в других изменяется (так, в Сальских степях кладут не передние, а задние ноги: Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1988, с. 9).

Объяснимы ли все эти факты с точки зрения осетинских норм ритуально-престижных трапез (термин В.С. Уарзиати)? Безусловно. Во-первых, становится понятным отсутствие при покойном таких частей бараньей туши, как голова, район шейных позвонков и крестец (у которого часто находился курдюк). Эти три части туши у осетин считались самыми почетными. Голова (сæр) доставалась всегда руководителю поминальной церемонии, шейная часть (бæрзæй) – уважаемым старейшинам; что касается курдюка (дымæг), то осетинская пословица свидетельствует, что "бараний курдюк для молитвы богу предназначен" (Уарзиати В.С., 1993, с. 161; 1995, с. 126–131). Остальные части туши (лопатки, бока и др.) при ритуальных трапезах доставались рядовым участникам. В этом плане доля покойного у сарматов – то, что оставалось после раздачи почетным гостям и жертвоприношениям богам, – обычная доля участника трапезы. Что касается предпочтения разных частей туши у разных племен Сарматии в разные эпохи (передние ноги или задние, с лопаткой, ребрами или же без них), то те же самые варианты предпочтений отмечены Б.А. Калоевым и у различных этнографических групп осетин (Калоев Б.А., 1984, с. 90).

5. Посвящение коня знатной женщине. В ряде могил сарматских аристократок (в частности, в I в. н.э.) встречаются сопровождающие захоронения целые конские костяки (Соколова Могила; Усть-Джегута, кург. 41). Долгое время считалось, что у осетин обряд посвящения коня покойному, заменивший прямое жертвоприношение, проводился только для мужчин (Калоев Б.А., 1961). Однако, по полевым записям Б.А. Калоева, у южных осетин сохранялся в ряде случаев обычай посвящать коня знатной даме (Калоев Б.А., 1984, с. 78).

6. Погребальные носилки (ложе). В ряде могил Сарматии сохранились их остатки, в том числе в виде двух длинных параллельных и трех коротких поперечных досок. В Соколовой Могиле их размеры составляли 1,7 × 0,6 м (Ковпаненко Г.Т., 1986, с. 12). Идентичный образец выявлен в кург. 27/25 могильника Балабинский I (Узянов А.А., 1977, с. 369). Сходные по конструкции погребальные посилки (сынт) использовались в XIX–XX вв. осетинами с той лишь разницей, что поперечины делались из веревок, а сам предмет уже не оставляли умершему (Калоев Б.А., 1984, с. 99). Впрочем, наряду с подобными скромно оформленными экземплярами еще в раннесарматское время использовались носилки, богато украшенные резным геометрическим орнаментом (Лятошника, кург. 5/4 – линии зигзагов, ромбов и "бегущей волны") (Железчиков Б.Ф., Фалалаев А.В., 1995, с. 32; рис.12, *6–9*).

Последняя из проводимых здесь параллелей сарматским погребальным традициям связана с нартским эпосом.

7. Необычные каменные оселки. В могилах евразийских номадов античного времени встречаются подчас оселки, сделанные из ценных, пестрых пород камня (яшма, змеевик, порфир, агат: Грязнов М.П., 1961, с. 143) (см. у сарматов: Ковпаненко Г.Т., 1986, с. 107, 108, рис. 110; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 161). Они обычно не имеют следов износа; их сигаровидная, как правило, форма малоудобна для заточки. Лишь в регионе Верхнего Енисея М.П. Грязнов, напротив, отмечает у них

следы сильного износа у отверстия – видимо, использование в течение нескольких поколений. М.П. Грязнов считает, что такие оселки имели культовое назначение (Грязнов М.П., 1961, с. 140–143), и с ним согласны многие авторы. Предполагают, например, что они предохраняли от "дурного глаза" (Андреев В.Н., 1992, с. 23). Можно было бы объявить подобные оселки у номадов просто атрибутом степной аристократии. Однако эти предметы в редких случаях попадаются и в рядовых могилах, а у многих знатных умерших отсутствуют.

В связи с этим интересно, что в ряде национальных версий нартского эпоса наряду с обычными упоминаются оселки, обладающие магическими свойствами. Прикосновение их помогает колдунье залечивать раны (Нарты..., 1994, с. 549), а в исключительных случаях якобы способно оживить мертвеца (Ахриев Ч., 1871, прим. на с. 38). Иными словами, магические оселки имеют функции, противоположные обычным (не заостряют ножи и кинжалы, а ликвидируют последствия их применения). Поэтому возможно, что помещение "необычных" оселков в погребении вообще и в погребении воинов и женщин-всадниц в частности неслучайно.

Осетинские языческие представления о загробной жизни изредка позволяют уточнить семантику изображений в сарматизованных поминальных комплексах городов Боспорского царства (что уже демонстрировалось мною на примере росписи в "склепе Анфестерия" (Яценко С.А., 1995, с. 191, 192)[5] и надгробий "сарматского круга" в Юго-Западном Крыму (Яценко С.А., 1992, с. 67, № 6).

В ряде случаев понять ситуацию, выявленную при раскопках сарматских курганов, помогают осетинские материалы, не имеющие прямого отношения к погребальному обряду. Например, иногда археологам приходится встречать в сарматских могилах вещи гораздо более ранних эпох. Как они попали туда? Только ли при совершении погребений в более древних курганах? В связи с этим стоит вспомнить осетинский магический обряд, по которому допускалось массовое разрушение древних курганов. В случае сильной засухи в стране жители от мала до велика выходили раскапывать могильники (те, в которых, по местным преданиям, хоронили не собственно аланских предков, а чужаков). Кости умерших извлекали на свет, поливали водой, после чего вновь закапывали в старые могилы (Чурсин Г.Ф., 1925, с. 77)[6]. Несомненно, при этом находили и древние вещи, которые не помещали обратно, а использовали в качестве амулетов. Можно думать, что этот обычай существовал еще у сарматов, и им отчасти можно объяснить помещение с покойными вещей, происходящих из разрушенных могил эпохи бронзы и скифского времени (ср.: Яценко С.А., 1987, с. 23, 24); о других причинах см., например, (Хазанов А.М., Черненко Е.В., 1979, с. 21).

В нынешней ситуации отказ от серьезного рассмотрения сармато-осетинских параллелей грозит направить исследователя по ложному пути. Так, недавно вышли любопытные статьи Т.А. Прохоровой, посвященные реконструкции религии ранних аланов (Прохорова Т.А., 1994а, с. 174–182; 1994б, с. 89–100). При этом автор в отличие от коллег-гуманитариев (историков, этнографов, религиоведов), занимавшихся данной темой, совершенно не использует обширную литературу по алано-осетинскому язычеству. В результате пришлось обращаться к более отдаленным аналогиям у индийцев, персов и таджиков. Из всего круга публикаций нартского эпоса Т.А. Прохорова выбрала популярное издание переводов Ю. Либединского, которое обычно не привлекается специалистами (Сказания о нартах..., 1978).

---

[5] Недавняя попытка "уточнения" моей трактовки венгерским исследователем Я. Маккаи (Маккаи Я., 1997, с. 143–152) основана, к сожалению, на некорректных тюркских и венгерских фольклорных параллелях, на обращении к арабизованным и тюркизованным сюжетам из поэмы Низами "Хамсе", на неточных прорисовках росписи и весьма вольной интерпретации деталей (костюм и жезл главного героя; две схематичных фигуры в шатре как "супруги"; священный круглотелый кубок как "чаша" и т.д.).

[6] У предков вайнахов, входивших в средневековую Аланию, сохранились сходные обычаи (в том числе низвергались старые надгробия и изваяния). Напротив, при затянувшихся дождях кости возвращали в старые могилы, после чего последние закапывались, а надгробия вновь водружались на место (Мадаева З.А., 1983, с. 91, 93).

В данной статье я ограничился всего несколькими примерами. Однако из них вполне ясно, что корректное использование сармато-осетинских параллелей становится одной из актуальных задач сарматологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И., 1982. Нартовский эпос осетин. Цхинвали.

Абаев В.И., 1990. Блеск и нищета золотого тиснения // Абаев В.И. Избранные труды. Т. I. Религия, фольклор, литература. Владикавказ.

Андреев В.Н., 1992. К вопросу о скифских оселках // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VI науч. конф. Ростов-на-Дону.

Ахриев Ч., 1871. Из чеченских сказаний // ССКГ. Вып. V. Тифлис.

Батчаев В.М., 1986. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик.

Бубенок О.Б., 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII в.). Киев.

Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1988. Ритуальная пища сарматов (по материалам курганных могильников среднего течения реки Сал) // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Тез. докл. к областному семинару. Азов.

Герасимова М.М., 1994. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение. № 3.

Грязнов М.П., 1961. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л.

Гуриев Т.А., 1991. Наследие скифов и алан (Очерки о словах и именах). Владикавказ.

Давыдова Л.И., 1990. Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Каталог выставки. Л.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. № 3.

Дзацзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М., 1994. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ.

Дзиццойты Ю.А., 1992. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ.

Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград.

Исаенко А.В., Кучиев В.Д., 1995. Некоторые проблемы древней истории Осетии // Аланы. История и культура. Alanica. Вып. III. Владикавказ.

Калоев Б.А., 1961. Обряд посвящения коня у осетин // VII Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. Доклады. № 248. М.

Калоев Б.А., 1984. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. VIII. М.

Калоев Б.А., 1996. Венгерские аланы (ясы). М.

Ковалевский М.М., 1890. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. М.

Ковпаненко Г.Т., 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев.

Кузнецов В.А., 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ.

Кузнецова Т.М., 1993. Восточные музыкальные зеркала // ПАВ. Вып. 7.

Кузьмина Е.Е., 1990. Некоторые категории материальной культуры Осетии и проблема происхождения индоиранцев // Вопросы иранистики и алановедения. Тез. докл. Владикавказ.

Мадаева З.А., 1983. Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX – начале XX в. // СЭ. № 4.

Маккаи Я., 1997. Древнеиранский обычай "подношения чаши" и его связи // Скифия и сарматы. Донские древности. Вып. 5. Азов.

Марченко И.И., 1988. Сарматы степей Правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам курганных погребений). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев, 1994. М.

Поэма об Алгузе, 1993 / Сост. Е.Е. Хадонов. М.

Прохорова Т.А., 1994а. Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника) // ВДИ. № 4.

Прохорова Т.А., 1994б. О семантике изображения на золотой пластине из кургана у Мехзавода // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып. 12. Азов.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.

Сказания о нартах. Осетинский эпос, 1978. М.

Смирнов К.Ф., 1966. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области // КСИА. Вып. 107.

Смирнов К.Ф., 1975а. Сарматы-огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск.

Смирнов К.Ф., 1975б. Сарматы на Илеке. М.

Тменов В.Х., 1979. Город мертвых (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе.

Тотров В.К., 1964. Из истории семейных обрядов осетин // Изв. СОНИИ. Т. XXIV. Орджоникидзе.

Троицкая А.Л., 1971. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана // Тр. ИЭ. Т. XCVII.

Уарзиати В.С., 1987. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе.

Уарзиати В.С., 1990. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе.

Уарзиати В.С., 1993. Ритуально-престижная трапеза у осетин // Дзуцев Х.В., Смирнова Я.С. Жизнь осетинской семьи (этносоциологический аспект). Приложение I. Владикавказ.

Уарзиати В.С., 1995. Праздничный мир осетин. Владикавказ.

Узянов А.А., 1977. Отчет о работах Богаевского отряда Донской экспедиции ИА АН СССР в 1976 г. Т. 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 7044.

Хазанов А.М., Черненко Е.В., 1979. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. Вип. 30. Київ.

Чибиров Л.А., 1963. Очаг осетинского жилища // Материалы по этнографии Грузии. Вып. 12–13. Тбилиси.

Чибиров Л.А., 1984. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали.

Чочиев А.Р., 1985. Очерки истории социальной культуры осетин (Традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали.

Чурсин Г.Ф., 1925. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис.

Шинжин И.Б., 1994. Золотая чочойка из ханского погребения // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Горно-Алтайск.

Яценко С.А., 1987. "Громовые орудия" у сарматов и поздних скифов // Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. Ч. II. Кемерово.

Яценко С.А., 1992. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ.

Яценко С.А., 1995. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском "склепе Анфестерия" // ВДИ. № 3.

Центр археологических исследований
Управления государственного контроля охраны
и использования памятников истории и культуры
г. Москвы

S.A. YATSENKO

FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF SARMATIANS AND ETHNOGRAPHY OF OSSETIANS

S u m m a r y

For the reconstruction of funeral rites in the kurgans of European nomads of the 4th century BC – 3^{d} century AD, extremely archaic pagan beliefs of their direct descendants, i.e. modern Ossetians of the Caucasus are of great importance. In 1950-70s a prevailing theory stated that the Ossetians were direct descendants of mountainous aborigine tribes that had borrowed the Iranian language that was alien to them. The paper analyses eight examples of how specific rites were preserved two millennia later.

1) A fire was made near the tomb of the dead person to transmit to the dead the heat of the major sacred place of his/her family, i.e. house hearth, and frighten away evil spirits. The future life of the dead was forecasted based on the direction of the smoke. A partial burning of the corpse in the kurgans is not accidental, in the 19th century gunpowder was still ignited on the chest of the dead. 2) Coffins in the form of boats. In the legends of the Ossetians a dead king went aboard a gold boat. 3) A string instrument was placed into the tomb of a maiden. 4) A tomb stone of Levkios from the necropolis of the town Panticapaeum at the turn of our era with a carved picture that depicted an unusual story (one young guy is striking from the bow, the other is handling a horse). The Ossetians organised a bow competition on the funeral day, the horse being a prize. 5) The composition of the riual food (mutton) for the dead. Over different periods the Sarmatians usually placed front legs of the sheep into the tomb, sometimes with a shoulder plate or with a side part, seldom rear legs. These preferences given to various parts of the body parts are noted among various groups of Ossetians. The following parts were not placed into the tombs of Sarmatians: the head (the share of the funeral party leader), the neck (the share of the oldest guests) and the fatty tail of the sheep (that was a sacrifice to the gods) were not placed either. The share that was given to the dead person by the Sarmatians is a share of a common participant of the public feast. 6) The dedication of the horse to a dead noble woman. It has been preserved among the Ossetians in spite of disappearance of womenwarriors. 7) Funeral stretches of a similar design were used till the end of the 20th century. 8) Unusual grinding stones made of rare expensive minerals without any traces of wear and tear. An Alan-Ossetian "Nart" epic tradition helps specify their purpose. It mentions magical grinding stones that help cure wounds and resurrect the dead.

Н.В. ЖИЛИНА

СТИЛИ И ТЕХНОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЗЕРНИ И СКАНИ

Проблема выделения стилей в древнерусском прикладном искусстве практически не разработана. Отдельные важные замечания сделаны Г.К. Вагнером (Вагнер Г.К., 1987, с. 71–95, 124).

На наш взгляд, на данном этапе изучения правильней идти от конкретного материала, пытаться понять его стилевое разнообразие, сделав формальное определение стилей: охарактеризовать общность тех художественных приемов, которые складываются в единство для достижения определенного эстетического эффекта. На основании сопоставления стилевых комплексов с технологическими и типологическими можно получить данные и об общности развития прикладного искусства в Древней Руси и о его локальных особенностях. Поэтому выделение стилей следует провести независимо от хронологического или типологического деления.

Попытаемся выделить стилеобразующие признаки для художественного ремесла зерни и скани. Характеристика этих признаков, или элементов стилистики, составит название стиля.

1. Вид металла, цвет и блеск: золотой, серебряный.

2. Вид накладного декора, несущий основную эстетическую нагрузку: филигранный, сканый, зерненый.

3. Вид изображения или декорации: линейный, геометрический, кольцевой, свободно-ковровый.

4. Степень изобразительности: изобразительный, с элементами изобразительности, декоративно-орнаментальный.

Четыре первых стиля, из перечисляемых ниже, являются орнаментальными. Всего же на основании изучения вещей со сканью и зернью из древнерусского кладового комплекса нам представляется возможным выделить пять стилей.

1. Золотой филигранный ковровый (или золотой "пышный"). Основа эффекта состоит в динамизме и пышности драгоценной золотой филиграни (скани, штампованной ленты), несущей главную декорирующую нагрузку. Основной орнаментальный мотив – туго скрученный завиток филиграни, использование зерни носит дополняющий характер. Поверхность гладкого металла почти не видна. В этом стиле изготовлены немногочисленные шедевры ювелирного дела: колты, медальоны ожерелий и бусы с завитковым сканым орнаментом из старорязанского клада 1822 г., накладная пластина из каменнобродского клада 1903 г., подвеска "сионец" из киевского клада 1887 г., крест в золотой оправе из собрания М.П. Боткина в ГРМ (Корзухина Г.Ф., 1954, № 162, с. 143, 144; № 138, с. 134, 135; № 102, с. 119, 120).

2. Золотой сканный "строгий" (кольцевой орнамент из скани, отдельные завитки, треугольники из зерни). Основной признак стиля: эффект сияния золота (или гладкого металла) в сочетании с тонкой сканью, которая является основной в декоре, либо обрамляя части украшений, либо составляя каркас в ажурной конструкции. Из скани выполняются многолучевая кайма на колтах, контур лунниц, подчеркиваются ребра лучей, бордюр по краю оправ крестов. Украшения, выполненные в этом стиле, можно разделить на две группы: на одних используется только скань, и эти вещи, как правило, относятся более к искусству перегородчатой эмали, скань является строгим украшением оправы. На других скань и зернь являются основной орнаментацией.

© Н.В. Жилина, 1998 г.

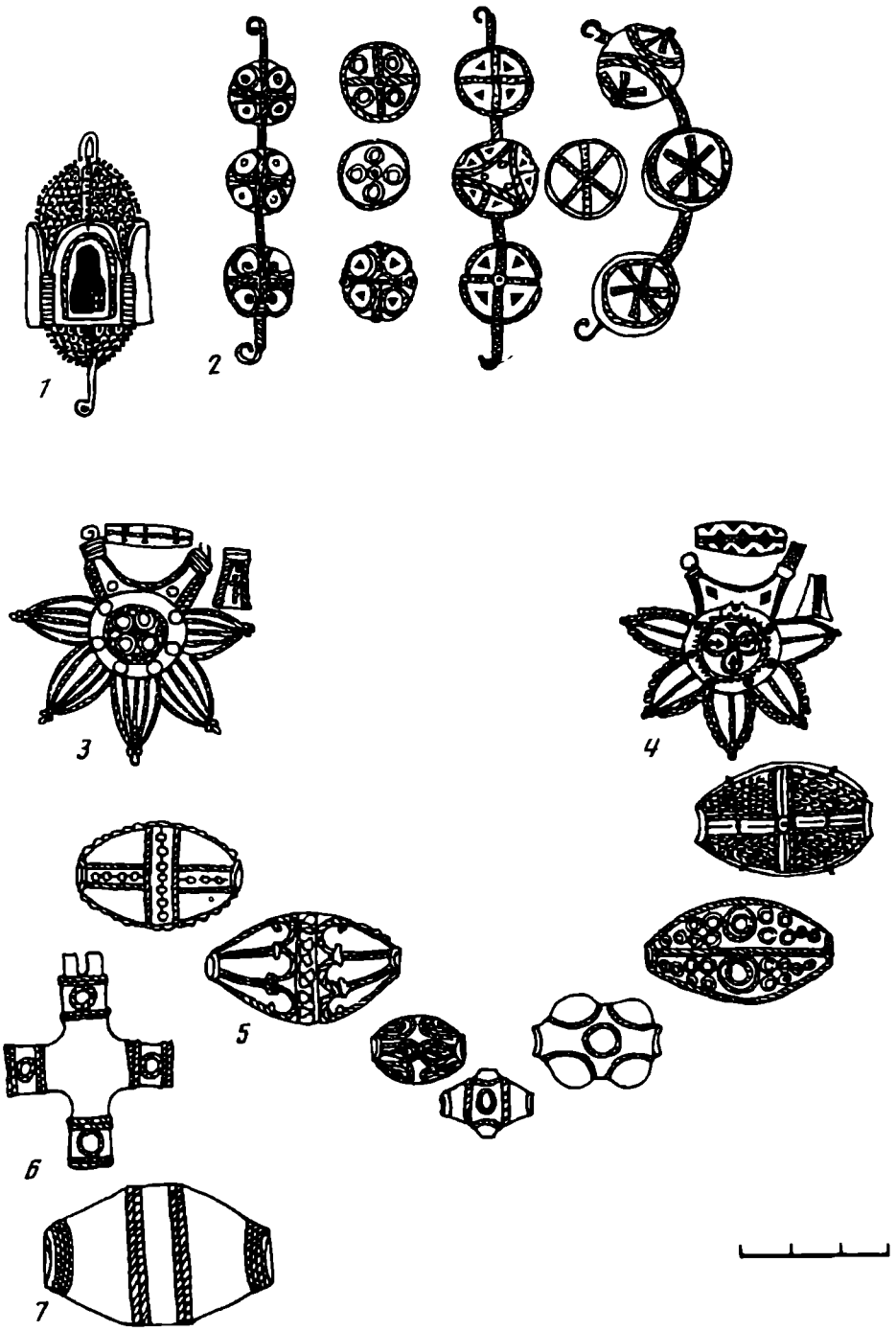


Рис. 1. Украшения в стиле золотой сканный "строгий": *1* – подвеска "сионец" (Старая Рязань, клад 1822 г.); *2* – трехбусинные украшения (Старая Рязань, Киев); *3* – колт (клад 1842 г., Киев); *4* – колт из собрания КМИДР; *5* – бусы ожерелий (Киев, Старая Рязань); *6* – крест в оправе (Старая Рязань, клад 1822 г.); *7* – стеклянная бусина в оправе из серебряных наконечников (Старая Рязань, клад 1979 г.)

Можно выделить золотой скано-зерневой убор этого стиля: колты, бусы, трехбусинные украшения (рис. 1). Помимо скани и зерни на вещах, относимых к этому стилю, используется гофрированная лента, арочки из гладкой проволоки. Из известных шедевров ювелирного дела к этому стилю следует отнести бусы с накладными арочками из гладкой проволоки, подвески-"сионцы" из клада 1822 г. из Старой Рязани.

3. Серебряный зерненый линейно-геометрический. Плоские части украшений

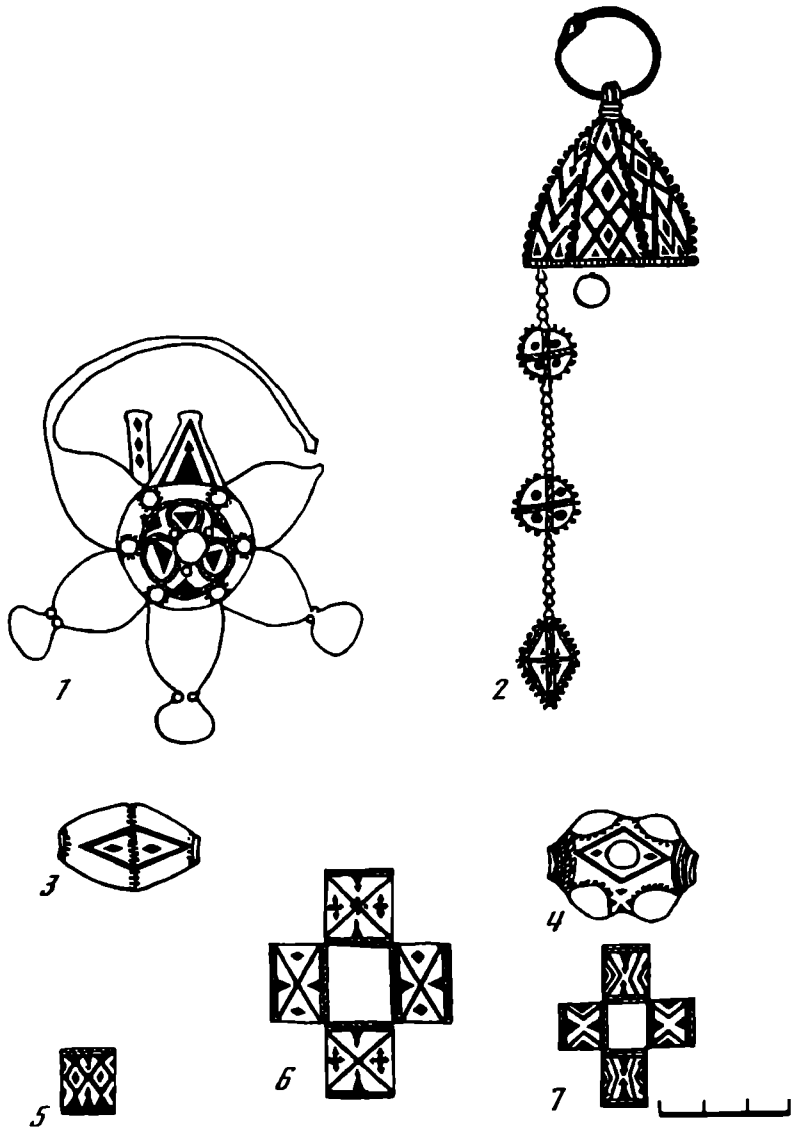


Рис. 2. Украшения в стиле "зерненый серебряный" линейно-геометрический": *1* – колт (Териховский клад 1878 г., Орловская обл.); *2* – рясно из клада 1967 г. из Старой Рязани; *3* – бусина из фондов КМИДР; *4* – бусина из Тверского клада 1906 г., *5–7* – оправы крестов (Киев, Старая Рязань)

делятся на орнаментальные зоны и полосы двурядными линиями из зерни, складывающимися в фигуры в форме углов, пересекающимися крест-накрест. Кроме того, используются ромбы и треугольники из зерни. В данном случае зернь – основной декорирующий прием, скань – обрамляющий, она подчеркивает контур плоскостей, иногда вообще не используется. Убор из украшений в этом стиле относится к периоду X–XI вв. (лунницы, медальоны с полусферами, бусы Невельского и Гнездовских кладов) (Корзухина Г.Ф., 1954, № 23, 24, с. 87, 88; № 49, с. 97, 98). В XII–XIII вв. линейно-геометрический стиль представлен немногочисленными материалами. В основном он встречен на серебряных наконечниках оправ крестов, на верхнем луче колтов с большой дужкой и на одном экземпляре подвески-рясна из Старой Рязани (рис. 2).

4. Серебряный зерненый, геометрический. Эффект состоит в тончайшем дроблении поверхности с помощью покрытия гладкого металла зернью сплошь или орнаментацией из ромбов и треугольников. Играют роль и небольшие участки гладкого металла, это определенные части украшений: ободок и полусферы колтов. Основная орнаментальная роль принадлежит зерни, скань используется для бордюров, обмотки, иногда для нанесения линий в розетках. Убор в этом стиле составляли колты со

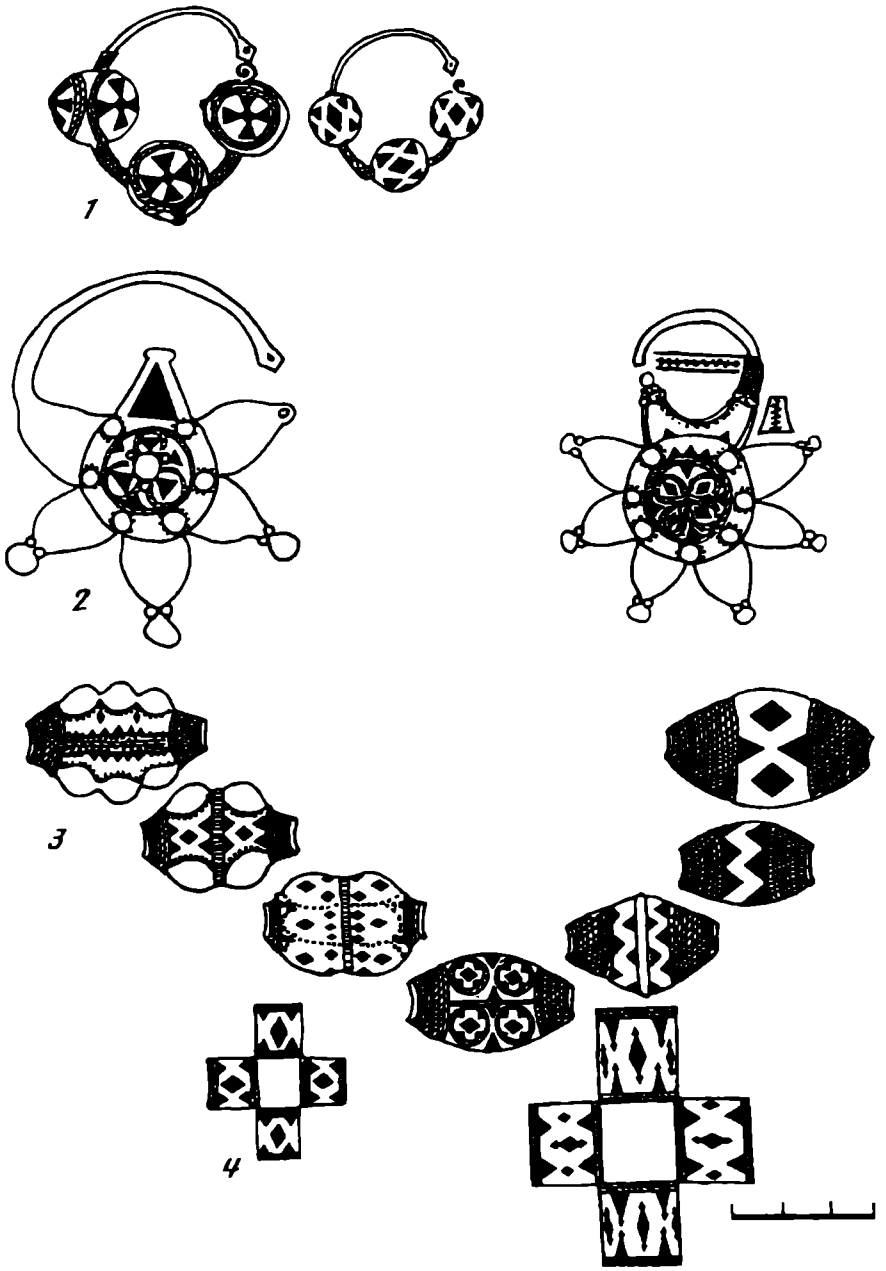


Рис. 3. Украшения в стиле "зерненый серебряный геометрический": *1* – трехбусинные украшения (Старая Рязань, Киев); *2* – колты (Старая Рязань); *3* – бусы ожерелий (Киев, Тверь, Старая Рязань); *4* – оправы крестов (Старая Рязань)

сплошь зерненными лучами, бусы с поясками ромбов и треугольников и с полусферами (рис. 3).

5. Можно выделить еще один стиль, особенностью которого является присутствие элементов изобразительности в расположении орнаментации из скани и зерни. Следует отметить статичность фигур, расположенных на свободном фоне гладкого металла. Для этого стиля невозможно выделить главный прием накладной орнаментации, несущий основную эстетическую нагрузку. И скань, и зернь, и штампованные детали в равной мере участвуют в складывании относительно сложных и не всегда полностью декоративных композиций, аналогии которым можно найти среди этнографически известного комплекса русских вышивок. Отсутствие строго выдержанной "стильности" с преобладанием нескольких определенных элементов стилистики приближает украшения этого стиля к народному искусству с его синкретичностью. Данный

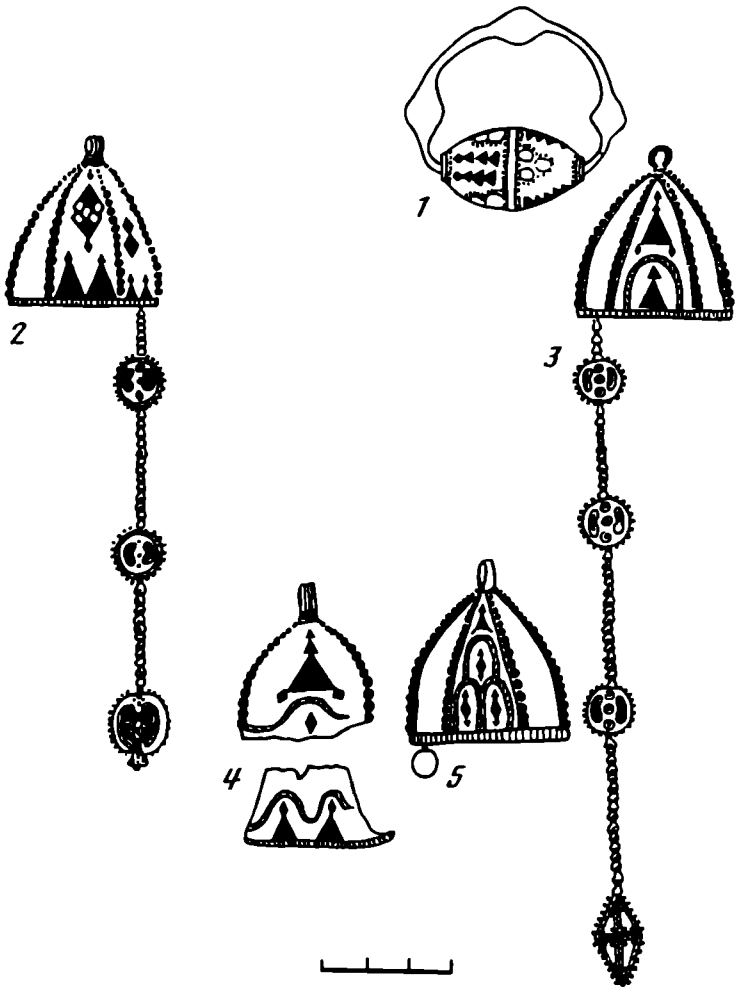


Рис. 4. Украшения в стиле "архаический", с элементами изобразительности: *1* – ромбовитковое височное кольцо с бусиной (Ярославская обл.); *2–5* – колоколовидные рясна (Киев, Старая Рязань)

стиль можно условно назвать "архаичным". К нему относятся серебряные колоколовидные рясна и бусина, надетая на ромбовитковое височное кольцо, из Белогостицкого клада под Ярославлем (Корзухина Г.Ф., 1954, № 63, с. 103, 104) (рис. 4).

Проанализируем состав украшений по категориям внутри стилевых групп. Общими категориями являются бусы ожерелий и оправы крестов. Это объяснимо, так как бусы относятся к числу "вечных" украшений, это своего рода элемент образования новых форм ювелирных изделий; крест же на протяжении XI–XIII вв. становился все более и более официальной и обязательной частью в уборе. По наличию остальных категорий различаются две группы стилей.

Архаический и линейно-геометрический стили характеризуются отсутствием трехбусинных украшений и колтов[1]. Наушным украшением, связанным с архаическим стилем, являются рясна. Группы стилей: золотой филигранный "пышный", золотой сканный "строгий" и серебряный зерненый геометрический объединяются наличием лучевых колтов различных типологических разновидностей, а также трехбусинных украшений всех типов. Таким образом, мы видим разницу уборов, связанную с этими группами стилей.

Интересно, что по набору технологических приемов стили разделятся на иные

[1] Имеется в виду отсутствие колтов, полностью выполненных в линейно-геометрическом стиле, и развитых типов трехбусинных украшений.

группы, но каждая из них будет содержать по одному из двух стилей, связанных с более архаичным убором или уборами.

Значительно более богатую по набору технологических приемов, связанных с искусством накладной орнаментации, составляет группа стилей: архаический, золотой "пышный" и золотой "строгий". Здесь используется плющеная развальцованная скань, укладка зерни между двух гладких проволок; металлическая лента, простая и гофрированная; штампованная лента, штампованная проволока и другие штампованные фигурки; арочки и колечки из гладкой проволоки. Помимо указанных используются также круглая скань и зернь.

Два серебряных зерненых стиля используют только круглую скань и зернь.

Таким образом, мы наблюдаем две линии стилевого развития, каждая из которых объединена и технологическими традициями. Кроме того, нельзя не отметить большую сложность, роскошь в сочетании с индивидуальностью украшений одной группы и относительную массовость, простоту и стандартность изделий – другой. Г.Ф. Корзухина разделила украшения из кладов XII–XIII вв. на две большие группы золотых и серебряных вещей (Корзухина Г.Ф., 1954, с. 28–31). Исходя из вышенамеченных стилевых групп, разделение можно провести и по иному принципу. Различие между группами не сводится к преимущественному использованию в одной группе золота и филиграни, в другой – серебра и зерни. И то и другое применяется в обеих группах, но играет разную эстетическую роль.

Г.Ф. Корзухина указала также неясность состава парадного убора XI в. для Среднего Поднепровья, отметим, что в убор северо-западных областей входили славянские височные кольца (Корзухина Г.Ф., 1954, с. 65, 66). Этот факт, а также отнесение бусины из Белогостицкого оклада, надетой на ромбощитковое височное кольцо, к одной стилистической группе с колоколовидными ряснами позволяют предположить, что роль основного наушного украшения в парадном уборе XI в. играли как раз колоколовидные рясна.

Стратиграфические даты цепочек рясен из городских слоев Новгорода: с XI по XIII в. – это подтверждают. С другой стороны, требует объяснения тот факт, что колоколовидные рясна не входят в состав кладов XI в. Но в кладах XII–XIII вв. колоколовидные рясна составляют очень небольшой процент украшений по сравнению с колтами и воспринимаются как нечто пережиточное, хранимое с более раннего времени. Этот парадный убор, носившийся, по-видимому, и знатью, был тесно связан с народным костюмом (по орнаментике, а также ношению с кичкоообразным головным убором) (Жилина Н.В., 1994; 1997).

Линейно-геометрический стиль связан с убором еще более ранним: X–XI вв., происхождение и состав этого убора является отдельной темой. В материале же XII–XIII вв. мы видим переживание этого стиля и его трансформацию в зерненый геометрический. Этот переход хорошо демонстрирует эволюционный ряд серебряных оправ крестиков.

"Золотые" стили и серебряный геометрический демонстрируют различные варианты уборов княжеских, боярских и состоятельных городских кругов: убрус с диадемой и сионцевидными ряснами или крупными колтами (клад 1822 г. из Старой Рязани); очелье или венец из трехбусинных украшений с лучевыми колтами.

На наш взгляд, можно выделить технологические школы (или технологические комплексы) по основным различиям в способе изготовления зерни. Этих способов два: I – путем разбрызгивания металла; II – с помощью заготовок для каждой гранулы. Для тех случаев, когда трудно с определенностью отнести вещь к I или II комплексу, выделен промежуточный комплекс.

Для стилей архаического, золотого "строгого" на вещах преимущественно фиксируется I способ. Кроме того, на украшениях золотого "строгого" единично отмечено получение зерни путем штампования.

Для золотого "пышного" преимущественно фиксируется II способ. На украшениях зерненых стилей представлены все технологические комплексы. Распространение

того или иного способа в XII–XIII вв. имело территориальный характер. Однако вещи с фиксируемыми признаками I способа характерны для начала эволюционных рядов и имеют киевское происхождение. Поэтому можно предполагать более раннее распространение на Руси I технологического способа.

На материале эволюционного ряда колтов на луннице выделены две типологические ветви, имеющие территориальный характер. Начало ряда образует материал из Киева, относимый к I технологическому комплексу. Затем происходит разделение на рязанскую (характерен II технологический комплекс) и московско-тульско-тверскую (характерен I технологический комплекс) ветви. Все колты московско-тульско-тверской группы относятся к подтипу, не представленному в Рязани. Помимо типологических и технологических различий, присутствует разница и в орнаментации лунниц: на рязанских колтах она геометрическая из зерни; на московских, тульских и тверских – из накладных колец.

Аналогичные, хотя несколько менее четкие результаты дает материал бус ожерелий. Бусы из кладов Старой Рязани и Владимира связываются со II и промежуточным технологическим комплексами (единичные экземпляры можно связывать и с I). Бусы из кладов Киева, Москвы, Твери, Суздаля – с I и промежуточными комплексами.

Наиболее благоприятным для выделения продукции разных групп мастерских является материал колтов, бус ожерелий и трехбусинных украшений. Данное выделение следует делать по ряду детальных мелких признаков внешнего оформления украшения. Причем признак тем более важен для учета, чем более неважным и несущественным он представляется с точки зрения типологии и эстетики вещи.

Для трехбусинных украшений это могут быть следующие признаки.

1. Конкретный вариант нанесения основного орнаментального изображения (количество заготовок, способ их сложения при укладке).
2. Конкретный вариант заполнения треугольного или ромбического участка бусины, прилегающего к стержню.
3. Способ нанесения небольшого точечного отверстия, необходимого для облегчения выхода воздуха при паянии (точечный или щелевидный прокол).
4. Вариант обмотки стержня: сканью или гладкой проволокой.
5. Размер зерни (диаметр).
6. Параметры скани (сечение).
7. Размер бусины.

По этим признакам выделяются группы материала, которые следует связывать с кругом мастерских. На наш взгляд, корректней оперировать именно терминами "круг" или "группа" мастерских. Данные признаки могли иметь одинаковые значения для нескольких каким-то образом связанных между собой мастерских (преемственность, ученичество). Самые мелкие различия при таком подходе можно не учитывать, в выводах не будет излишней категоричности (непреложности отнесения изделий к продукции именно одной мастерской). Среди указанных признаков выделяются один-два более важных, по которым можно наблюдать общую технологическую традицию в выделке украшений, она часто бывает сходной в разных регионах; вся же комбинация значений признаков показывает своеобразие производства в каждом конкретном регионе. Для трехбусинных украшений признаком, определяющим общую технологическую традицию, выбран вариант заполнения участка у стержня. Можно предложить следующие предварительные результаты выделения "кругов" мастерских.

Круг "а" рязанский: на треугольном участке у стержня сходятся концы трех прямых из скани, между ними – накладные кольца из гладкой проволоки; зернь крупная (D = 3,0 мм); диаметр бус также большой: более 14 мм; отверстие точечное.

Круг "а" киевский: контур окружностей нанесен одним рядом скани, отверстие щелевидное (проделано концом ножа), зернь по диаметру меньше: в среднем 1,25–2,00 мм, менее 2,5 мм; бусы невелики по диаметру: 10–12 мм.

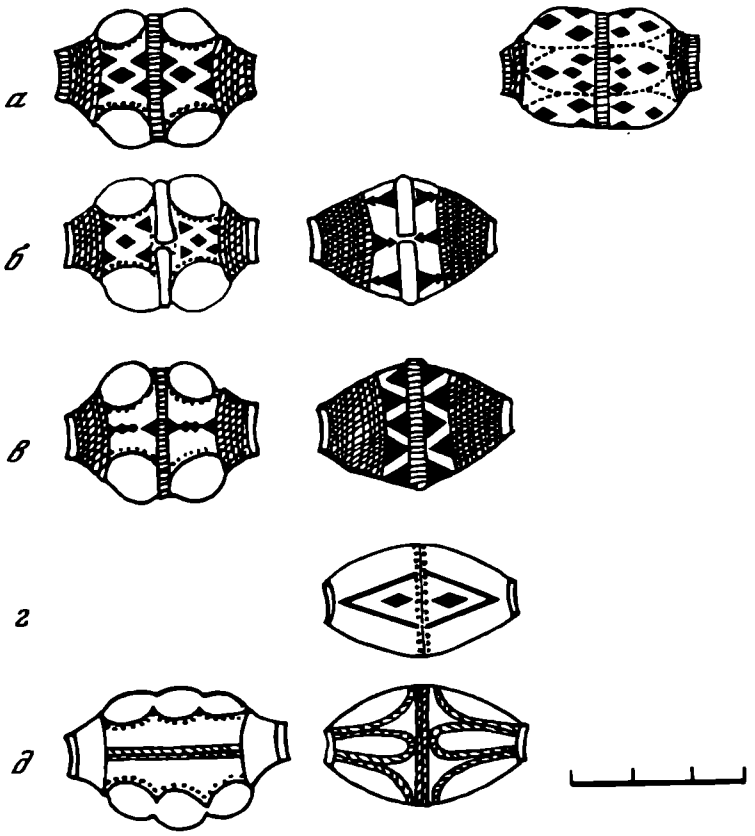


Рис. 5. Определение "круга мастерских" для бус ожерелий ("круг мастерских" обозначен литерой).
а – Суздаль, Рязань; *б* – Киев, Рязань, Тверь; *в* – Суздаль, Рязань, *г* – Киев; *д* – Киев, Москва

Круг "б": на участке у стержня расположено в углах по накладному кольцу; диаметр бус 10–12 мм, обмотка стержня гладкой проволокой и сканью. Изделия рязанского и киевского круга различаются по первому и третьему признакам: на киевских – окружности преимущественно наносятся сканью в один ряд, на рязанских – в два; отверстие на киевских щелевидное, на рязанских – точечное.

Круг "в": на участке у стержня нет накладной орнаментации. Различия между рязанским и киевским материалами аналогичное, как и для украшений предшествующих кругов.

Круги "г" (у стержня накладная пластина) и *"д"* (углы участка подчеркнуты шариками зерни) выделены только для киевского материала.

Изделия *круга "е"* (пристержневой участок покрыт технической присыпкой) распространены довольно широко. Различие между материалами разных территорий отмечено по первому признаку: на московских и владимирских украшениях окружности нанесены тремя рядами скани, на рязанских – двумя, на киевских – одним.

Для бус ожерелий признаком, определяющим общую технологическую традицию, по-видимому, является способ выполнения поперечного ободка и краевых колец. У бус *круга "а"* эти детали выполнены в технике канители (обмотка стержня гладкой проволокой, сканью, лентой). Сюда относятся бусы с полусферами из клада в с. Исады под Суздалем и бусы с рельефными долями на корпусе из Старой Рязани. Для бус круга "б" характерны гладкий пластинчатый широкий ободок и проволочные кольца на краях (Старая Рязань), клад из с. Кресты Тульской обл. (Киев, Тверь). *Круг "в"* демонстрирует смещение традиций: канительный ободок и гладкие краевые кольца (Суздаль, Старая Рязань, Москва). У бус из московских кладов, относимых к *кругу "д"*, ободок выполнен сканью, кольца гладкие. К *кругу "г"* пока отнесен лишь один

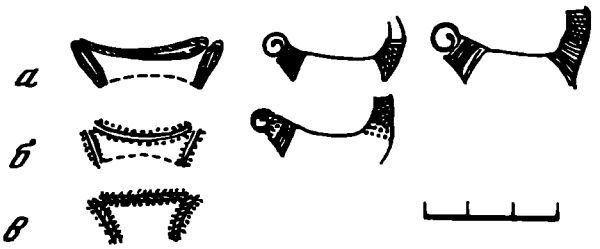


Рис. 6. Определение "круга мастерских" по лунницам колтов.
а – Киев, Княжая гора, Москва; *б* – Киев, Рязань; *в* – Рязань

предмет из Киева: ободок выполнен гладкой проволокой. Можно предположить, что традиция канительного ободка первоначально возникла в суздальском регионе (там это характерно для двух основных типов бус, а *круг "б"* не представлен). Затем эта традиция могла быть перенята и мастерскими других городов. Пластинчатый же ободок характерен для Киева и Рязани. Внутри данных кругов можно выделить и более мелкие, отличающиеся своеобразием по более детальным признакам (рис. 5).

Для колтов в качестве основного признака выделения технологической традиции выступает обработка лунницы: ее концов (обмотка, присыпка), подчеркивание контура конкретным видом накладной орнаментации, способ сложения заготовок. *Круг "а"*: петлеобразно сложенная скань по контуру лунницы, обмотка концов сканью, иногда подкладка небольшого ряда зерни по концам лунницы (Киев, Москва). У старорязанских колтов этого круга концы лунницы обматываются гладкой проволокой, а дужка – сканью. *Круг "б"*: контур лунницы выделяется гладкой проволокой и подчеркивается рядами зерни, в основании петли и дужки размещена присыпка (Киев, Рязань). *Круг "в"* носит также смешанный характер: лунница оформлена сканью и подчеркнута зернью (Рязань). Таким образом, обе традиции (*"а"* и *"б"*) присутствуют в Киеве, и они могли распространиться оттуда. К вышеуказанному различию двух ветвей колтов по типологии и технологическим комплексам можно добавить и различие в технологической традиции выделки украшений (рис. 6).

Почерк мастера можно попытаться определить внутри уже выделенных комплексов мастерских. Если имеются украшения, находящиеся в целом в русле вещей того или иного круга, но все же выделяющиеся одним-двумя оригинальными признаками, можно предположительно связать их с индивидуальной манерой мастера. Следует отметить, что возможностей для проявления индивидуальности внутри геометрического стиля немного.

Среди материала разных регионов можно наблюдать сходные тенденции, когда некоторые изделия характеризуются, например, более богатым использованием зерни. Подобные примеры имеются в *круге "а"* колтов. По-видимому, мастеров не всегда устраивает строгость сканых линий и бордюров. Щедрым применением зерни характеризуются колт из клада 1970 г. из Старой Рязани (Даркевич В.П., Монгайт А., 1978) и колт из клада 1837 г. из Владимира (Корзухина Г.Ф., 1954, № 166, с. 145, 148). Некоторые возможности выделения индивидуальной манеры дает изображение ростка на обороте колтов: единственное, выполнявшееся в манере свободного рисунка. Передать этот рисунок каждый человек может с индивидуальными отклонениями (рис. 7).

Таким образом, украшения со сканью и зернью XII–XIII вв. можно отнести к пяти художественным стилям. На основании изучения технологии украшений намечается их разделение на два технологических комплекса (школы) по способу производства зерни. I технологический комплекс связан, по-видимому, с Киевом. Единично он представлен в Рязани, однако для рязанского материала в целом характерен II технологический комплекс. I технологический комплекс фиксируется на материалах из кладов Москвы, Твери и тульского региона. Учет детальных различий в технологической выделке украшений позволяет разделить их на условные "круги мастер-

Рис. 7. Различная манера рисунка ростка на обороте колтов

ских", объединенные общей технологической традицией. Однако своеобразие продукции каждого региона при этом столь определенно, что позволяет говорить о производстве украшений со сканью и зернью местными мастерскими: и в Киеве, и в Рязани, и в Москве и во Владимиро-Суздальском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вагнер Г.К., 1987. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л., 1978. Клад из Старой Рязани. М.

Жилина Н.В., 1994. Рясна с коническим верхом // Новгород и новгородская земля. История и археология. Мат. науч. конф. Новгород, 26–28 января 1994. Вып. 8. Новгород.

Жилина Н.В., 1997. Древнерусские рясна // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.

Институт археологии РАН,
Москва

N.V. ZHILINA

STYLES AND TECHNOLOGY OF ANCIENT RUSSIA GRAIN AND FILIGREE WORK

Summary

In this paper the author suggests that five artistic styles should be singled out for goods that date to the 12th–13th centuries that are manufactured with the use of grain and filigree technology. Based on the study of jewellery technology, it is possible to divide them into two technological complexes (schools) of grain manufacturing. The consideration of various detailed differences in technological finishing helps divide them into conventional "circles" of workshops grouped by common technological traditions. At the same time specific traits of the products manufactured in each crafts region are noted which allows to make a conclusion on local production of jewellery with grain and filigree work in Kiev, Ryazan, Moscow and in the Vladimir and Suzdal principality.

Публикации

Л.В. ГОЛОВАНОВА, Д.Ф. ХОФФЕКЕР, В.М. ХАРИТОНОВ, Г.П. РОМАНОВА

МЕЗМАЙСКАЯ ПЕЩЕРА

(результаты предварительного изучения 1987–1995 гг.)

Мезмайская пещера, открытая в 1987 г. (Голованова Л.В., 1989; 1991; 1992; 1993), стала шестым по счету стратифицированным пещерным памятником эпохи среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе. Пещера расположена в 7 км на юго-восток от пос. Мезмай (рис. 1), в пределах Лагонакского плато, которое образует западный фронт мегасвода Большого Кавказа. Пещера находится в основании двадцатиметрового обрыва хребта Азиш-тау в долину р. Сухой Курджипс, на высоте около 150 м над ее руслом и порядка 1310 м над уровнем моря (рис. 2).

Основные черты строения пещеры и пещерных отложений (рис. 2–4). Пещерная полость, сформированная в доломите верхней юры (определение С.П. Лозового), имеет высоту у входа до 8,5–9 м, ширину до 25 м, глубину около 35 м. Пещера ориентирована на юго-запад.

Стратиграфическая колонка включает 1 голоценовый и 12 плейстоценовых слоев, различающихся по окраске мелкозема, размерам и насыщенности обломочного материала.

Слой 1 – супесь темно-серая, с мелким корродированным щебнем. Кровля слоя лежит с наклоном к выходу из пещеры. Подошва неровная, с многочисленными перекопами и кротовинами. Мощность слоя до 0,6 м. В слое 1 обнаружены переотложенные изделия мустьерского и позднеолитического возраста.

Слой 1А – суглинок светло-коричневый с небольшим количеством мелкого щебня. In situ выявлен только в глубине пещеры. Мощность слоя до 0,6 м. В слое найдены изделия эпипалеолитического времени.

Слой 2 – суглинок желто-коричневого цвета, щебня мало. Слой 2 и все нижележащие слои залегают с наклоном в глубину пещеры. Мощность слоя около 0,5 м. В слое 2 найдены первые непереотложенные изделия мустьерского времени.

Слой 2А – суглинок фиолетово-коричневого цвета, почти без щебня. Мощность слоя до 0,4 м.

Слой 2Б–1 – суглинок желтого цвета с большим количеством мелкой гальки и редким щебнем. Слой сильно нарушен. Ближе к выходу смыт. Мощность слоя 0,2 м.

Слой 2Б–2 – суглинок темно-коричневый, переполненный мелкой галькой. Контакт слоя 2Б–2 с выше- и нижележащими слоями неровный. Мощность слоя 0,2 м.

Слой 2Б–3 – суглинок темно-желтого цвета, содержащий большое количество мелкой гальки и щебня средних размеров. Внутри слоя прослеживается обвальный глыбовый горизонт. Мощность слоя до 0,5 м.

Слой 2Б–4 – суглинок коричневого цвета, обильно насыщенный мелкой галькой, встречаются крупный известняковый щебень и глыбы, изредка попадаются обломки кальцитовых натеков. Мощность слоя до 0,5 м.

© Л.В. Голованова, Д.Ф. Хоффекер, В.М. Харитонов, Г.П. Романова, 1998 г.

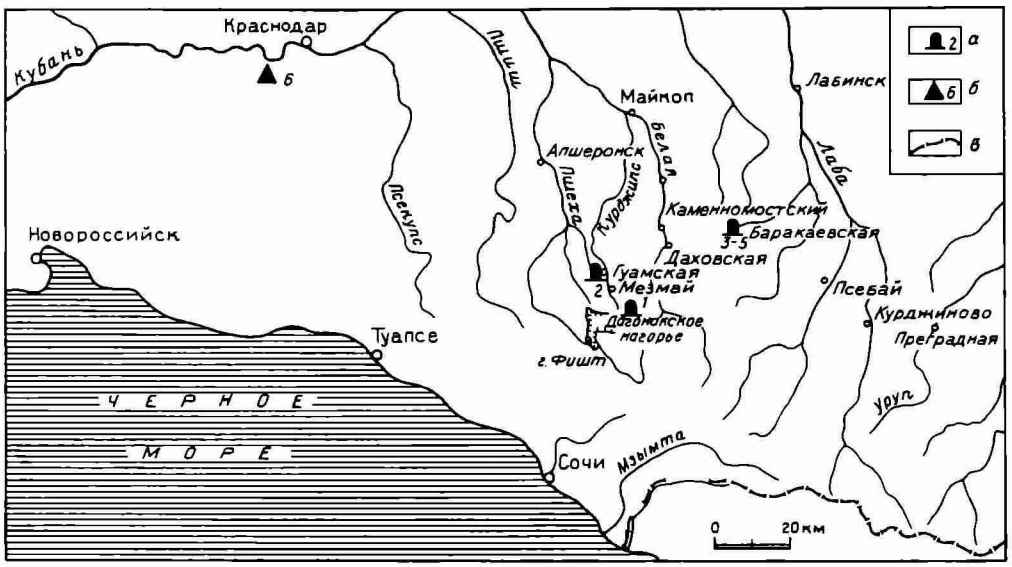


Рис. 1. Карта мустьерских памятников Северо-Западного Кавказа. *1* – пещеры; *2* – стоянки открытого типа; *3* – граница России и Грузии. (*1* – Мезмайская пещера; *2* – пещера Матузка; *3–5* – пещеры Баракаевская, Монашеская, Губский навес 1; *6* – стоянка Ильская 1)

Рис. 2. Мезмайская пещера. Вид с юго-запада

Слой 3 – суглинок желтого цвета, с небольшим количеством мелкой гальки, щебня почти нет, встречаются обломки кальцитовых натеков. Мощность слоя до 0,6 м.

Слои 2,2А, 2Б–4 и 3 содержат большое количество фосфатов и органического материала. Содержание карбоната кальция и калия низкое (по Р.Л. Бургесс). Очевидно, это связано с активной жизнедеятельностью человека.

Слой 4 – суглинок светло-желтого цвета, переполненный огромными глыбами известняка и сталагмитовыми плитами. Мощность слоя 0,1–0,2 м.

Слой 5 – суглинок желто-коричневого цвета, включающий большое количество крупных глыб, угловатого щебня, обломки сталагмитов. Мощность слоя 0,4 м.

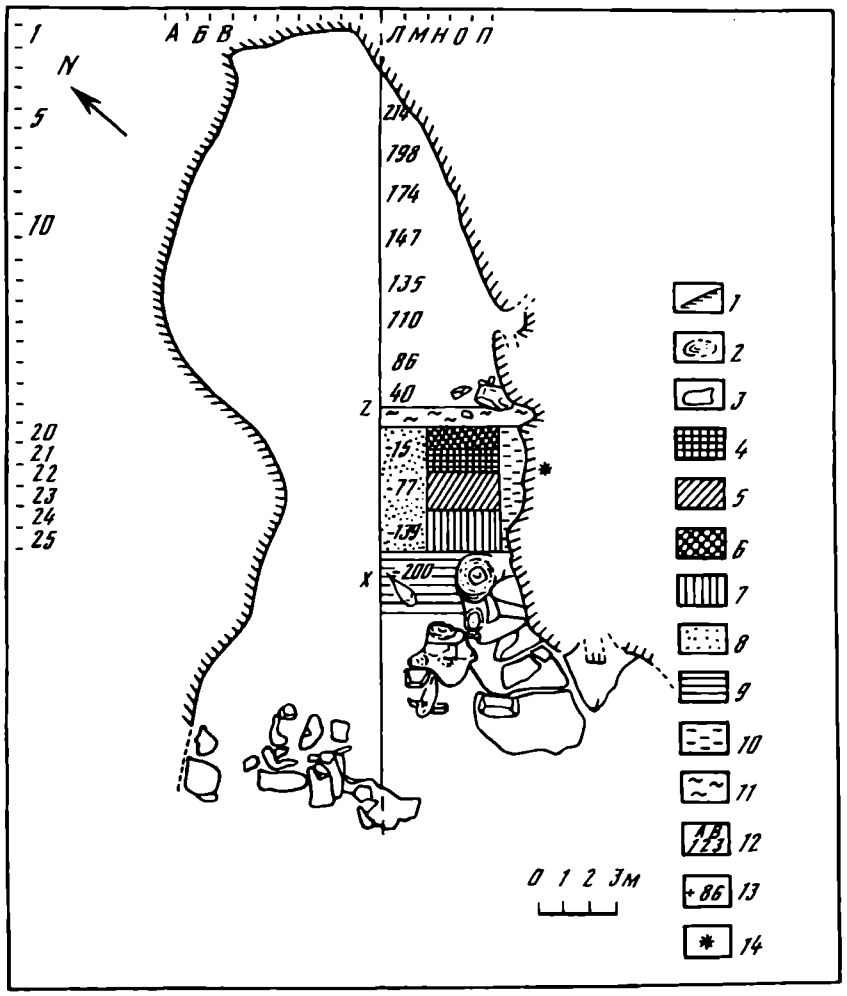


Рис. 3. План Мезмайской пещеры.
1 – скала; *2* – сталагмиты; *3* – камни; *4* – раскоп 1988 г.; *5* – шурф 1987 г.; *6* – раскоп 1989 г.; *7* – раскоп 1990 г.; *8* – раскоп 1991–92 гг.; *9* – раскоп I 1993 г.; *10* – раскоп II 1993 г.; *11* – раскоп III 1993 и раскоп 1994 г.; *12* – квадратная сеть; *13* – нивелировочные отметки дневной поверхности; *14* – репер

Слой 6 – суглинок ярко-желтого цвета, очень плотный. Мощность слоя 0,1 м.

Слой 7 – суглинок коричнево-бордового цвета, очень плотный. Мощность слоя до 1,8 м.

В слоях 4–7 отмечается высокое содержание калия. В слое 7 преобладают темные окатанные ферромагнитные минералы. Слои 4–7 не содержат археологических находок.

Археология. За семь лет раскопок Мезмайской пещеры на этом памятнике собрана коллекция, насчитывающая более 4500 экз. Объем данной статьи не позволяет подробно проанализировать материалы, поэтому ограничимся общей характеристикой индустрий по слоям.

Техника первичного расщепления может быть предварительно охарактеризована на основании небольшой коллекции нуклеусов и многочисленных сколов. Нуклеусы, представленные в коллекции, свидетельствуют о том, что на данной мустьерской стоянке использовалась техника параллельного расщепления в слабовыпуклых плоскостях. Переоформление нуклеусов происходило путем создания новых ударных площадок и продолжения раскалывания в одной плоскости. Двусторонние нуклеусы единичны. Предварительный анализ ударных площадок показал, что ретушированные единичные (рис. 5.*1*; 6,*4*, *8*), но в верхних слоях 2 и 2А количество качественных пластинчатых заготовок с подправленными площадками возрастает.

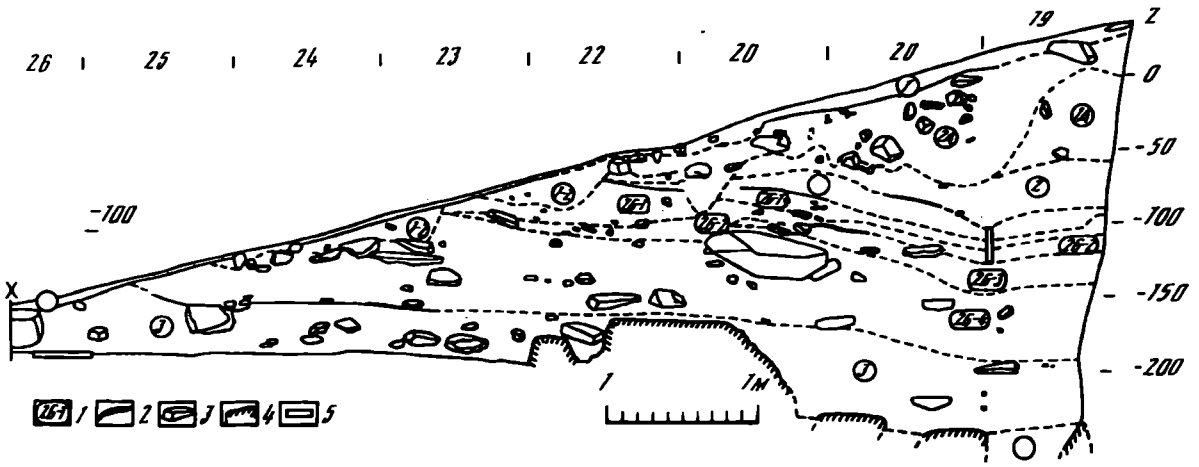


Рис. 4. Продольный разрез ZX.
1 – обозначение слоев; *2* – углистые линзы; *3* – камни; *4* – глыбы известняка; *5* – местоположение антропологических находок

О р у д и й н ы й н а б о р во всех слоях характеризуется преобладанием продольных скребел: от 23,7% в слое 3 до 31,8% в слое 2Б–4 и 40–50% в слоях 2 и 2А. Большинство из них изготовлено на отщепах или пластинчатых сколах (рис. 5,*10*; 6,*9*, *11*, 7,*11*). Однако спецификой индустрии слоев 3 и 2Б Мезмайской пещеры является присутствие таких орудий, как бифасиальные скребла (рис. 5,*13*; 7,*9*). Все они плосковыпуклые, обычно имеют ошубок. Единичные экземпляры бифасиальных скребел встречаются и в верхних слоях 2 и 2А (рис. 6; *10*). Особенно показательны для характеристики индустрии Мезмайской пещеры орудия, близкие ножам типа Прондник. Здесь они представлены формами на отщепах, односторонними или частично бифасиальными (рис. 5,*12*; 7,*8*).

Яркой особенностью комплексов слоя 3 и 2Б–4 является наличие в них небольших рубилец Breit Dreiekige Blatspitzen Г. Бозинского (Bosinski G., 1967) (рис. 7,*2*). Многочисленны также разнообразные бифасиальные орудия (рис. 5,*3–7*). Единичными экземплярами представлены лимасы (рис. 7,*4*) и чокурчинские треугольники. Напротив, орудия со сходящимися лезвиями весьма многочисленны и разнообразны. Здесь присутствуют типичные мустьерские остроконечники (рис. 5,*1*, *2*; 6,*1*; 7,*6*). Многие из них имеют утоньшение проксимального конца со стороны брюшка (рис. 5,*3*; 6,*2*). Угловатые скребла почти столь же многочисленны, как и простые. Они составляют основной "фон" во всех слоях (рис. 5,*11*; 6,*4*, *5*; 7,*5*). Однако индустрия Мезмайской пещеры содержит и многие другие формы орудий со сходящимися лезвиями. Особенно многочисленны и разнообразны они в слоях 3 и 2Б–4 (рис. 5,*9*; 7,*7*). В верхних слоях 2 и 2А большинство орудий со сходящимися лезвиями односторонние (рис. 7,*2*, *3*) или с противолежащей ретушью (рис. 6,*8*).

В слоях 3 и 2Б–4 найдены лавролистные бифасиальные наконечники: один целый экземпляр в слое 2Б–4 (рис. 7,*1*) и два фрагмента в слое 3. И чтобы завершить предварительную характеристику весьма сложной и интересной индустрии, следует отметить присутствие во всех слоях скребков и скребковидных орудий высокой формы (рис. 5,*8*; 7,*10*). Для скребковидных орудий из нижних слоев показательно частое применение частично бифасиальной обработки.

Мезмайская стоянка дает возможность связывать индустрии, которые, не будь этой колонки, рассматривались бы как разнокультурные. Материалы нижних слоев 3 и 2Б имеют прямые аналогии с памятниками, для которых показательно большое количество бифасиальных орудий достаточно сложных форм. Этот вариант мустьерских индустрий обычно выделяют как "Восточноевропейский микок" (Bosinski G., 1967; Gabori M., 1976) или "Восточноевропейское мустье" (Праслов Н.Д., 1984). Материалы

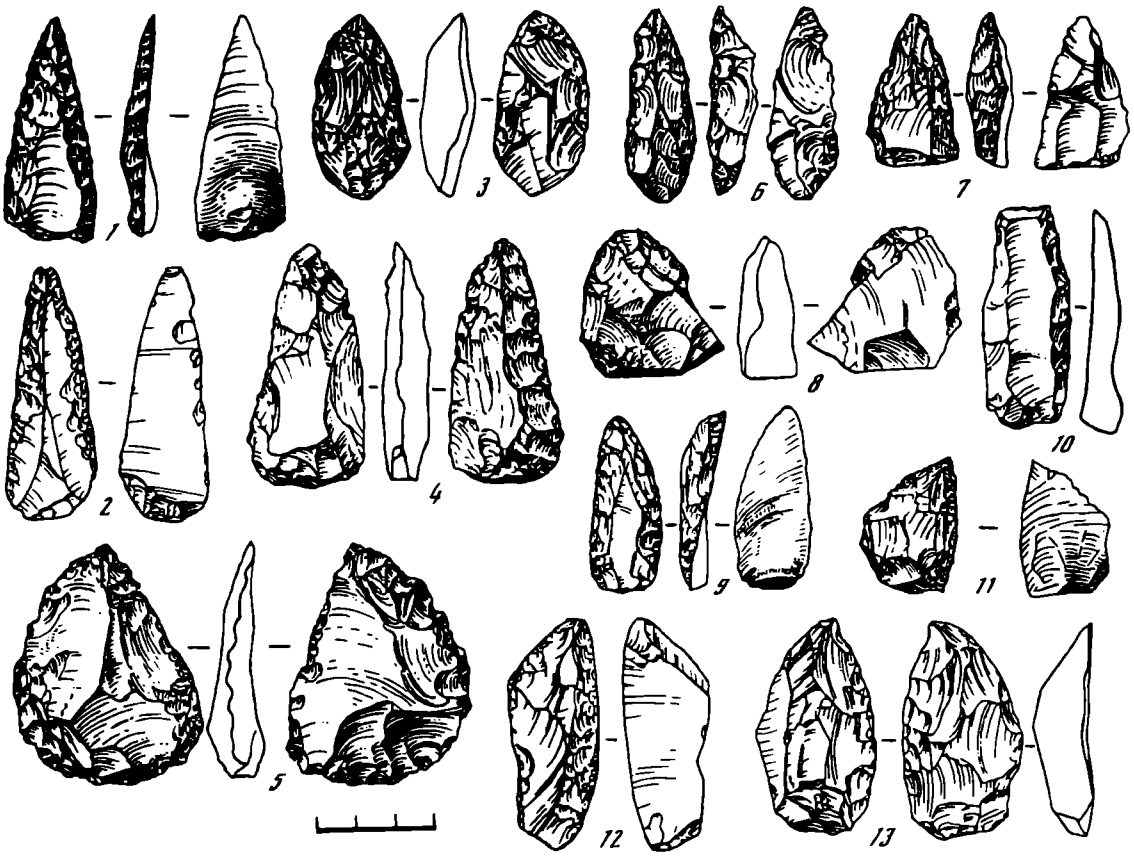


Рис. 5. Каменные орудия из слоев 3–2Б

нижних слоев Мезмайской пещеры имеют аналогии в индустриях многих памятников этого круга. В них присутствуют листовидные наконечники, как в Антоновке, Ильской, Старосельи, Киик-Кобе, лимасы, как в Ильской и Сухой Мечетке, широкие треугольные листовидные рубильца, как в Сухой Мечетке, Староселье (Праслов Н.Д., 1970; 1984), Бокштайне Ша, Анхаде Ш (Bosinski G., 1963; 1967), Сессельфельдгроте, Кюльне (Freund G., 1968; 1975). Однако полных аналогий не прослеживается ни с одним из памятников, хотя общим для всех названных стоянок является обилие остроконечников, простых, угловатых и конвергентных скребел, часто с подтесками и утоньшениями.

Верхние слои Мезмайской пещеры близки памятникам Губской мустьерской культуры. Колонка напластований Мезмайской пещеры позволила по-новому оценить место этих памятников. Традиционно писали о принадлежности Губских стоянок к мустье типичному, а Ильской I – к шарантскому (Любин В.П., 1977). Или же относили Ильскую I к памятникам с большим количеством бифасиальных орудий, тяготеющим к Восточноевропейскому региону и не типичным для Кавказа, а Монашескую пещеру и Губский навес 1 – к типично кавказским памятникам без бифасов (Формозов А.А., 1977). Мезмайская пещера позволила связать эти два культурных явления, которые традиционно противопоставлялись.

Более того, стоянка Ильская 1 обнаруживает те же тенденции в развитии индустрии, что и Мезмайская пещера. В ней в верхнем слое возрастает процент пластин, бифасильные орудия становятся единичными (Анисюткин Н.К., 1968). Сейчас трудно говорить, как соотносятся по времени нижний слой Ильской стоянки и слой 3 Мезмайской пещеры, но материальная культура их очень близка.

Очевидно, к этому же кругу культурных явлений относится и индустрия Баракаевской пещеры. В.П. Любин (Любин В.П. и др., 1994) не пишет о ее принадлежности к Губской мустьерской культуре, а лишь отмечает культурное своеобразие в большом количестве выемчатых орудий (Любин В.П., 1989, с. 87). Однако в мате-

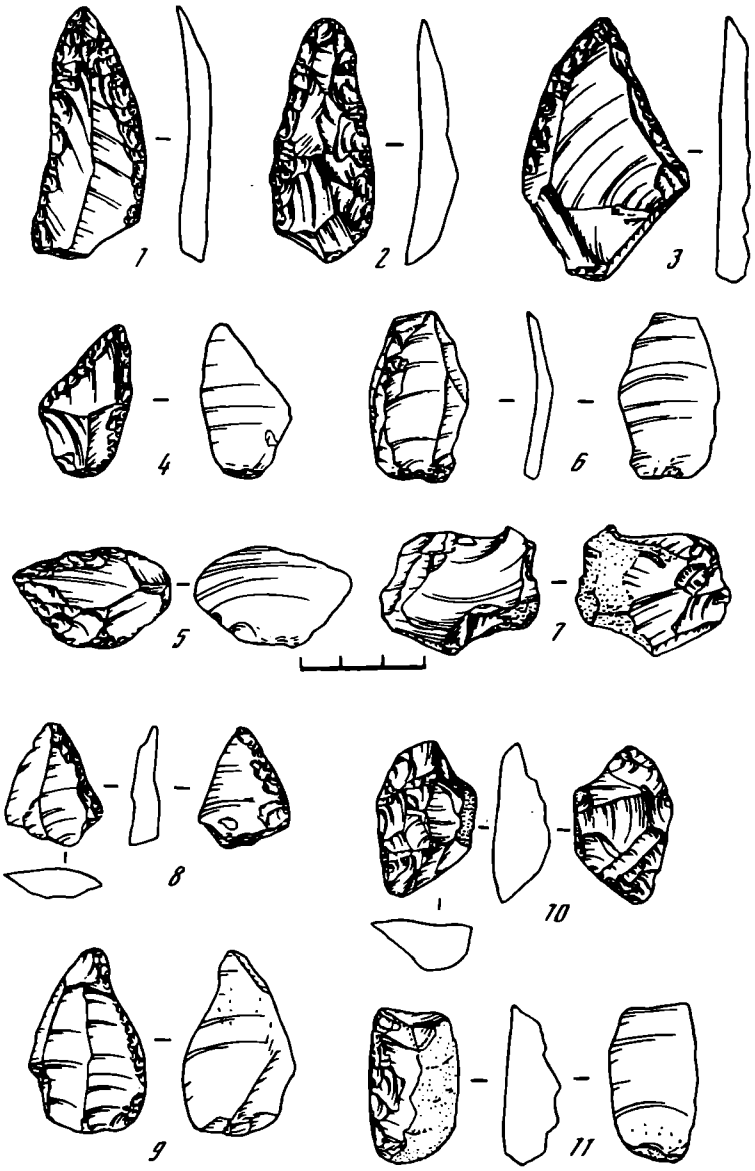


Рис. 6. Каменные орудия из слоев 2–2А

риалах Баракаевской пещеры присутствуют широкие треугольные рубильца (Любин В.П. и др., 1994, с. 229, рис. 48, *3, 5, 8*), орудия, близкие ножам типа Прондник (Любин В.П. и др., 1994, рис. 48,*6*), односторонние чокурчинские треугольники (Любин В.П. и др., 1994, рис. 48,*6*), односторонние чокурнинские треугольники (Любин В.П. и др., 1994, с. 219, рис. 38,*11, 12*), частично бифасиальные скребла (Любин В.П. и др., 1994, с. 214, рис. 33, *15*). Для индустрии Монашеской пещеры также показательны единичные бифасы, бифасиальные скребла (Беляева Е.В., 1992, с. 189), хотя как и в других памятниках этого круга, преобладают продольные скребла, много конвергентных и угловатых, присутствуют мустьерские остроконечники. Эти характеристики особенно сближают индустрию Монашеской пещеры с верхними слоями 2 и 2А Мезмайской. Близки здесь и Ilam: 29,4 (Любин В.П., 1977) и 27,5% (слой 2) соответственно.

Антропология. В августе 1993 г. при исследовании слоя 3 на кв. М–26 была расчищена первоначально черепная крышка, а затем и весь скелет палеоантропа в анатомическом положении. Он залегал на правом боку, головой на север (рис. 8). Левая рука вытянута вдоль туловища и немного согнута в локте. Череп зафиксирован в раздавленном и смещенном положении. Особенно пострадал лицевой отдел. О положении ног судить сложно поскольку они более всего были сдвинуты от первоначаль-

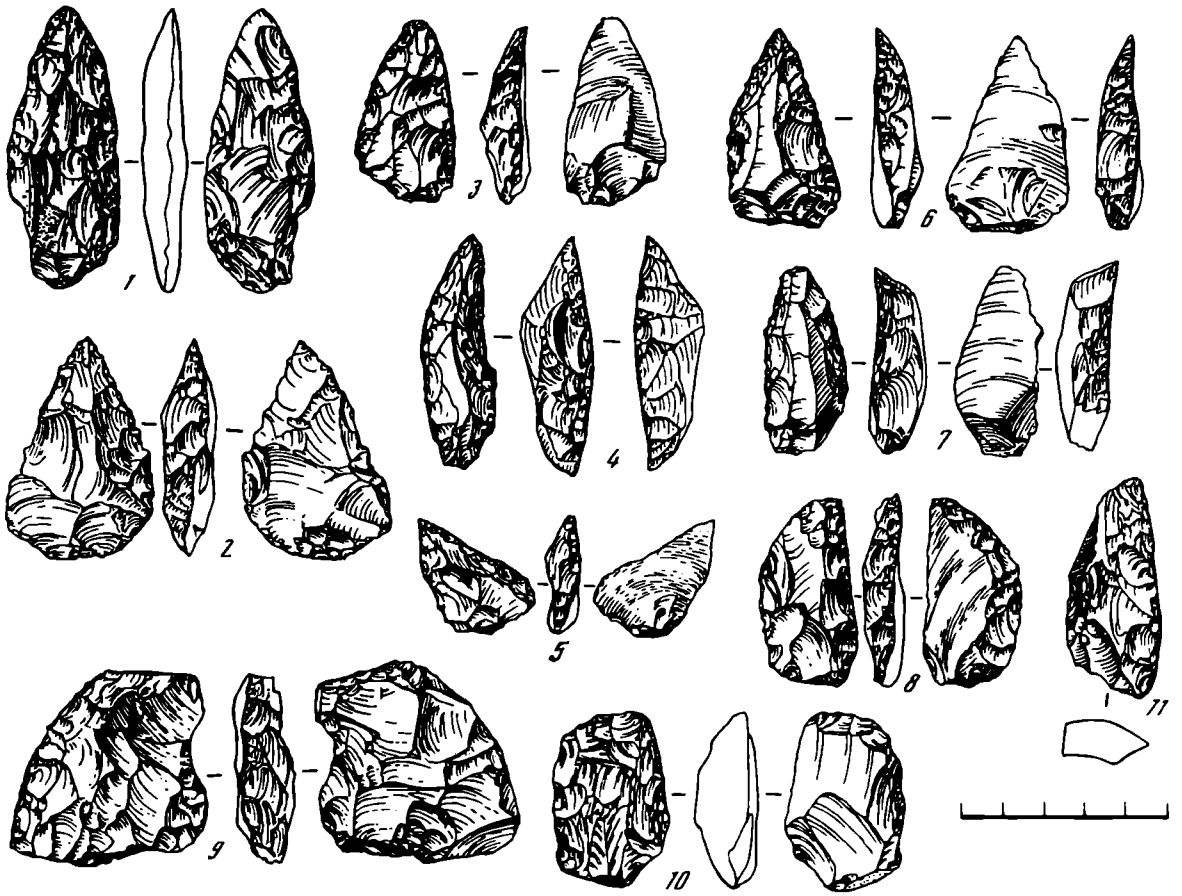


Рис. 7. Каменные орудия из слоев 3–2Б

ного положения. Костяк залегал внутри квадрата М–26 на площади около 20 × 30 см. Слой 3 на этом участке был обильно насыщен культурными остатками. Черепная крышка палеоантропа появилась при расчистке самого нижнего горизонта слоя 3. На уровне залегания скелета и вокруг него орудия и фауна не найдены.

Очевидно, погребение было сделано в самом начале формирования культурного слоя. Несмотря на то что могильная яма на была выявлена, мы все-таки, вероятно, должны говорить о захоронении, поскольку в противном случае кости не сохранились бы, а были растащены хищниками. Культурный слой в пещере начал формироваться тогда, когда пол еще был покрыт сталагмитовыми корками и вся поверхность была довольно влажной и пропитанной известняковыми растворами. Костяк попал во влажный суглинок, пропитанный известняковыми растворами, который со временем превратился в прочную брекчию, напоминающую цемент. В ней и сохранился скелет. Слой претерпел значительные изменения, в процессе которых могли полностью исчезнуть следы углубления. Интересно, что вокруг костей и рядом с ними наблюдалось едва заметное потемнение и вкрапления мелких (2–3 мм) угольков. Возможно, это остатки золы (?).

Сохранность скелета из мустьерского слоя Мезмайской пещеры уникальна. После реставрационных работ мы располагаем почти целыми костями и крупными фрагментами костей почти всех отделов мозгового черепа. Лицевой отдел представлен фрагментами правой скуловой, левой верхнечелюстной, обеими половинами нижней челюсти. Из костей посткраниального скелета для антропологического анализа пригодны длинные кости верхней и нижней конечностей, лопатки, подвздошная кость, фрагмент ключицы. Сохранились также ребра, части позвонков, фаланги кисти и плюсневая кость стопы. Кроме того, найдено 14 коронок зубов молочной смены.

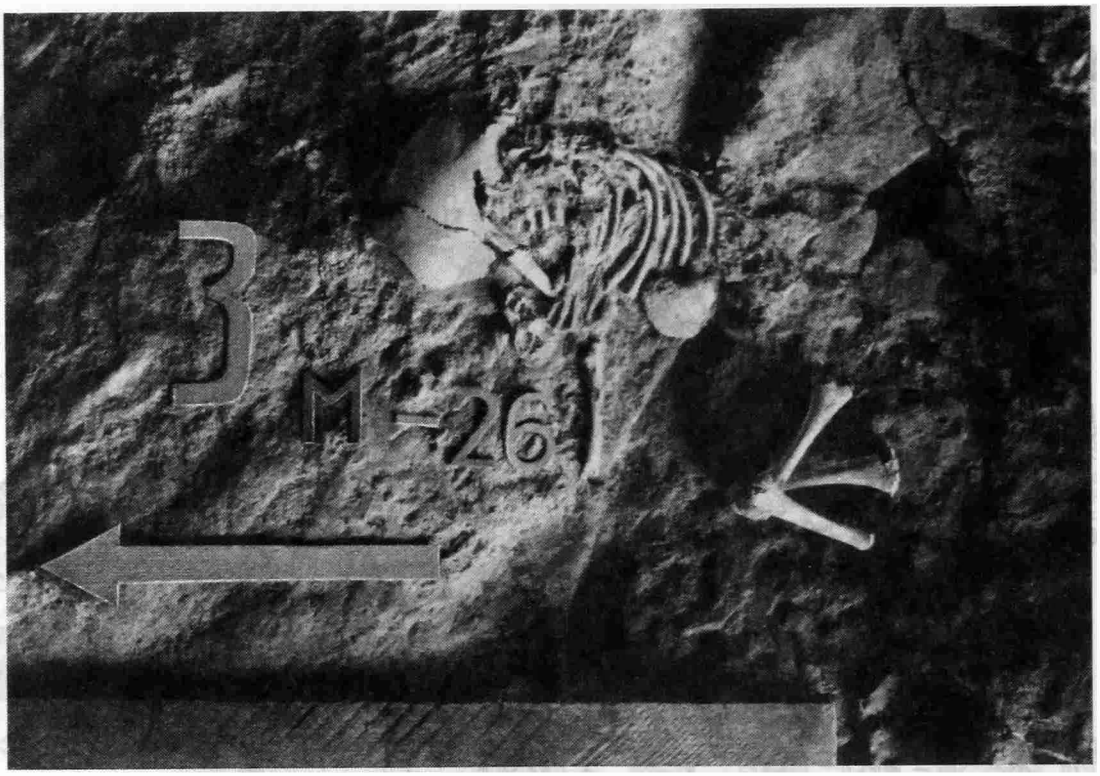


Рис. 8. Скелет палеоантропа на квадрате М-26 в основании слоя 3

Поскольку оссификация жевательной поверхности коронок вторых молочных моляров не закончена, а у остальных зубов не началось формирование шейки и корня, можно считать, что ребенок, которому принадлежит скелет, умер в возрасте от 7 мес утробного развития до 2 мес после рождения.

В данной статье мы не можем привести полного анатомического описания всех изученных костей и вынуждены ограничиться результатами сопоставления трех костей свода и трех длинных костей конечностей, что позволит нам аргументировать сделанные выводы.

Чешуя лобной кости мезмайского гоминида по сравнению с современными младенцами более упрощена, лобные бугры менее выступают. Резкие различия наблюдаются в области скуловых отростков лобной кости. У мезмайца эта часть существенно толще, что сглаживает латеральную часть глазничной поверхности, где кость изгибается плавно. Все возрастные особенности строения кости, в том числе и такие, как лучистость поверхности, утончение краев кости, отсутствие надглазничного отверстия или лобной вырезки, присущи как мустьерскому, так и современным младенцам.

Тело затылочной кости мезмайского скелета отличается от современного прямоугольной формой, большой толщиной и уплощенностью. Мозговая поверхность тела лишь слегка вогнута, но также имеет несколько мелких глубоких ямок. У современного младенца по сравнению со взрослыми на боковых частях слабо выражена суставная ямка, нет ядерного отростка, но отчетливо выражен околососцевидный, слабо заметна борозда сигмовидной пазухи (рис. 9). Боковую часть затылочной кости мезмайского гоминида отличают массивность, большие размеры, рельефность и крупные размеры суставной ямки. Околососцевидный отросток не округлый, а вытянутый. Сопоставляемые кости заметно различаются по форме медиального края. У мезмайца он неравномерен по толщине, слабо изогнут, что, видимо, определяет вытянутоовальную форму большого затылочного отверстия. У современных младенцев оно грушевидной формы. Заметно отличается мезмайский скелет от современного по форме поверхности соединения боковой части затылочной кости с нижней поверхно-

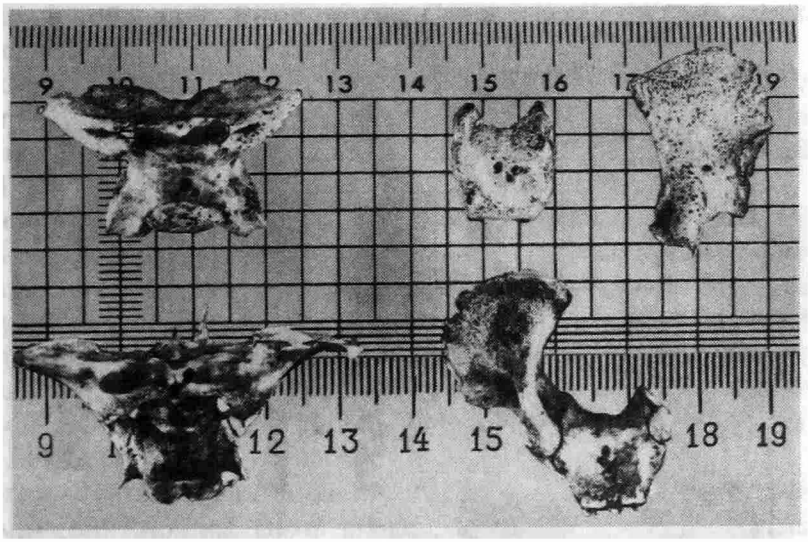


Рис. 9. Кости черепа мезмайского и современного младенцев, внутренняя поверхность (слева направо): тело основной кости мезмайца, тело затылочной кости мезмайца, боковая часть затылочной кости мезмайца, тело основной современной кости, боковые части и тело затылочной современной кости

стью височной пирамиды (рис. 9). От чешуи затылочной кости сохранился фрагмент правой верхней части. От современной она отличается заметно меньшей степенью кривизны. Рельеф, так же, как у современных костей младенцев, выражен слабо.

Сравнение основных костей мезмайского и современного двухмесячного ребенка выявило значительно бóльшую массивность мезмайской, которая создается за счет увеличения некоторых поперечных размеров и целых анатомических деталей. У мезмайской кости большие, направленные внутрь, а не назад, как у современной, передние отклоненные отростки. Бугорок седла имеет форму прямоугольника, тогда как у современной это образование по форме напоминает часть круга. Борозда перекрестка у мезмайца глубже. Очень массивно место расположения сонной борозды и язычка основной кости. Большое крыло кости имеет значительно утолщенный скуловой край и широкое основание крыловидного отростка.

Длинные кости конечностей. Сопоставление пропорций сегментов конечностей у мезмайца и современных детей выявило определенные различия. Так, голень у мезмайского младенца относительно короче бедра, предплечье – относительно плеча. Именно поэтому мы приводим здесь результаты сравнения костей предплечья и бедренной. Сразу следует отметить, что возрастные особенности внешнего строения костей мезмайца аналогичны современным.

Бедренная кость у мезмайца больше, изогнутость ее диафиза сглаживается за счет развития поперечных и сагитальных размеров. У нее слабее выражена шероховатая линия, крупный дистальный конец. Межвертельный гребень относительно меньше, поскольку сагитальные и поперечные размеры проксимального конца диафиза увеличены (рис. 10).

Лучевая кость у мезмайского скелета несколько массивнее, чем у современных, обладает большим поперечным диаметром нижнего конца диафриза, что приводит к различиям в форме его нижней поверхности. Заметны различия в строении верхнего конца. Бугристость лучевой кости, хорошо выраженная у мезмайца, сдвинута медиально и назад за счет небольшой скрученности кости вокруг вертикальной оси, причем степень скрученности убывает сверху вниз. Питательное отверстие смещено и находится почти посередине диафиза. Поперечные размеры у мезмайца больше на всех уровнях, сагитальные особенно велики в проксимальной части кости (рис. 10).

Рис. 10. Длинные кости мезмайского и современного младенцев (слева направо): бедренная мезмайца, бедренная современная, локтевая мезмайца, локтевая современного младенца, лучевая мезмайского младенца, лучевая современная

Локтевая кость несколько шире на всех уровнях, но наибольшие различия мезмайской и современной костей фиксируются в строении проксимального конца диафиза. Локтевой отросток имеет большие поперечные и сагитальные размеры, а форма его верхней поверхности – вид неправильной трапеции в отличие от округлопрямоугольной у современного младенца. Медиальная поверхность верхнего конца чуть выпуклая, тогда как у современного младенца на ней расположено углубление, выделяющее края венечного и локтевого отростков. Кость мезмайца имеет меньшую степень изогнутости (рис. 10).

Сопоставление длинных костей современных и мустьерского младенцев было проведено и по внутреннему строению длинных костей. Рентгенографический анализ показал относительно большой просвет медуллярного канала у всех длинных костей мезмайца, что контрастирует с их внешне достаточно представительными размерами.

Результаты сравнительного анализа морфологического (внешнего и внутреннего) строения костей скелетов мезмайского гоминида и современных младенцев позволяют прийти к следующим общим выводам.

1. Степень сформированности костей черепа и посткраниального скелета соответствует степени развития зубной системы мезмайского гоминида и позволяет определить возраст смерти ребенка в пределах от 7 мес утробного развития до 2 мес после рождения.

2. Мустьерский младенец существенно отличается от современных по внешней морфологии костей. Выявленные различия системны и на всех костях выражаются в массивности, увеличении поперечных и сагитальных размеров, укрупнении периферийных анатомических деталей, меньшей степени изогнутости костей.

3. На фоне внешних различий особенно интересно сходство между сравниваемыми формами по внутреннему строению длинных костей. Можно предположить, что оно связано с несинхронным развитием морфологических признаков, хотя не исключено, что это результат возрастных или популяционных особенностей. В настоящее время мы можем с уверенностью констатировать морфологическое своеобразие костей младенца из Мезмайской пещеры.

Фауна. Слои 2, 2А, 2Б – 1–4 и 3 содержат большое количество фаунистических остатков, среди которых меньшая часть – определимые фрагменты. Среди крупных

млекопитающих преобладают Bison priscus, Capra caucasica и Ovis orientalis. Впервые на Кавказе здесь найдены остатки Rangifer tarandus (слои 2А и 3).

В мустьерских слоях Мезмайской пещеры найдены также многочисленные фрагменты костей птиц. Среди них определены остатки Pyrrhocorax pyrrhocorax и Pyrrhocorax graculus, обычных для альпийской зоны Большого Кавказа (Baryshnikov G.F., Hoffecker J.F., 1994).

Отстатки мелких млекопитающих многочисленны во всех слоях. Грызуны представлены в основном обитателями альпийских лугов (Marmota sp., Prometheomys sp., Chionomys nivalis), альпийских степей (Spalax, Cricetulus, Cricetus) и видами, живущими в степных и луговых формациях (Spermophilus sp., Microtus arvalis). Остатки лесных видов (Apodemus sp., Chionomys roberti, Pitymus sp.) малочисленны. В слоях 2А и 2В найдено несколько фрагментов костей Marmota paleocaucasica, который был типичным обитателем высокогорных альпийских лугов Большого Кавказа (Baryshnikov G.F., Hoffecker J.F., in press).

Зооархеология. Основное внимание исследований было сконцентрировано на костях крупных млекопитающих: Bison priscus, Capra caucasica, Ovis orientalis. Следы резания каменными орудиями были обнаружены на 22 костях Bison priscus (6,9%) и 14 костях Capra/Ovis (4,7%). Анализировались только узкие линейные порезы с *V*-образным профилем, часто представленные группами параллельных царапин. Для идентификации этих следов использовались следующие признаки: во-первых, они должны иметь тот же цвет, что и сама кость; во-вторых, они должны располагаться в тех местах, где обычно встречаются при расчленении туш животных (Guilday J.E. et al., 1962; Grayson D.K., 1988).

В Мезмайской пещере выявлены следы, связанные с расченением туши и со срезанием мяса. Важно, что следы в виде зарубки, описанные Л.Р. Бинфордом (Binford L.R., 1984) и связанные им с расчленением окоченевшей, высушенной туши, не выявлены.

Изучение частей скелета Bison priscus показало, что среди них отсутствуют кости эмбрионов, кости только что родившихся особей и кости с несросшимися эпифизами. Абсолютно преобладают кости особей в расцвете сил. Небольшое количество позвонков, фаланг, а также почти полное отсутствие костей черепа, таза, лопаток, ребер (последние могли не сохраниться) свидетельствуют о том, что крупные туши бизонов расчленялись на местах забоя животных.

В группе Capra/Ovis преобладают особи в расцвете сил, но есть и старые, и молодняк. Очевидно, их истребляли по отдельности или в составе небольших групп. Они представлены различными частями скелета и, вероятно, приносились в пещеру в виде целых туш.

Основная часть костей из мустьерских слоев Мезмайской пещеры связана с жизнедеятельностью людей.

Палеогеография и хронология (таблица). Мезмайская пещера, вскрытая геологическими процессами в начале раннего плейстоцена, длительное время продолжала существование как формирующаяся карстовая полость. Время образования слоя 7 может быть достаточно ранним. Сталагмитовые полы, сталагмиты и упавшие с потолка сталактиты в слое 5 могут соответствовать времени, когда пещера была еще подземной карстовой полостью и в ней шел активный процесс карстообразования. Крупный обвальный горизонт в слое 4 может соответствовать этапу, когда пещера претерпела очередное поднятие над руслом Сухого Курджипса, был открыт вход и в пещеру стал проникать воздух, с чем и связано активное разрушение свода пещеры. В слоях 7–5 отмечается высокое содержание калия и органического материала, что может отражать процесс формирования лесной почвы, а красноватая зона в основании слоя 4 может быть обязана своим происхождением этому типу почвы (данные Р.Л. Бургесс).

Хотя самые нижние слои дали немного фаунистических остатков, в слое 5 (единственном в стратиграфической колонке) найдено много лесных форм грызунов

Хронология мустьерских отложений Мезмайской пещеры и памятников ее круга

Кислородно-изотопные стадии	Альпийская схема	Ильская I Стоянка	Мезмайская пещера	Баракаевская пещера	Монашеская пещера	Пещера Матузка	Губский навес I
2							
25 000	W III–IV						
	W III		Слой 2		Слои 2–3?		Слои 5–7?
35 000 3			Слой 2А			Слои 4Б–В	
40 000	W II–III				Слой 4		
			Слой 2Б–1				
45 000	W II		Слой 2Б–2	Слой 3			
			Слой 2Б–3				
50 000	W I–II	Верхний слой?	Слой 2Б–4				
55 000			Слой 3				
60 000		Нижний слой?					
4							
73 000							

(Apodemus sp., Pitumus sp.). В слое 4 наблюдается небольшое доминирование форм альпийских лугов (Chionomys nivalis и др.). В нижних культурных слоях 3 и 2Б–4 представлены грызуны, обитавшие в лесу и альпийских лугах.

По данным палинологии, в слое 2Б–4 доминируют травяно-кустарничковые растения, состав дендрофлоры ксерофилен и беден. Для слоя 3 имеется запредельная дата: > 45000 В.Р. (ЛЕ-3841), а для слоя 2Б–4 – 40660 + / – 1600 В.Р. (ЛЕ-3599).

На основании этих данных можно предполагать, что слои 5 и 4 относятся к периоду потепления (учитывая абсолютную высоту пещеры) и могут соответствовать вюрму I–II французской схемы или начальному этапу стадии 3 кислородно-изотопной шкалы (т. 1). Заселение пещеры человеком (слой 3) произошло, очевидно, также в вюрме I–II, а слой 2Б–4 формировался в конце этого интерстадиала или в начале вюрма II. Индустрия слоев 3 и 2Б–4 Мезмайской пещеры, как отмечалось выше, очень близка стоянке Ильская 1. Исследователь памятника указывает на межледниковый характер нижнего уровня находок, а вышележащие уровни относит к колебаниям раннего вюрма (Праслов Н.Д., 1970; 1984).

Слои 2Б–1–3 Мезмайской пещеры могут соответствовать холодному интервалу вюрма II, когда пещера слабо посещалась людьми, а слои испытывали периодические размывы и нарушения. Этому времени может соответствовать слой 3 низкогорной Баракаевской пещеры, образовавшийся в условиях сухого и холодного климата. В.П. Любин, первоначально датировавший стоянку ранним вюрмом, сейчас относит ее к вюрму II (Любин В.П. и др., 1994, с. 153), а тонкий фосфатно-карбонатный покров, образовавшийся в условиях теплого и влажного климата и перекрывающий культурный слой – к вюрму II–III.

Возможно, этому же интерстадиалу соответствует слой 4 Монашеской пещеры, для которого характерно доминирование широколиственных лесов и присутствие экзотов (Беляева Е.В., 1994). Тому же периоду или началу вюрма III соответствуют слой 4В пещеры Матузка (Golovanova L.V. et al., 1990), образовавшийся в условиях верхнего леса, и слой 4Б, для которого характерна лесостепь со среднегорными лесами. Для слоя 4Б имеется дата по С14: 34200+/–1410 В.Р. (ЛУ-3692). Резкому похолоданию в начале вюрма III может соответствовать обвальный горизонт между слоями 4 и 3 Монашеской пещеры, а слой 3 может соответствовать периоду кратковременного потепления в среднем вюрме. Для слоя 2 реконструируются похолодание и аридизация климата, которые могут быть связаны с концом вюрма III.

Для слоев 2 и 2А Мезмайской пещеры характерны грызуны альпийских лугов, преобладание мезоксерофильных травяно-кустарничковых растений, с верхами слоя 2 связан уровень обеднения дендрофлоры. Для слоя 2А получены даты по С14: AMS 35760+/–400 B.P. (Beta-53896/CAMS-2999) и 36280+/–540 B.P. (Beta-53897/14ETH-9817). А для слоя 2 имеется дата по С14: 32230+/–740 B.P. (ЛЕ-4735). Слои 2 и 2А Мезмайской пещеры могут синхронизироваться в широком интервале вюрма III со слоями 2–3 Монашеской пещеры (или только слоем 2?), учитывая абсолютную высоту пещер.

После слоя 2 в Мезмайской пещере намечается перерыв в осадконакоплении с последующим размывом слоев 4–2 на участках, близких к выходу из пещеры. Позднепалеолитический слой 1А, по археологическим данным, может быть отнесен к концу позднего палеолита.

Между финальнопалеолитическим слоем 1А и голоценовым слоем 1 также фиксируется перерыв в осадконакоплении с последующим размывом плейстоценовых отложений. В голоценовом слое 1 найдены только переотложенные изделия мустьерского и позднепалеолитического возраста и несколько фрагментов средневековой керамики. Условия, в которых происходило формирование этого слоя, были близки современным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисюткин Н.К., 1968. Два комплекса Ильской стоянки // СА. № 2.

Беляева Е.В., 1992. Новые исследования Монашеской пещеры на Губсе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Беляева Е.В., 1994. Нижнепалеолитические памятники бассейна р. Губс (Прикубанье). СПб.

Голованова Л.В., 1989. Проблемы палеолита Краснодарского края // 1 Кубанская археологическая конф. Краснодар.

Голованова Л.В., 1991. О двух путях заселения Северо-Западного Кавказа в мустьерскую эпоху // Древности Кубани. Краснодар.

Голованова Л.В., 1992. Периодизация мустье Северного Кавказа // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп.

Голованова Л.В., 1993. Об истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // Вторая Кубанская археологическая конф. Краснодар.

Любин В.П., 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.

Любин В.П., 1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. М.

Любин В.П., Аутлев П.У., Несмеянов С.А. и др., 1994. Неандертальцы Губского ущелья. Майкоп.

Праслов Н.Д., 1970. О стратиграфии Ильской стоянки // АО-1969 г. М.

Праслов Н.Д., 1984. Ранний палеолит Русской Равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.

Формозов А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.

Baryshnikov G.F., Hoffecker J.F., 1994. Mousterian Hunters of the NW Caucasus: Preliminary Results of Resent Investigations // J. Field Archeol. V. 21.

Baryshnikov G.F., Hoffecker J.F. (in press). Palaeontology and zooarchaeology of Mezmaiskaya cave (Northwestern Caucasus, Russia).

Binford L.R., 1984. Faunal Remains from Klasies River Mouth. Orlando.

Bosinski G., 1963. Eine mittelpalaolithische Formengruppe und Problem ihrer geochronologischen Einordnung // Eiszeitalter and Gegenwart. Bd. 14.

Bosinski G., 1967. Die Mittelpalaolithischen Funde in Westlichen Mitteleuropa. Köln.

Freund G., 1968. Mikrolithen aus dem Mittelpalaolithikum der Sesselfelsgrotte im interen Altmuhltal, Ldkr. Kelheim // Quarter. Bd. 19.

Freund G., 1975. Zum stand der Ausgrabunden in der Sesselfelsgrotte im unteren Altmuhltal. Ausgrabunden in Deutschland // Monogr. d. Rom–Germ. Zentralmuseums. Bd. 151.

Gabori M., 1976. Les civilisation du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Budapest.

Golovanova L.V., Levkovskaya G.A., Barychnikov G.F., 1990. Le nouveau site mousterien en grotte de Matouzka, Caucase Septentrional (resultats des fouilles de 1985–87) // L'Anthropologie. T. 94. № 4.

Grayson D.K., 1988. Danger Cave, Last Supper Cave and Hanging Rock Shelter: The Faunas // Antropological Papers of the American Museum of Natural History. New York 66(1).
Guilday J.E., Parmalee P., Tanner D., 1962. Aboriginal butchering techniques at the Eschelman site (36LA12), Lancaster County, Pennsylvania // Pennsylvania Archaeologist. 32.

Институт истории материальной культуры РАН,
С.-Петербург

Аргонская национальная лаборатория,
Аргон, Иллинойс, США

Музей антропологии Московского государственного
университета, Москва

Институт археологии РАН, Москва

L.V. GOLOVANOVA, J.F. HOFFECKER, V.M. KHARITONOV, G.P. ROMANOVA

MEZMAYSKAYA CAVE

(1987–1995 preliminary study results)

S u m m a r y

A multilevel Paleolithic site in the Mezmayskaya cave discovered in 1987. The cave is situated on the right bank of the Sukhoi Kurdzhips River (the Belaya River basin) at the height of 1310 m a.s.l. The cave chamber (25 × 35 × 9 m) was formed in the Upper Jurassic Time and could have been exposed by geological processes not earlier than the end of the Middle Pleistocene. The lower bed of the cave deposits had formed before the cave was opened. A series of C14 (bone) dates have been obtained for the Mousterian layers: layer 3 – > 45000 bp (LE-38441), layer 2B – 40660+/–1600 bp (LE-3599), layer 2 – 32230+/–740 bp (LE-4735), and layer 2A – AMS C14 dates (bone): 35760+/–400 bp (Beta 53896/CAMS2999) and 36280+/–540 Bp (Beta 53897/ETH9717).

The earliest Mousterian layer 3 yielded an assemblage belonging to the East-European Micoqian industries. The industry is characterised by bifacial laurel leaf-shaped points, small broad triangle handaxes, the Chokurcha type triangle, various bifacial side-scrapers, several types of points, canted and convergent side-scrapers. In the Mezmayskaya cave we have a unique opportunity to observe the development of the same industry during all the Mousterian Wurm. Toward the Wurm II–III (layer 2A, 2) it turns gradually into a peculiar variant of the Typical Mousterian. Bifacial tools become single, while points alongside with canted, convergent and longitudinal side-scrapers continue determining the general appearance of the industry.

As to the fauna remains, most numerous in all layers are bones of bison. The analysis of the age profiles reveals some selectivity of hunting: most bones belong to mature animals, while those of very young and very old bisons are extremely rare.

In 1993 the basal part of layer 3 skeltons of a child around 7 months before birth and two months after birth was found. It was lying on the right side with its head oriented to the north. No signs of artificial depression were revealed. The skeleton was lying below the level of stone tool finds. With the exception of foot bones, all parts of the skeleton are represented. In extermal morphology of bones the Mousterian infant differs significantly from the modern one: all its bones are massive with increased transsverse and sagittal sizes and enlarged peripheral anatomical details.

Н.В. ГОЛОВАЧЕВА, К.К. МАРЧЕНКО, Е.Я. РОГОВ

УНИКАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СЕВЕРНОГО РАЙОНА ОЛЬВИЙСКОЙ ХОРЫ

Успехи историко-археологических исследований античных памятников Нижнего Побужья последнего времени поставили на повестку дня вопрос о районировании территории Ольвийского полиса (см., например: Отрешко В.М., 1979; Виноградов Ю.А. и др., 1989). Указанное обстоятельство, на наш взгляд, знаменует собой переход к качественно новому уровню изучения целого спектра демографических, социально-политических и экономических процессов, протекающих в древности в одной из основных зон прямой греческой колонизации Северного Причерноморья. Оно, несомненно, позволяет исторически более адекватно, чем когда-либо ранее, представить не только саму структуру названного государства, но, вполне вероятно, и характер его формирования (см.: Крижицький С.Д., 1982). Разумеется, нельзя не видеть, что в основе такого рода разработок до сих пор могут быть поневоле использованы почти исключительно так или иначе сгруппированные факты "молчаливой" археологии. Такое положение дел естественным образом накладывает ограничения на исследователей, придавая их выводам и заключениям некоторую условность. Однако полностью игнорировать появившиеся ныне возможности выделения отдельных культурно-исторических образований в системе Ольвийского полиса было бы методически неверным и могло бы повлечь за собой потерю важнейшей положительной информации.

В этом смысле особое внимание обращает на себя недавнее открытие на северной окраине Ольвийской хоры (рис. 1)[1] целой серии весьма своеобразных, если не сказать более – уникальных, сооружений[2] античной эпохи. Таких памятников на указанной территории за последние годы раскопок обнаружено шесть: четыре из них относятся к позднеархаическому периоду (вторая половина – конец VI – первая четверть V в. до н.э.) – четырехугольная землянка площадью около 68 м^2, прямоугольное в плане "здание-убежище" общей площадью около 790 м^2, комплекс "святилища" на поселении Старая Богдановка 2 и постройка храмового типа на поселении Козырка II; два датируются более поздним временем (последняя треть V–IV в. до н.э.) – прямоугольная землянка площадью около 170 м^2 на поселении Старая Богдановка 2 и зольный холм на поселении Козырка II.

Наиболее ранним из упомянутых памятников может считаться прямоугольная в плане землянка площадью около 68 м^2 (строительный комплекс № 15) (рис. 2,*1*; 3,*1*), находившаяся в южной части поселения Старая Богдановка 2 (Марченко К.К., Доманский Я.В., 1981). Среди себе подобных эта землянка выделяется, прежде всего, своей грандиозностью. Ее размеры (8,0×8,5 м) более чем в 3–5 раз превосходят со-

[1] Под северной окраиной Ольвийской хоры в данном случае имеется в виду небольшой (около 0,5 км длины) участок побережья Бугского лимана к северу от современного с. Козырка Очаковского р-на, на котором располагались древние сельские поселения Козырка II и Старая Богдановка 2, изучавшиеся Нижнебугской античной экспедицией ИИМК РАН с середины 1970-х годов.

[2] Уникальными эти сооружения названы в силу того, что с момента их обнаружения и до сегодняшнего дня им не удалось подыскать аналогов либо для того периода, в который они существовали, либо для того региона, где они обнаружены, либо, наконец, для того и для другого одновременно.

© Н.В. Головачева, К.К. Марченко, Е.Я. Рогов, 1998 г.

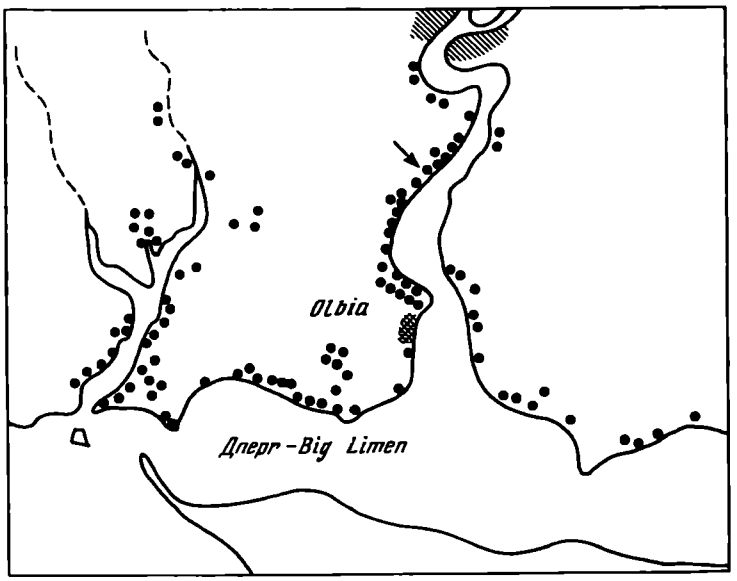


Рис. 1. Схема расположения поселений Ольвийской хоры

ответствующие параметры всех наиболее крупных заглубленных в землю жилых и хозяйственных построек, известных ныне по многочисленным материалам сельских поселений Нижнего Побужья позднеархаического времени. Кроме того, строительный комплекс № 15 является, по всей видимости, и самым первым, т.е. наиболее древним, сооружением северной окраины Ольвийской хоры, датируемым еще третьей четвертью VI в. до н.э., – факт, как представляется, небезынтересный для определения характера самого поселения Старая Богдановка 2.

К несколько более позднему времени, а именно к концу VI первой четверти V в. до н.э., относятся сразу три памятника нашей выборки: "здание-убежище" и "святилище" на поселении Старая Богдановка 2 и храмовая постройка, расположенная на территории поселения Козырка II. Есть все основания считать, что, по крайней мере, в течение некоторого достаточно продолжительного периода все эти сооружения сосуществовали.

"Здание-убежище" (строительный комплекс № 14) (Марченко К.К., Доманский Я.В., 1981) представляло собой прямоугольное в плане наземное сырцово-каменное сооружение с размерами 30,0×25,0 м и площадью около 750 м^2, а с учетом четырехугольной пристройки у южного борта – 790 м^2 (рис. 2,*2–4*; 4,*1*). Внутренняя планировка этого комплекса довольно своеобразна: две трети его территории – это свободная от какой-либо застройки площадь, а оставшаяся, северная, треть, отделенная от основной площади поперечной стенкой, состояла из нескольких небольших (от 8,0 до 18,0 м^2) помещений и примыкавшего к ним с запада, вымощенного известняковыми плитами внутреннего дворика. Ширина внешних глинобитных стен комплекса, возведенных на двух параллельных цоколях из небольших, поставленных орфостатно камней, составляла 1,2 м. Можно предположить, что соответственно и высота их была достаточно внушительной. Небезынтересным для интерпретации памятника, наконец, является и то обстоятельство, что к северной стене комплекса № 14 тогда же примыкала каменная вымостка площадью около 400 м^2. Все это, а также отсутствие в пределах сооружения следов от опорных столбов перекрытия, хозяйственных ям, так называемых столиков, очагов, "лежанок" и т.п. дает основание говорить о его особом предназначении. В этой же связи необходимо подчеркнуть еще две особенности "здания-убежища" – его топографию (на южной окраине поселения, на самом краю древней, так называемой Крутой, балки) и время сооружения (в последний период существования поселения, непосредственно перед оставлением его жителями). В заключение заметим также, что описываемая постройка была создана на месте предварительно засыпанного строительного комплекса № 15.

Так называемое богдановское "святилище" (строительный комплекс № 23) (Марченко К.К., Головачева Н.В., 1985) находилось в непосредственной близости (всего в 15 м к юго-востоку) от вышеописанного "здания-убежища", в верхней прибрежной части склона Крутой балки, на невысоком (около 2,0 м) гребнеобразном всхолмлении, выделенном с напольной стороны древним эрозионным понижением (рис. 5,*1–3*; 4,*2*).

Этот комплекс, безусловно, является наиболее необычным из нашей выборки: говорить даже об отдаленных аналогиях ему до сих пор не представляется возможным.

Несмотря на значительные утраты, есть все основания полагать, что данное сооружение занимало всю среднюю часть гребня и охватывало площадь около 500 м^2. Судя по сохранившимся остаткам, комплекс явственно делился на две половины: центральную (основную) и внешнюю. Последняя представляла собой искусственно приподнятые (на высоту до 0,6 м) с помощью рушеного материкового суглинка склоны холма. Поверхность доформованных таким образом склонов была затем сильно обожжена и покрыта (укреплена?) плотным замостом из небольших необработанных камней известняка.

На предварительно уплощенной вершине гребня была создана монументальная сырцово-каменная конструкция площадью около 100 м^2 – центральная часть "святилища". Основным элементом этой конструкции являлась врезанная в материк на глубину до 1,6 м прямоугольная камера площадью более 25 м^2 с двумя отходящими от нее на запад параллельными открытыми "каналами" длиной до 4,0 м. Вертикальные стенки камеры и "каналов" были сложены в системах постелистой тычково-ложковой и орфостатной однослойной однолицевой или трехслойной двулицевой кладок из грубо околотых (реже – рваных) камней известняка на глине; пол – тонкая известняковая промазка на материке.

На каменных стенках и дне "каналов" повсеместно зафиксированы яркие следы многократного воздействия высоких температур в виде налета белой порошкообразной извести, сильно прокаленного суглинка красного цвета и спекшейся до стеклообразной массы золы камыша на нем. Важно заметить также, что наиболее мощному воздействию огня подверглись самые западные, т.е. торцовые (рабочие?), части "каналов".

Вторым элементом центральной части "святилища", конструктивно связанным с камерой, являлась ровная овальная площадка площадью около 73 м^2, по периметру которой, вплотную примыкая к материковым бортам высотой до 0,8–1,0 м, была сооружена сравнительно невысокая стена из рваных камней известняка.

Наконец, еще один своеобразный памятник позднеархаического времени этого же района Ольвийской хоры находился не более чем в полукилометре южнее вышеописанных, на территории поселения Козырка II. Этим памятником являются остатки наземного сырцово-каменного здания, представлявшего, по всей видимости, местную модификацию типично греческого храма в антах (рис. 4,*3*; 6,*3–4*) (Головачева Н.В., Рогов Е.Я., 1995).

В плане здание напоминало мегарон и состояло из двух смежных помещений, одно из которых, восточное, явно не имело внешней торцовой стены. Размеры открытого памятника (м): длина около 12,0, ширина 8,0. Ширина внешних глинобитных стен, возведенных на небольших каменных цоколях, выложенных в технике иррегулярной постелистой тычково-ложковой и орфостатной двух-трехслойной двулицевой кладки из грубо околотых камней и плиток известняка, составляла около 0,6 м; ширина внутренней перегородки – около 0,4 м.

Западное (внутреннее) помещение постройки (небольшой наос?) имело площадь около 24,0 м^2 и соединялось с восточным первоначально посредством двух дверных проемов в перегородке, один из которых (южный) впоследствии был заложен. В юго-западном углу этого помещения находилась небольшая овальная в плане яма, материковые стенки и дно которой носили явственные следы воздействия огня.

Площадь второго, открытого с востока помещения – своего рода пронаоса – составляла около 70 м^2. В центральной части "пронаоса" обнаружены остатки весьма

Рис. 2. *1* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 15: землянка второй половины VI в. до н.э. Вид с запада; *2* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 14: "здание-убежище". Вид с севера; *3* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 14: "здание-убежище". Вид с востока; *4* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 14: "здание-убежище". Вид с запада

своеобразной конструкции, скорее всего деревянного стационарного алтаря, воздвигнутого на мощной прямоугольной в плане каменной вымостке – основании из хорошо подогнанных друг к другу крупных плит известняка общей площадью около 3,75 м^2. К сожалению, о внешнем облике и размерах самого алтаря судить весьма затруднительно: до наших дней от него дошли лишь многочисленные угли и отдельные более или менее значительные куски сильно обгоревших плах и бревен. Важно отметить, однако, что все эти остатки были тщательно захоронены еще в древности, т.е., по-видимому, сразу же после гибели сооружения, под глиняной насыпью с плотной наброской из мелких камней известняка толщиной до 0,3 м.

В заключение заметим также, что еще до постройки деревянного алтаря на камен-

Рис. 2 (*продолжение*)

ном основании на этом же месте "пронаоса", функционировало какое-то, вероятнее всего культовое, сооружение, состоявшее из большой (глубина 1,5×0,4 м) овальной ямы, вырытой в материке, с отходящим от нее в западном направлении клинообразным углублением длиной около 1,0 м.

Как уже неоднократно отмечалось в научной литературе, многочисленные сельские поселения Нижнего Побужья позднеархаического времени прекратили свое существование в самом конце первой четверти V в. до н.э. (см., например: Марченко К.К., 1980; ср.: Крыжицкий С.Д. и др. 1989). В этом отношении не являются исключением и все вышеупомянутые памятники нашей выборки. Период практически полного запустения северного района длился до последней трети V в. до н.э., когда на территории давно покинутого жителями поселения Старая Богдановка 2 возникло еще одно с овершенно необычное для Ольвийской хоры сооруже-

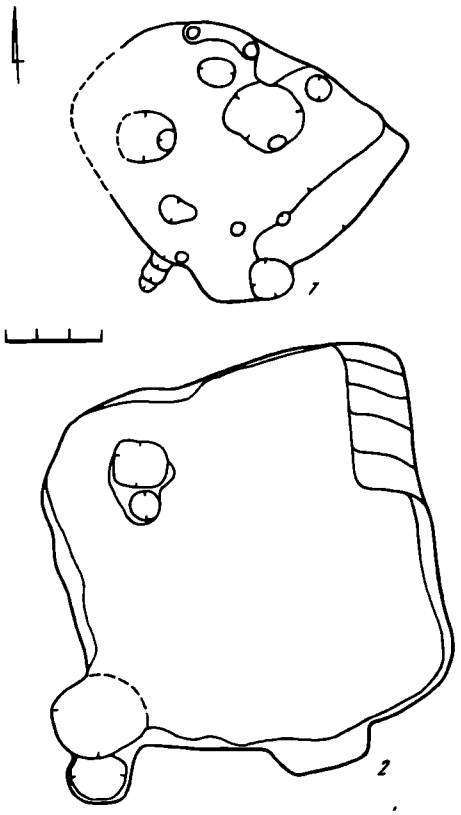


Рис. 3

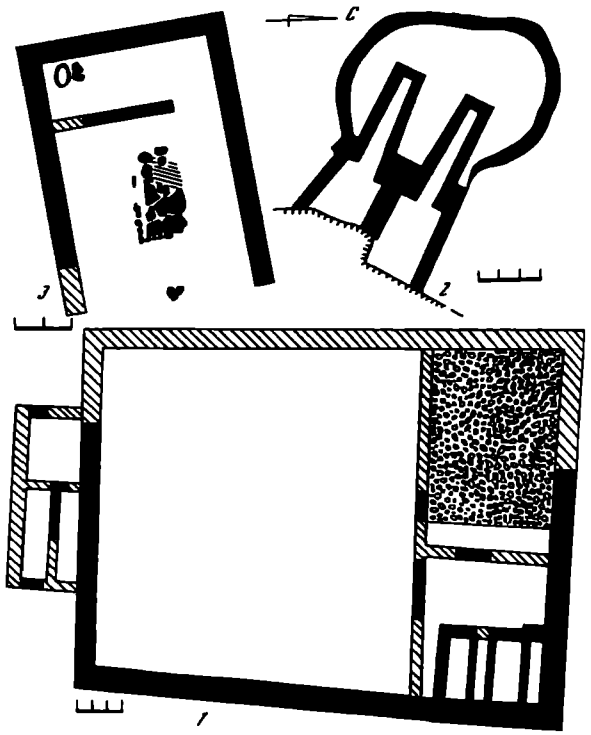


Рис. 4

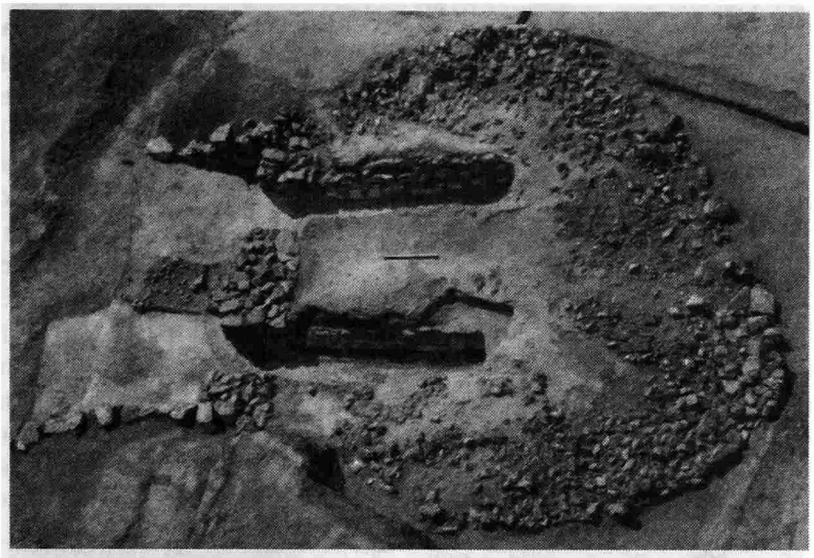
Рис. 3. *1* – Поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 15: землянка второй половины VI в. до н.э. План; *2* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 24: землянка последней трети V–IV в. до н.э. План

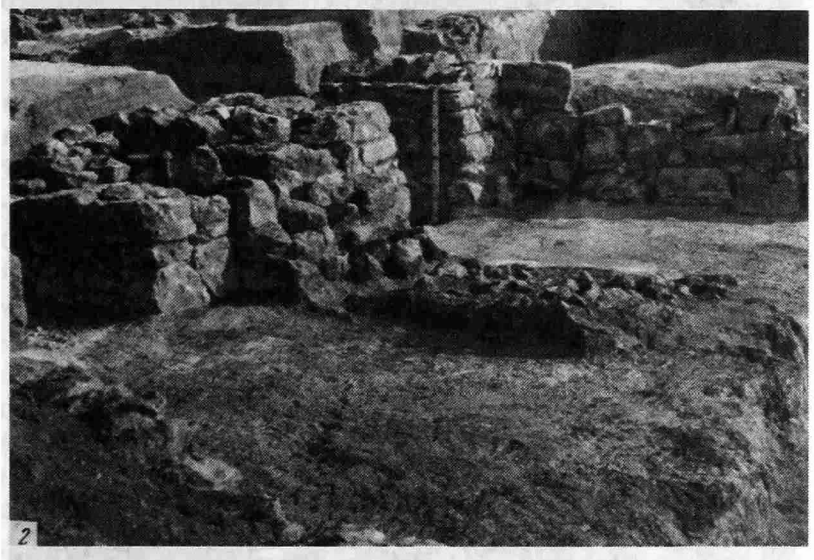
Рис. 4. *1* – Поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 14: "здание-убежище". Реконструкция плана; *2* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 23: "святилище". Реконструкция плана; *3* – поселение Козырка II. Постройка храмового типа. Реконструкция плана

ние – огромная (площадью около 170 м^2 и глубиной 1,8 м) подквадратная в плане землянка с монументальной лестницей, выложенной каменными плитами, и четырьмя овальными ямами в полу (строительный комплекс № 24 – рис. 2,*1–2*; 5,*2*) (Марченко К.К., 1985).

Следует сразу подчеркнуть, что указанная землянка является самым крупным из до сих пор известных в Нижнем Побужье античного периода строением такого рода и во много раз превосходит по своим размерам аналогичные памятники этого региона. Немаловажным фактом для понимания характера данного комплекса является, вполне вероятно, и то обстоятельство, что он был создан в непосредственной близости от уже давно лежавшего в руинах обширного "здания-убежища" и соответственно предшествовавшей ему большой землянки третьей четверти VI в. до н.э. Такое постоянное воспроизводство практически на одном месте столь крупных и, несомненно, требовавших значительных затрат труда сооружений вряд ли случайно. Оно, скорее всего, свидетельствует не только о какой-то особой роли, которую в течение длительного времени играл в представлениях строителей "уникумов" именно этот окраинный участок поселения, но и указывает на сходство их функционального назначения.

Последний памятник нашей серии – зольник – находился на территории поселения Козырка II, т.е. всего в полукилометре к югу от вышеописанной огромной землянки





2

3

Рис. 5. *1* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 23: "святилище". Вид с севера; *2* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 23: "святилище". Прямоугольная камера перед каналами. Вид с юга; *3* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 23; "святилище". Северный канал. Вид с востока

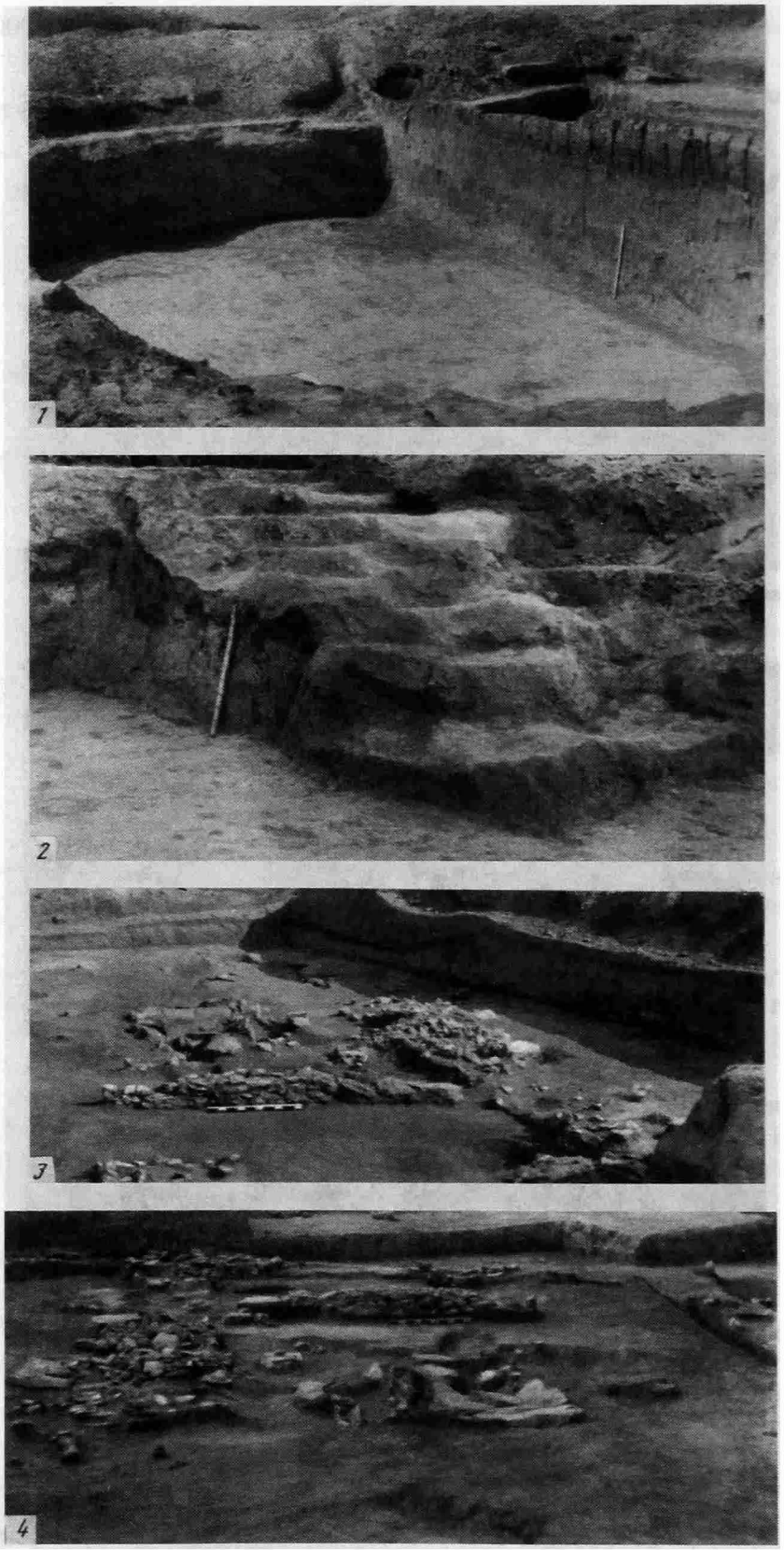


Рис. 6. *1* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 24: землянка последней трети V–IV в. до н.э. Вид с севера; *2* – поселение Старая Богдановка 2. Строительный комплекс № 24: землянка последней трети V–IV в. до н.э. Лестница. Вид с юга; *3* – поселение Козырка II. Постройка храмового типа. Вид с запада; *4* – поселение Козырка II. Постройка храмового типа. Основание алтаря. Вид с востока

№ 24. Памятник представлял собой большой (площадью около 3000 м^2 и высотой 1,5 м) насыпной холм, возникший в IV в. до н.э. на месте ранее существовавшего храма в антах (Виноградов Ю.Г., Головачева Н.В., 1990). Основным компонентом комплекса являлась зола, стратифицированная местами (особенно в центральной части) относительно тонкими прослойками суглинка, в том числе и обожженного. Насыпь холма оказалась насыщенной вещественным материалом, в целом вполне аналогичным зафиксированному на поселении, но гораздо большей концентрации. Судя по всей совокупности датировок импортной керамики, зольник начал формироваться сразу же после возвращения людей на прежнее место жительства еще в начале IV в. до н.э. и продолжал функционировать вплоть до конца этого столетия.

При попытке осмысления всех перечисленных памятников удивляет и заставляет задуматься не только (а может быть, и не столько) индивидуальное своеобразие каждого, но и необычно высокая плотность их нахождения на весьма небольшом по протяженности отрезке побережья Бугского лимана. То обстоятельство, что не все эти объекты существовали одновременно (некоторые "уникумы" появились спустя годы и десятилетия после гибели предшествующих, но все равно в непосредственной близости от них), нисколько не снимает остроты интереса к данному феномену, а, напротив, наводит на вполне определенные размышления о его возможной разгадке.

Впрочем, первое, что можно предположить в этой связи, – недостаточная археологическая изученность территории сельской округи Ольвии и, следовательно, возможное обнаружение в неисследованных ее частях комплексов, вполне аналогичных описанным как в хронологическом, так и в функциональном отношениях. Однако такое предположение вряд ли следует признать убедительным. Во-первых, побережья лиманов вокруг Ольвии обследованы на сегодняшний день довольно тщательно, а интересующие нас комплексы имеют в основном достаточно солидные размеры, подчас – выраженность в рельефе или очевидную увязку с очертаниями береговой линии или краями древних балок, что давно привлекло бы к ним внимание специалистов. Во-вторых, очень мало вероятно, что где-то в другом районе Ольвийской хоры такие памятники могут находиться "в кусте", в скоплении, подобном отмеченному нами.

Если, таким образом, признать совокупность этих памятников объективным фактом, составляющим особенность очерченного района Нижнего Побужья, то каковы тогда могут быть объяснения столь явной, с нашей точки зрения, аномалии в обустройстве его сельских поселений на длительном временно́м отрезке?

Надо сказать, что этот вопрос еще только ждет своей серьезной проработки: к сожалению, некоторые объекты еще нуждаются в основательном доследовании; кроме того, проведенные разведки свидетельствуют о том, что список названных здесь сооружений можно будет со временем пополнить еще как минимум тремя столь же необычными памятниками, выявленными тут же, по соседству. И все-таки, какими в первом приближении могли бы быть пути решения обозначенной проблемы?

Видимо, достаточно соблазнов заключала бы в себе идея вывести указанный район из сферы чисто эллинской культуры и Ольвийской государственности, особенно учитывая его окраинное месторасположение в позднеархаическое время: отдельная волна колонистов из метрополии; отколовшаяся по политическим или другим соображениям часть ольвийской гражданской общины; наконец, вообще этнически иное население, связанное с Ольвией лишь опосредованным образом, и т.п. Однако нельзя не учитывать, что в постархаический период этот район уже, безусловно, находился в гуще сельских поселений Ольвийской хоры, продвинувшей свои границы далеко на север от Козырки, и тем не менее продолжал выделяться из них отмеченными особенностями. Помимо этого имеется ряд аргументов (логических и археологических), которые могут быть противопоставлены каждому из трех названных выше предположений, что, как кажется, делает их весьма маловероятными.

В числе этих аргументов назовем в первую очередь следующие.

1. Сложение Ольвийского государства как системы "полис–хора" с центром в Ольвии уже в середине VI в. до н.э., т.е. ко времени, непосредственно предшествовавшему основанию старобогдановского поселения, мы считаем фактом, хорошо установленным и достаточно обоснованным (см., например: Марченко К.К., 1980; Русяева А.С., 1986; Виноградов Ю.Г., 1989; Крыжицкий С.Д., 1985). Дополнительный приток колонистов из метрополии, собственно и создавших вскоре, как представляется, Ольвийскую хору в ее максимальных для позднеархаического периода пределах, в которые входила и Старая Богдановка 2, также относится большинством исследователей приблизительно к середине – второй половине VI в. до н.э. (см., например: Марченко К.К., 1980; Виноградов Ю.Г., 1989; Крыжицкий С.Д., 1989).

2. Часть из названных нами комплексов (например, "здание-убежище" и "святилище") в силу значительных размеров и соответствующих затрат труда на их сооружение вряд ли могла быть создана силами одних лишь жителей весьма небольших сельских поселений, на территории которых они располагались; по всей видимости, дело это не обошлось без организующего участия Ольвийского государства.

3. Состав вещественных находок, обнаруженных на поселениях Старая Богдановка 2 и Козырка II, мало чем отличался от материалов других синхронных памятников Нижнего Побужья.

Остается, таким образом, признать, что связь северного района с Ольвией была изначальной, тесной и самой непосредственной, а проживавшее там в позднеархаическое (и, разумеется, более позднее) время население не должно было сколько-нибудь существенно отличаться ни по своему политическому статусу, ни тем более культурно и этнически от общей массы жителей сельской округи города.

Так что же в конце концов могло обусловливать несомненную специфику именно этого района Ольвийской хоры? Не исключено, что пути решения этого вопроса следует искать в возможной интерпретации по меньшей мере половины из упомянутых нами оригинальных структур: так называемого святилища поселения Старая Богдановка 2, храма в антах и перекрывавшего его большого зольника на поселения Козырка II – как памятников культового назначения.

Из письменных источников известно, что в районе Нижнего Побужья-Поднепровья уже на самом раннем этапе существования Ольвийского государства имелись некие "божественные места", посещавшиеся греками с целью отправления там культовых церемоний и так или иначе контролируемые ими (см.: Русяева А.С., 1987). Особенно примечательная информация на сей счет содержится в так называемом "письме жреца" – двенадцатистрочном граффито на стенке самосской расписной амфоры середины – третьей четверти VI в. до н.э., найденной в 1969 г. в районе "цитадели" Ольвии (Vinogradov J., 1981; Виноградов Ю.Г., 1989; Русяева А.С., Виноградов Ю.Г., 1991). Как полагают издатели этого документа, письмо представляет собой своеобразный отчет-послание одного ольвийского священнослужителя другому, более старшему по своему рангу, о результатах своего рода инспекционной поездки по землям, окружавшим Ольвию. Из текста послания, в частности, явствует, что лицо, совершившее указанную поездку на корабле, посетило помимо прочего Гилею – лесистую область Скифии в низовьях Днепра (см.: Доватур А.И. и др., 1982), где находились святилища Матери богов, Геракла и Борисфена (или Борисфениды), и некий ранее неизвестный нам пункт (или местность) под названием Халкена, куда были специально доставлены продукты для пропитания и жертвоприношений.

Точная локализация этой Халкены в настоящее время весьма затруднительна, но, как считает А.С. Русяева, располагалась она, очевидно, вне Гилеи, по всей видимости, в районе Ягорлыцкого поселения. Основанием этому предположению, с точки зрения исследовательницы, служит совпадение хронологических рамок существования данного поселения и указанного эпиграфического документа (Русяева А.С., 1987).

Самые ранние керамические находки из комплексов поселения Старая Богдановка 2 датируются третьей четвертью VI в. до н.э.; само старобогдановское "святилище" в смысле вещественных остатков является практически стерильным: его дата уста-

навливается лишь по косвенным признакам (хотя, возможно, она в настоящий момент и небесспорна). Тем не менее при всем желании вряд ли будет корректно "подтянуть" датировку Старой Богдановки до времени Халкены, чтобы попытаться идентифицировать два святилища – реально раскрытое раскопками и зафиксированное прямым письменным свидетельством. Да и, очевидно, в нашем случае это не столь уж и важно. Существенно иное: наличие таких "божественных мест", как Гилея, Халкена и др., расположенных на значительном удалении от Ольвии и тем не менее находящихся на ее попечении и под ее заинтересованным надзором, – исторический факт, археологической аналогией которому можно, видимо, считать Старобогдановское поселение. Комплекс странных, неординарных сооружений этого населенного пункта должен был в таком случае служить выполнению им функций культового центра, отмечающего северную границу Ольвийского государства в отличие от южного "религиозного форпоста" – Халкены. Возобновление жизни в непосредственной близости от этого центра во втором периоде существования хоры Ольвии, связанное все с тем же ее специфически культовым аспектом, является, по всей видимости, вполне закономерным в силу консервативности такой сферы жизнедеятельности, как религия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского государства VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.

Виноградов Ю.Г., Головачева Н.В., 1990. Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.

Виноградов Ю.Г., Марченко К.К., Рогов Е.Я., 1989. К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье. Тез. докл. конф. Одесса.

Головачева Н.В., Рогов Е.Я., 1995. Раскопки архаического святилища на хоре Ольвии // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.

Крыжицький С.Д., 1982. Вивчення античні культури Північно-Західного Причорноморья // Археологія.

Крыжицький С.Д., 1985. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.

Крыжицький С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М., 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

Марченко К.К., 1980. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. № 1.

Марченко К.К., 1985. Исследование поселения Старая Богдановка 2 // АО-1983. М.

Марченко К.К., Головачева Н.В., 1985. Новый тип строительных комплексов позднеархаического времени в Нижнем Побужье // КСИА. № 182.

Марченко К.К., Доманский Я.В., 1981. Античное поселение Старая Богдановка 2 // АСГЭ. Вып. 22.

Отрешко В.М., 1979. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.

Русяева А.С., 1986. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. № 2.

Русяева А.С., 1987. Памятники духовной культуры и быта // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.

Русяева А.С., Віноградов Ю.Г., 1991. Лист жерца з Гилеі // Золото степу. Археологія Украіни. Шлезвіг.

Vinogradov J., 1981. Olbia. Geschichte einer altgrichischen Stadt am Schwarzen Meer // Xenia. H. I.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

N.V. GOLOVACHEVA, K.K. MARCHENKO, E.Y. ROGOV

UNIQUE CONSTRUCTIONS OF THE OLIVIA CHORUS NORTHERN DISTRICT

Summary

The paper reviews a series of unique sites located in the northern district of the Olivia chorus and uncovered in the territory of settlements Old Bogdanovka 2 and Kozyrka II during the last years of investigations. The series includes four constructions that date to the secons half of the 4th – the first quarter of the 5th century BC: a subterranean hut around 68 m^2 (Fugure 2,*1*; 3,*1*), a "building-refuge" (Figure 2,*2–4*; 4,*1*), "a sacred place" (Figure 5,*1–3*; 4,*2*) and a building of the a temple type (Figure 6,*3–4*; 4,*3*) as well as two complexes dating to the last third of the 5th–6th centuries BC: a large subterranean hut around 170 m^2 (Fugure 6,*1–2*; 3,*2*) and an ash hill with the area around 3000 m^2.

Based on the analysis of the whole information that is available as of today, the authors of the paper come to the conclusion that one of major cult centres (gods' places) of the Olivia state existed in this area of the Lower Bug region.

В.С. АКСЕНОВ, Л.И. БАБЕНКО

ПОГРЕБЕНИЕ VI–VII ВЕКОВ Н.Э. У СЕЛА МОХНАЧ

Общепризнано, что погребальному обряду как консервативному и часто этноопределяющему фактору принадлежит важная роль в изучении той или иной археологической культуры. Но зачастую как могильники, так и одиночные погребения ряда культур представлены немногочисленными памятниками, что затрудняет решение целого круга вопросов. Подобная ситуация характерна и для территории лесостепной полосы Юго-Восточной Европы в V – начале VIII в. н.э. Погребения этого времени в указанном районе составляют довольно редкую категорию памятников и в подавляющем случае представлены трупосожжениями, связанными с пеньковской культурой (Приходнюк О.М., 1980, с. 28). Погребения по обряду ингумации с вещами пеньковского облика большинство исследователей упоминает при характеристике погребального обряда пеньковской культуры лишь вскользь, объясняя их появление контактами с кочевническим миром (Приходнюк О.М., 1980, с. 77; Славяне..., 1989, с. 227), или просто игнорирует. Тем больший интерес представляет погребальный комплекс, обнаруженный возле с. Мохнач Змиевского р-на Харьковской обл., введению в научный оборот которого посвящена настоящая работа.

16 августа 1996 г. в Харьковский Исторический музей (ХИМ) поступило сообщение от Л.В. Федотовой, что на ее дачном участке при рытье погреба были обнаружены человеческие кости, бусы, бронзовые украшения. На следующий день на место находки выехали сотрудники Отдела археологии и Сектора охраны памятников археологии ХИМ, которые произвели подробный осмотр места находки и опросили хозяйку участка[1]. Разрушенное погребение расположено на краю плато правого коренного берега р. Северный Донец в 2 км к югу от с. Мохнач. При зачистке стенок и дна ямы, вырытой под погреб, удалось частично проследить остатки погребального сооружения, что позволяет восстановить его конструкцию. Каких-либо признаков надмогильного сооружения проследить не удалось, но говорить о бескурганном характере захоронения с полной уверенностью нельзя, ибо земля, отведенная под садоводческое товарищество, в недавнем прошлом подвергалась интенсивной распашке.

Захоронение было совершено в грунтовой яме с подбоем (рис. 1, *1*). Входной колодец, форму и размеры которого установить не удалось, имел несколько ступенек, на что указывает его сложный профиль, зафиксированный в юго-восточной стенке ямы (рис. 1, *2*). Подбой примыкал ко входному колодцу с северо-западной стороны и был ориентирован, как, вероятно, и сам колодец, почти строго по линии северо-восток – юго-запад. Дно входного колодца фиксировалось на глубине 2,55 м от современной поверхности почвы и полого спускалось к подбою, дно которого находилось на глубине 2,7 м. Подбой был отделен от входного колодца деревянным закладом, остатки которого в виде древесного тлена удалось зафиксировать при зачистке стенки ямы. Подбой предположительно имел следующие размеры (м): длина 1,9–2,0, ширина 0,9–1,1, высота 0,6–0,7. По сообщению хозяйки участка, костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, руки были вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Большинство вещей было найдено в районе черепа, грудной клетки и пояса, но более точное их место расположения рабочие указать не смогли.

[1] Какие-либо земляные работы отрядом не проводились ввиду решительного нежелания хозяев участка.

© В.С. Аксенов, Л.И. Бабенко, 1998 г.

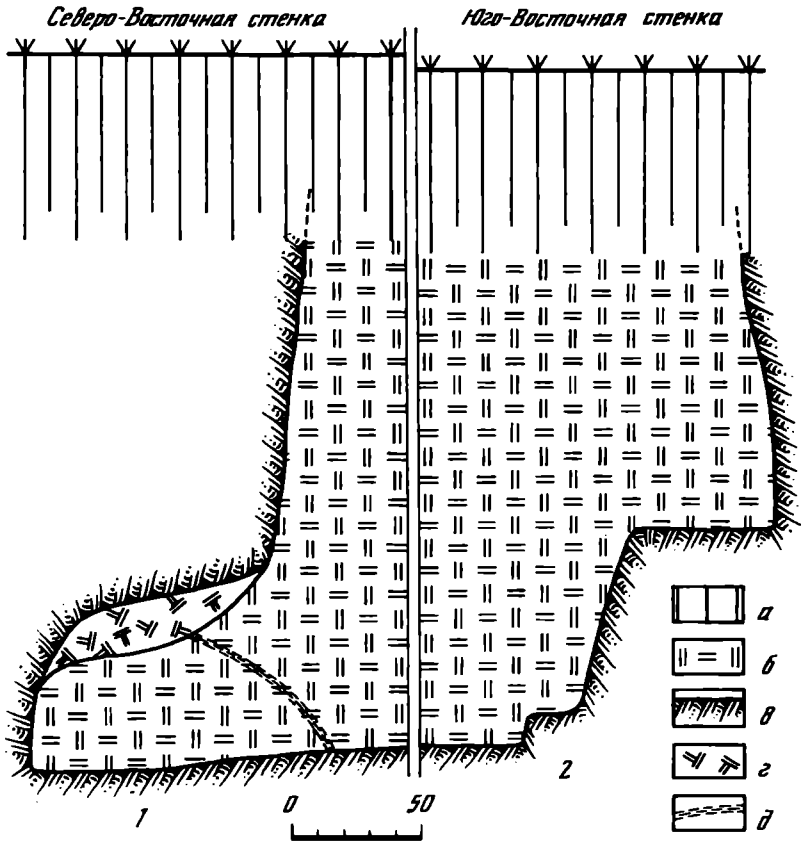


Рис. 1. Профили стенок ямы. *1* – северо-восточная стенка; *2* – юго-восточная стенка: *а* – чернозем; *б* – засыпка могильной ямы; *в* – материк; *г* – обрушившийся свод подбоя; *д* – древесный тлен

К моменту приезда сотрудников музея весь погребальный инвентарь был поднят наверх и сложен в общую кучу, а кости и череп погребенной[2] были перезахоронены хозяйкой участка вдали от дачи. Часть погребального инвентаря сотрудники музея обнаружили при осмотре отвалов земли возле погреба и в местах ее вывоза. В результате предпринятых мер удалось собрать почти полностью погребальный инвентарь захоронения, описание которого приводится ниже.

1. Односпиральные височные кольца (6 экз.). Изготовлены из бронзовой проволоки круглого сечения диаметром 0,2–0,25 см, согнутой в виде круга диаметром 6,0–7,0 см. Свободный конец несколько утолщен до 0,3 см. На противоположном конце проволока закручена в спираль на 4–6 оборотов. У четырех из шести височных колец участок, примыкающий к спиральным завиткам на протяжении 3,5–4,0 см, обмотан тонкой бронзовой полоской (рис. 2, *2*). Аналогичные височные кольца встречены в Мартыновском, Новоодесском и Малоржавецком кладах (Рыбаков Б.А., 1953, с. 69, рис. 13, с. 75, рис. 16, с. 81, рис. 18; Приходнюк О.М. и др. 1993, с. 271, рис. 6, *23*).

2. Шейная проволочная гривна диаметром 18,5–19,0 см, изготовлена из круглой в сечении бронзовой проволоки диаметром 0,5 см, утончающейся к концам до 0,25 см. Один конец отогнут и образует крючок, другой загнут в петлю. Недалеко от крючка гривна украшена намотанной в три витка бронзовой полоской (рис. 2, *3*). Подобные гривны широко представлены в I-й группе антских кладов, выделенной О.А. Щегловой (Щеглова О.А., 1990, с. 176).

3. Фрагменты аналогичной гривны (рис. 2, *4*, *5*).

---

[2] По определению научного сотрудника Сектора антропологии Института археологии АН Украины Т. Рудич, погребение принадлежало женщине 25–30 лет. Череп погребенной мезокранный, средних размеров, с низким сводом, среднешироким лицом и носом (по абсолютным размерам).

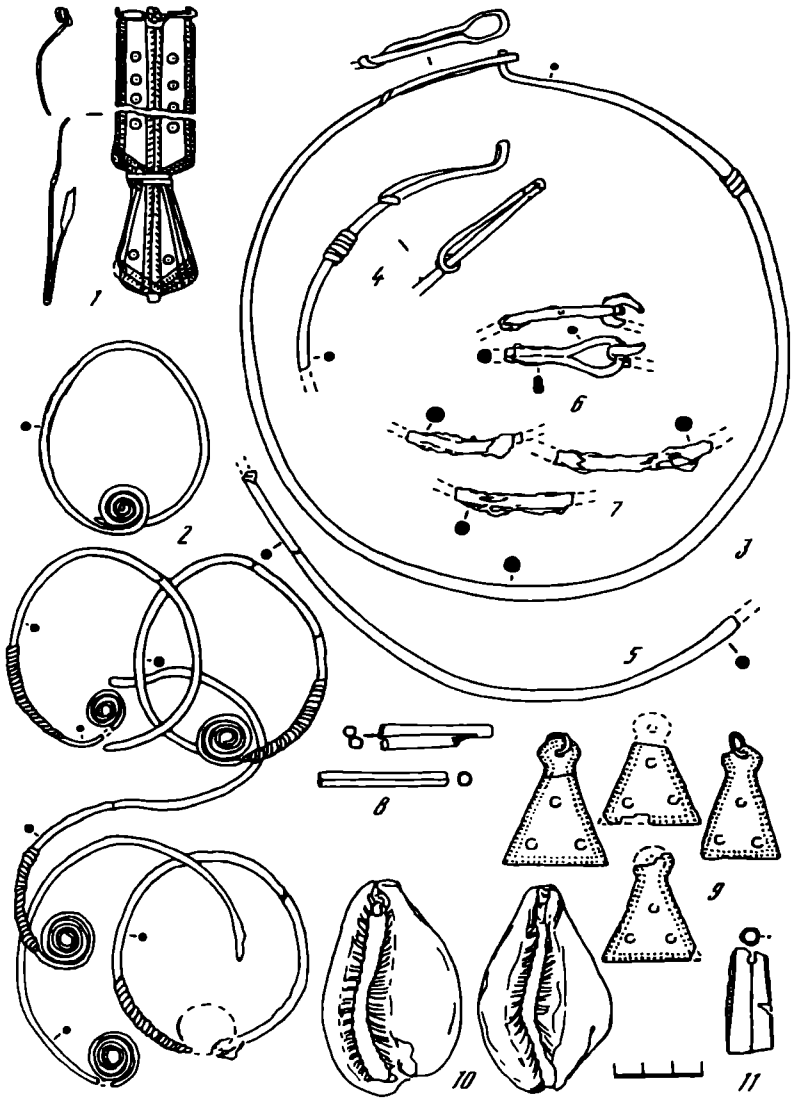


Рис. 2. Находки из погребения у с. Мохнач. *1–5, 8, 9, 11* – бронза; *6, 7* – железо; *10* – раковины

4. Фрагменты проволочной гривны, изготовленной из круглой в сечении железной проволоки, диаметром 0,5 см, утончающейся к концам до 0,3 см. Один конец гривны был отогнут и выполнял роль крючка, другой загнут в петлю (рис. 2, *6, 7*).

5. Литые бронзовые пальчатые фибулы "днепровского" типа, украшенные циркульным орнаментом, длиной 13,4 см (2 экз) (рис. 3, *1, 2*). Фибулы подобного типа довольно широко представлены в памятниках V–VII вв. н.э. юга Восточной Европы (Ляпушкин И.И., 1961, с. 184), а наиболее типологически близки данным фибулам являются фибулы из Колосковского клада (Ляпушкин И.И., 1961, с. 185, рис. 87).

6. Бронзовая широкопластинчатая подвязная шарнирная фибула. Фибула имеет прогнутую пластинчатую спинку, подтрапециевидную ножку, украшенные по периметру и центру композицией из прочерченных параллельных линий, пространство между которыми заполнено косыми насечками. По обе стороны от центральной оси фибулы размещены солярные знаки (круг с точкой в центре) – восемь на спинке, две на ножке (рис. 2, *1*). Данная фибула относится к локальной серии фибул, большинство из которых происходит из памятников Днепровского лесостепного Левобережья. Близкие фибулы встречены в Колосковском, Козловском, Гапоновском кладах, а также найдены как отдельные находки на поселениях у с. Новая Одесса, хут. Волошское, с. Сурская Забора, на о-ве Кизелевый (Горюнов Е.А., Казанский А.М., 1978,

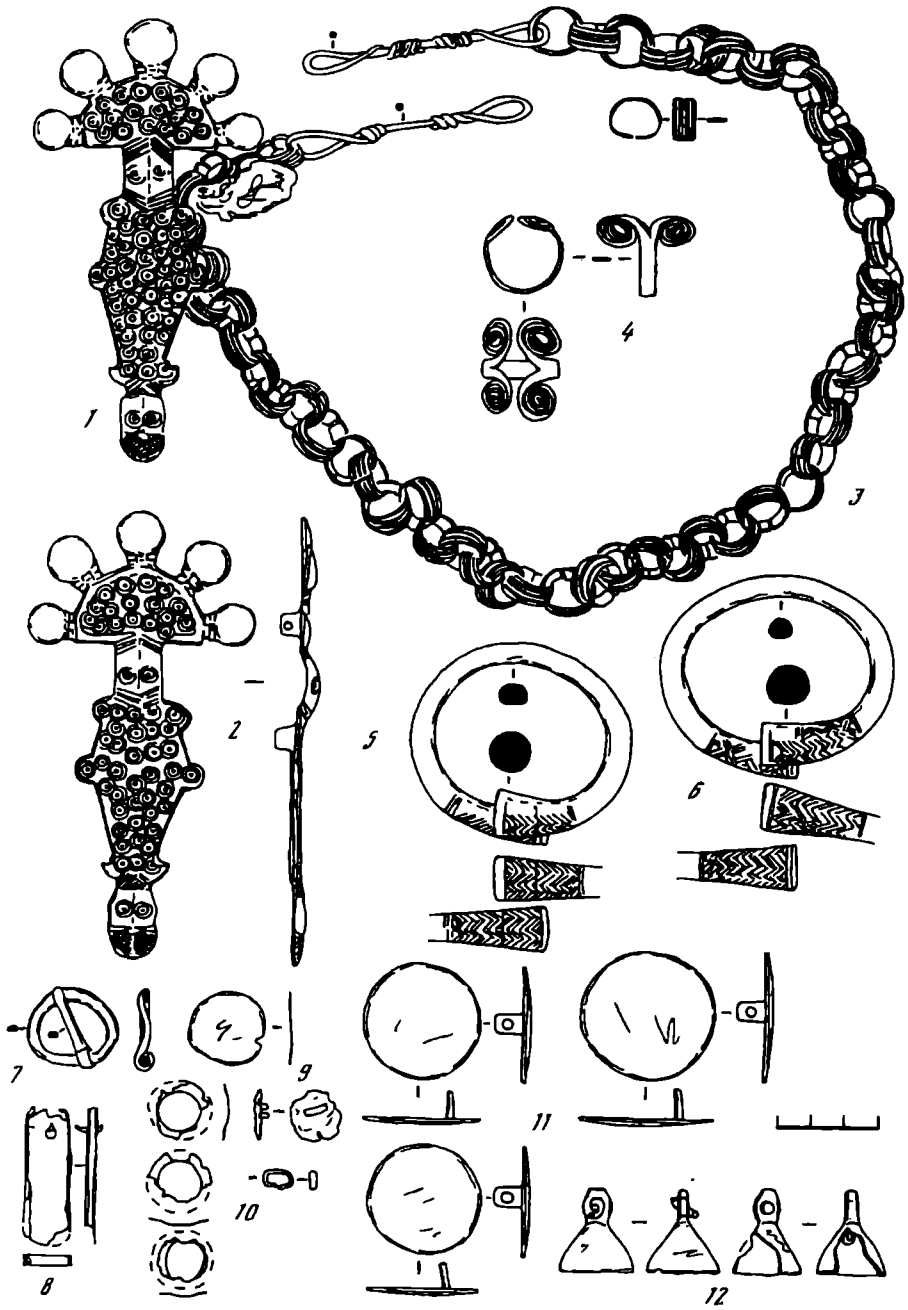


Рис. 3. Находки из погребения у с. Мохнач. *1–12* – бронза

с. 25; Кухаренко Ю.В., 1959, с. 144, рис. 60, *1, 2, 4, 7*; Высотская Т.Н., 1994, с. 139, рис. 3, 4; Гавритухин И.О., Обломский А.И., 1995, с. 139, 145).

7. Нагрудная цепь длиной 60 см. Звенья цепи изготовлены из согнутых в кольцо бронзовых полосок, украшенных по внешней поверхности четырьмя гребнями (55 звеньев). Концы цепи снабжены специальными восьмерковидными петлями длиной 7,5 см, изготовленными из бронзовой проволоки круглого сечения диаметром 0,2 см (рис. 3, *3*) (Рыбаков Б.А., 1953, с. 69, рис. 13). Ближайшей аналогией данному украшению является цепь из Новоодесского клада. Орнаментация на внешней стороне звеньев цепи из Мохнача, возможно, имитирует проволочную навивку. Подобная цепочка происходит также из жилища № 1 поселения Выбли киевской культуры (Терпиловский Р.Б., 1984, с. 100, табл. 7, *4*).

8. Трапециевидные подвески с полукруглой верхней частью (4 экз.). Их высота 4,0–

4,4 см, ширина основания 2,8–3,5 см. По периметру подвески украшены двумя рядами точечного выпуклого орнамента, в свободном поле подвесок расположено по три выпуклины диаметром 0,3–0,4 см (рис. 2, *9*). Ближайшие аналогии происходят из Новоодесского и Козиевского кладов (Рыбаков Б.А., 1953, с. 69, рис. 13; Щеглова О.А., 1990, с. 198, рис. 7, *6*).

9. Крупные морские раковины с отверстиями для подвешивания (2 экз.). Одна сохранившаяся полностью "cerraea tigris", вторая с разрушенной спинкой, предположительно "cyrraea arabica". Раковины семейства циприи представлены в памятниках раннесредневекового времени в большинстве случаев раковинами "cyrraea monetae" и "ciprea pontiferinae" (Федоров Г.Б., 1960, с. 174). Близкие по внешнему виду и размерам мохначским раковины известны только по материалам ряда черняховских могильников (Березовец Д.Г., Петров В.П., 1960, с. 94; Винокур И.С., 1979, с. 120, рис. 14, *8*; Сымонович Э.А., 1960, с. 235, табл. XV, *73*; 1979, с. 67, рис. 3, *25*; Федоров Г.Б., 1960, с. 312, рис. 17, *3*). Но в черняховской культуре неизвестны случаи их парного положения в могилу.

10. Бронзовые литые круглые слегка выпуклые бляхи-пуговицы диаметром 3,5–3,8 см с прямоугольной петелькой на обратной стороне (3 экз.). Петелька расположена перпендикулярно к бляхе и смещена от центра (рис. 3, *11*). Ближайшие аналогии представлены бляхами из Гапоновского клада (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 139, рис. 3, *3*). Аналогичные по назначению предметы известны в Мартыновском кладе (Приходнюк О.М. и др., 1993, с. 270, рис. 5,*14, 16, 17*), а также встречены на могильнике № 2 у с. Великая Андрусовка (Березовець Д.Т., 1969, с. 66, рис. 2, *3*).

11. Бронзовые конические колокольчики с внутренней петлей для подвешивания язычка (6 экз.) (рис. 3, *12*). Подобные колокольчики широко представлены в ряде антских кладов (Козиевский, Новоодесский, Суджанский, Гапоновский) (Рыбаков Б.А., 1949, с. 69, рис. 13; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 39, рис. 3, *6, 7*).

12. Трапециевидная бронзовая подвеска с чеканным орнаментом по краям и центру (рис. 2,*11*). Аналоги известны в кладах из Суджи, Хацки, Гапоново (Рыбаков Б.А., 1949, с. 55, рис. 7а, с. 64, рис. 11; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 139, рис. 3, *2*).

13. Полые трубочки-пронизки (не менее 25 экз.) диаметром 0,5 см, свернутые из бронзового листа толщиной 0,05 мм (рис. 2, *8*). Аналогичные подвески известны в Козиевском, Новоодесском, Хацковском, Гапоновском кладах (Рыбаков Б.А., 1949, с. 66, 67; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 138, рис. 2, *12*).

14. Перстень со спиралевидным щитком, изготовлен из бронзовой полосы шириной 0,5 и толщиной 0,1 см (рис. 3,*4*). Перстень аналогичного типа происходит с поселения Сушки (Славяне..., 1989, с. 248, рис. 51, *23*).

15. Сегменторамчатая безщитковая бронзовая пряжка (рис. 3, *7*). Пряжки подобного типа имеют широкие хронологические рамки и огромные ареал распространения (Ковалевская В.Б., 1979, с. 15, табл. 1, *1*).

16. Круглая штампованная бронзовая бляшка диаметром 2,2 см (рис. 3, *9*).

17. Круглые бронзовые штампованные бляшки диаметром 1,8 см (4 экз.). Обратная сторона бляшек вогнутая, заполнена массой свинцовистого цвета с запрессованной в ней бронзовой скобообразной пластинчатой петелькой (рис. 3, *10*). Аналогичные бляшки известны в Мартыновском кладе (Приходнюк О.М. и др., 1993, с. 266, рис. 1, *11–13*).

18. Бронзовый наконечник пояса коробчатой формы длиной 4,0 см, шириной 1,5, и толщиной 0,3 см (рис. 3, *8*). Подобные наконечники характерны для памятников степного круга (Славяне..., 1989, с. 329, рис. 67, *8*), встречены они также в кладах из Мартыновки и Хацков (Приходнюк О.М. и др., 1993, с. 268, рис. 2, *4*; Рыбаков Б.А., 1953, с. 55, рис. 7*а*).

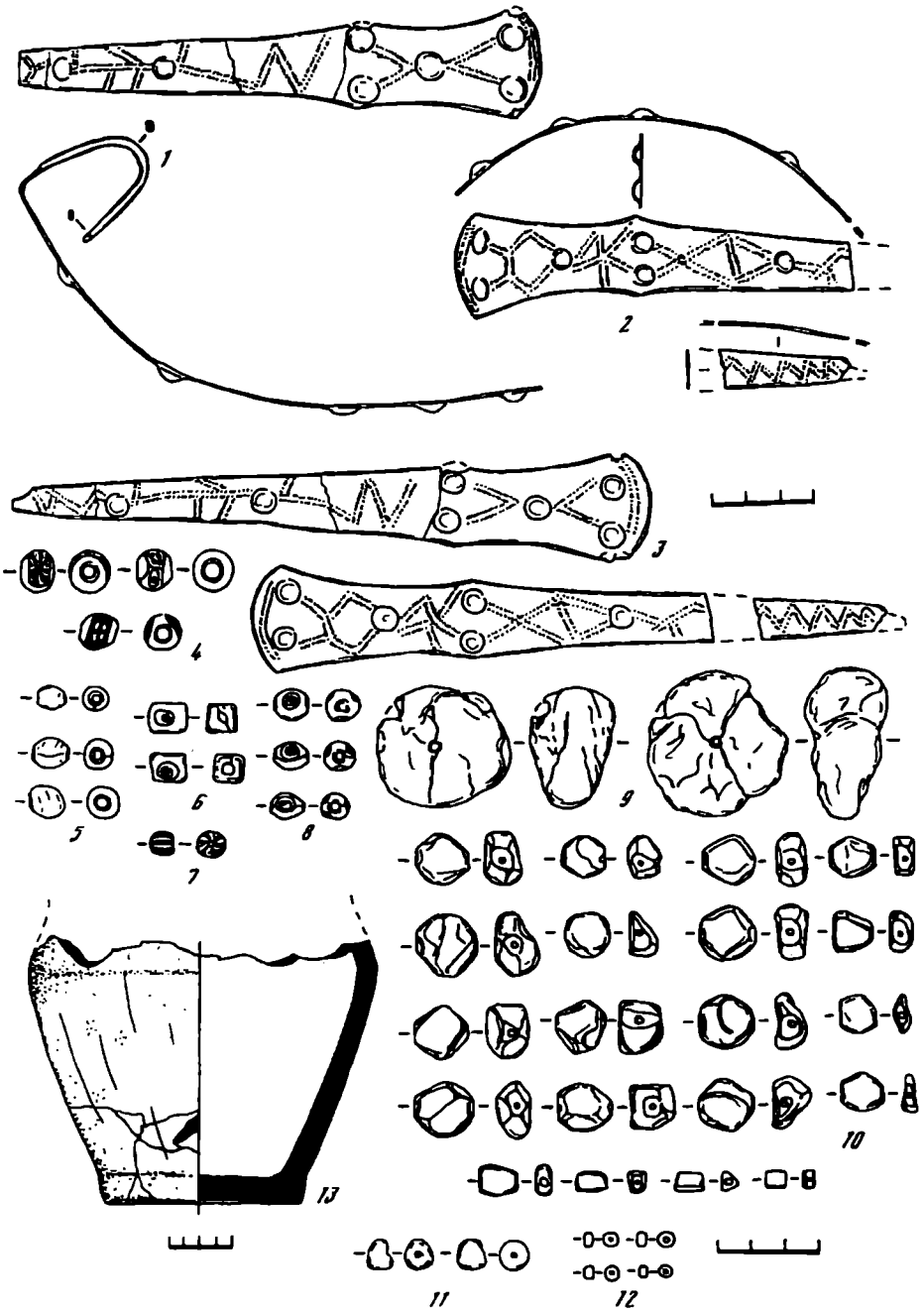


Рис. 4. Находки из погребения у с. Мохнач. *1–3* – бронза; *4–8, 12* – стекло; *9, 10* – янтарь; *11* – роговик; *13* – глина

19. Бронзовые массивные браслеты с расширяющимися и заходящими друг за друга концами (2 экз.). Размеры браслетов 6,5–6,9 см. Толщина браслетов в средней части 0,7–0,8 см, толщина на концах 1,2–1,3 см. Концы браслетов с внешней стороны украшены насечкой из параллельных линий, образующих елочный орнамент (рис. 3, *5, 6*). Подобные браслеты в материалах пеньковской, пражской культур представлены достаточно широко (Баран В.Д., 1988, с. 21, рис. 12, *11*; Терпиловский Р.В., 1984, с. 103, табл. 10, *1*; Славяне..., 1989, с. 241, рис. 48, *20*).

20. Крупные лепешковидные янтарные бусины диаметром 4–4,5 см (2 экз.) (рис. 4, *9*).

21. Слабообработанные уплощенноромбической формы янтарные бусины среднего и мелкого размера (115 экз.) (рис. 4, *10*). Подобные бусины характерны для крымских

и причерноморско-кавказских могильников VI–VII вв. н.э. (Деопик В.Б., 1961, с. 201, табл. 1; 1963, с. 142). По количеству янтарных бус в погребении мохначский комплекс может быть сравним с наиболее богатыми захоронениями могильников Суук-Су (погр. № 68) (Репников Н.И., 1906, с. 21, *22*). На территории Днепровского лесостепного Левобережья, подобные янтарные бусы встречены в Суджанском и Гапоновском кладах (Рыбаков Б.А., 1949, с. 81; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995, с. 140, рис. 4, *9–11*).

22. Шарообразные бусины из роговика (2 экз.) (рис. 4, *11*).

23. Бисер темно-синего цвета (19 экз.) (рис. 4, *12*).

24. Элипсовидные бусины красно-кирпичного цвета (11 экз.) (рис. 4, *5*).

Аналогичные бусы встречены в захоронениях раннего слоя Суук-Су (Репников И.И., 1906, табл. II, *35*), одна бусина обнаружена в слое VI–VII вв. н.э. на Зимновском городище (Aylix B.B., 1972, с. 83).

25. Граненные пастовые бусины черного цвета с глазками черно-желто-красного цвета (по одному на каждой грани) (6 экз.), четко прослеживается шов (след сварки) (рис. 4, *6*). Типологически близкие бусы найдены в Суджанском кладе (Рыбаков Б.А., 1949, с. 81).

26. Пластовая полосатая желто-зеленая бусина бочковидной формы (рис. 4, *7*).

27. Эллипсовидные глазчатые пастовые бусины зеленого цвета с зелено-желто-красными глазками (по три на бусине) (6 экз.). На некоторых бусинах глазки отслоились, были утеряны, но площадки от выпавших глазков заметны довольно хорошо (рис. 4, *8*).

28. Шарообразные мозаичные пастовые бусы (3 экз.) (рис. 4, *4*).

29. Фигурная слабоизогнутая бронзовая пластина с проволочной петлей на одном из концов. Пластина от конца с петлей постепенно расширяется до 2,6 см, далее плавно сужается до 2,2 см и снова расширяется до 3,4 см. Толщина пластины 0,1 см. Поверхность пластины украшена семью выпуклинами диаметром 0,8 см, пространство между которыми покрыто мелкими насечками, образующими сложный зигзагообразный орнамент (рис. 4, *1*), который, возможно, несет семантическую нагрузку.

30. Фрагменты аналогичной пластины, орнамент которой несколько отличается от орнамента вышеописанной пластины (рис. 4, *2*). По всей видимости, данные пластины составляли часть головного украшения типа венца, а их петлеобразные концы предназначались для подвешивания височных колец. Конструкцию головного убора в целом восстановить не представляется возможным, но принадлежность пластин к головному убору подтверждается тем, что между височными костями черепа через лобную кость проходит полоса окислов, по своим размерам полностью соответствующая размерам пластины. Типологически близкая пластина, но принятая за фрагмент шейной гривны, происходит из Мартыновского клада (Приходнюк О.М. и др., 1993, с. 269, рис. 4, *9*).

31. Фрагмент глиняного горшка (рис. 4, *13*). Сохранились только дно и половина придонной части до наибольшего расширения тулова. Однако все изломы на фрагментах имеют свежий характер и, скорее всего, в захоронении находился целый горшок, который был не замечен рабочими, разбит и большей частью выброшен в отвал. Предпринятые усилия по списку недостающих фрагментов горшка оказались тщетными. Диаметр дна сосуда 12,2 см, диаметр наибольшего расширения тулова 21,3, высота придонной части 14,3, толщина дна 1,4–1,6, толщина стенок в придонной части 0,9–1,0, верхней части тулова 0,7–0,8 см. Дно горшка вогнуто и имеет небольшую закраину. Нижняя часть тулова слегка выпукла и отделена от верхней части сосуда посредством слабовыраженного ребра. Сосуд изготовлен с использованием техники ручной лепки без применения гончарного круга. В качестве примеси использовались песок и шамот. Поверхность горшка слегка заглажена снаружи и внутри пучками травы. Местами поверхность бугристая, иногда проступают крупные зерна шамота. Цвет поверхности горшка неоднородный: снаружи сосуд покрыт пятнами серого,

Рис. 5. Реконструкция женского костюма по материалам погребения (художник Ю.Е. Титинюк)

светло-бурого или желтого цветов, внутри имеется нагар черного цвета, что свидетельствует о возможном разведении огня внутри горшка. В изломе горшок трехцветный: красно-бурого, черного, светло-бурого цветов. По составу теста, технологии изготовления и внешнему виду данный сосуд полностью соответствует керамике с лесостепных памятников Днепро-Донецкого междуречья V–VII вв. н.э. Отсутствие верхней части не позволяет отнести данный сосуд к конкретному типу.

Реконструкции женских уборов, предложенные рядом исследователей (Рыбаков Б.А., 1953, с. 83; рис. 19; Щеглова О.А., 1990, с. 198, рис. 7), основаны на материалах кладов, состав которых мог как дублировать отдельные категории вещей, так и не содержать ряд важных элементов убора, клады не могут дать достаточно достоверного представления о полном наборе украшений, имевшем место в реальной жизни, и о количественном соотношении предметов, используемых в традиционном наряде. Несмотря на отсутствие фиксации размещения погребального инвентаря в захоронении из Мохнача in situ, мы впервые имеем полный состав украшений, представляющий комплект одного наряда, что позволяет предположить нам его реконструкцию (рис. 5). Данный наряд вряд ли имел повседневный характер и, вероятно, использовался только в исключительных случаях, связанных с пограничными моментами жизни человека (рождение, свадьба, похороны). На близость родильных, свадебных и похоронных обрядов неоднократно указывали исследователи (Еремина В.И., 1991). Обычай же хоронить в свадебных одеждах отмечен у многих народов мира. Принадлежность вышеописанных украшений к праздничному наряду, возможно, объясняет редкость таких находок на поселениях и широкую представленность в кладах, где они хранились для будущих брачных или погребальных це-

ремоний. На свадебно-праздничный характер наряда погребений указывает состав инвентаря, состоящий исключительно из предметов, являющихся социальными и возрастными маркерами и выполняющих одновременно функции апотропеев. Особое богатство и разнообразие украшений, по данным этнографии, характерны для наряда девушки-невесты и замужней женщины до рождения первого ребенка (Сабурова М.А., 1988, с. 266, 267). Возможно, пара морских раковин, подвешенная на груди, является именно тем репером, благодаря которому отличали замужнюю, но еще не рожавшую женщину от находившейся на более высоком социально значимом уровне женщины-матери. Для костюма последней, предположительно, характерно нагрудное украшение в виде пары умбоновидных подвесок (Лучистое, склеп 54, погр. 20) (Айбабин А.И., 1990, с. 235, рис. 56). Умбоновидные бляхи (семантический смысл: умбон – щит – защита, охрана, сохранение) при их расположении на груди были призваны оберегать значимую часть тела женщины-матери – грудь (сосок, материнское молоко).

Датировка рассматриваемого комплекса, как это видно из предложенных аналогий, находится в плоскости решения вопроса о датировке I группы кладов "древностей антов" (Мартыновского, Козиевского, Колосковского, Суждanского, Новоодесского и др.). Время закрытия кладов определяется исследователями неоднозначно: от второй половины VI до начала VIII в. н.э. Из всей совокупности инвентаря мохначского погребения наиболее чутким хронологическим показателем являются фибулы, тогда как хронология некоторых вещей неразработана, а другие имеют слишком широкие хронологические рамки. Датировка представленных в погребении пальчатых фибул является предметом острых дискуссий. Ее определяют в рамках второй половины VI – первой половины VII в. н.э. по материалам Суук-Су (Пудовин В.К., 1961, с. 184; Werner I., 1950, S. 164), что до недавнего времени считалось общепризнанным. В последнее время наметилась тенденция к омоложению (по материалам Крыма) данной категории вещей. Так, А.К. Амброз счел возможным отнести существование пальчатых фибул ко второй половине VII в. н.э. (Амброз А.К., 1988, с. 11), А.И. Айбабин датирует время их бытования в Крыму второй четвертью – концом VII в. н.э. (Айбабин А.И., 1988, с. 8). Учитывая тот факт, что днепровские фибулы попали в Юго-Западный Крым в уже сложившемся виде и употреблялись здесь совсем недолго (Амброз А.К., 1988, с. 9), логично предположить как более раннее их появление, так и более длительное их бытование в лесостепном Поднепровье. Поэтому к переносу хронологии пальчатых фибул днепровского типа из могильников Крыма непосредственно на материалы с памятников пеньковской культуры необходимо подходить осторожно. Хронологические рамки существования широкопластинчатых подвязных шарнирных фибул, вызывают меньше споров. Время появления данного типа фибул в Среднем Поднепровье относится исследователями к началу VII в. н.э., а их употребление продолжалось до VIII в. н.э. (Горюнов Е.А., Казанский М.М., 1978, с. 29; Кухаренко Ю.В., 1959, с. 145). Все вышесказанное при наличии в погребальном инвентаре вещей, характерных для более раннего времени (перстень со спиралевидным щитком, наконечник пояса коробчатого типа, безщитковая поясная пряжка, морские раковины, браслеты с сильно расширяющимися и заходящими друг за друга концами, плохо обработанные янтарные бусы), позволяет датировать захоронение у с. Мохнач в рамках от VI–VII до середины VII в. н.э.

Оперируя материалами одного, пусть даже очень яркого погребения, весьма рискованно делать выводы, касающиеся этнокультурной принадлежности той или иной группы памятников. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что в трупосожжениях, относимых к пеньковской культуре, погребальный инвентарь очень беден (Приходнюк О.М., 1980, с. 78), а вещи, аналогичные вышеописанным, известны только по единичным находкам на поселениях, кладам и, как ни странно, погребениям, совершенным по обряду ингумации (Авенариус Н.П., 1896, с. 184; Бобринский А.А., 1894, с. 29, 118, 149; Данилевич Е.А., 1905, с. 428; Рафалович И.А., 1973а, с. 25; 1973б, с. 141–143; Рафалович И.А., Лапушнян В.Л., 1974, с. 138; Рыбаков Б.А., 1953, с. 76,

прим. 1). Все это наводит на мысль, что данные наборы украшений характерны, по-видимому, для узкого социального слоя населения, этнически неоднородного по своему составу, как это было почти повсюду в эпоху раннего средневековья с ее массовыми миграциями и смешением населения. Поэтому, если со славянским населением традиционно связывают погребальные памятники по обряду кремации, то захоронения по обряду ингумации (как курганные, так и бескурганные) в зоне распространения пеньковской культуры и с вещами пеньковского круга указывают на наличие в пеньковской культуре этнически иного компонента. Таким компонентом могли быть, если судить по захоронению у с. Мохнач, сармато-аланские племена. Конструкция погребального сооружения в виде подбоя, юго-западная ориентировка погребенного – достаточно часто встречаемые элементы погребального обряда в памятниках поздних сарматов. Да и в инвентаре погребения из Мохнача имеются вещи, уходящие своими корнями в сармато-аланскую среду. Это перстень со спиралевидным щитком (Степи..., 1989, с. 360, табл. 59, *32*), браслеты с утолщенными концами (Вірлич А.Е., 1965, с. 117, 118), поясная безщитковая пряжка (Амброз А.К., 1971, с. 101, рис. 2, *2*). Некоторые исследователи считают сармато-аланской традицией ношение пары одинаковых фибул (Кишш А., 1995, с. 85). Довольно часто в позднесарматских захоронениях встречаются выполняющие роль оберегов морские и речные раковины (Высотская Т.Н., 1994, с. 136). На значительную роль в создании пеньковской культуры сармато-аланского населения указывали такие исследователи, как М.И. Артамонов, И.П. Русанова, В.В. Седов (Артамонов М.И., 1969, с. 8; Русанова И.П., 1976, с. 111, 112; Седов В.В., 1990, с. 177). Это мнение из-за недостаточного количества материалов не получило широкого признания. Если принять во внимание доказанность участия сарматского элемента в формировании черняховской культуры (Баран В.Д., 1981, с. 158), то факт присутствия иранского этноса в лесостепи покажется не таким уж нереальным. Подтверждением этого служат находки производственных комплексов типа Канцирка, которые вполне обоснованно связывают с сармато-аланами (Мінаева Т.М., 1961).

Таким образом, мы получили еще один факт, который свидетельствует о более глубоком, чем это считалось ранее, проникновении сармато-аланских элементов культуры в среду славянского населения. Несмотря на длительное совместное проживание, единую политическую историю (учитывая и время существования черняховской культуры), сармато-аланский компонент не до конца еще растворился в иноэтничной среде, на что и указывают отдельные черты погребального обряда захоронения у с. Мохнач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авенариус Н.П., 1896. Поставмукские курганы // Зап. Русского археологического о-ва. VIII. Вып. 1–2. СПб.

Айбабин А.И., 1998. Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Тр. V МКАС. Т. 4. Киев.

Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I.

Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2.

Амброз А.К., 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и руси. М.

Артамонов М.И., 1969. Етническата принадлежности историческата значение на пастирската культура // Археология. № 3.

Ауліх В.В., 1972. Зимнівське городище. Київ.

Баран В.Д., 1981. Черняхівська культура. Київ.

Баран В.Д., 1988. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев.

Березовець Д.Т., 1969. Могильники уличів у долині р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитності. Київ.

Березовец Д.Г., Петров В.П., 1960. Лохвицкий могильник // МИА. № 82.
Бобринский А.А., 1984. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб.
Винокур И.С., 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.
Вірлич А.Е., 1965. Сарматське поховання в Білозерському районі Херсонської області // Археологія. Вип. 15.
Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1995. Гапоновский клад (предварительная публикация) // РА. № 4.
Горюнов Е.А., Казанский М.М., 1978. О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА. Вып. 155.
Данилевич Е.А., 1905. Раскопки курганов около с. Буды и х. Березовки Ахтырского уезда Харьковской губернии // Тр. ХИ АС. Т. 1. СПб.
Деоник В.Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3.
Деоник В.Б., 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // МИА. № 114.
Еремина В.И., 1991. Ритуал и фольклор. Л.
Кишш А., 1995. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Alanica III. Аланы: история и культура. Владикавказ.
Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии VI–IX вв. Пряжки. // САИ. Е1–2. М.
Кухаренко Ю.В., 1959. Широкопластинчатые фибулы // КСИИМК. Вып. 74.
Ляпушкин И.И., 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. № 104.
Мінаева Т.М., 1961. Кераміка балки Канцерки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. Т. 13.
Приходнюк О.М., 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Приндіпров'я VI–IX ст. н.е. Київ.
Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А., 1993. Мартыновский клад // МАИЭТ. Т. III. Симферополь.
Пудовин В.К., 1961. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. № 1.
Рафалович И.А., 1973а. Исследования раннеславянских поселений в Молдавии // Археологические исследования в Молдавии в 1970–1971 гг. Кишинев.
Рафалович И.А., 1973б. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев.
Рафалович И.А., Лапушнян В.Л., 1974. Работы Реутской археологической экспедиции // Археологические исследования в Молдавии (1972 г.). Кишинев.
Репников Н.И., 1906. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. Вып. 19.
Русанов И.П., 1976. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.
Рыбаков Б.А., 1949. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. XXVII.
Рыбаков Б.А., 1953. Древние Русы // СА. Т. XVII.
Сабурова М.А., 1988. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и руси. М.
Седов В.В., 1990. Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.
Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, 1989. М.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М.
Сымонович Э.А., 1960. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре // МИА. № 82.
Сымонович Э.А., 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры. М.
Терпиловский Р.В., 1984. Ранние славяне Подвесенья III–V вв. н.э. Киев.
Федоров Г.Б., 1960. Малаештский могильник (памятник черняховской культуры в бассейне реки Прут) // МИА. № 82.
Щеглов О.А., 1990. О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Werner J., 1950. Slawische Bugelfibel des 7. Jahrhunderts // Reihecke Festschrift. Mainz.

Харьковский Исторический музей

V.S. AKSENOV, L.I. BABENKO

BURIAL OF THE 6th–7th CENTURIES AD NEAR THE VILLAGE MOKHNACH

Summary

The paper introduces materials on the burial dating to the 6th–7th century AD found near the village Mokhnach of the Kharkov region. The burial was made in a pit with a special niche at a depth of 2.70 m and was rich with funeral goods (more than 20 items): lock rings, collar neck-rings, finger and wide lamella fibulas, a chest chain, marine shells, pendants, bells, badges, a buckle, a belt head, bracelets, a fingering, glass and amber beads (117 samples of amber beads), a body ornament in the form of a couple of bronze plates with a concave loop, a clay pot etc. The appearance of the dead is being reconstructed now. Based on the developed chronology of fibulas, the dating of the burial is established: the turn of the 6th – the 7th – the middle of the 7th centuries AD. Specific traits of the burial design, southernwestern orientation as well as certain objects of the burial goods show that the burial belongs to the Sarmatian-Alan tribes that were one of ethic components of the Penkovo culture.

Т.Ю. ЗАКУРИНА

ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩИЙ КОМПЛЕКС В СРЕДНЕМ ГОРОДЕ ПСКОВА

В Пскове, как и в других древнерусских городах, во время археологических раскопок частыми находками являются остатки металлургического и железообрабатывающего ремесел, представленные шлаками и крицами. Отметим, что термины "шлак" и "крица" используются условно – так, как они даются в отчетной документации. В представляемых же ниже материалах эти термины уточняются в ходе изложения. Шлаки и крицы встречены практически во всех районах города, где осуществлялись археологические исследования: в Кремле, Довмонтовом, Среднем и Окольном городе, на Завеличьи и Запсковьи. В нескольких местах следы производства и обработки железа представлены не отдельными находками, а целыми комплексами, которые определяются авторами раскопок как железоплавильные горны или остатки кузниц (Белецкий В.Д., 1966; Гроздилов Г.П., 1962; Тараканова С.А., 1950; Харлашов Б.Н., 1992).

В Среднем городе Пскова, в пределах стены 1309 г. следы ремесленного производства, связанного с обработкой и выплавкой железа, отмечены в нескольких местах. Особенно интересный и полный материал для характеристики ремесленного производства средневекового города и посада дали исследования в восточной части Среднего города (рис. 1). Обширная площадь сплошных раскопок, а также само местоположение участка обусловили характер полученных результатов. Здесь практически на всей исследованной площади встречены находки шлаков и, возможно, криц.

В центральной и крайней восточной частях этого участка обнаружено несколько комплексов построек, связанных с работой по железу. Остатки построек залегали в нескольких строительных ярусах, что указывало на длительное и устойчивое существование выявленных комплексов.

По данным многих исследователей древнерусских городов, ремесленники, связанные с горячей обработкой металлов, обычно локализовались на периферии заселенной территории, ближе к источникам воды (Рыбаков Б.А., 1948, с. 210, 596; Колчин Б.А., 1953, с. 56).

Многолетние исследования в Среднем городе Пскова дают возможность оценить характер древнего рельефа местности в этой части городской территории. Этой оценке в значительной степени способствует и наличие письменных упоминаний, связанных с топонимикой.

В XIV–XV вв. на рассматриваемой территории располагались Остролавицкий, Городецкий и Боловинский городские концы (Лабутина И.К., 1945, с. 133). Названия двух из этих концов исследователи связывают с существованием в этих местах лавиц ("лав") – мостков через топкие места. Отсюда – Острая лавица (Лабутина И.К., 1985, с. 136, 137). Отмечены также летописные известия о существовании Боловиной лавицы, а существительное "боловье" означает рой, столб мошек, комаров (Историческая записка..., 1991, с. 8). Еще один топоним – Врагова улица – наводит исследователей на мысль о существовании здесь в древности оврага (Лабутина И.К., 1985, с. 135), который должен был проходить недалеко от границы Боловинского и Остролавицкого концов. Кроме того, с данной территорией исследователи связывают

© Т.Ю. Закурина, 1998 г.

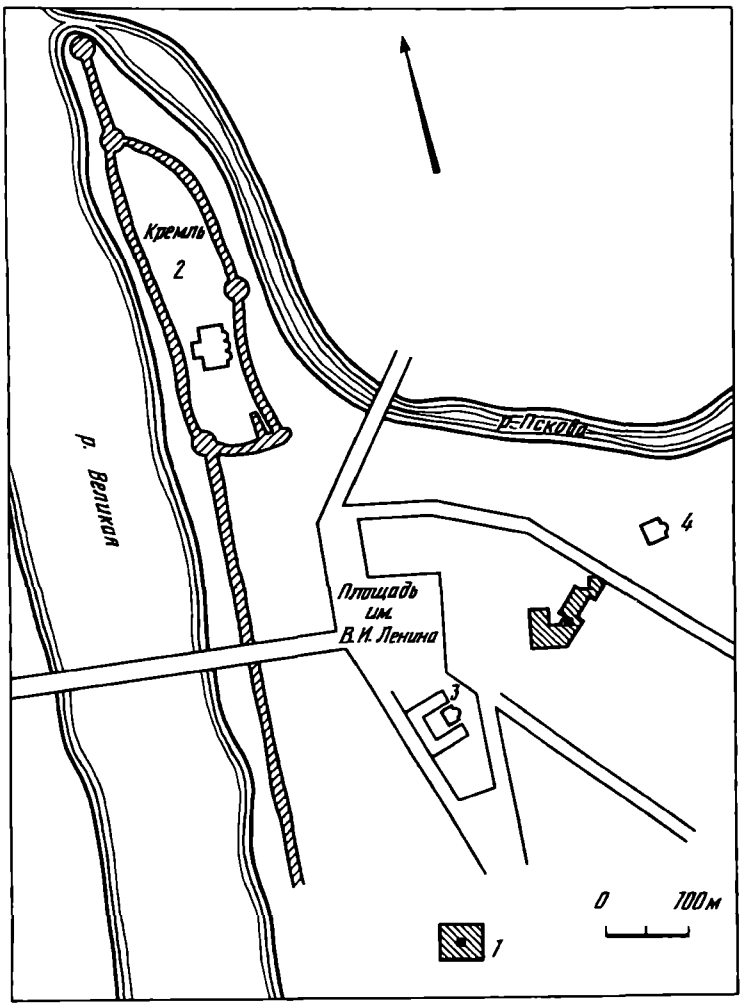


Рис. 1. Схема расположения археологических раскопок в Пскове с обозначением местонахождения железообрабатывающего комплекса. *1* – раскоп с остатками железообрабатывающего комплекса; *2* – Кремль; *3* – Церковь Михаила и Гавриила архангелов; *4* – Церковь Петра и Павла

местоположение церкви Георгия на Болоте (предположительно XIII в.) (Лабутина И.К., 1985, с. 42). В центральной части этой территории археологические исследования выявляли естественное всхолмление, окруженное более низкими местами, перепад высот иногда доходит здесь до 4 м (Историческая записка..., 1991, с. 12). Таким образом, мы имеем дело с территорией, которая при первоначальном ее освоении имела пересеченный рельеф местности и несколько близко расположенных друг к другу источников воды (овраг, болото, р. Пскова).

По данным археологии, первоначальное освоение этой территории относится к X в. и связано с существованием здесь древнерусского некрополя, а самая ранняя жилая застройка датируется концом XI в. В это время постройки начинают распространяться непосредственно на территорию некрополя. В момент заселения эта территория была периферийной по отношению к укрепленной части города и находилась от нее на расстоянии примерно 0,5 км. Городские стены, опоясавшие ее, появляются только в конце XIII в. или в 1309 г. (Лабутина И.К., 1985, с. 40; Алешковский М.Х., 1978, с. 120).

Исследования 1980–1990-х годов дали значительный материал для оценки характера занятий посадкого населения. На уровне отложений времени первоначального заселения территории здесь были встречены самые ранние следы работы по железу

не только в виде отдельных находок шлаков и криц, но и целых комплексов построек с большими их скоплениями (Плоткин К.М., Степанов С.В., 1991).

В настоящей работе мы подробно остановимся на одном из исследованных комплексов, существование которого приходится на время включения этого района посада в состав городской территории. При описании комплекса будет использован термин "двор". Необходимо отметить, что в данном случае он используется условно, о чем более подробно будет сказано ниже.

Ряд признаков указывает на то, что мы имеем дело с устойчивым комплексом построек: 1) возможность выделения границ комплекса, остающихся неизменными в течение всего периода его бытования; 2) конструктивные особенности построек, указывающие на их функциональное назначение; 3) наличие следов ремесленной деятельности в виде крупных скоплений шлаков, сконцентрированных в пределах комплекса и связанных с постройками; 4) наличие вещевого материала, характеризующего занятия владельцев.

При анализе остатков застройки мы будем исходить из относительной датировки построек в пределах двора. Прежде всего привлекаются стратиграфические наблюдения, особенности планировки, анализ вещевого материала, а также имеющиеся данные дендрохронологии, которые охватывают отрезок времени от 1258 до 1329 г.[1].

По уточненным сведениям, полученным на материалах близлежащих раскопов, на данный отрезок времени приходятся остатки застройки 6–8 строительных ярусов (Лабутина И.К., 1988, с. 10; Кулакова М.И., 1988, с. 20, 21). Выделяется несколько периодов существования двора ремесленников. Рассмотрим более подробно каждый из них.

В первом периоде ремесленный комплекс появляется как автономное образование: выделяются его границы, строятся производственные сооружения, появляются следы ремесленной деятельности (рис. 2. *1*).

Двор – прямоугольный в плане с почти строгой ориентировкой по сторонам света (длина по оси север – юг 16 м, по оси запад – восток – 8 м). Северо-западный угол двора остался за пределами раскопа. На уровне отложений первого периода существования двора были прослежены остатки частокольного ограждения по всему его периметру, кроме западной границы. Четко выявляется планировка двора.

В северо-восточном углу располагалась каркасно-столбовая постройка, заглубленная в землю. Прямоугольная в плане, она представляла собой столбовую конструкцию с опорными столбами по углам размером 1,4×1,2 м (высота столбов 2,32–2,38 м, диаметр 0,24–0,3 м). В вертикальные пазы столбов были забраны стенки из досок и плах, затесанных на концах по форме паза. Местами конструкции постройки носили следы огня. Опорные столбы дали порубочные даты: 1287, 1296, 1299, 1302 гг. В заполнении постройки (в верхней части) – земля, перемешанная с кусками шлака (мощностью до 0,5 м): в нижней части – темно-коричневая земля, рыхлая, с древесным тленом, щепой, известняковым щебнем и углями (мощностью до 1,4 м). Среди находок – детская туфля, фрагмент навесного цилиндрического замка, множество фрагментов кожаной обуви. Замок по устройству ключевого отверстия может быть отнесен к одному из вариантов типа В (по Б.А. Колчину), который доживает до начала XV в. Очевидно, деревянные конструкции постройки служили обкладкой хозяйственной ямы. Об этом свидетельствуют как не устройство, так и характер заполнения.

С западной стороны к постройке примыкало большое скопление шлака, которое занимало всю центральную часть двора (площадь более 20 м^2, мощность 0,4–0,5 м).

В юго-западной части двора зафиксирован угол сруба, сохранившийся на высоту одного венца. Сруб ориентирован в соответствии с границей двора. Открыты фрагменты северной и западной его стен с подкладками из обрубков тонких бревен. Сруб

---

[1] Дендрохронологические определения сделаны сотрудницей Псковского археологического центра М.И. Кулаковой.

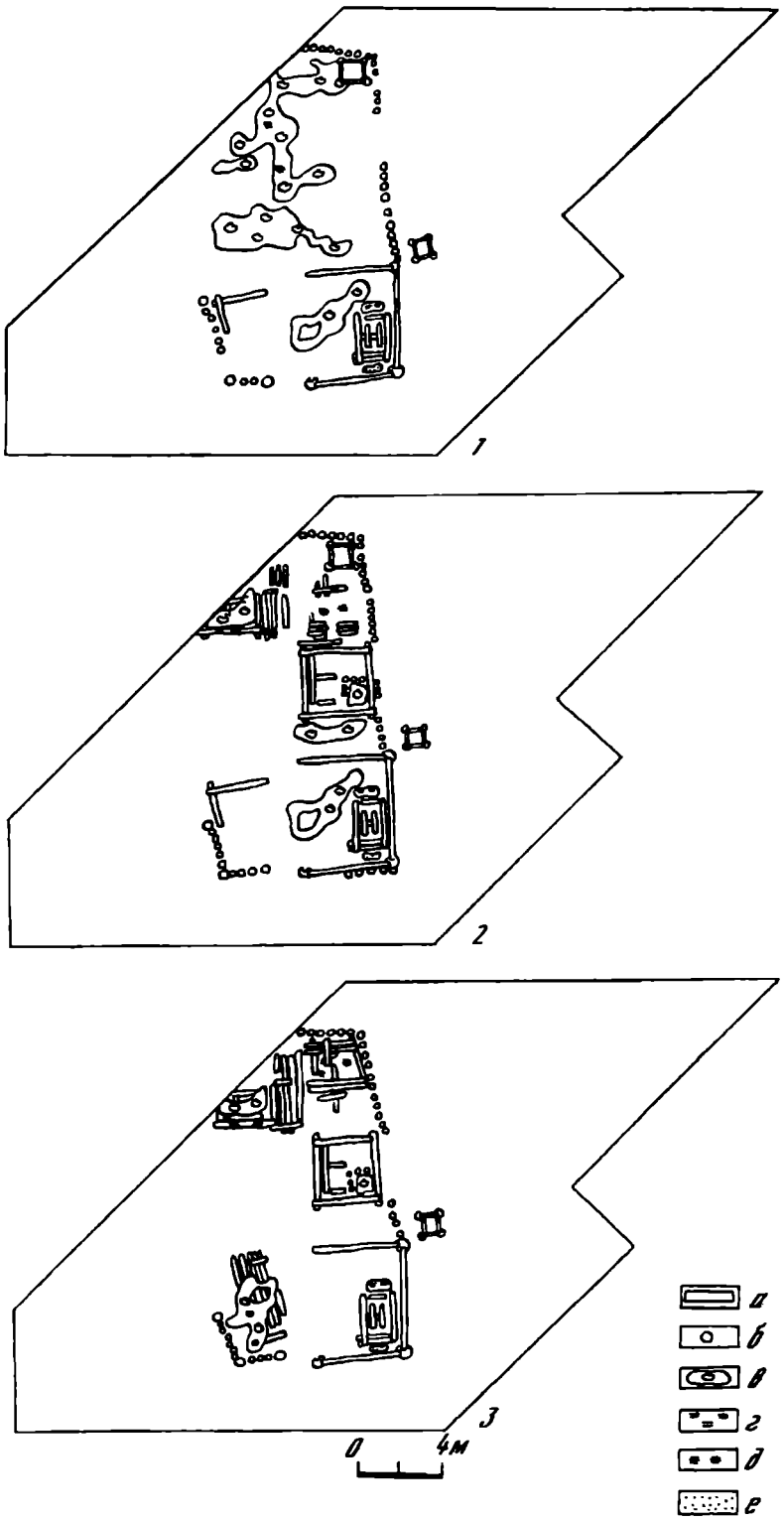


Рис. 2. Планы размещения железообрабатывающего комплекса по периодам существования комплекса. *1* – первый период; *2* – второй период; *3* – третий период

а – бревно; *б* – столб; *в* – скопление шлака; *г* – обожженная глина; *д* – уголь; *е* – песок

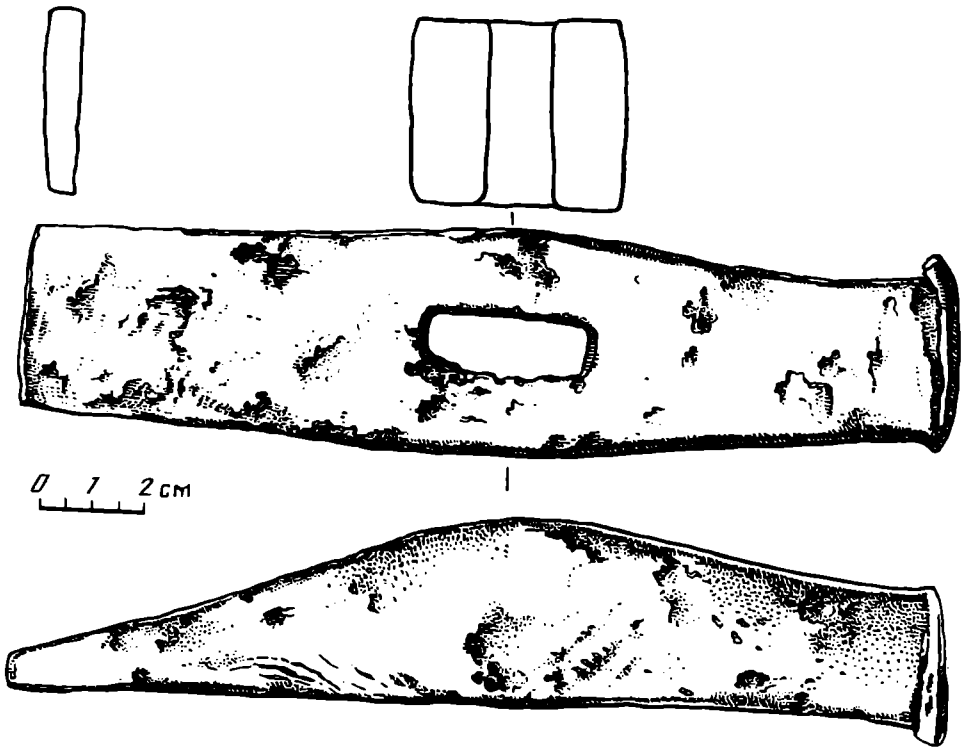


Рис. 3. Кузнечный молот

рублен в обло с выпуском концов, дерево носит следы огня. Дендрохронологические образцы дают порубочные даты: 1312, 1313 гг. Признаки, указывающие на функциональное назначение сруба, отсутствуют. Конструкции сруба залегали в черной земле с большим содержанием углей.

В юго-восточном углу двора располагалась каркасно-столбовая постройка размерами 5×4,2 м. Сохранились три угловых опорных столба (высота 0,7–0,9 м, диаметр 0,4 м) с вертикальными пазами, в которых были забраны концы жержей (по одной-две с каждой стороны). Южная и восточная стены постройки служили продолжением частокольного ограждения. В пределах постройки – в ее юго-восточном углу – открыты остатки срубного опечка, сохранившегося по всему периметру на один венец. Опечек рублен в обло с выпуском концов. В пределах сруба – остатки плохо сохранившихся внутренних деревянных конструкций, размеры его 2×2,8 м. С северной и южной сторон выявлены скопления глины, обожженной глины и песка мощностью до 0,1 м, находящиеся в пределах сруба и несколько перекрывающие его конструкции.

В пределах каркасно-столбовой постройки обнаружены скопления шлака (площадь 4×6 м, мощность 0,2–0,35 м), несколько выходящие за ее западную границу. Все деревянные конструкции постройки и срубного опечка были сильно обуглены. Культурный слой в пределах постройки черного цвета, с большим количеством углей и мелких колотых обожженных камней. Образцы дерева дают порубочные даты: 1309, 1311, 1312 гг. В срубном опечке обнаружены ключ-отмычка от деревянной задвижки и булавка с петлеобразной головкой, имеющие широкие рамки бытования. В пределах постройки в слое пожара найдены точильный брусок, два ножа, два шиферных пряслица, бронзовый пластинчатый тупоконечный браслет. Важнейшей находкой, обнаруженной в слое пожара, рядом с постройкой, является кузнечный молот (вес его 1 кг, длина 17,4 см, боек имеет размеры 3,5× 2,7 см, отверстие для рукоятки имеет прямоугольную форму) (рис. 3).

В юго-западном углу двора рядом с фрагментом сруба найдены бронзовый пластинчатый браслет с закрученными концами, синяя стеклянная бусина с линейной волнистой инкрустацией, пружина от комбинированного замка. Время бытования этих вещей не выходит за рамки середины XIV в. Со скоплениями шлака в центре

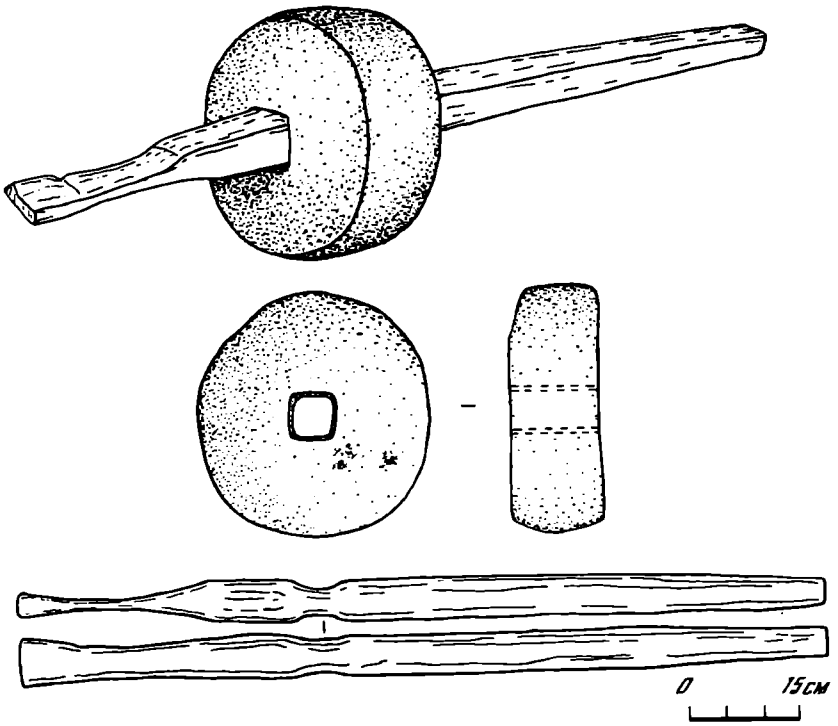


Рис. 4. Круглый наждачный камень на деревянной оси

двора связаны находки перстня, изготовленного из тупоконечного пластинчатого браслета, и литейной формы для отливки пуговиц.

Все постройки объединены одним признаком – наличием отходов производства или обработки железа. Данные дендрохронологии свидетельствуют если не об одновременном, то по крайней мере о незначительно отстоящем по времени возведении этих построек. Начальный период формирования застройки двора приходится, очевидно, на 1290-е – 1310-е годы.

Еще одна находка, которая могла иметь непосредственное отношение к ремесленной деятельности владельцев двора, была найдена за его пределами – близ восточной границы. На расстоянии около 1 м от стены производственной постройки на территории соседнего двора на дне небольшой каркасно-столбовой постройки был обнаружен круглый наждачный камень на деревянной оси (диаметр камня 43 см) (рис. 4). Конструкции постройки, как и деревянная ось, носила следы огня. В заполнении постройки выявлено большое количество углей, песка и обожженной глины. Местонахождение камня свидетельствует о том, что он был выброшен как ненужный предмет. Это могло произойти после пожара, при расчистке сгоревшего производственного сооружения на соседнем дворе. На территории двора, где был обнаружен камень, других следов ремесленной деятельности выявлено не было. Поэтому он скорее всего имеет отношение к материалам описываемого двора.

Второй период существования двора связан с появлением новых построек в его юго-восточной части (рис. 2, 2). На расстоянии около 2 м от северной стены производственной постройки появляется срубная постройка (3,3×3,7 м). Восточная стена сруба вплотную примыкала к частокольному ограждению. Сруб однокамерный, рублен в обло с выпуском концов. Сохранились три переводины пола, закрепленные способом сквозной врубки между первым и вторым венцами, и одна жердь, относящаяся к конструкциям пола. В юго-восточном углу сруба выявлен столбовой опечек. Он представлен вкопанными в землю столбами и плахами, прослеженными вдоль северной и западной его сторон, южная и восточная стороны примыкали вплотную к стенам сруба (размеры опечка 1,5×1,4 м). Развал печи представлен скоплением злака мощностью до 0,2 м, занимавшим все внутреннее пространство

опечка. При разборке шлака встречены куски обожженной глины, глины, мелкие угли, зола. С юга к стене сруба примыкало скопление шлака площадью около 4 м^2, мощностью до 0,2 м.

С северной стороны сруба прослежены остатки дворового настила, примыкавшего вплотную к стене сруба. Настил сооружен из тонких жердей и бревенчатых подкладок. Он занимал все пространство между срубом и каркасно-столбовой постройкой, располагавшейся в северо-восточном углу двора и существовавшей еще в первый период его бытования. Наличие настила указывало на местоположение входа в срубную постройку. Конструкции настила и частично сруба сильно обуглены, в пределах сруба – мощное пятно пожара. В границах сруба собраны обрывки кожаной обуви, обломки деревянных предметов, известняковое грузило. При разборке развала печи найден двусторонний костяной гребень без орнамента, перед входом в постройку при расчистке настила – обломки цилиндрического навесного замка и обломок стержневого ключа от нутряного замка. Все эти вещи одновременно бытуют в первой половине XIV в.

В крайней исследованной северо-западной части двора в этот период была сооружена срубная постройка, вошедшая в раскоп частично. Юго-восточный угол постройки находился на расстоянии около 2 м от северо-западного угла описанного сруба. Ориентирована постройка строго в соответствии со стенами сруба и краем настила, примыкавшего к ней. Полностью исследована северная стена постройки (ее длина 2,5 м), частично – восточная стена, имевшая общие подкладки с примыкавшим к ней настилом. Длина настила 3,6 м; очевидно, стена сруба могла иметь такую же длину, т.е. в целом размеры сруба могли быть 2,5×3,6 м. В пределах сруба были зафиксированы продольные деревянные конструкции (переводины пола?) с подкладками из известняковых плит, которые были перекрыты скоплением шлака мощностью до 0,3 м. Остатки сруба и настил местами носили следы огня.

Постройка, скорее всего, имела производственный характер. Об этом свидетельствуют ее удлиненная в плане форма, характер строительного материала, позволяющий говорить о его вторичном использовании, а также наличие шлака в пределах постройки.

Таким образом, второй период существования двора связан с функционированием двух-трех срубных и каркасно-столбовой построек, а также дворового настила и хозяйственной ямы в юго-восточном углу двора. Производственный комплекс получает почти законченный вид. Определить временной отрезок, на котором произошли планировочные изменения, невозможно, так как нет данных дендрохронологии для вновь возведенных построек. Однако этот отрезок должен был иметь место, так как между шлаковыми скоплениями первого периода в центре двора и нижними конструкциями возведенных на этом месте построек были зафиксированы культурные отложения мощностью 0,1–0,15 м.

Третий, и последний, период существования двора связан с изменениями планировки в его северо-восточном и юго-западном углах (рис. 2, *3*).

В северо-восточном углу двора прекратила свое существование каркасно-столбовая постройка, служившая для облицовки хозяйственной ямы. Дворовый настил, примыкавший к ней с южной стороны, занял весь угол двора, приблизившись вплотную к частокольному ограждению и перекрыв собой хозяйственную яму. Второй ярус настила был положен на место первого. Он представлял собой такую же конструкцию из продольных бревенчатых лаг и поперечных тонких жердей. Как и первый ярус настила, он сохранился фрагментарно.

Необходимо отметить, что конструкции первого яруса настила были сильно обуглены. Соседние же с ним постройки полностью не сгорели, так как сразу после того, как сгорел первый ярус настила, на его месте было возобновлено строительство. Очевидно, что в пожаре сгорела обкладка хозяйственной ямы, которая прекратила свое существование и была перекрыта настилом.

В юго-западном углу двора на расстоянии около 2 м от каркасно-столбовой

постройки появляется настил, покрытый мощным скоплением шлака, размерами 4,2×2,2 м. Он был выложен из досок и плах, опирающихся на тонкие бревна и имевшие следы вторичного использования. Настил вплотную примыкал к частокольному ограждению. В частоколе были выявлены остатки четырех крупных столбов, стоявших по контуру настила и, возможно, связанных с существованием здесь навеса. В целом настил вместе с каркасно-столбовой постройкой имел вид единого комплекса, объединенного как функционально, так и конструктивно.

При разборке настила были найдены несколько обломков деревянных предметов и обломок пластинчатого орнаментированного браслета. Вблизи настила и в пространстве между ним и каркасно-столбовой постройкой обнаружены точильный брусок и две бусины: цилиндрическая ребристая зеленого стекла и черная стеклянная с белой спиральной волнистой инкрустацией (общее время бытования – XIII в.). Возможно, бусины относятся к более раннему периоду существования двора.

Таким образом, в последний период двор сохранил основу своей планировки – все срубные постройки предшествующего периода и каркасно-столбовую постройку, к которой был пристроен настил с навесом.

Остановимся на оценке границ двора. Остатки частокола северной границы двора сохранились полностью. Здесь мы имеем целую серию результатов дендрохронологического анализа. Первоначальный вариант частокола дал одну дату – 1288 г. Позднее линия частокольного ограждения была отодвинута на 0,4–0,45 м к северу. Здесь порубочные даты находятся в промежутке между 1289–1304 гг. Восточная граница двора была обозначена как частокольным ограждением, так и стеной каркасно-столбовой постройки. В течение всего периода существования двора она не менялась. Порубочные даты – между 1289–1302 гг. Местами в частоколе прослежены признаки вычинки, когда колья вкапывались вплотную друг к другу перпендикулярно линии частокола. Южная граница двора также составлялась стеной каркасно-столбовой постройки и частоколом (имеется одна порубочная дата – 1329 г.). Здесь был выявлен промежуток между столбом постройки и крупным столбом частокола шириной около 2 м, который мог обозначать вход во двор. Ограждение западной границы двора сохранилось только на участке, составляющим юго-западный угол. Севернее трасса ограждения отмечена только несколькими кольями. Ни в более раннее, ни в более позднее время граница двора здесь не прослеживалась. В целом частокольное ограждение двора начало формироваться в конце 80-х – начале 90-х годов XIII в., а прекратило свое существование в 30-х годах XIV в.

Последний период существования двора связан с мощным пожаром, уничтожившим большую часть его построек. Конструкции каждой из них носят следы огня или обуглены полностью. В пределах двора культурный слой содержал большое количество углей, а в нескольких местах были обнаружены скопления песка и глины, перемешанные с углями. Двор пережил по крайней мере два пожара, после второго производственная деятельность на нем возродилась, а границы полностью изменились.

Анализ материалов, полученных на соседних исследованных участках, а также данные письменных источников, показали, что следы пожаров на уровне 6,7 ярусов застройки в Среднем городе Пскова совпадают с летописными упоминаниями пожаров 1319–1320 и 1335 гг. (Лабутина И.К., 1988, с. 10; Кулакова М.И., 1988, с. 20).

Таким образом, с 80-х – 90-х годов XIII в. до середины 30-х годов XIV в. на территории посада, а затем и в пределах городской стены, расположенной к юго-востоку от Крома, на расстоянии около 0,5 км от него, существовал комплекс построек, несомненно связанных с обработкой или производством железа. Признаки работы по железу на участке севернее его относятся еще к 80-м годам XI в. Исследование застройки всего участка позволит, очевидно, в будущем говорить о традиционном использовании его ремесленниками в течение длительного времени. Важным условием для этого являлись его топографические особенности – удаленность на первоначальном этапе от городских стен и наличие близко расположенных источников воды.

Остановимся более подробно на признаках, характеризующих ремесленную деятельность владельцев двора: 1) конструктивные особенности построек, указывающие на их производственный характер; 2) наличие следов ремесленной деятельности в виде отходов производства или полуфабрикатов; 3) наличие орудий труда ремесленников; 4) наличие готовой продукции.

Все постройки, расположенные в пределах двора, имели то или иное отношение к ремеслу его владельцев. Об этом свидетельствует наличие шлаков в пределах построек. Несомненно производственный характер имела одна из них – большая каркасно-столбовая постройка в юго-восточном углу двора. На производственный характер ее указывают большие размеры, каркасно-столбовая конструкция стен, большой срубный опечек, отсутствие пола. В Новгороде столбовые постройки такого типа определяются исключительно как хозяйственные или производственные. Срубные опечки встречены также только в производственных помещениях (Засурцев П.И., 1963, с. 21). По размерам и конструктивным особенностям они являются точной аналогией нашему. Подобная постройка была открыта на киевском Подоле и определялась как остатки кузницы (Вознесенская Г.А., 1981).

В пределах постройки было собрано более 30 кг шлака. Кроме того, непосредственно в срубном опечке было найдено два железных предмета: булавка для прялки и ключ, а в пределах постройки – два ножа и точильный брусок. В непосредственной близости от нее обнаружены кузнечный молот и наждачный камень на деревянной оси. С учетом всех перечисленных данных можно уверенно интерпретировать данную постройку как помещение для кузницы. В комплексе с кузницей существовал и настил, покрытый скоплением шлака. Здесь было собрано не менее 60 кг шлака.

Второй постройкой, связанной с работой по железу, является сруб в центре двора. На первый взгляд его можно принять за остатки жилой постройки, однако подробный анализ его особенностей позволяет усомниться в этом. Первое – большое скопление шлака (не менее 20 кг), как в пределах сруба, так и в непосредственной его близости; второе – характерные особенности самого сруба. На материалах Пскова был сделан анализ срубных построек и выделен ряд признаков, позволяющих судить об их функциональном назначении: наличие печи, комплекс находок, конструктивные особенности, размеры постройки, наличие сеней, положение в системе других построек (Степанов С.В., 1987, с. 13). В данном срубе имеется столбовой опечек. Подобные опечки часто встречаются именно в жилых постройках. Однако обращает на себя внимание относительно большая площадь опечка в сравнении с площадью постройки – соответственно 2,89 и 13,68 м^2. В большинстве случаев в псковских постройках площадь опечков для срубов площадью 16–18 м^2 составляет 1,5–2 м^2. Для жилых построек характерно использование качественного материала при строительстве и более частое по сравнению с хозяйственными устройство фундаментальных конструкций. В нашем случае мы наблюдаем отсутствие фундаментальных конструкций, а также, похоже, наличие жердевого пола. В срубе отсутствуют признаки сеней – верного показателя жилого характера постройки. Центральное положение постройки в системе планировки двора может свидетельствовать о ее большем значении по отношению к другим постройкам, но оно не является определяющим для оценки ее функционального назначения. Таким образом, безусловное отнесение данной постройки к жилым весьма сомнительно. Исследователи определяют большинство таких "малых" построек как хозяйственные (Фараджева Н.Н., 1992, с. 58), поэтому данная постройка попадает скорее всего в категорию хозяйственных, в нашем случае производственных построек. По крайней мере безусловно производственное использование в ней печи.

Остановимся на оценке еще двух построек, где был обнаружен шлак. Одна из них исследована частично. Это срубная постройка со сложным устройством настила перед ней. Она имеет вытянутую в плане конфигурацию. Исследованная площадь составляет около 9 м^2. В постройке отсутствуют признаки отопительного устройства, скорее всего не было пола, так как шлак покрывал остатки деревянных конструкций и

пространство между ними. В целом площадь сруба с учетом недоисследованной части было около 13 м^2. Данная постройка скорее всего производственная. Данных для более точного ее определения нет.

Вторая постройка со шлаком – каркасно-столбовая, служившая обкладкой хозяйственной ямы. Очевидно, какое-то время она использовалась для выбрасывания шлака, обнаруженного в верхней части ее заполнения. Таким образом, на территории двора не было ни одной постройки определенно жилого характера.

Следы ремесленной деятельности здесь были представлены в первую очередь скоплениями шлака, вес которого в целом составил более 100 кг. Шлак, собранный в пределах построек, на настиле и в пределах двора, имел вид спекшейся массы серого цвета. При разборке он откалывался крупными глыбами или крошился. В его составе были встречены куски обожженной глины, древесный тлен, угли. Кроме того, было найдено несколько десятков лепешкообразных образований, имевших диаметр 14–15 и толщину 4–5 см. Отметим, что в топографии их местонахождения определенной закономерности не прослеживалось. Они были выявлены везде при разборке скоплений шлака. По параметрам и внешнему виду лепешки были сходны с находками на других памятниках (Колчин Б.А., 1953, с. 44). Подобные находки определялись как крицы, прошедшие первичную обработку – обжатие после извлечения из сыродутного горна. Поверхность лепешек, найденных в Пскове, была покрыта толстой коркой с крупными пузырьками.

Однако микроскопическое исследование одного из образцов показало, что это металлургический шлак. В его составе выявлены магнетит, фаялит, стекло. Примерно 50% основы составили фаялит и магнетит, остальное – стекло[2]. Подобная картина характерна для сыродутных шлаков.

Вместе с тем никаких других признаков, свидетельствующих о существовании железоделательного производства на данном участке, нет.

Мы не имеем каких-либо остатков конструкций печи, обломков глиняных сопел. Возможно, металлургический шлак попал сюда случайно или преднамеренно использовался с целью выравнивания площадки как изоляционный материал (действительно, в одном случае скопления шлака явно не связаны непосредственно с производственными постройками – первый период существования комплекса) (рис. 2.*1*).

Основная же масса шлаковых отходов (спекшаяся масса темно-серого цвета), очевидно, имеет другое происхождение и связана с обработкой железа.

Известно, что одним из элементов технологического процесса производства железа было обжатие полученных в домне криц. Оно требовалось для освобождения от шлака и сваривания крицы в монолитный кусок, так как вынутая из печи крица имела много пустот и шлаковых включений. Обжатие осуществлялось в несколько этапов: сразу после выплавки непосредственно мастером доменного дела и затем перед использованием металла уже мастером-кузнецом.

Как отмечает Б.А. Колчин, железо поставлялось в город в довольно сыром виде. Доведением его до нужного качества занимались городские кузнецы (Колчин Б.А., 1959, с. 12). Возможно, что именно этот этап процесса обработки железа имел место в рассматриваемом нами производственном комплексе. Не исключено, что здесь же производили операцию по изготовлению сварочной стали-уклада.

Наличие нескольких производственных сооружений в составе одного двора свидетельствует об одновременной работе нескольких мастеров, очевидно, выполнявших одновременно несколько технологических операций, в том числе и по изготовлению самих изделий.

Таким образом, мы встречаемся здесь с примером разделения труда и специализацией городских ремесленников. Как отмечают большинство исследователей древнерусского железоделательного и железообрабатывающего ремесел, признаки отделе-

---

[2] Металлографический анализ образца шлака сделан в естественно-научной лаборатории ИА РАН канд. ист. наук Л.С. Розановой.

ния добычи железа от его обработки появляются очень рано. Для периода XV–XVII вв. это становится характерной чертой ремесленного производства, что подтверждается и письменными источниками (Рыбаков Б.А., 1948, с. 595; Колчин Б.А., 1953, с. 197–199). Первое было присуще прежде всего деревенскому ремеслу, второе – городскому. Очевидно, существовали исключения из правил, связанные с конкретными обстоятельствами, но примеры их немногочисленны (Монгайт А.Л., 1955, с. 99; Алексеев Л.В., 1966, с. 168).

Особо нужно сказать, что данный двор вряд ли был самостоятельной единицей. На его территории не было обнаружено достаточно убедительных следов жилой застройки: кроме того, площадь двора относительно невелика (около 130 м^2). Вполне правомерно предположить, что он входил в более крупное образование – усадьбу, располагавшуюся западнее. К нему скорее всего применимо определение "ремесленный комплекс в составе городской усадьбы".

После последнего пожара, уничтожившего почти до тла постройки ремесленного комплекса, производственная деятельность здесь не возобновлялась. Строительство городской стены в конце XIII или начале XIV в. включило данную территорию посада непосредственно в городскую. Ремесленники, связанные с пожароопасной деятельностью, переселились за пределы городской стены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В., 1966. Раскопки в Друцке // АО – 1965. М.

Алешковский М.Х., 1978. Социальные основы формирования территории Пскова X–XVI вв. (в связи с проблемой археологического изучения древнерусского города) // СА. № 2.

Белецкий В.Д., 1966. Раскопки в Пскове // СГЭ. Вып. XXVII.

Вознесенская Г.А., 1981. Кузнечное ремесло // Новое в археологии Киева. Киев.

Гроздилов Г.П., 1962. Раскопки древнего Пскова (1956, 1958 – 60 гг.) // СГЭ. Вып. 23.

Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.

Историческая записка к проекту реконструкции квартала (19) исторического центра Пскова в пределах ул. К. Маркса, Пушкина, Ленина, 1991. Псков.

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. № 32.

Колчин Б.А., 1959. Железобрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65.

Кулакова М.И., 1988. Пожары в средневековом Пскове // АИП. Псков.

Лабутина И.К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.

Лабутина И.К., 1988. О датировке ярусов в раскопках на ул. Ленина в Пскове (1976, 1978, 1981 – 85 гг.). // АИП. Псков.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.

Плоткин К.М., Степанов С.В., 1991. X раскоп Отчет об археологических раскопках в Пскове в 1990 году // Архив ИА РАН.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло древней Руси. М.

Степанов С.В., 1987. Жилища средневекового Пскова XII–XIV вв. (по материалам археологических раскопок). Дипломная работа. Кафедра отечественной истории Псковского пединститута. Псков.

Тараканова С.А., 1950. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК. Вып. 33.

Фараджева Н.Н., 1992. К вопросу о классификации срубных построек и жилищно-хозяйственных комплексов (по археологическим материалам Новгорода и Пскова) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород.

Харлашов Б.Н., 1992. О производственных комплексах близ Покровских ворот Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков.

Псковский государственный
историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

T.Y. ZAKURINA

IRON PROCESSING COMPLEX IN THE PSKOV MIDDLE CITY

Summary

This paper characterises one of iron processing complexes descovered by the author in the Pskov Middle City in the 1980s. Three periods of the complex existence are reviewed. They cover a time span from the 80s-90s of the 13th century to the 30s of the 14th century. Characteristic features of production shops, goods, traces of crafts activity presented by production wastes and tools are described in the paper. The artefacts obtained allow to speak about existence of a craft complex for a number of technological operations related to the iron processing and forging products. The presence of several production shops as well as tools that served various purposes gives grounds to look upon this complex as an example of specialisation of city craftsmen engaged in the same sector of crafts production.

Заметки

Ю.П. МАТВЕЕВ

АНТРОПОМОРФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НА СОСУДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Достаточно представительная коллекция срубной керамики со знаками пополнилась еще одним сосудом, обнаруженным в 1966 г. в кург. 2 первой курганной группы у с. Советское Калачеевского р-на Воронежской обл. (рис. 1).

Банка высотой 10 см и диаметром по горлу 14 см – единственный предмет инвентаря погр. 4, одного из четырех впускных погребений срубной культуры в курган более раннего времени. Мелкая (10 см в материке) могильная яма площадью 77 × 55 см с несохранившимся костяком явно предназначалась для детского захоронения. В длину она ориентирована с востока на запад. Сосуд стоял на дне у юго-восточного угла, что при стандартной обрядности позволяет предполагать восточную ориентировку умершего. Достаточно грубо вылепленный сосуд несколько асимметричен, поверхность бугристая. Он имеет явные следы длительного бытового употребления: в нескольких местах венчик обломан и грубо заглажен.

Опоясывающие сосуд знаки нанесены примерно на равном расстоянии друг от друга. Центральным изображением, несомненно, является антропоморфная фигура, как бы разделяющая две группы знаков: три свастики слева и систему знаков, образующих подобие лабиринта или змеевидного существа, справа. Антропоморфная фигура выделена несколько более низким размещением в орнаментальном поясе и техникой нанесения. Только одна, ближайшая свастика выполнена также прочерчиванием. Голова фигуры имеет вид трезубца, что ассоциируется с рогами и соответственно с анималистическими элементами в системе религиозных представлений, а также с божествами грозы или войны. Руки, в особенности левая, изображены так, как обычно их рисуют дети. Но, судя по четкости выполнения и размещения всей композиции, она выполнена взрослым. Черточками на правой руке отображена "вооруженность" существа какими-то предметами или амулетами.

Размещение фигуры в системе других знаков позволяет предположить, что это не статичное изображение, а отображение определенного сюжета. Действие разворачивается скорее всего вправо, в ассоциирующийся со змеевидным знаком земной мир (лабиринт). Такого рода рисунки в первобытности обозначали и загробный мир с безысходными путями. Лабиринт завершается крестообразным знаком, предполагающим переход в иную сферу. Далее следуют свастики, олицетворяющие, очевидно, разные уровни небесной сферы. Последняя из них правонаправлена, что ассоциируется с переходом опять-таки в земной мир. Таким образом, рисунок может отражать сюжет путешествий и подвигов героя или антропоморфного божества в земном и астральном мирах, причем это процесс цикличный – круговорот жизни и смерти. Не исключено содержание в пиктограмме и иных, параллельных смысловых рядов. В частности, сочетание антропоморфной фигуры со змеевидной может отражать и весьма распространенный в индоевропейской мифологии сюжет подвигов героя или божества-змееборца.

© Ю.П. Матвеев, 1998 г.

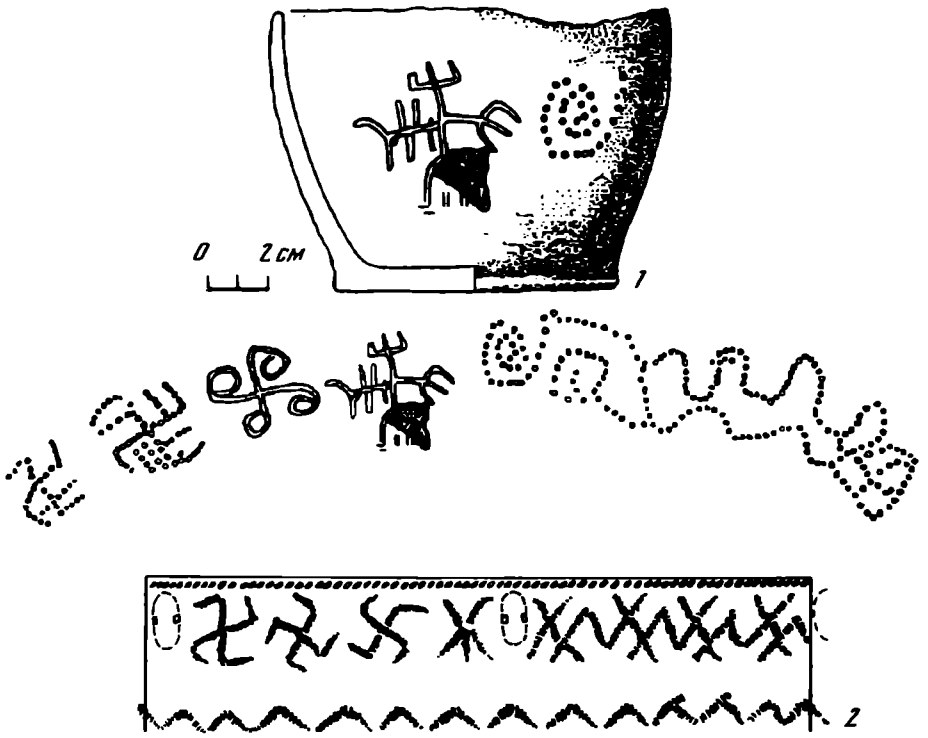


Рис. 1. Сосуд из кургана у с. Советское и развертка его орнамента (*1*); развертка изображения на сосуде из Колпачков (*2*)

Важно отметить, что практически идентичные изображения удалось зафиксировать еще на нескольких сосудах срубной общности с территории Поволжья и Украины. К сожалению, пока опубликован лишь один из них – из Колпачков (Хабарова Н.В., 1993, рис. 1, 2). Отображенный в пиктограмме сюжет имел, очевидно, самое широкое распространение в данной культурной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хабарова Н.В., 1993. Случайные находки эпохи бронзы из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград.

Воронежский государственный
университет

Ю.А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ, В.И. БУШКОВ

ПРЕДМЕТЫ КОЧЕВНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЭЙЛАТАНСКОМ РАЙОНЕ ФЕРГАНЫ

В 1970-х годах местный житель селения Шилягай (Пахтаабадский р-н Андижанской обл. Узбекистана) нашел при земляных работах бронзовый кинжал, который он в 1987 г. передал В.И. Бушкову, проводившему здесь этнографические исследования.

Кинжал, судя по рассказам, был найден в районе сел. Чуама в конусе выноса р. Майлису, примерно в 5–6 км от берега р. Карадарьи, к востоку от трассы БФК, в междуречьи р. Карадарьи и Нарына, в северо-восточной части Ферганской долины (рис. 1). Кинжал бронзовый; навершие его практически брусковидное, хотя возле его

© Ю.А. Заднепровский, В.И. Бушков, 1998 г.

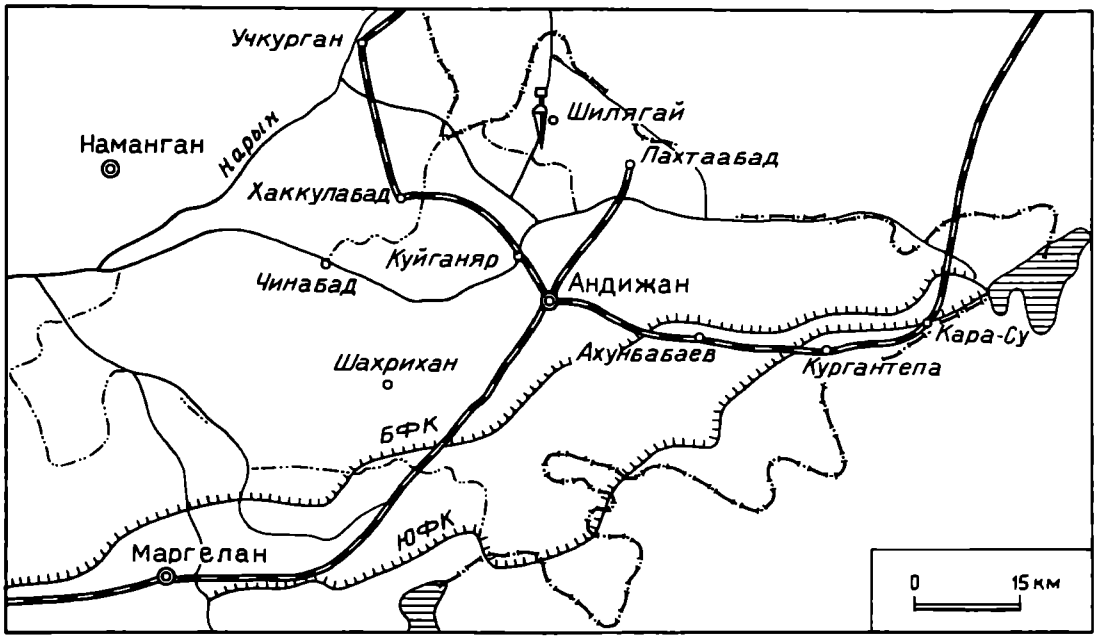


Рис. 1. Карта-схема находки акинака в Андижанской обл. Республики Узбекистан

основания, вблизи перехода к рукояти, вдоль всего перекрестия проходит слабовыраженная грань, что хорошо видно на рисунке. Рукоять плоская, с продольными выступами по краям и еле заметным ребром в середине, которое проходит через перекрестие и весь клинок. Клинок двулезвийный, ровный, шириной в среднем 3 см (у перекрестия 2,7, в наиболее широкой части 3,05 см), края почти параллельные и постепенно сужаются к острию. В сечении он восьмигранной формы, его боковые грани прекрасно откованы, зашлифованы и выделяются более темным цветом. Перекрестие массивное, сердцевидной формы. Длина рукояти 8 см, клинка 22,4, а вся длина кинжала 34,7 см. Острие обломано. Сохранность прекрасная (рис. 2; 3, *а, б*).

По типологии скифского и савроматского оружия ферганский кинжал с брусковидным навершием относится к I отделу, а по форме перекрестия – к типу сердцевидных. Наибольшее сходство отмечается с бронзовым кинжалом из Кизыл-Ту Актюбинской обл. Актюбинский кинжал отличается от ферганского лишь бóльшими размерами – длина его 44 см. Поскольку оба кинжала найдены вне археологического комплекса, точно датировать их невозможно. Актюбинская находка типологически относится к ранним образцам начала VI или VII в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 15, 16). В более поздней работе он датирован VII в. до н.э. (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. II, *1*). Кинжалы этого типа с узким острым концом предназначались для колющего удара в рукопашном бою.

По форме и размерам рассматриваемые акинаки практически не отличаются от аналогичных видов оружия скифов и савроматов (Степи..., 1989, табл. 32, 85). Сравнение с обобщающими работами по оружию Казахстана (Кадырбаев М.К., 1968), Северного Казахстана (Хабдулина М.К., 1994), Южного Урала (Васильев В.Н., 1995), Иссык-Куля (Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1988) позволяет заключить, что ферганский кинжал следует датировать VII–VI вв. до н.э. и считать характерным для сакских племен, обитавших на периферии Ферганской долины. Отметим, что большое сходство он имеет с кинжалами саков соседней Чуйской долины Киргизии. Все характерные признаки совпадают с признаками кинжала, найденного в 1955 г. между сел. Александровское и Сретенка. Несколько различается только оформление плоской рукояти. Обратим также внимание на то, что этот кинжал вместе с двухперым втульчатым наконечником стрелы с шипом находился внутри сакского котла на коническом полом поддоне (Кибиров А.К., 1959, рис. 17). Ферганский кинжал близок и второй находке у сел. Сретенка (Памятники..., 1983, рис. 78), отличаясь от нее лишь

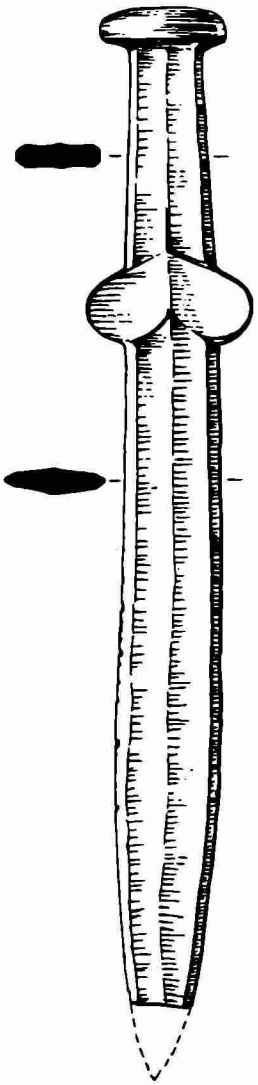


Рис. 2. Кинжал-акинак

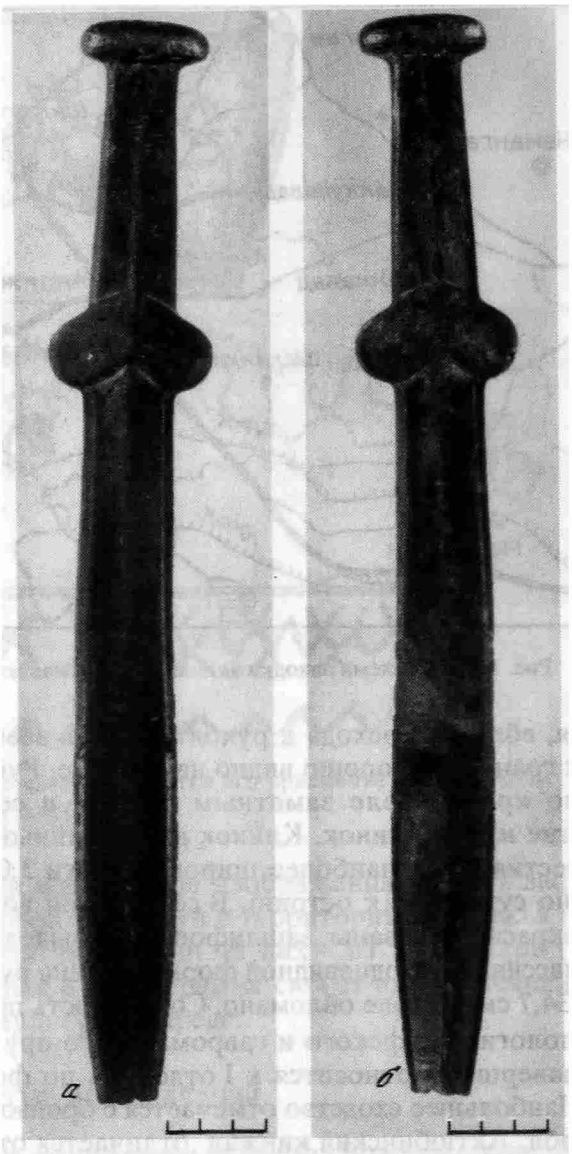


Рис. 3. Кинжал-акинак (*а*, *б*), фото обеих поверхностей

второстепенными деталями. Вместе с тем достаточно определенно выступает отличие ферганского кинжала от оружия этого типа в Туве, на Алтае и других районов Южной Сибири, хотя и прослеживаются некоторые аналогии с местными кинжалами аналогичного периода (Грач А.Д., 1980, с. 32).

В междуречье Нарына и Карадарьи найден еще один предмет, типичный для сакской культуры, – уникальный по форме тюячинский медный котел. Он обнаружен в 1939 г. на трассе БФК к северо-западу от сел. Тюячи (рис. 4), на небольшом расстоянии от рассматриваемого кинжала. Тюячинский котел уникален и до сих пор не находит прямых аналогий в Евразии. Все признаки указывают на местное происхождение котла и на его принадлежность кочевникам-сакам. После многочисленных дискуссий котел был отнесен к VIII–VII вв. до н.э. (Заднепровский Ю.А., 1959, рис. 1–13; Литвинский Б.А., 1965, с. 265; 1972, с. 50; Членова Н.Л., 1967, с. 94, 101, 104). Если согласиться с этой датой тюячинского котла, то он, следовательно, относится к тому же времени, что и бронзовый кинжал, найденный в этом же микрорайоне примерно в 8–10 км от него.

Междуречье Нарына и Карадарьи насыщено многочисленными разновременными тепе и городищами, основная часть которых зафиксирована на карте, составленной

Рис. 4. Бронзовый тюячинский котел

Б.А. Латыниным в 1935 г. (Латынин Б.А., 1935, рис. 93). Первые его раскопки на тепе Кугай и на городище Эйлатан вскрыли слои с архаической крашеной и более поздней красноангобированной керамикой с процарапанным орнаментом. Т.Г. Оболдуева в ходе работ на трассе БФК обследовала многие памятники и внесла уточнение в первоначальную схему периодизации Б.А. Латынина. Наиболее ранними оказались поселения с архаической эйлатанской крашеной керамикой, которые в работе Ю.А. Заднепровского были выделены в отдельную эйлатанскую культуру VII–IV вв. до н.э. (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 167; 1965, с. 45). Была выделена группа памятников с эйлатанской керамикой, занимавших концевые участки веера р. Майлису и образовывавших земледельческий оазис с центром на городище Эйлатан (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 113). В микрорайон включены семь памятников. Об исключительной археологической насыщенности его свидетельствует тот факт, что на 7–10 строительных участках БФК между сел. Лугумбек и Тюячи культурный слой тянется на протяжении свыше 6 км при средней толщине его 1–1,5 м (Оболдуева Т.Г., 1951, с. 21). На этом участке найдены также четыре бронзовых однолезвийных пластинчатых ножа (Оболдуева Т.Г., 1951, с. 21, 23, табл. VIII, *1–4*). Находки вне комплексов точно датировать невозможно, и они были отнесены Ю.А. Заднепровским к эпохе поздней бронзы (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 63).

Выделяется пластинчатый нож с прямой спинкой и острым концом, рукоять его составляет единое целое с клинком, общая длина 15 см. По своей форме он сходен с находкой на Яз-Депе – ножи этого типа относят к первой четверти I тыс. до н.э. (Массон В.М., 1959, табл. XXXIII, *11*; Кузьмина Е.Е., 1966, с. 47).

Таким образом, в пределах небольшого Эйлатанского оазиса найдены три категории случайных находок: бронзовый кинжал VII–VI вв. до н.э., тюячинский котел VIII–VII вв. до н.э. и бронзовые пластинчатые ножи примерно этого же времени. Эта группа по времени относится к концу существования чустской древнеземледельческой культуры и к началу формирования эйлатанской культуры раннежелезного века. Все эти предметы появились в пределах небольшого Эйлатанского оазиса совершенно неслучайно – они служат показателем обитания кочевого сакского населения в этом микрорайоне. Приблизительно можно определить размеры этого микрорайона (км): от Эйлатана на север до Кугая – 12, от Кугая до Лугумбека – около 12, от Эйлатана до Чуамы (где найден кинжал) – около 10. Площадь его не превышает 200 км^2.

Сосуществование и тесное взаимодействие земледельческих и кочевых народов характеризуют особенности исторического развития Средней Азии на протяжении длительного времени и наглядно документируют материалы небольшого Эйлатанского оазиса. Не исключено, что часть сакского кочевого населения в районе Эйлатана перешла к оседлости и вошла в состав ферганских земледельцев, сохраняя некоторые элементы своей традиционной культуры. В масштабе Ферганской долины таких материалов недостаточно для определенных выводов, однако можно предположить, что в этот период складывались основы будущего симбиоза оседлой и кочевой части населения Ферганы, достигшие наивысшего проявления в период Даваньского государства.

Что же касается химического состава ферганского кинжала, то он достаточно своеобразен, поскольку в памятниках Ферганы эпохи бронзы и раннего железа преобладали оловянистые бронзы. По данным же эмиссионно-спектрального анализа, проведенного в лаборатории ИИМК РАН (шифр лаборатории 642-8, аналитик А.Н. Егорьков), кинжал изготовлен из сурьмяно-мышьяковистой бронзы:

Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Mn	Ni	Co	Au	Si	Mg
Основа	–	0,1	–	0,04	0,03	0,16	5,0	0,27	–	0,004	0,1	–	+	+

Если рассмотреть выделенные в литературе группы металла для эпохи бронзы и раннего железа, то состав бронзы ферганского кинжала близок к сурьмяно-мышьяковистым бронзам, характерным для Волго-Урала (Черных Е.Н., 1970), Волго-Камья (ВК) и широко распространенным в памятниках Ананьинской культуры Среднего Поволжья и Приуралья (Кузьминых С.В., 1983, с. 6, 11, 13, 53). Встречается этот тип в сейминско-турбинских памятниках Северной Азии (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989). Несколько предметов из аналогичного металла выделены в погребениях ранних кочевников VII–III вв. до н.э. Северного Казахстана (Барцева Т.Б., 1987, с. 76). Предполагается, что они изготовлены мастерами иных центров, использовавших руду, близкую руде ВК. Подобное предположение можно высказать и в отношении металла ферганского кинжала.

Однако полностью исключить возможность использования местной руды нельзя. Еще в работе И.В. Богдановой-Березовской в материалах Дальверзина выделены два изделия из мышьяковистой бронзы, содержавшие примесь сурьмы и висмута, а также олово в следах (Богданова-Березовская И.В., 1962, с. 227, табл. 3, *25, 30*; Заднепровский Ю.А., 1962, с. 81). Два предмета из Дальверзина (по-видимому, те же самые) с повышенным содержанием мышьяка выделил в качестве отдельной группы В.Д. Рузанов (Рузанов В.Д., 1980, с. 58, рис. 2, *б*).

Таким образом, в настоящее время и в ферганских материалах известны три изделия, включая рассматриваемый кинжал, химический состав которых близок группе бронз ВК, и, следовательно, на карту распространения мышьяковистой бронзы в пределах сейминско-турбинской области можно поместить находки в Дальверзине (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, рис. 85), а на карту ананьинской общности (Кузьминых С.В., 1983, рис. 36) – кинжал, найденный в Эйлатанском микрорайоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барцева Т.Б., 1987. Цветной металл из Среднего Приишимья. По материалам Северо-Казахстанской экспедиции // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Богданова-Березовская И.В., 1962. Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа. Л.

Васильев В.Н., 1995. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Заднепровский Ю.А., 1959. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (период

поздней бронзы и железа) // Матер. Второго совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л.
Заднепровский Ю.А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. Вып. 118.
Заднепровский Ю.А., 1965. Городище Эйлатан: к вопросу о датировке памятника // СА. № 3.
Кадырбаев М.К., 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
Кибиров А.К., 1959. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М.
Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.
Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке: медь и бронза. М.
Латынин Б.А., 1935. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане // ИГАИМК. Вып. 110.
Литвинский Б.А., 1965. Рецензия на кн.: Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. Вып. 118. 1962 // СА. № 4.
Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники "Крыши мира". М.
Массон В.М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.
Мокрынин В.П., Плоских В.М., 1988. Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе.
Оболдуева Т.Г., 1951. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Т. 4. Ташкент.
Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки, 1983. Л.
Рузанов В.Д., 1980. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры // СА. № 4.
Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.
Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. М.
Хабдулина М.К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.
Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. Вып. 172.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Азии. Сейминско-турбинский феномен. М.
Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва

М.Г. АБРАМЗОН, Ю.В. ГОРЛОВ

ДВА "СИНДСКИХ" ДИОБОЛА, НАЙДЕННЫЕ В ФАНАГОРИИ

Чеканка монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ представляет одно из самых загадочных явлений в монетном деле Боспора, привлекающее к себе внимание специалистов вот уже более ста лет[1]. До сих пор продолжаются споры относительно принадлежности "синдских" монет, их хронологии и места выпуска (Анохин В.А., 1986, с. 28 сл.; Завойкин А.А., Болдырев С.И., 1994; Завойкин А.А., 1995, с. 91, 92; Терещенко А.Е., 1996). Нужно признать, что на сегодняшний день саму дискуссию о том, кому следует приписывать данные моменты – грекам или синдам, вряд ли можно считать завершенной. По поводу принадлежности этих монет существуют следующие мнения. Одни

[1] В работах А.Н. Зографа (1951, с. 168–171), Д.Б. Шелова (1949, с. 111–118), В.П. Шилова (1951, с. 204–215) приведена вся литература о синдских монетах с 1857 по 1951 г.

© М.Г. Абрамзон, Ю.В. Горлов, 1998 г.

исследователи относят их к чеканке государства синдов, производимой либо в Синдской Гавани, отождествляемой с Горгиппией (Орешников А.В., 1914, с. 51), либо, вероятно, в Фанагории (Зограф А.Н., 1951, с. 170). Другие авторы приписывают эту чеканку греческому полису Синдская Гавань (Анохин В.А., 1986, с. 28). Недавно была высказана третья точка зрения, согласно которой чеканку осуществлял союз эллинских полисов Синдики. Сторонники последней гипотезы полагают, что эти монеты чеканились на монетном дворе Фанагории (Завойкин А.А., Болдырев С.И., 1994) или даже в Пантикапее (Терещенко А.Е., 1996). Характер нашей небольшой заметки не позволяет произвести подробный разбор существующих точек зрения, мы ограничимся лишь замечанием, что окончательно разрешить этот спор могут только будущие археологические открытия.

Пожалуй, одним из самых важных вопросов "синдской" чеканки является вопрос о месторасположении монетного двора. К сожалению, в специальной литературе отсутствуют надежные сведения о локализации монетных находок, а, по мнению А.Н. Зографа, точная топография находок "синдских" монет не даст ответа на этот вопрос, поскольку она свидетельствует только о сфере их обращения (Зограф А.Н., 1951, с. 169). На самом деле топография находок монет имеет очень большое значение для решения вопроса о месте чеканки, тем более что до недавнего времени не было известно ни одного факта находки "синдских" монет на городищах in situ, а все экземпляры в собраниях Эрмитажа и ГИМа были приобретены у частных лиц (Шилов В.П., 1951, с. 215).

В связи с этим публикация двух "синдских" диоболов, найденных на городище Фанагория, представляется нам чрезвычайно важной, тем более, что, насколько нам известно, они являются первыми монетами, найденными in situ в синхронном культурном слое. Летом 1983 г. во время охранных работ в южной части городища при расчистке фундамента постройки III–II в. до н.э. были найдены две серебряные монеты (раскоп Южный город, кв. L, Об. 50.9). При рытье котлована под фундамент данного здания древние строители нарушили предыдущий культурный слой, датируемый второй половиной V в. до н.э. – началом IV в. до н.э. Найденные в этом слое монеты были перемещены при строительстве здания в III в. до н.э. или при выборке камней из его фундамента в более поздние времена (в связи с дефицитом камня на городище) – часть фундамента разрушена ямой, датируемой I в. до н.э. (Горлов Ю.В., 1983, с. 22, 23, рис. 888). Обе монеты относятся к известному типу "синдских" монет.

1. Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре вправо. О.с. Quadratum incusum с головой коня вправо, вверху надпись ΣΙΝΔΩΝ. Серебро. Диобол. Диаметр 9 мм. Вес 1,527 г. Монета носит следы коррозии (рис. 1, *1*; 2, *1*).

2. Тот же тип. Диаметр 8 мм. Вес 1,520 г. Также имеет следы коррозии (рис. 1, *2*; 2, *2*).

Такие монеты хорошо известны нумизматам, но представляют определенную редкость. В.А. Анохину (1951, с. 138), например, известно 22 экз. диоболов данного типа. А.Е. Терещенко (1996, с. 9) упоминает о 50 экз. "синдских" монет с головой Геракла на л.с., видимо, имея в виду общее количество диоболов, гемиоболов и триоболов[2] описанного типа.

Наиболее сложной представляется проблема относительной хронологии этих выпусков, решение которой связано с определением греческих центров, чья чеканка оказала наибольшее влияние на развитие "синдской" монетной типологии. Исследователи отмечают стилистическое сходство "синдских" монет с пантикапейскими типами с головой барана (Зограф А.Н., 1951, с. 168) или льва (Анохин В.А., 1986, с. 28; Терещенко А.Е., 1996, с. 9), на обороте которых – quadratum incusum, а также с выпусками Нимфея, Феодосии, Гераклеи (Завойкин А.А., 1995, с. 92) и храма Аполлона Врача (Анохин В.А., 1986, с. 28). В.А. Анохин датирует данные диоболы временем около 423–413 гг. до н.э., относя их ко второй серии монет Синдской Гавани. Между

[2] Триоболы имеют на реверсе восьмиконечную звезду в качестве дифферента.

Рис. 1. Два "синдских" диобола из раскопок Фанагории (фото)

Рис. 2. Два "синдских" диобола из раскопок Фанагории (прорисовка)

тем такая датировка вызывает сомнение. Во-первых, сама хронология серий, предложенная им, носит достаточно условный характер, на каждый выпуск отведено по десять лет: первая серия – 433–423 гг., вторая – 423–413 гг., третья – 413–403 гг. То же самое относится к датировке других монет Боспора, на что уже обращалось внимание специалистов (Фролова Н.А., 1988, с. 122). Во-вторых, непонятно, почему триобол типа "голова Геракла – вдавленный квадрат с головой коня, звездой и легендой ΣΙΝΔΩΝ" В.А. Анохин датирует 433–423 гг., а диобол и гемиобол, не отличающиеся от триобола по типу (отсутствует только дифферент на реверсе – звезда) и стилю, он относит к следующей серии (Анохин В.А., 1986, с. 138). Логичнее было бы относить все три номинала к одной серии, тем более что античные полисы этой эпохи чеканили номиналы одного и того же типа одновременно. Подбор типов в сериях, предложенный В.А. Анохиным, нам также представляется спорным.

Существуют и другие мнения относительно хронологии монет с головой Геракла на аверсе и их места в ряду серий "синдских" монет. Их относят, например, ко второй серии (чекан Пантикапея), сменившей первый синдский выпуск с изображением совы на реверсе (чеканка Фанагории под влиянием Афин[3]) (Терещенко А.Е., 1996, с. 10), либо к завершающему выпуску "синдских" монет, датируемому около 415 г. до н.э. (Завойкин А.А., 1995, с. 92).

Следует отметить, что анализ "синдских" монет с точки зрения фактуры (они все имеют одинаковую фактуру), типологии лицевой и оборотной сторон не позволяет установить их надежную хронологию. Вероятно, имеет смысл придерживаться общей датировки, предложенной А.Н. Зографом, относившим все монеты к последней четверти V в. до н.э. К тому же последний считал также, что полная серия "синдских" монет, возможно, была лишь одна, так как разные варианты диоболов (и других номиналов. – *М.А., Ю.Г.*) не могут быть разделены значительным временем (Зограф А.Н., 1951, с. 168). Нам представляется, что монеты с головой Геракла на аверсе вполне могут составлять одну серию (триобол, диобол, гемиобол). Может быть к ней примыкает тетартеморий типа "голова быка – вдавленный квадрат с головой коня и надписью ΣΙΝΔΩΝ". Другую серию образуют тригемиобол (или диобол. – *М.А., Ю.Г.*) и тетартеморий с изображением на реверсе вдавленного квадрата с совой и той же легендой. Третья серия состоит из диобола и гемиобола, имеющих изображение грифона и зерна на аверсе. Возможно, монеты с изображением совы составляли первый выпуск, тип Геракла – второй, тип грифона – третий. Однако синдская чеканка была слишком кратковременным эпизодом в монетном деле Боспора, чтобы делать категоричные утверждения об относительной хронологии этих серий.

Наконец, также преждевременно делать выводы о локализации монетного двора, чеканившего "синдские" выпуски. Представляется весьма заманчивым принять точку зрения ряда авторов о вероятности чеканки этих монет греками в Фанагории, построенную на удачной интерпретации скудных нарративных источников, но для этого необходимо иметь два условия. Во-первых, следует исходить из посылки, что мы имеем дело с чеканкой военной симмахии или религиозной амфиктионии греков Синдики (с центром в Фанагории), а не с чеканкой синдов, чье общественное устройство достигло государственности при царе Гекатее. Между тем имеется немало свидетельств в пользу последнего, тем более что чеканка племен не была редкостью в античности (вспомним хотя бы монеты с именами скифских царей или испанские монеты с названиями иберийских племен).

Во-вторых, как говорилось выше, необходимы надежные археологические данные, свидетельствующие об интенсивной деятельности монетного двора, которому приписываются данные выпуски. Недостатка в логично выстроенных версиях нет, но осталось лишь получить археологические подтверждения. Поскольку публикуемых

---

[3] О связи этого типа с афинским влиянием на Боспоре и афинскими выпусками см. работы А.Н. Зографа (1951, с. 169), Д.Б. Шелова (1949, с. 114), В.П. Шилова (1951, с. 211, 212).

нами двух "синдских" диоболов, найденных in situ на городище Фанагория, явно недостаточно для окончательных выводов, имеет смысл призвать специалистов опубликовать надежные сведения о находках других "синдских" монет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Горлов Ю.В., 1983. Отчет об археологических исследованиях на городище Фанагория в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1129, 1129а.

Завойкин А.А., 1995. О времени автономной чеканки Фанагории // Боспорский сборник. Вып. 6. М.

Завойкин А.А., Болдырев С.И., 1994. Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // Боспорский сборник. Вып. 4. М.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты // МИА. № 16. М.; Л.

Орешников А.В., 1914. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Объяснения к нумизматической карте Черноморского побережья. М.

Терещенко А.Е., 1996. К проблеме идентификации и относительной хронологии монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Четвертая Всероссийская нумизматическая конф. в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тез. докл. М.

Фролова Н.А., 1988. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. // ВДИ. № 2.

Шелов Д.Б., 1949. Монеты синдов // КСИИМК. Вып. XXX.

Шилов В.П., 1951. Синдские монеты // СА. Вып. XV.

Магнитогорский государственный
педагогический институт
Институт археологии РАН,
Москва

В.И. ГУЛЯЕВ, Е.И. САВЧЕНКО

РОГОВОЙ ГРЕБЕНЬ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ДОНА

В июле 1996 г. в ходе охранных раскопок интенсивно разрушаемого пахотой курганного могильника Терновое I (в 90 км к югу от Воронежа) был исследован и кург. № 8. Насыпь в плане овальная, сильно расплывшаяся, высотой не более 30 см при диаметре около 28 м. Курган раскапывался с помощью бульдозера по половинкам с оставлением между ними промежуточной контрольной бровки шириной 1 м.

После снятия насыпи в центре кургана на уровне материковой желтой глины была выявлена могильная яма прямоугольной (почти квадратной) формы размерами 4,2 × 3,96 м, ориентированная длинной осью по линии север – юг и сильно попорченная грабительскими раскопками. Могилу окружало овальное кольцо выкида в виде светло-желтой материковой глины: 20,2 м по линии запад – восток и 16,1 м по оси север – юг. В северо-западной части этой кольцевой обваловки был оставлен проход к могильной яме шириной до 2,5 м.

Курган окружал незамкнутый в северо-западной части кольцевидный погребальный ровик, впущенный в погребенную почву. Его размеры по внешнему краю (м): запад – восток 25,2, север – юг 21,2, ширина ровика 0,7 при глубине до 1,3–1,45.

По периметру дна могильной ямы, почти вплотную к ее стенкам, был прорыт узкий желобок шириной до 17–21 и глубиной до 7–16 см. На его внутренних стенках

© В.И. Гуляев, Е.И. Савченко, 1998 г.

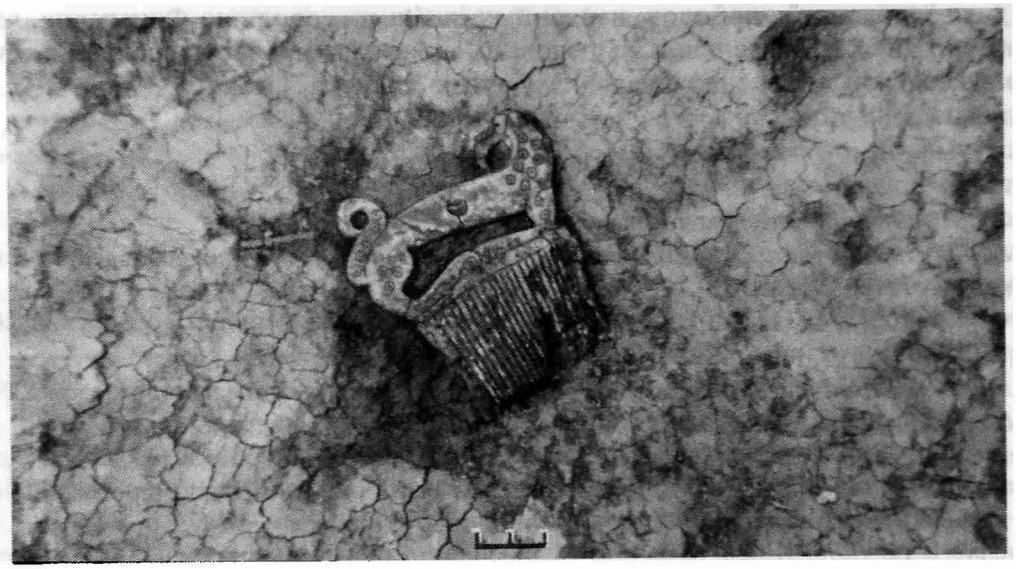


Рис. 1. Роговой гребень на дне могильной ямы кург. № 8 (могильник Терновое I)

сохранились отпечатки вертикально стоящих досок шириной от 8 до 17 см. По углам могильной ямы, вдоль стен и в центре имелось девять столбовых ямок диаметром от 20 до 40 см, оставшихся от опорных столбов, крепивших деревянную облицовку стен и крышу гробницы. Из-за сильного разрушения погребения древними грабителями форму перекрытия и его высоту определить не удалось.

На дне могильной ямы, в ее северной части найдены обломок нижней челюсти и несколько зубов, принадлежавших (по определению антрополога М.В. Козловской) женщине 35–40 лет. В северо-восточной части могилы был обнаружен развал сильно фрагментированного сероглиняного кругового сосуда на кольцевом поддоне и с боковой плоской ручкой. Там же, в северной половине гробницы, удалось выявить скопление обломков оранжевоглиняного кругового сосуда с ручкой. Поверхность и ручка украшены горизонтальными полосами темно-коричневой росписи. Рядом с кувшином лежали две миниатюрные сферические золотые нашивные бляшки диаметром 0,5 см с петельками на обороте.

В восточной части могильной ямы был найден гребень из оленьего рога, верхняя часть которого оформлена в виде фигуры кошачьего хищника с подогнутыми ногами (рис. 1). В 6 см к юго-западу от гребня располагался обломок втулки железного наконечника стрелы. И наконец, в юго-западном углу могилы лежали две золотые оковки от деревянного сосуда: одна – гладкая, с дырочками для гвоздиков, другая (в обломках) – с изображением головы орлиноголового грифона. По всему дну гробницы были разбросаны крупные кости животного (лошади) – остатки заупокойной пищи. Видимо, все дно могилы было устлано шкурами животных, от которых сохранился черный тлен в виде пятна размерами 2,95 × 2,75 м.

Оба круговых сосуда привозные: сероглиняный из Прикубанья (культура меотов), оранжевый с росписью – греческий. Подобные формы керамики бытуют в Северном Причерноморье и Приазовье в пределах IV в. до н.э. Таким образом, весь комплекс из кург. № 8 может быть датирован IV в. до н.э.

Особого внимания среди названных выше находок заслуживает гребень из оленьего рога – первый предмет подобного рода на территории лесостепи между Днепром и Доном в скифское время. Гребень сделан из плоского желтоватого по цвету и очень прочного оленьего рога и имеет 22 зубца (7 из них частично обломаны). Высота его около 9,0 см, максимальная ширина 8,7, толщина 0,45 см. Поверхность предмета хорошо отполирована.

Как уже говорилось, верхняя часть гребня украшена фигурой хищника кошачьей породы (по определению зоологов – гепарда) с повернутой назад головой и припав-

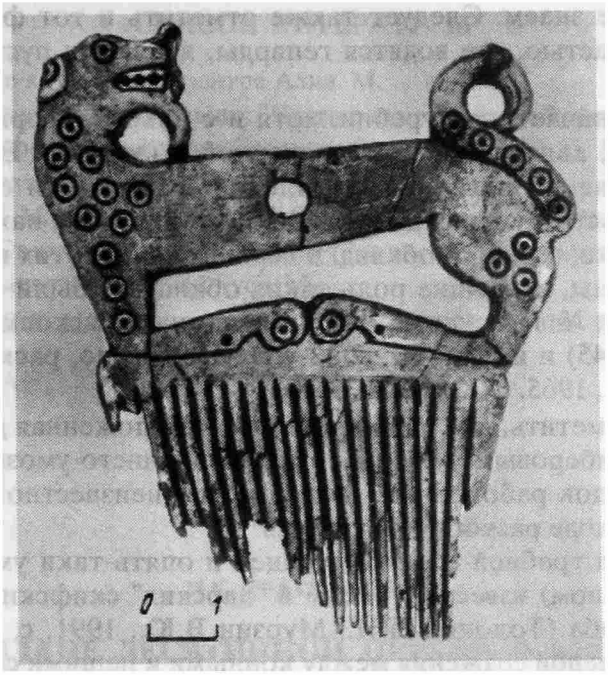


Рис. 2. Общий вид гребня с фигурой гепарда

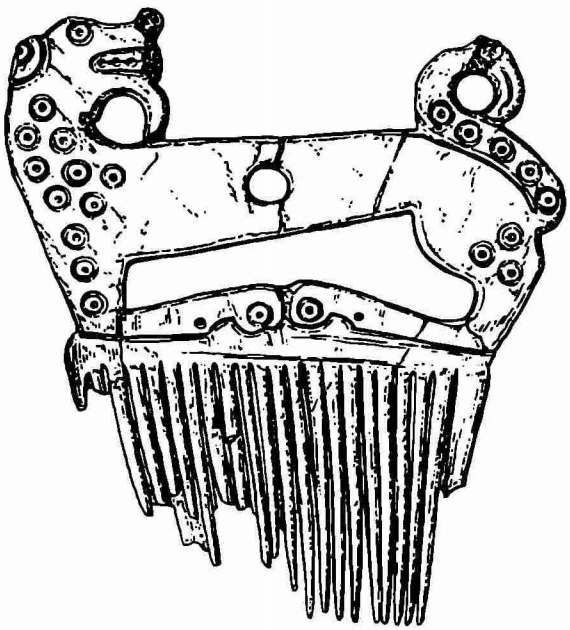


Рис. 3. Прорисовка изображения на гребне

шего на лапы (рис. 2; 3). Ухо зверя частично обломано, и поэтому о его форме судить нельзя. Хвост, бедро, грудь и кончики лап покрыты циркульным орнаментом с точкой в центре. Точно так же обозначен и глаз. Пасть широко открыта, оформлена вытянутым горизонтальным полуовалом, зубы и клыки намечены очень схематично – прямой горизонтальной линией с тремя кружками. Кончик хвоста украшен головкой хищной птицы или орлиноголового грифона. Резной линией показана щель клюва, намечен глаз. По центру крупа зверя просверлено круглое сквозное отверстие, видимо, для подвешивания.

И по своей необычайной изобразительной манере, и по общему содержанию (гепард) этот предмет является уникальным для скифского искусства степи и лесостепи V–IV вв. до н.э. Во всяком случае сколько-нибудь близких аналогий нашему

хищнику мы пока не знаем. Следует также отметить и тот факт, что ближайшей географической областью, где водятся гепарды, являются пустыни и полупустыни Средней Азии.

Однако это не означает, что гребни, хотя и с иными оформлением и изобразительными мотивами, являются редкой находкой в курганах Европейской Скифии между Доном и Дунаем. Правда, в силу плохой сохранности органики в скифских могилах (дерево и кость часто не доходят до нас) археологи находят обычно только металлические (золото, серебро) обкладки верхних частей этих предметов. Зооморфные золотые пластины, игравшие роль таких обкладок, были найдены на Среднем Дону дважды: в кург. № 11 группы "Частые курганы", раскопки ВУАК 1915 г. (Замятин С.Н., 1946, с. 45) и в кург. № 32/32 у с. Мастюгино, раскопки П.Д. Либерова 1958 г. (Либеров П.Д., 1965, с. 22, табл. 33, 9).

Однако следует заметить, что реконструкция, предложенная для обоих среднедонских гребней П.Д. Либеровым в 1960-х годах, носит чисто умозрительный характер, так как никаких следов рабочей части предметов (неизвестно даже, костяных или деревянных) найти в ходе раскопок не удалось.

Золотые обкладки гребней (с последующей и опять-таки умозрительной реконструкцией вещи в целом) известны также в "царских" скифских курганах Гайманова Могила и Куль-Оба (Толочко П.П., Мурзин В.Ю., 1991, с. 123). Великолепный золотой гребень со сценой сражения между конными и пешими скифами был найден в Солохе (Манцевич А.П., 1987, с. 58, 59).

Костяной гребень (к сожалению, без изображения самого предмета) упомянут в публикации вещей из Малого Чертомлыка, где в женском погребении находились также золотые калачиковидные серьги с ложной зернью, бусы, перстни и чернолаковая греческая чаша середины – третьей четверти V в. до н.э. Б.Н. Мозолевский датирует данный комплекс последней четвертью V в. до н.э. (Мозолевский Б.Н., 1987, с. 63).

Роговые гребни с фигурами животных, но выполненные в совершенно иной стилистической манере, известны в ранних (VII–VI вв. до н.э.) погребениях Тувы (Грач А.Д., 1980, с. 127, 128, 248).

В специфических природных условиях Горного Алтая, прежде всего в ледяных гробницах Пазырыка, где прекрасно сохраняется органика, находки деревянных и роговых гребней встречаются довольно часто – как в рядовых погребениях, так и в курганах местной знати. Однако все эти предметы не имеют зооморфного оформления (Полосьмак Н.В., 1994, с. 37). Один такой гребень был обнаружен в Улатомском могильнике в Западной Монголии. Многочисленные находки костяных гребней происходят из могильников тагарской культуры Южной Сибири.

"И гребни, и зеркала, найденные в погребениях, – отмечает Н.В. Полосьмак, – не были только утилитарно используемыми предметами, они считались обладающими магической силой. Так, в фольклоре угорских народов расчесывание лесной богиней волос гребнем символизирует изобилие зверей и рыб... Семь гребней было традиционным атрибутом тюркской богини-матери Умай. В.Д. Кубаревым в Кош-Агачском районе республики Алтай у родоновых источников обнаружены десятки деревянных и костяных гребней, оставленных с целью избавления от болезней..." (Полосьмак Н.В., 1994, с. 37).

В Древней Руси (XI–XIII вв.) бронзовые модели гребешков часто использовались в качестве амулетов-оберегов. "Включение изображения гребня в состав оберегов вполне естественно, – пишет Б.А. Рыбаков, – так как этот предмет прямо связан с гигиеной, а следовательно, со здоровьем и жизнью человека" (Рыбаков Б.А., 1987, с. 544).

Мы не знаем, насколько правомерным будет сопоставление гребней скифской эпохи со славянскими гребешками-оберегами, но общность некоторых важных идеологических представлений у этих разных народов, живших в совершенно разное время, также несомненна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.
Замятнин С.Н., 1946. Скифский могильник "Частые курганы" под Воронежем // СА. Т. VIII.
Либеров П.Д., 1965. Скифские памятники Среднего Дона // САИ Д1-31. М.
Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха. Л.
Мозолевский Б.Н., 1987. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. Киев.
Полосьмак Н.В., 1994. Стерегущие золото грифы (Ак-ала-хинские курганы). Новосибирск.
Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.
Толочко П.П., Мурзин В.Ю., 1991. Золото степу // Археологія Україні. Київ.

Институт археологии РАН,
Москва

И.С. КРАСОВСКИЙ

О ПЛАНЕ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ В КИЕВЕ

1000 лет назад, в 996 году, согласно Лаврентьевской летописи, князь Владимир увидел "церковь свершену, вшедъ в ню и помолися Богу" (Лаврентьевская летопись, 1928, стб. 124). Эта дата принята исследователями за год окончания строительства Десятинной церкви – первого каменного храма на Руси.

До нашего времени дошли только остатки фундаментов, которые стали доступны исследованию лишь в результате археологических раскопок, проведенных Н.Е. Ефимовым (Краткое..., 1829, приложение), Д.В. Милеевым (Каргер М.К., 1961, с. 23, рис. 6), М.К. Каргером (1961, с. 27–59). За время, прошедшее после указанных раскопок, появился ряд реконструкций Десятинной церкви: В. Конанта (Каргер М.К., 1961, с. 37, рис. 11), Н.И. Брунова (1953, с. 300, 301), Д.П. Сухова (1980, с. 66), А. Повстенко (Каргер М.К., 1961, с. 42, рис. 12), Г.Ф. Корзухиной (1957, с. 86, рис. 5), К.Н. Афанасьева (1961, с. 173, рис. 108), Я. Пастернака (1961, с. 609), П.А. Раппопорта (1962, с. 63, рис. 1), Н.В. Холостенко (1965, с. 78, рис. 7), Н.Г. Логвина (1978, с. 32; 1988, с. 227, рис. 1, *1*), Ю.С. Асеева (1982, с. 30, рис. б).

Несмотря на обилие реконструкций, единственное, что признается пока бесспорным, это центральное ядро постройки – "трехнефное здание с тремя апсидами с восточной стороны" (Каргер М.К., 1961, с. 36). У исследователей отсутствует единство в определении характера наружного ограждения храма – стена или открытая галерея, местоположения внутренних лестниц, характера и назначения двух трехчастных помещений в северо-западной и юго-западной частях здания.

Существуют противоречия в датах начала и окончания строительства Десятинной церкви по различным летописным источникам. В Лаврентьевской летописи под 989 г. записано, что Владимир "помысли создати церковь пресвятыя Богородици, и пославъ мастеры от Грек. И наченшю же здати, и яко оконча зижа, оукраси ю иконами" (Лаврентьевская летопись, 1928, стб. 121). Таким образом в одной статье сообщается и о начале, и об окончании строительства церкви. Следовательно, приводимые в статье данные были записаны спустя многие годы после окончания строительства. С разнообразными вариациями этот блок событий в остальных летописях читается под 991 г. Однако ни в одной летописи нет даты окончания строительства храма. Сообщается лишь, что Владимир уже увидел "церковь свершену". А.А. Шахматов, на основании других письменных источников, действительно пришел к выводу, что строительство храма окончено за год до того, как Владимир увидел уже законченную постройку –

© И.С. Красовский, 1998 г.

в 995 г. Причем этой дате он отдавал "решительное предпочтение" (Шахматов А.А., 1908, с. 25). Что же происходило в тот промежуток времени, пока строилась Десятинная церковь?

В большинстве летописных источников сообщается, что в этот период Владимир заложил Белгород, совершил поход на хорватов, отразил нападение печенегов и в память об этом событии заложил Переяславль "на броде". Но при этом в Лаврентьевской летописи перед тем, как Владимир увидел "церковь свершену", идет пропуск событий за 2 года. В Ипатьевской летописи несколько иная датировка тех же событий, но пропуск событий за 2 года приходится на годы, предшествующие году закладки церкви в 991 г. Совершенно иначе представлены эти события в Никоновской летописи. Под 991 г. приводится уникальное сообщение, отсутствующее в других летописных источниках, о том, что "приидоша изъ Грекъ въ Киев къ Володимеру каменосечци и зиздатели полат каменных" (Летописный сборник..., 1895, с. 61). Под 992 г. описывается поход Владимира в Суздальскую землю, а также смерть киевского метрополита Михаила и поставление на киевскую кафедру Леонтия. Лишь под 993 г. сообщается, что "благословлением" митрополита Леонтия "созда Володимеръ церковъ пречистыя Богородици камену въ Киеве, мастеры Греческыми, и украси ю иконами" (Летописный сборник..., 1895, с. 65). В этом сообщении отсутствует факт, что Владимир перед этим "помысли". По-видимому "помысли" Владимир значительно раньше, чем начал строить, согласно Никоновской летописи. И лишь под 998 г. сообщается, что Владимир приехал в Киев с Васильева и "пришедъ виде церковь великую пречистыя Богородици Десятинную съвершену" (Летописный сборник..., 1895, с. 66). Таким образом, все события, связанные со строительством Десятинной церкви, в Никоновской летописи приобретают более логическую последовательность. Однако если сдвинуть на 2 года даты, приводимые в Никоновской летописи, то выявится определенная синхронность с другими летописными текстами. И тогда выяснится, что в 989 г. в Киев приехали "каменосечци и зиздатели полат каменных" (в Лаврентьевской летописи под этим годом сообщается, что приехали "мастеры от Грек"), в 990 г. скончался митрополит Михаил и был назначен новый митрополит – Леонтий, в 991 г. (как в Ипатьевской летописи) происходит закладка храма, и к 996 г., к приезду Владимира с Васильева в Киев церковь предстает завершенной. Последняя дата совпадает и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской летописях.

При этом остается спорным вопрос о подлинности существования двух киевских митрополитов – Михаила и Леонтия. М.Д. Приселков считал, что эти имена "присочиненные" (Приселков М.Д., 1913, с. 40), Я.Н. Щапов называет митрополитов "легендарными" и отрицает их существование (Щапов Я.Н., 1989, с. 192). Однако митрополит Макарий признавал "достоверность" сообщения Никоновской летописи (Макарий..., 1995, с. 30). В свою очередь О.М. Рапов считает, что доводы против существования двух митрополитов на Руси в X веке – Михаила и Леонтия – являются "несостоятельными" (Рапов О.М., 1988, с. 285).

Сложность и необычность плана фундаментов Десятинной церкви исследователи трактовали по-разному. Так М.К. Каргер считал, что это свидетельствует "о разновременности отдельных частей постройки" (Каргер М.К., 1961, с. 36). Обилие параллельных продольных стен в западной части здания Г.Н. Логвин объяснял "корректировкой программы в процессе строительства, либо в результате ошибок, допущенных при разбивке фундаментов в натуре" (Логвин Г.Н., 1978, с. 32). Ю.С. Асеев высказал догадку, что сложная система структуры вызвана тем, что "имели место изменения плана в процессе строительства" (Асеев Ю.С., 1982, с. 32). Метрологический анализ сохранившихся остатков фундаментов позволил выдвинуть предположение, что сразу было не только задумано, но и одновременно возведено все здание – трехнефный храм с наружными галерами (Красовский И.С., 1984, с. 184). Однако последующий анализ сохранившихся фундаментов, а также археологических раскопок, проведенных Н.Е. Ефимовым и Д.В. Милеевым, дали возможность уточнить и конкретизировать этот вывод: существовало не два строительных периода, как

признается большинством исследователей, а две "модели" постройки, одна из которых была только начата, а вторая осуществлена в натуре.

Первоначально предполагалось создать трехнефный четырехстолпный храм с притвором, окруженный с трех сторон открытыми галереями (рис. 1). О целостности замысла этой модели говорят ее размеры и пропорции. Ширина этой постройки определяется по наружным граням тех лопаток, которые обнаружены на трех поперечных перемычках фундаментов. Модулем всей постройки являлась малая русская сажень, равная 1,424 м (Красовский И.С., 1984, с. 183). Именно в первоначальной модели этот модуль укладывается наиболее четко. Ширина этой модели равна 27,3 м, что соответствует 19 модулям (1,424 м × 19 = 27,06 м). Этой же величине соответствует и наружная длина собственно храма с притвором – 27,2 м, а также продольный размер галерей.

На плане, опубликованном Н.Е. Ефимовым, на южной стене центрального продольного нефа хорошо читаются остатки стен, характерные для лестничных клеток в древнерусских храмах (рис. 2). Таким образом, можно предположить наличие лестниц, которые вели на хоры храма. Ширина этих лестниц оказывается в пределах 1,5–1,8 м, а длина около 4,5 м.

Эта первая модель храма начала осуществляться: после разбивки плана постройки на земле началась отрывка фундаментальных рвов. По-видимому, одновременно работало сразу несколько бригад, о чем свидетельствуют остатки лопаток на поперечных фундаментах в трех разных местах. Начало возведения этой постройки и отражено в Лаврентьевской летописи под 989 г. Однако по каким-то причинам строительство было приостановлено. Возможно признали ошибкой отсутствие сплошного фундамента под южной и северной галереями. Но по-видимому, основная причина связана с тем, что принятая модель по своим размерам и планировке уже не отвечала чьим-то новым требованиям и вкусам. Это могло быть связано со смертью митрополита Михаила, которая, по нашим предположениям, последовала через год после начала строительства в 990 г., а новый митрополит Леонтий, вступивший на киевскую кафедру, имел иные представления о том, каким должен быть главный храм столицы государства. Возможно и у князя Владимира появились новые строительные идеи. В итоге возникла вторая, новая модель Десятинной церкви, начало строительства которой и зафиксировано в большинстве летописных источников под 991 г.

В основе новой модели сохранялся трехапсидный четырехстолпный храм с притвором, забутовка фундаментов которого возможно была начата. Новая модель постройки (Красовский И.С., 1984, с. 187, рис. 5) сохранила принятый модуль строительства, учитывала первоначальную планировку здания, но отразила и новые требования, которые состояли в необходимости расширения постройки для новых помещений. Но кому они предназначались, князю или митрополиту?

В последние годы были продолжены раскопки дворцового здания (Харламов В.А., 1985, с. 107), ранее частично раскопанного С.П. Вельминым в 1914 г. (Каргер М.К., 1961, с. 74, рис. 21). Обнаруженное узкое помещение в северо-западной части дворца оказалось расположенным точно на продольной оси Десятинной церкви и могло выполнять роль сеней для входа во дворец со стороны Десятинной церкви. Кроме того, Десятинная церковь и дворец отстоят от оборонительного рва "города Кия" на одинаковом расстоянии, следовательно, когда они начали строиться, было точно известно местоположение этого рва, вероятно засыпанного ко времени начала возведения этих построек. Внутренний размер дворца (41 м) оказывается почти равным протяженности Десятинной церкви (41,7 м), если предположить, что, пока не выявленная раскопками, его юго-западная торцевая стена отстоит на расстоянии, кратном двум предыдущим положениям лопаток на продольном фасаде (рис. 3). Наконец, две пары построек: дворец Ольги с капищем и Десятинная церковь с дворцом находятся на общей оси, которая совпадает с поперечной осью "города Кия" (рис. 4).

Таким образом, задумывались и осуществлялись эти две постройки – Десятинная церковь и княжеский дворец – одновременно. В этой ситуации, при наличии кня-

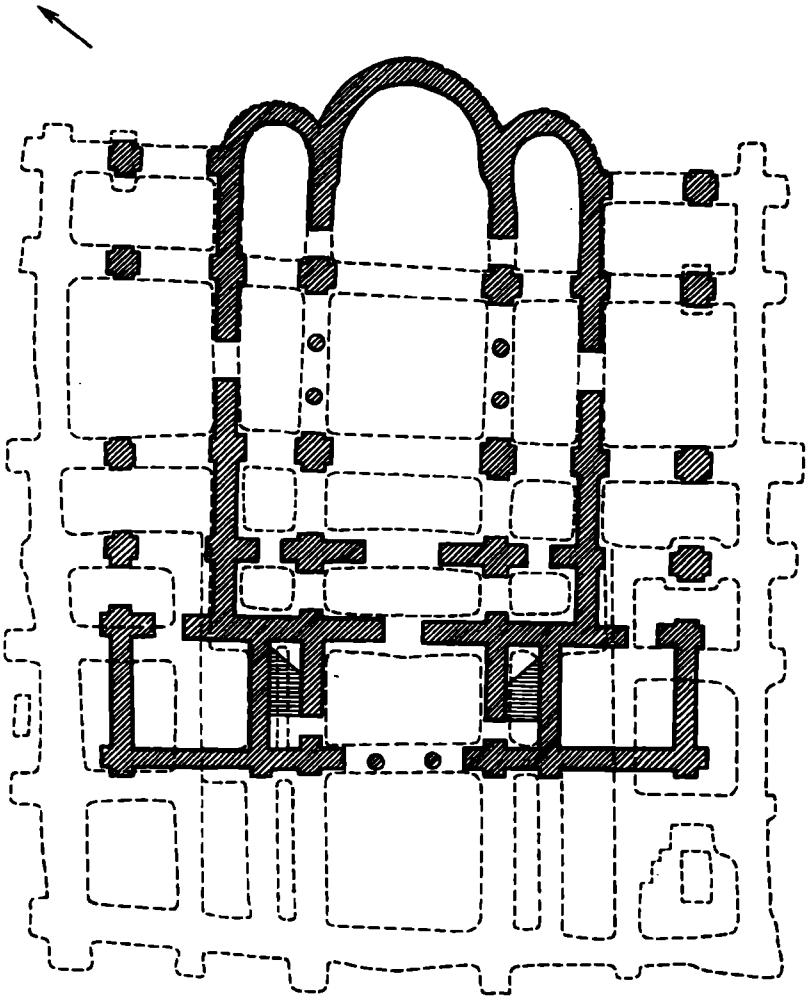


Рис. 1. Первоначальный замысел плана Десятинной церкви в Киеве, 989 г.

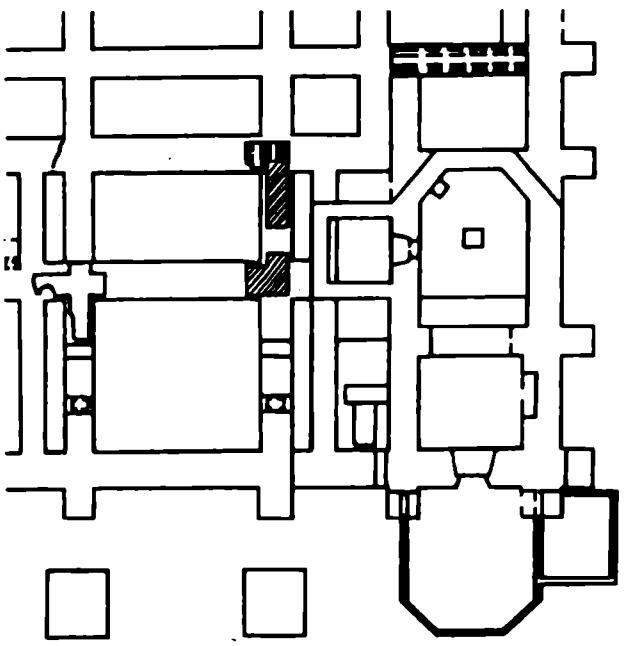


Рис. 2. Фрагмент плана Десятинной церкви по материалам раскопок Н.Е. Ефимова (заштрихованы предполагаемые остатки каменной кладки)

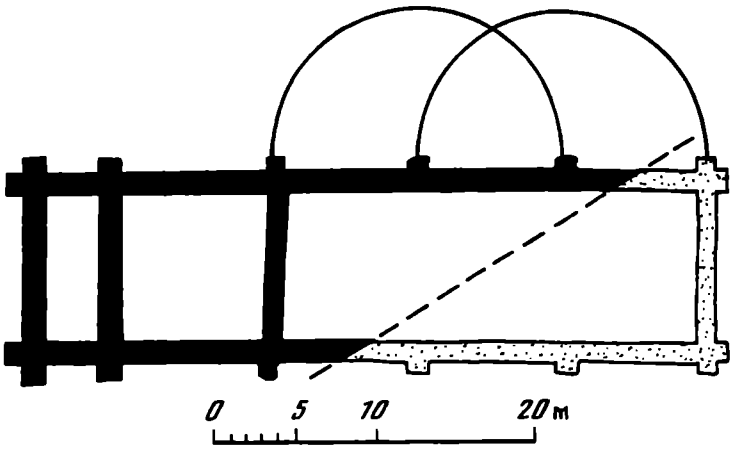


Рис. 3. Реконструкция плана дворца Владимира

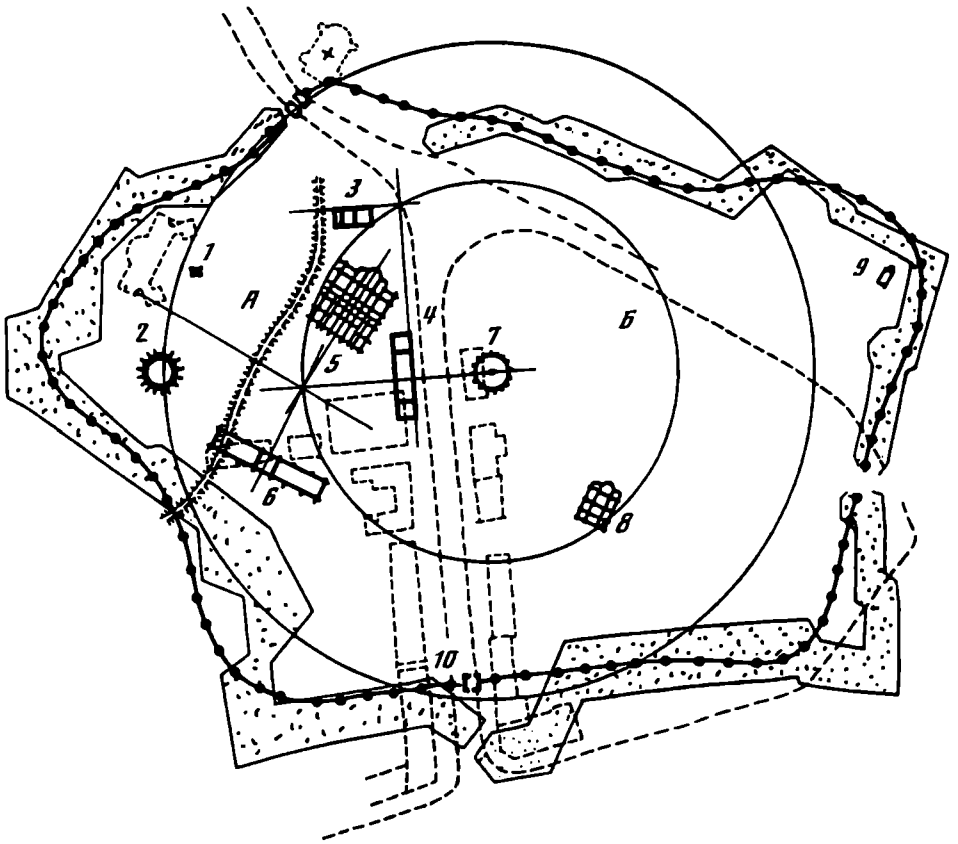


Рис. 4. Монументальные сооружения Киевского детинца IX–XIII вв. (по материалам археологических исследований Я.Е. Боровского, Н.Е. Ефимова, М.К. Каргера, С.Р. Килиевич, Д.В. Милеева, И.М. Самойловского, П.П. Толочко, В.А. Харламова, В.В. Хвойко)

А – "Город Кия"; *Б* – "Город Владимира". *1* – капище VII–IX вв.; *2* – дворец Ольги; *3* – дворец Святослава; *4* – дворец Ярополка; *5* – Десятинная церковь; *6* – дворец Владимира; *7* – дворец Рюрика; *8* – Ц. Федора; *9* – Ц. Василия; *10* – Софийские ворота

жеского дворца, в Десятинной церкви предполагалось, по-видимому, разместить митрополичьи палаты. Если доказано, что "три западных членения южной галереи Десятинной церкви представляли собой на протяжении всего периода ее существования открытое гульбище с крещатыми столбами", правда из этих столбов "хорошо просматриваются только остатки двух" (Бирюков Ю.Б., 1995, с. 81), то в таком случае митрополичьи палаты размещались на втором уровне, над открытой галереей. О том,

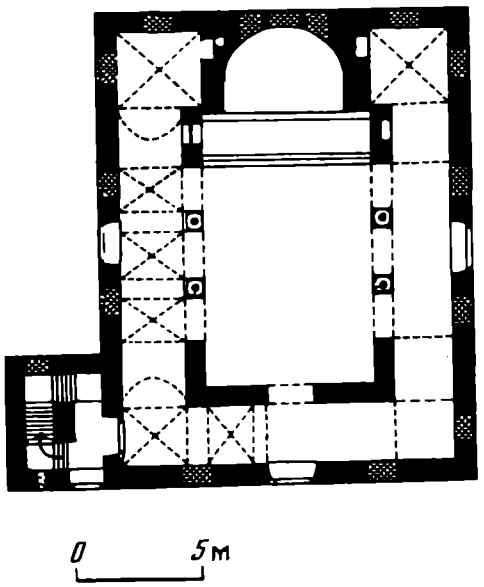


Рис. 5. План церкви Каср-ибн-Вардан (Сирия), 564 г.

что эти палаты задумывались как самостоятельные, новые, независимые от основного объема помещения, свидетельствуют их размеры: ширина между наружными стенами палат составляет 7,10 м, что соответствует размеру подкупольного звена (7,15 м). Длина трехчастных помещений (19,1 м) соответствует протяженности самого храма между западной и восточной стенами (19,2 м).

Возникает вопрос, почему же эти палаты возводились отдельными, независимыми от основного объема помещениями, а не явились результатом механического продолжения уже намеченных стен храма? Возможно, ответ на этот вопрос лежит в особенностях того времени, когда возводилась Десятинная церковь.

В момент принятия христианства на Руси, во времена Владимира, само христианство было едино, без разделения на восточную и западную церковь. В этот период "большое внимание уделялось ветхозаветной тематике с ее историческим уклоном" (Вагнер Г.К., 1990, с. 33). Христианство впервые было принято на Руси на государственном уровне и становилось достоянием всех сфер жизни общества. В нем должны были искать ответ на многие вопросы жизни, в том числе и на такой вопрос, каким должен быть христианский храм. Десятинная церковь была первым каменным храмом на Руси, да к тому же таким сложным по структуре, которая отвечала ее функции: "быть одновременно великокняжеской, общегородской и кафедральной" (Вагнер Г.К., 1990, с. 34). Возможно тогда и встал вопрос о совмещении культовых помещений со светскими палатами. Ответ был получен на страницах Ветхого завета Библии: царь Соломон при строительстве своего храма столкнулся с подобными проблемами и разрешил их: он "сделал пристройку вокруг храма ... и сделал боковые комнаты кругом" (3 Цар. 6:5). При этом "вокруг храма извне сделаны были уступы, дабы пристройка не прикасалась к стеным храма" (3 Цар. 6:6). По-видимому, в Десятинной церкви уступы сделать не удалось, но выполнили вторые стены, которые и отделили палаты от храма, дабы они "не прикасались к стенам храма". Были и другие заимствования из храма Соломона. Там вход в средний ярус (в нашем случае – второй ярус) был с "правой стороны" (2 Цар. 6:8). Именно с правой стороны от западного входа в крайнем юго-западном помещении и могла располагаться лестница на второй ярус. Раскопанный центральный прямоугольный столб мог выполнять функцию опоры для лестницы. Подобная лестница существовала в сирийской церкви Каср-ибн-Вардан 564 г. (рис. 5) (Комеч А.И., 1987, с. 13). Не исключено, что при этом сохранялись и первоначально задуманные, но теперь уже внутренние лестницы.

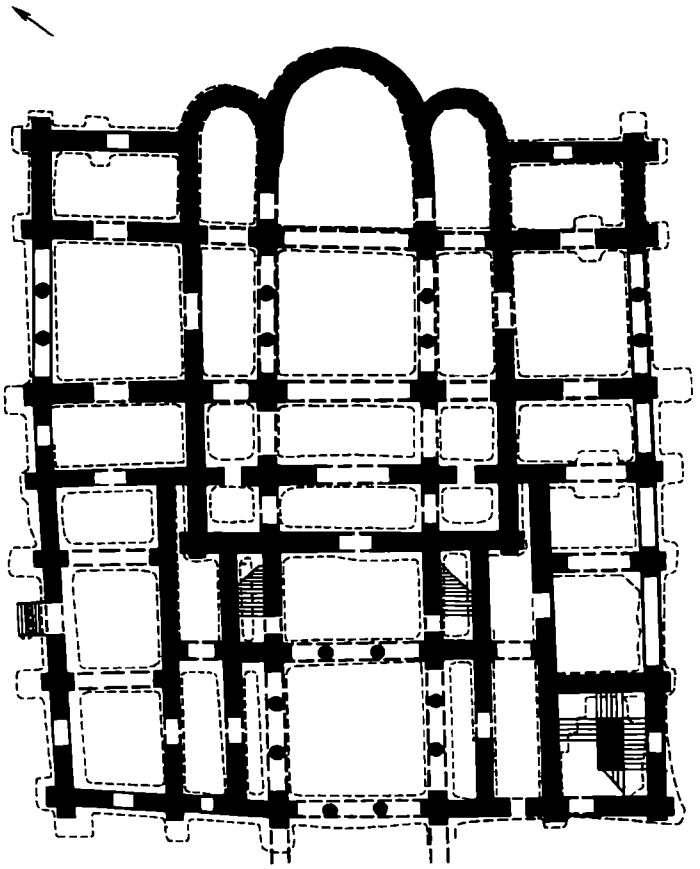


Рис. 6. Реконструкция плана Десятинной церкви в Киеве, 991–995 гг.

Вторая модель Десятинной церкви в процессе строительства претерпела определенную корректировку. Если бы Десятинная церковь была выстроена в соответствии с принятым модулем, то ее ширина составила бы 29,9 м между южной и северной галереями, а в раскопанном храме она колеблется от 30,05 м до 30,80 м (Красовский И.С., 1984, с. 184, рис. 3). Именно за пределами лопатки на крайней восточной перемычке фундаментов ширина храма выходит за пределы модульного размера. Ширина Десятинной церкви по линии поперечного центрального нефа составляет 30,80 м, что соответствует 100 греческим футам. Таким образом, если первоначальная модель постройки точно укладывалась в модуль, равный малой сажени, то теперь, на этой стадии строительства, требовалось соблюдение другого модуля, в основе которого лежал греческий фут. В этом отношении обращает на себя внимание южная стена центрального подкупольного звена. Это самая длинная поперечная стена постройки. Ее размер составляет 37,0 м. Этот размер является не случайным. В нем как бы нашли примирение две меры, которые использовались при строительстве Десятинной церкви в Киеве: русская малая сажень и греческий фут: 1,424 × 26 = 37,02 и 0,308 × 120 = 36,96 м. Применение двух мер длины – греческой и русской – вероятно было вызвано тем, что откопка фундаментальных рвов и их забутовка проводились русскими мастерами. Возведение же наружных стен было поручено греческим мастерам.

Спустя полстолетия после строительства Десятинной церкви (рис. 6) возведением Софийских соборов в Киеве и Новгороде начался новый этап культового монументального строительства на Руси. Однако в каждом из этих соборов незримо присутствовала Десятинная церковь: протяженность ее основного ядра – 27,00 м была принята за исходный внутренний размер ширины и длины пятинефного ядра Софии Киевской и за длину центрального пятинефного ядра Софии Новгородской по наружному обмеру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асеев Ю.С., 1982. Архитектура Древнего Киева. Киев.

Афанасьев К.Н., 1961. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.

Бирюков Ю.Б., 1995. Церковь Николы в Киеве // Реставрация и архитектурная археология. Вып. 2. М.

Брунов Н.И., 1953. Рец. на кн.: Каргер М.К. Археологические исследования Древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947). Киев, 1950 // ВВ. № 12.

Вагнер Г.К., 1990. Искусство мыслить в камне. М.

Каргер М.К., 1961. Древний Киев. Т. 2. М.; Л.

Комеч А.И., 1987. Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М.

Корзухина Г.Ф., 1957. К реконструкции Десятинной церкви // СА. № 2.

Красовский И.С., 1984. Реконструкция плана фундаментов Десятинной церкви в Киеве // СА. № 3.

Краткое историческое описание Десятинной церкви в Киеве. Приложение, 1829. СПб.

Лаврентьевская летопись, 1928 // ПСРЛ. Т. 1.

Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью, 1895 // ПСРЛ. Т. 9.

Логвин Г.Н., 1978. Новые исследования древнерусской архитектуры // Строительство и архитектура. № 8.

Логвин Н.Г., 1988. Первоначальный облик Десятинной церкви в Киеве // Древности славян и Руси. М.

Макарий митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви, 1995. Кн. 2. М.

Пастернак Я., 1961. Археологія України. Торонто.

Приселков М.Д., 1913. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XIII вв. СПб.

Рапов О.М., 1988. Русская церковь в IX – первой трети XII в. М.

Раппопорт П.А., 1962. Археологическое исследование памятников русского зодчества X–XIII вв. // СА. № 2.

Сухов Д.П., 1980. Выставка рисунков. М.

Харламов В.А., 1985. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев.

Холостенко М.В., 1965. З історії зодчества Древньої Русі XI ст. // Археологія. Т. 19.

Шахматов А.А., 1908. Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.

Щапов Я.И., 1989. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.

Центральный музей древнерусского
искусства и культуры
имени Андрея Рублева, Москва

А.Б. ЛАГУТИН

ПОГРЕБЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КОЧЕВНИКА У СЕЛА ПРИБРЕЖНОЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ[1]

Летом 1992 г. Кара-Тобинским отрядом Объединенной крымской археологической экспедиции РОУ–МГУ были проведены раскопки кургана 1 курганной группы Кара-Тобе (Внуков С.Ю., 1995). Она находится к югу от с. Прибрежное Сакского района Крыма примерно в 300 м к северо-востоку от греко-скифского городища Кара-Тобе. Курганы были обнаружены П.Н. Шульцем в 1934 г. Тогда же им был раскопан один

[1] Автор выражает благодарность за возможность публикации данного материала и помощь в его обработке начальнику отряда к.и.н. С.Ю. Внукову.

© А.Б. Лагутин, 1998 г.

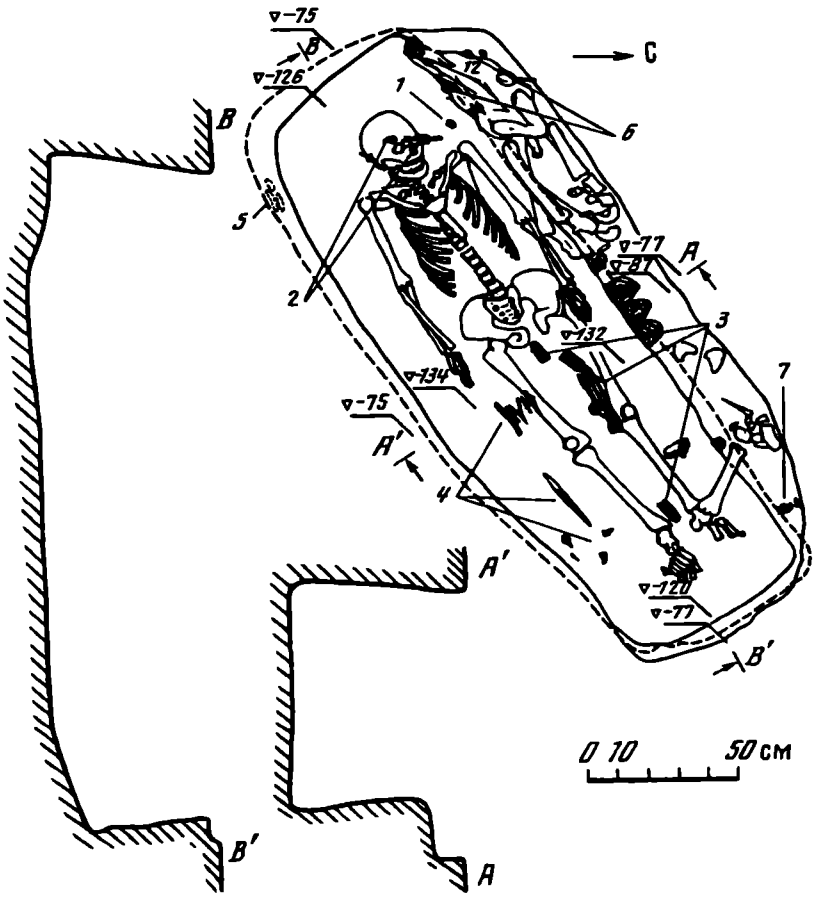


Рис. 1. План и разрезы погребения 1 из кургана 1 курганной группы Кара-Тобе. *1* – остатки железной фибулы; *2* – роговой футляр и его пробка; *3* – костяные накладки сложного лука; *4* – колчанные петли и стрелы; *5* – ребра овцы; *6* – железные удила; *7* – железная подпружная пряжка

из них (Шульц П.Н., 1937). С тех пор площадь, включающая Курганную группу, интенсивно осваивалась – были уничтожены все курганные насыпи, кроме одной, на вершине которой стоит геодезический триангуляционный знак. В 1988 г. следы этой курганной группы повторно зафиксированы во время разведочных работ в окрестностях городища Кара-Тобе. Нумерация курганов начата с 1, так как П.Н. Шульц не оставил надежно привязанного плана и связать результаты работ 1988 г. и 1934 г. невозможно.

Насыпь кургана 1, как и остальных, была почти полностью уничтожена в процессе хозяйственных работ. Она представляла собой очень слабое поднятие почвы (высота не более 0,4 м) диаметром около 20 м. На поверхности насыпи было собрано большое количество обломков сосудов эллинистического времени.

Курган был насыпан в конце III–II вв. до н.э.[2] над полностью разграбленным центральным погребением, датированным по упомянутым обломкам керамики в насыпи и на ее поверхности.

Позднее курган дважды переиспользовался. Видимо, в салтово-маяцкое время в его юго-восточной поле появилась подбойная могила. Рядом с ней в XII вв. было сооружено погребение средневекового воина-кочевника (рис. 1). Ему-то и посвящена основная часть данной работы.

Погребение совершено в подпрямоугольной яме 2,30 × 0,95 м, ориентированной по оси юго-запад – северо-восток. Максимальная глубина ямы 0,6 м. Вдоль ее северо-западной стенки сооружена ступенька шириной 0,25 м, глубиной 0,10 м (рис. 1).

[2] Датировка С.Ю. Внукова.

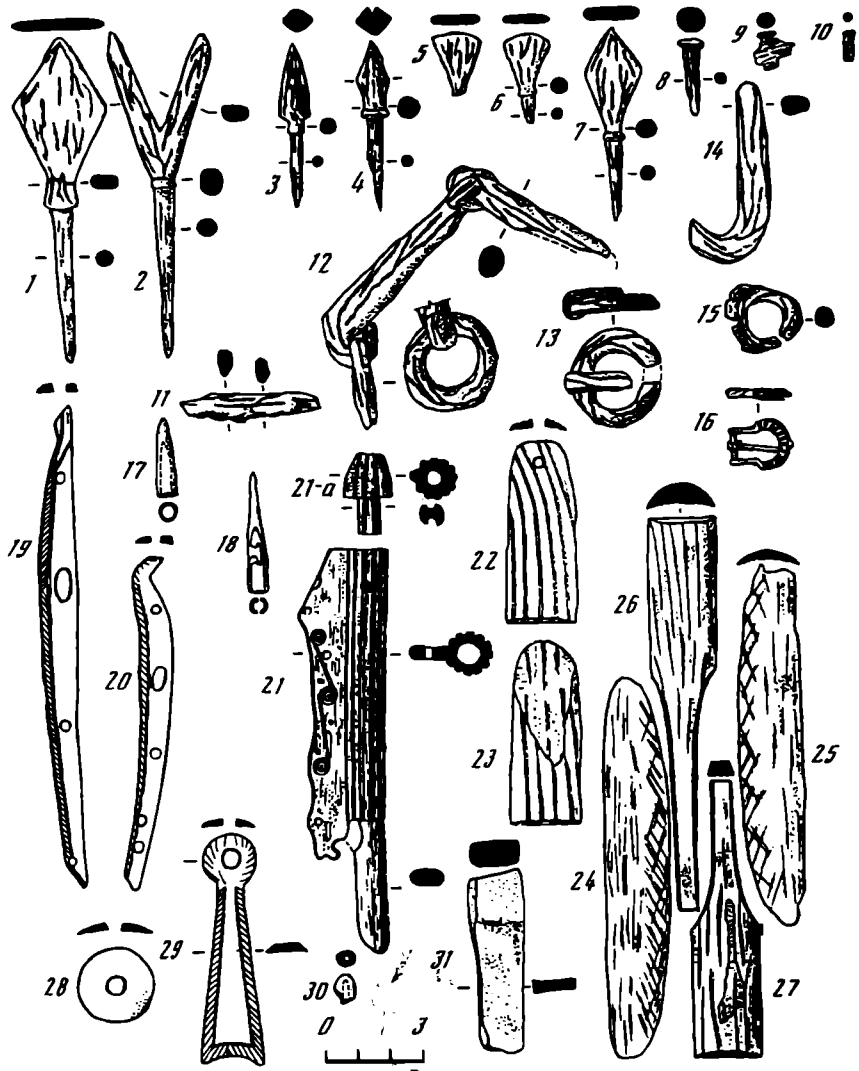


Рис. 2. Находки из погребения 1 из кургана 1 курганной группы Кара-Тобе: *11–15* – железо; *16* – бронза; *17–20, 22–30* – кость; *21* – рог; *31* – камень; *1–7, 17* – наконечники стрел; *8–10* – гвозди – стержни; *11* – нож; *12* – удила; *13, 16* – пряжки; *15* – кольцо; *18* – наконечник; *19, 20* – колчанные петли; *21, 21а* – футляр с крышкой; *22–27* – накладки сложного лука; *28* – диск (пуговица?); *29* – пластина; *30* – головка булавки; *31* – оселок

На дне ямы расчищен скелет мужчины 25–30[3] лет. Практически все его кости лежали в анатомическом порядке. Погребенный был положен вытянуто на спине головой на юго-запад (рис. 1).

Вместе со скелетом в яме обнаружено 27 разнообразных изделий. Над костями левого плеча зафиксированы остатки не сохранившейся корродированной железной пружинной фибулы (рис. 1). Под черепом лежал орнаментированный роговой[4] футляр (рис. 2, *21*) цилиндрической формы с высверленной внутренней полостью. Футляр имеет продольный фигурный гребень, в котором просверлены три сквозных отверстия. В одной плоскости с гребнем внизу футляр имеет "отросток" – ручку (?). В верхней части футляра в стенках просверлены два сквозных наклонных отверстия, расположенные друг напротив друга. Рядом с футляром лежала его пробка (рис. 2, *21а*). Она выполнена в форме грибка, "шляпка" которого орнаментирована и имеет

[3] Предварительное антропологическое определение С.Ю. Внукова и автора.

[4] Определение материала Л.И. Смирновой.

небольшой продольный вырост, соответствующий гребню на футляре. Внутри пробки посверлено вертикальное отверстие, канал которого книзу, т.е. к "ножке", расходится надвое в виде перевернутой латинской буквы Y. Эти расходящиеся каналы соответствуют наклонным отверстиям в стенках футляра. Справа от черепа найден небольшой черешковый однолезвийный нож (рис. 2, *11*) с приржавевшим к нему железным стержнем (рис. 2, *10*).

Слева от берцовых костей левой ноги компактно лежали сломанное железное рамочное кресало (рис. 2, *14*) с приржавевшим к нему большим железным гвоздем (рис. 2, *8*) и сильно сработанный каменный брусок для точки ножа (рис. 2, *31*).

У лобковых костей обнаружена прямоугольная костяная пластина (рис. 2, *22*), одна короткая сторона которой скруглена. По центру этого скругления просверлено сквозное отверстие. Обе поверхности пластины покрыты бороздами и насечками. В них фиксируются частички белесого органического тлена. Между ног погребенного лежали костяные накладки центральной части сложного лука (рис. 2, *24–27*) – две срединные – лопатковидные (рис. 2, *26, 27*) и две боковые подовальной формы (рис. 2, *24, 25*). Поверхности накладок аналогичны поверхности описанной выше пластины (рис. 2, *22*). Они также имеют борозды и насечки со следами органического тлена в них. Под боковыми накладками лежал костяной диск с отверстием в центре, – возможно, – пуговица (рис. 2, *28*). Между костями стоп найдена костяная пластина (рис. 2, *23*), аналогичная той, которой лежала у лобковых костей (рис. 2, *22*), но без отверстия. На внешних поверхностях всех накладок (рис. 2, *22–27*) фиксируются остатки покрывавшего их тонкого слоя бересты. Справа от правой бедренной кости расчищены четыре железных черешковых наконечника стрел (рис. 2, *1–4*). Два из них плоские охотничьи – ромбовидный (рис. 2, *1*) и жаловидный (рис. 2, *2*), два других – четырехгранные – бронебойные. Рядом с наконечниками лежала орнаментированная костяная колчанная петля с отверстиями (рис. 2, *20*). Несколько северо-восточнее была найдена другая колчанная петля, парная описанной выше (рис. 2, *19*). Рядом со второй петлей обнаружены еще три наконечника стрел: два железных плоских черешковых – ромбовидный (рис. 2, *7*) и долотцевидный (срезень рис. 2, *6*), а также один костяной втульчатый пулевидный (рис. 2, *17*). Справа от костей правой стопы лежал небольшой железный гвоздь с остатками истлевшего дерева на нем (рис. 2, *9*). В южном углу ямы обнаружены несколько обломков ребер овцы (рис. 1).

Заполнение ямы представляло собой сильно гумусированный темный комковатый суглинок, насыщенный древесным тленом. В заполнении найдены обломок еще одного железного черешкового плоского долотцевидного наконечника стрелы (срезня – рис. 2, *5*) и костяная округлая головка железной булавки (рис. 2, *30*).

На краю ступеньки вдоль северо-западной стенки ямы расчищены остатки плах деревянного перекрытия. Поверх плах лежали череп и кости конечностей коня (рис. 1). Череп находился в юго-западной части ступеньки. За черепом лежали кости передних ног коня, отчлененных по коленный сустав. Кости задних ног, отчлененные по пястный сустав, находились в северо-восточной части ступеньки.

Вместе с костями коня на ступеньке было обнаружено пять изделий. В зубах у черепа находились железные двусоставные удила (рис. 2, *12*) с одной парой подвижных колец. Справа от черепа найдено небольшое железное кольцо (рис. 2, *15*). Немного северо-восточнее лежал втульчатый костяной наконечник (рис. 2, *18*) со сквозным отверстием в стенках втулки. Среди костей передних ног обнаружена орнаментированная костяная пластина (рис. 2, *29*) в виде кольца на расширяющейся трапециевидной ножке. В самой северо-восточной части ступеньки за костями задних конечностей коня находилась круглая железная подпружная пряжка (рис. 2, *13*) с подвижным язычком.

В слое, перекрывающем уровень обнаружения ямы погребения, найдена бронзовая орнаментированная лировидная пряжка с подвижным языком (рис. 2, *16*).

Большинство вещей зафиксировано in situ. Исключение составляют несколько наконечников стрел (рис. 2, *5–7, 17*), головка булавки (рис. 2, *30*) и бронзовая пряжка (рис. 2, *16*), вероятно, перемещенные грызунами. На основании этого можно реконструировать некоторые существенные детали. Погребенный в момент захоронения был одет в рубаху или плащ, скрепленный на левом плече фибулой (рис. 1). Вместе с покойником в могилу был положен сложный лук, снабженный системой костяных накладок (рис. 2, *24–27*), посаженных на рыбий клей и примотанных к остову эластичной берестой (подробней см.: Медведев А.Ф., 1959, с. 143, 144, рис. 8, 10). Возможно лук был убран в налучье, застегнутое на крупную костяную пуговицу (рис. 2, *28*). Здесь же находились колчан из несохранившегося органического материала с двумя костяными петлями (рис. 2, *19, 20*) и с набором боевых (рис. 2, *3, 4*) и охотничьих (рис. 2, *1, 2, 5–7, 17*) стрел, уложенных в нем остриями вверх, а также несохранившийся мешочек из органического материала с кресалом (рис. 2, *14*), оселком (рис. 2, *31*) и гвоздем (рис. 2, *8*). Кроме того, в могилу была положена ритуальная пища – баранья грудинка (рис. 1).

Погребение человека, вероятно, было перекрыто, наклонно (со ступеньки к основанию юго-восточной стенки ямы) положенными плахами. Шкура[5] взнузданного коня была уложена на ступеньке. В ее северо-восточной части, вероятно, располагалось полностью утраченное деревянное седло, от которого осталась лишь подпружная пряжка (рис. 2, *13*).

Несмотря на обилие и разнообразие сопроводительного инвентаря, данных для датировки погребения немного. Некоторые хронологические выводы можно сделать лишь исходя из присутствия в погребении двух крупных охотничьих наконечников стрел (рис. 2, *1, 2*), удил (рис. 2, *12*), бронзовой пряжки (рис. 2, *16*) и накладок центральной части лука (рис. 2, *24–27*).

Бронзовая пряжка дает достаточные основания для ранней датировки. Пряжки подобного типа имеют очень широкие аналогии (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 42, 43) в комплексах датирующихся X–XI вв., реже – началом XII в. Накладки центральной части лука подобной формы встречаются в памятниках конца XI–XIII вв. (Плетнева С.А., 1981а, с. 215; Медведев А.Ф., 1966, с. 18).

Наконечники стрел могут служить датирующим признаком благодаря своим размерам. С.А. Плетнева пишет по этому поводу: "Общая тенденция изменения наконечников стрел во времени направлена на увеличение их размеров – чем больше наконечник, тем меньше данных датировать его ранним временем" (Плетнева С.А., 1981а, с. 215). А.Ф. Медведев относит большие ромбические наконечники, подобные нашему, даже к XIV в. (Медведев А.Ф., 1966, с. 64, табл. 27, *8*).

Удила на первый взгляд дают мало информации для датировки (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 7). Но С.А. Плетнева усматривает следующую закономерность в изменении размеров колец удил: ".... в XI–XII вв. они чаще небольшие (не более 4 см), а в поздних комплексах XII–XIII вв. диаметр доходит до 7 см" (Плетнева С.А., 1981а, с. 215). Диаметр колец удил из описываемого погребения около 4,5 см. Безусловно, сам по себе этот факт ничего не доказывает, так как удила с маленькими кольцами не прекращают своего существования и "доживают" до этнографической современности. Но в комплексе с другими доводами он может служить дополнительным подтверждением более ранней датировки.

Весь прочий инвентарь делится на две категории. Первая – типичные вещи, имеющие очень широкие датировки, к ней относятся: подпружная пряжка (рис. 2, *13*), кресало (рис. 2, *14*), нож (рис. 2, *11*), остальные наконечники стрел (рис. 2, *3–7, 17*), в т.ч. костяной (рис. 2, *17*), колчанные петли (рис. 2, *19, 20*) и, тем более, гвозди (рис. 2, *8–10*).

---

[5] В литературе, посвященной восточно-европейским средневековым кочевникам, принят термин "чучело". Исследователи сибирских кочевнических древностей предпочитают термин "шкура". Автор считает последний более обоснованным.

Вторая категория – редкие вещи, которые не имеют, или почти не имеют, аналогий. Это костяные подпрямоугольные накладки лука (рис. 2, *22, 23*), костяная пластина в виде кольца на ножке (рис. 2, *29*), костяной наконечник со сквозным отверстием (рис. 2, *18*) и роговой футляр с крышкой (рис. 2, *21, 21а*).

Костяные подпрямоугольные накладки, безусловно, являются деталями сложного лука. На это указывают их внешний вид, положение в погребении и то, что на них сохранились береста и остатки рыбьего клея. Но среди многочисленных, известных автору по публикациям и обобщающим работам деталей сложных луков ничего подобного не известно (см. например: Медведев А.Ф., 1966; Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Плетнева С.А., 1973). Непонятно и их функциональное назначение в системе сложного лука.

Орнаментированной пластине в виде кольца на ножке также не найдено никаких аналогий. Судя по месту ее обнаружения, пластина являлась частью конской сбруи. Обращает на себя внимание тот факт, что она относится как бы к одному "гарнитуру" с колчанными петлями (рис. 2, *19, 20*).

Костяной наконечник со сквозным отверстием отличается от описанных выше вещей этой категории тем, что автору известна одна почти полная аналогия ему. Она происходит из очень похожего на наше погребение в Поросье, раскопанного Н.Е. Брандербургом (Плетнева С.А., 1973, с. 37, табл. 15, *13*). Причем, тот наконечник тоже был обнаружен на костях коня и, вероятно, как и наш являлся элементом сбруи. К сожалению, никаких попыток интерпретации этого изделия автором публикации материала С.А. Плетневой не было предпринято.

Роговой футляр также имеет ряд аналогий. Они подробно рассмотрены в специальной работе, посвященной этой находке (Лагутин А.Б., 1997, с. 47–72). Здесь вкратце можно отметить, что ближайшая аналогия происходит из раскопок жилища X–XI вв. в Киеве (Зоценко В.М., Брайчевська О.А., 1993, с. 87, рис. 22, *1*). Две другие функционально и конструктивно близкие вещи известны по раскопкам славянских курганов на озере Селигер (Успенская А.В., 1993, с. 111, 112, рис. 20) и посада древнерусского города Новогрудка (Гуревич Ф.Д., 1981, с. 105, рис. 86, *6*). Первая из этих двух вещей надежно датируется монетной находкой концом XI в. Вторая имеет лишь широкую дату XI–XIII в.

Кроме того, в качестве гипотетических аналогий футляру можно также привлечь широко распространенные в Центральной и Северной России в XI–XIII вв. бронзовые игольники, а также бронзовые и костяные "ножевидные подвески". Эти изделия, как правило, связываются с материальной культурой финно-угорских и балтских народов (Недошивина Н.Г., 1993, с. 40, рис. 1, *2, 3*). Так или иначе, по своей стилистике футляр больше тяготеет к материальной культуре Северной и Центральной России, чем к средневековым кочевническим древностям.

Вопрос о функциональном назначении футляра остается открытым. Делались попытки интерпретировать его как игольник (хотя это наименее вероятно), как флакон для яда, наркотического вещества, нюхательной соли и т.п. Интересную гипотезу высказал А.Г. Атавин: футляр мог использоваться для хранения трута, который всегда должен быть сухим. Для достижения этого служила плотно притертая крышка футляра. Косвенно данное предположение подтверждает присутствие в погребении железного кресала (рис. 2, *14*).

Возможно, для прояснения вопроса о функциональном назначении описанных редких вещей из погребения стоит обратиться к этнографическим параллелям.

Погребальный обряд, следы которого зафиксированы нами, очень характерен для кочевников торко-печенежского круга (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 114). С.А. Плетнева считает наличие ступеньки для укладки шкуры коня отличительным признаком именно торческого обряда. Уже упоминалось, что передние ноги коня были отчленены по коленный сустав, а задние – по пястный. Исходя из этого, в соответствии с теорией А.Г. Атавина (Атавин А.Г., 1984), можно предположить, что

Рис. 3. Обломок половецкого изваяния из верхних слоев греко-скифского городища Кара-Тобе

обряд уже испытал половецкое влияние. Остатки деревянного перекрытия погребения человека, как правило, также связывают с половецким влиянием.

Из всего выше перечисленного можно сделать вывод, что мы имеем дело с впускным погребением кочевника-торка, уже испытавшим на себе половецкое влияние, и широко датировать его XII в.

Этнополитическая и археологическая карты степей Евразии этого периода хорошо разработаны (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 214; Плетнева С.А., 1981б). Северо-Западный Крым является одним из немногочисленных белых пятен на этих картах. Насколько мне известно, самые западные из исследованных в Крыму памятников подобного типа находятся в устье р. Булганак и в районе Симферополя. В первом случае, это полностью разрушенное вспашкой погребение, впущенное в культурный слой позднескифского Булганакского городища (Храпунов И.Н., 1991, с. 21, 22, рис. 36–39, 57). Во втором – несколько погребений, которые, судя по публикации, имеют больше половецких черт, чем раскопанное нами (Домбровский О.И., 1986, с. 518, рис. 128).

Таким образом, можно предположить, что описанное выше погребение является одним из первых археологических свидетельств присутствия торков в Северо-Западном Крыму. Пока трудно судить о том, насколько продолжительным было это присутствие. В пользу его долговременности может косвенно свидетельствовать тот факт, что в каменном закладе средневекового погребения, впущенного в культурный слой городища Кара-Тобе, обнаружен переиспользованный обломок половецкого изваяния (рис. 3). С.А. Плетнева датирует аналогичные изваяния концом XI–XII вв.

(Плетнева С.А., 1981а, с. 220). Подобные изваяния практически всегда ставились на культовых местах (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 190–193), как правило, связанных с долговременными поселениями.

Наличие в одном вышеописанном погребении такого количества редких вещей может свидетельствовать о некоторой самобытности материальной культуры оставившей его кочевой группы. Хотя, пока рано говорить об этом всерьез.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. № 5.

Внуков С.Ю., 1995. Археологические исследования на окраине города Саки // Крымский музей. № 3. Симферополь.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.

Домбровский О.И., 1986. Средневековый Крым X–XV вв. // Археология УССР. Т. III. Киев.

Зоценко В.М., Брайчевська О.А., 1993. Ремісничий осередок XI–XII ст. на Київському Подолі // Стародавій Київ. Археологічні дослідження в 1984–1989 рр. Київ.

Лагутин А.Б., 1997. Северорусский роговой "игольник" из погребения средневекового кочевника в Крыму // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в средневековье. Вып. II. Тверь.

Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.

Недошивина Н.Г., 1993. Об одной группе древнерусских амулетов // Средневековые древности Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 82. М.

Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1-19. М.

Плетнева С.А., 1981а. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Плетнева С.А., 1981б. Восточноевропейские степи в половецкий период. Карта // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Успенская А.В., 1993. Березовецкий могильник // Средневековые древности Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 82. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Храпунов И.Н., 1991. Булганакское позднескифское городище (по материалам раскопок 1981–1989 гг.) // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь.

Шульц П.Н., 1937. Археологические исследования в Северо-Западном Крыму // СА. Вып. III.

Музей археологии Москвы

А.Г. ВЕКСЛЕР, В.Ю. КОВАЛЬ

ВИЗАНТИЙСКАЯ АМФОРА С ДИПИНТО ИЗ РАСКОПОК НА МАНЕЖНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ

При крупномасштабных археологических раскопках, проводившихся Центром археологических исследований (ЦАИ) г. Москвы в 1994 г. на Манежной площади, на раскопе № 12 в одной из материковых ям было найдено более 140 обломков византийской амфоры (Векслер А.Г., 1994, с. 133)[1], по которым оказалось возможным реконструировать ее форму (рис. 1). Обломки средневековых амфор византийского

[1] Руководитель работ А.Г. Векслер. Начальник раскопа Д.О. Осипов. Реставрация амфоры и ее графическая реконструкция проведены Н.И. Чудновской.

© А.Г. Векслер, В.Ю. Коваль, 1998 г.

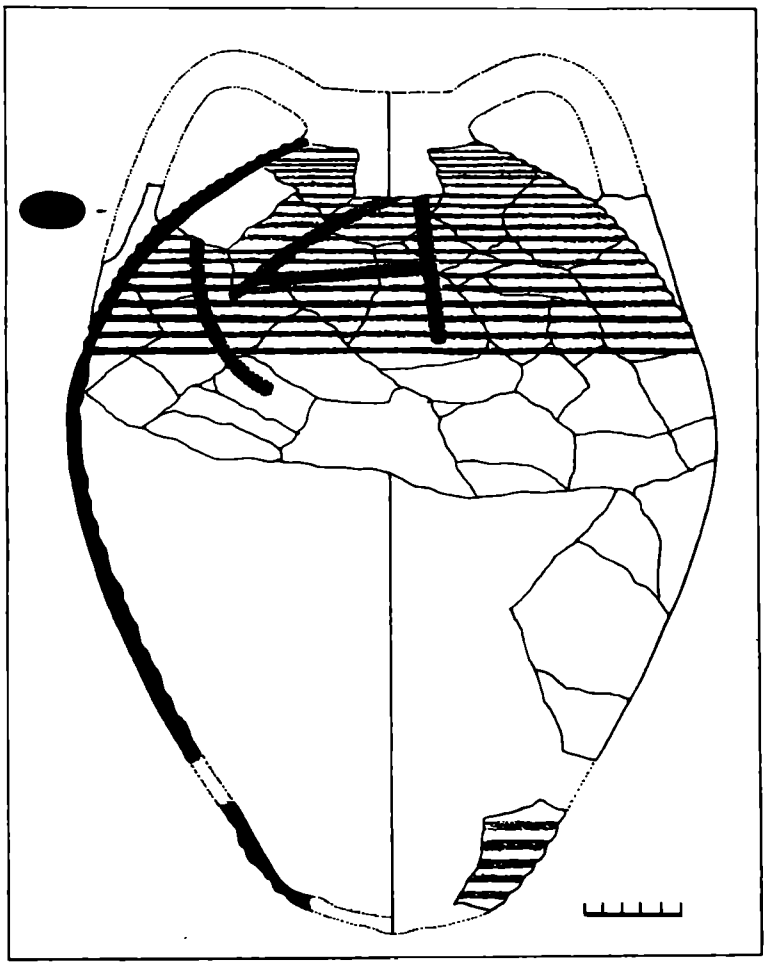


Рис. 1. Византийская амфора с Манежной площади (реконструкция)

круга являются редкой находкой в культурном слое Москвы и ранее были известны только на территории Кремля (Рабинович М.Г., 1971, с. 27; Панова Т.Д., 1994, с. 86), причем в виде разрозненных фрагментов. Таким образом, амфора с Манежной площади стала первой в Москве находкой византийской керамики за пределами Кремля. В связи с этим попутно заметим, что впоследствии, при охранных раскопках ЦАИ в 1995 г. на ул. Ильинке (Китай-город), в слое XIV–XV вв. также был найден образец амфорной керамики – обломок стенки[2], причем вторично использованный как подпрямоугольная заготовка с зашлифованными краями (раскоп 1, участок 4, кв. 64, пол. № 13). Особо следует отметить тот факт, что на Манежной площади впервые в Москве был найден развал одного сосуда, для которого удалось восстановить полный профиль.

Амфора, найденная на Манежной площади, была изготовлена из бежево-красной хорошо отмученной глины с большим количеством включений песка мельчайшей фракции и мелкой слюды. Максимальный диаметр амфоры 34 см, высота реконструируется в пределах 40–46 см (от дна до края горла). Стенки толщиной 0,6–0,9 см, покрыты волнообразным рифлением, поверх которого бы нанесен тонкий слой белого ангоба, доходивший от горла до середины тулова. Ручки овальные в сечении – 3,5 × 2,5 см. Отличительной особенностью данного экземпляра является сильное пластинчатое расслоение черепков, не характерное для византийских амфор и про-

[2] Этот обломок относился к амфоре типа "Трапезунд", т.е. к тому же самому типу, что и амфора с Манежной площади (см. ниже).

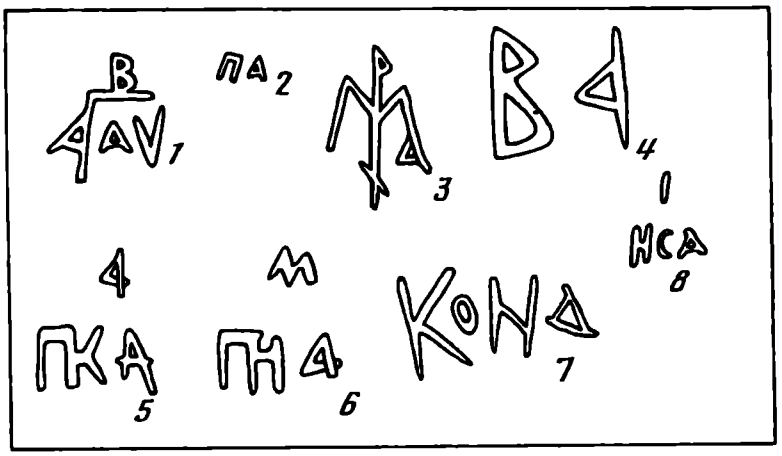


Рис. 2. Дипинти на амфорах из Константинополя (Demangel R., Mamboury E., 1939, fig. 200, *8, 14, 29, 37, 39, 46*; 201, *60, 87*).
1, 2, 6 – дипинти черной краской; *4, 5* – дипинти красной краской

исшедшее, по-видимому, из-за вторичного термического воздействия на обломки сосуда (пережога их в пожаре?).

Форма тулова и остальные параметры амфоры свидетельствуют о ее принадлежности к наиболее распространенному в XII–XIII вв. как в Причерноморье, так и на Руси, типу амфор – так называемым "грушевидным с дугообразными ручками" (Якобсон А.Л., 1979, с. 109, 110, рис. 69, *4, 5*), производство которых предположительно существовало в окрестностях малоазийского города Трапезунда (Волков И.В., 1992, с. 144–147). Расположение стыковочного шва (от соединения верхней и нижней частей амфоры, формовавшихся отдельно) ниже корней ручек, близко к линии максимального диаметра амфоры, позволяет рассматривать данную находку в контексте эволюционного ряда "трапезундских" амфор, разработанного И.В. Волковым (Волков И.В., 1992, с. 147, рис. 1, *3, 4*), и датировать ее XIII в. На такую датировку указывает и расположение ручек амфоры, поднимающихся не вертикально вверх от плечиков, а под наклоном к ним.

Добавим, что описываемая амфора была изготовлена из формовочной массы типа I, а по своим размерам принадлежала к стандарту № 3 по группировке упомянутого исследователя (Волков И.В., 1989, с. 89, 90). Формовочная масса типа I являлась самой распространенной среди трапезундских амфор, тогда как стандарт № 3 (амфоры малых размеров) был среди них довольно редким.

Если учитывать установленное археологическими раскопками во многих древнерусских городах прекращение ввоза на Русь византийского вина в амфорах после Батыева нашествия (Рыбина Е.А., 1978, с. 29), то время изготовления и бытования данной амфоры должно ограничиваться концом XII в. – 1237 г. Материалы комплекса, из которого происходит находка ("серая" раннемосковская керамика с формами венчиков, характерными для XIII в. (Векслер А.Г., 1994, илл. 115, табл. 10, *4–6*), не противоречат этой датировке.

Уникальность исследуемой находки определяется не только тем, что это первая в Москве полностью реконструируемая византийская амфора, но главным образом сохранившейся на ее рифленом плечике частью дипинто, выполненного красной краской. Традиция маркировки амфор при помощи нанесения на них знаков неводостойкой черной или красной краской (т.е. дипинти) существовала только в Византии и, возможно, некоторых странах Причерноморья с господствовавшей там провинциально-византийской культурой (Волков И.В., 1989, с. 91). Амфоры с дипинти были найдены в большом количестве, например, при раскопках в Константинополе (Demangel R., Mamboury E., 1939, p. 149), причем в основном они были выполнены черной краской, красная же применялась менее чем в 1/3 случаев. Дипинто на московской амфоре сопоставимо с дипинти из Константинополя (рис. 2). Лучше сохранившийся

подтреугольный знак, очевидно, представляет собой греческую букву "альфа" – близкое начертание этой буквы можно видеть на константинопольских дипинти (Demangel R., Mamboury E., 1939, fig. 200, *8, 14, 37;* 201, *60*) (рис. 2, *1, 2, 4, 6*). Перед буквой "А" стояла какая-то вторая буква, скорее всего "К" или "М". В целом дипинто состояло, вероятно, из двух-трех букв.

До сих пор амфоры с греческими дипинти на Руси известны не были, хотя во многих городах находили обломки амфор с граффити (гравированными, т.е. процарапанными по обожженной поверхности сосуда надписями и знаками). По авторитетному мнению исследователей византийской керамики, граффити на амфорах могли обозначать инициалы имени владельца, название хранившегося в амфоре продукта, составлять числительные (Романчук А.И., 1986, с. 172–178). Например, буквы КА означали число 21 (Романчук А.И., 1986, с. 175). Очевидно, то же самое значение имели и дипинти.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что публикуемая амфора найдена не в Кремле, а на участке отделенного от детинца р. Неглинная поселения, о существовании которого в домонгольский период вообще не было известно до раскопок ЦАИ на Манежной площади. Материалы ямы № 18, из которой происходит исследуемая находка, являются составным элементом хронологического комплекса (предматерикового слоя и связанных с ним ям и сооружений), включавшего наряду с характерной домонгольской керамикой XII–XIII вв. многочисленные синхронные находки: обломки стеклянных браслетов и стеклянных сосудов киевского производства, шарообразные хрустальные бусины, медные пластинчатые перстни и бубенчики с щелевидной прорезью, шиферные пряслица, обломки керамических светильников "киевского типа" (Векслер А.Г., 1994, илл. 202, *3–7*; 203, *1–2*). Все эти находки подтверждают вывод о длительном обживании данной территории и позволяют говорить о наличии на месте Манежной площади неизвестного ранее участка раннемосковского посада в Занеглименье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Векслер А.Г., 1994. Отчет об археологических исследованиях на Манежной площади в Москве в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Волков И.В., 1989. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону.

Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов.

Панова Т.Д., 1994. Археологические наблюдения в Московском Кремле // АО – 1993. М.

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М.

Романчук А.И., 1986. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. № 4.

Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XVI вв. М.

Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Demangel R., Mamboury E., 1939. Le quarier des Manganes et la premiere region de Constantinople. Paris.

Центр археологических исследований
Управления госконтроля охраны и использования
памятников истории и культуры г. Москвы

Т.Д. ПАНОВА

О НЕКОТОРЫХ КЕРАМИЧЕСКИХ НАХОДКАХ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В 1991 г. при наблюдениях за строительными работами во дворе правительственного здания у Спасских ворот Кремля (б. здание Президиума Верховного Совета СССР), в отложениях XIII в. были найдены фрагменты двух крупных красноглиняных сосудов, один из которых имел нехарактерный для древнерусской городской посуды налепной орнамент.

Поскольку наблюдения проводились в зимнее время – в декабре при довольно сильных морозах, досконально исследовать заполнение культурного слоя в открытом шурфе было крайне сложно (многие фрагменты сосудов удавалось добыть из земли только с помощью отбойного молотка). Незначительна была и площадь наблюдений – в шурф попал участок жилого слоя средневековой Москвы площадью около 4 м^2 (с подбоем под южный борт – несколько больше). Гумус в месте наблюдений, на глубине 3,8–4,6 м от современной поверхности имел типичное для ранних городских слоев заполнение – в нем встречены щепа, кости животных, солома, скорлупа лесных орехов, зерна злаков, угольки и пр.

Среди 46 фрагментов орнаментированного сосуда нет венчиков и сохранился только один обломок стенки с частью днища. Все фрагменты имеют толщину в пределах 0,8–1,0 см. Сделан сосуд из светло-красной глины со значительными добавками – в тесте есть мелкие камушки, толченый кварцит и примесь слюды. Тесто неплохо отмучено, но на внутренней поверхности сосуда все же имеются мелкие трещины и пустоты; она шероховатая из-за выступающих наружу примесей – кусочков кварца и камушков. В изломе черепок трехслойный, с серой полоской недообожженной глиняной массы в средней его части.

Внешняя сторона сосуда, начиная от самого днища, украшена перекрещивающимися валиками, создающими эффект косой сетки (рис. 1). Хорошо видна техника прикрепления рельефного орнамента к тулову сосуда. Полоски из глины накладывались на стенки, затем и они, и вся поверхность между ними дополнительно промазывались раствором глины, причем очень тонким слоем. Обмазка нанесена достаточно небрежно, поверхность получилась неровная – на ней видны следы заглаживания раствора. Этот прием позволял лучше закрепить орнаментальные валики на стенках сосуда. После изъятия черепков из слоя и их первичной обработки часть орнамента отвалилась, что позволяет восстановить процесс украшения сосуда достаточно полно (рис. 2).

Реконструкция формы найденного сосуда со столь необычным оформлением весьма проблематична. Полностью отсутствуют фрагменты, которые могли бы дать представление о верхней части сосуда – форме венчика, размерах горловины и самой широкой части вместилища. Диаметр дна восстанавливается примерно в пределах 16,5–17,0 см, что свидетельствует о значительных размерах сосуда.

На этом же участке наблюдений были найдены фрагменты еще одного крупного красноглиняного сосуда, но простого, без орнамента. Среди 36 обломков также нет ни одного венчика, что значительно осложняет реконструкцию формы сосуда. Обломки изделия представляют собой остатки стенок, и лишь один включает незначительную часть днища. Все фрагменты за редким исключением имеют значительную толщину (0,9–1,0 см).

Сосуд изготовлен из красной глины с добавками песка, мелких камушков и толченого кварца. Тесто хорошо отмучено – пустот внутри черепка нет, но на внешней поверхности есть мелкие трещины и пустоты. В изломе черепок двухслойный, плохого обжига, серый, с тонкой прослойкой прокаленной красной глины по поверх-

© Т.Д. Панова, 1998 г.

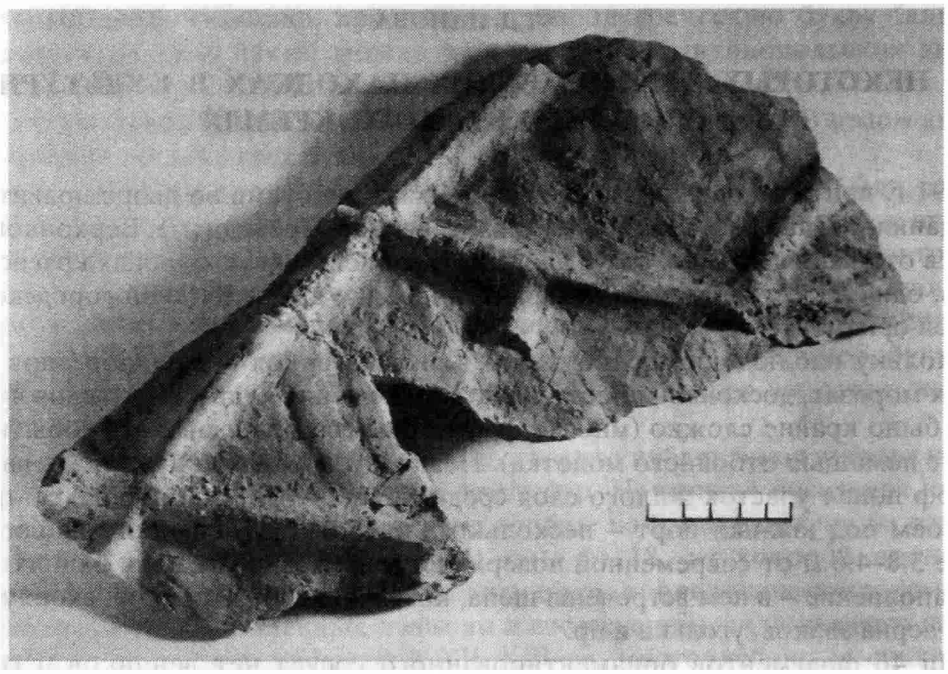


Рис. 1. Часть красноглиняного сосуда с налепным орнаментом

ности сосуда. Внешняя сторона изделия гладкая, хотя и не очень ровная; на внутренней, шероховатой, хорошо видны примеси в тесте, выступающие на поверхность.

И в данном случае материалов для восстановления формы сосуда и его размеров, а следовательно, и определения его типа, явно недостаточно.

Горизонт отложений средневекового времени, в котором найдены фрагменты двух описанных выше керамических изделий, датируется серединой – второй половиной XIII в. Основанием для этого служит в основном массовый керамический материал, поскольку вещевых находок на данном участке исследований было немного. Наличие на отметках 3,8–4,2 м среди керамических остатков (помимо интересующих нас двух крупных красноглиняных сосудов) грубой белой (шесть стенок) и красной с вертикальным лощением (одна стенка) посуды связано с нарушением ранних отложений фундаментом Вознесенского собора соименного монастыря, строительство которого началось в Кремле в 1407 г.

На исследованной территории, на отметках 4,2–4,6 м найдена только ранняя керамика – она представлена красной грубой (20 стенок и 5 венчиков) и серой ранней (7 стенок) посудой. Находка здесь же фрагментов двух стеклянных браслетов (гладкого и витого) при таком составе керамического материала позволяет суммарно датировать выявленные на незначительном участке средневековые слои концом XII–XIII в.

Напомним, что именно на этом участке наблюдений был обнаружен зарытый в материк клад серебряных украшений второй половины XII – начала XIII в. (в его составе – браслет-наруч, гривны-обручи, медальон, бусы, височные кольца и шестилучевые зерненые котлы), сокрытие которого необходимо связывать с событиями февраля 1238 г. – гибелью Москвы после осады города войском Батыя.

Фрагменты большого неорнаментированного сосуда относятся, видимо, к изделиям типа корчаг. Эти крупные глиняные емкости достигали высоты 0,9–1,0 м при диаметре горла 0,2 м. Как правило, они использовались в хозяйственных целях (на найденных в Кремле черепках также нет следов пребывания на огне). Аналогичные сосуды были найдены, например, в Киеве, где датируются XIII столетием (Каргер М.К., 1945, с. 8, рис. 3). Остается сожалеть, что при наблюдениях в руки археологов попали не все фрагменты сосуда, что значительно упростило бы определение его типа.

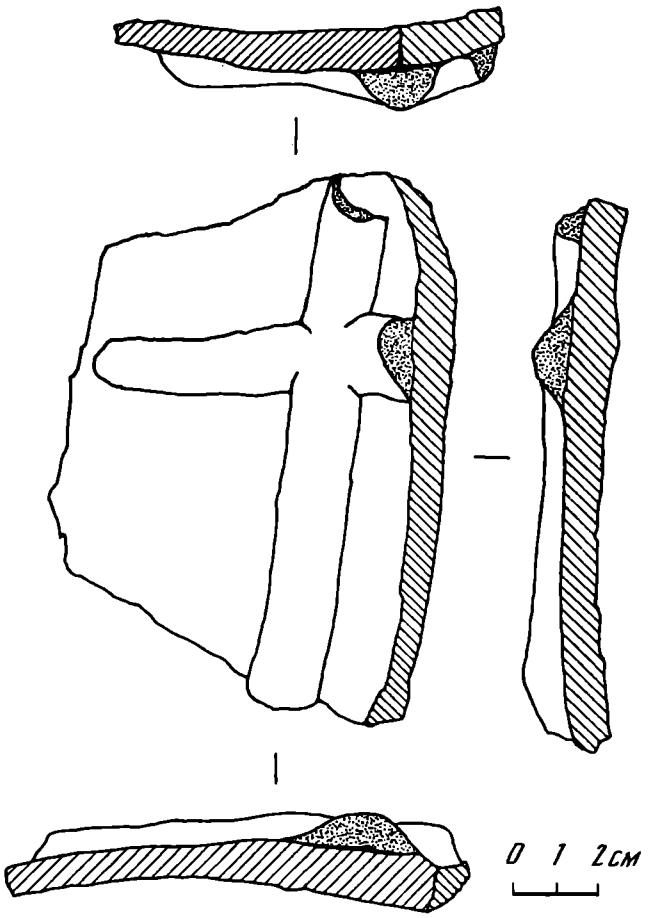


Рис. 2. Фрагмент стенки сосуда с валиками-налепами

То же самое можно сказать и о втором сосуде, стоящем особняком среди многообразных форм изделий, составляющих сегодня коллекцию как древнерусской вообще, так и московской средневековой керамики. Аналогов ему в археологическом материале других древнерусских городов в настоящее время нет. Попытки найти керамику с подобным типом орнаментации среди находок из золотоордынских и среднеазиатских центров результатов не дали.

Поиски аналогов определила находка из Херсонеса[1]. Здесь в слоях XIII–XIV вв. при исследовании постройки была обнаружена нижняя часть сфероконического красноглиняного сосуда на поддоне, украшенного накладной косой сеткой и зеленой поливой по ангобу (Материалы по археологии..., 1953, с. 135). И для этого региона появление керамики такого типа явилось неожиданностью (Материалы по археологии..., 1953, с. 144, рис. 35, *д*). Происхождение подобной посуды связывают с территорией Персии, где в керамическом производстве XII–XIII столетий такого центра, как Рей, есть аналогичные кувшины (Sarre F., Martin F.R., 1912, Tab. 105).

Кремлевский сосуд из красной глины отличается от херсонесского аналога отсутствием поддона и дополнительного украшения поливой. Он несет на себе только накладной (рельефный) орнамент, наличие которого позволяет ввести его в круг изделий, поступавших на Русь с Ближнего Востока. Не следует забывать, что на территории Москвы, и особенно ее исторического центра – Кремля неоднократно находили фрагменты керамики восточного происхождения, в слоях как домонгольского, так и золотоордынского времени. Есть среди них и керамика Ирана (Коваль В.Ю., в печати).

[1] Весьма признательна В.Ю. Ковалю за помощь в поисках аналогов кремлевской находке.

Надеемся, что публикация столь необычного для археологических материалов средневековой Руси сосуда представит интерес для исследователей и поможет его полной атрибуции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Каргер М.К., 1945. Землянка-мастерская киевского художника XIII в. // КСИИМК. Вып. XI. М.; Л.

Коваль В.Ю., в печати. Керамика Востока в средневековой Москве.

Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп), 1953 // МИА. № 34. М.; Л.

Sarre F., Martin F.R., 1912. Ausstellung von Meisterwerken mühammedanischer Kunst in München. Bd. II.

Государственный историко-культурный
музей-заповедник
Московский Кремль

А.Р. АРТЕМЬЕВ

КАМЕННОЕ НАДГРОБИЕ 1696 г. ИЗ НЕРЧИНСКА

Летом 1992 г. в ходе полевых работ Амурского археологического отряда Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН на территории Нерчинского острога 1658–1812 гг. в с. Михайловка Нерчинского р-на Читинской обл. нами была обнаружена намогильная каменная плита с надписью (рис. 1). Она находится на кладбище XVII–XX вв. в 60 м к северу от фундамента церкви Воскресения Христова, которая была построена одновременно с острогом, но за пределами его стен.

Нерчинский острог был возведен весной-летом 1658 г. отрядом казаков во главе с воеводой А.Ф. Пашковым, прославившимся истязаниями находившегося в составе его экспедиции знаменитого расколоучителя протопопа Аввакума, который описал их в своем "Житии". Однако в первых отписках в Москву воевода называл острог Верхним Шилским (Русско-китайские отношения..., 1969, с. 235). Этим названием острог был обязан своему месторасположению. Его возвели на левом берегу р. Нерча возле ее впадения в р. Шилка, примерно в 5 км выше по течению последней от места, где находился Шилский острожок. Этот предшественник Нерчинска был построен в конце 1653 г. казаками из отряда известного землепроходца П.И. Бекетова, положившего начало освоению русскими Восточного Забайкалья (Сборник документов..., 1960, с. 203–208), а в 1656 г. сожжен местными эвенками. Свое окончательное название острог получил в Москве, где в грамоте, посланной из Сибирского приказа в Якутск с распоряжением о замене воеводы А.Ф. Пашкова, он в октябре 1659 г. впервые был назван Нерчинским (Дополнения к Актам..., 1851, с. 178). С момента своего основания Нерчинск становится уездным центром Восточного Забайкалья, а в 1689 г., после заключения возле его стен первого русско-китайского мирного договора, получает статус города.

Надгробие на старом нерчинском кладбище изготовлено из гранита и имеет прямоугольную форму размерами 2 × 0,65 × 0,3 м (рис. 2). На его верхней обработанной

© А.Р. Артемьев, 1998 г.

Рис. 1. Надгробие XVII в. с надписью из Нерчинска

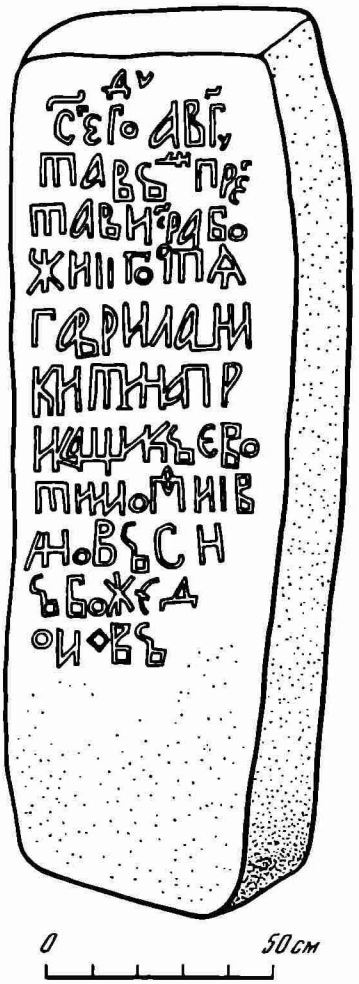


Рис. 2. Надгробие 1696 г. на могиле Т.И.. Божедомова из Нерчинска

поверхности твердой рукой резчика по камню полууставом XVII в. выбита надпись в 11 строк:

СЕГ[О] ГОДУ АВГУ
[С]ТА ВЪ [.] ПРЕС
ТАВИС[Я] РАБ [Б]О
ЖИИ ГОСТЯ
ГАВРИЛА НИ
КИТИНА ПР
ИКАЩИКЪ ЕВО
ТИМОФ[Е]И ИВ
АНОВЪ С[Ы]Н
Ъ БОЖЕД
ОМОВЪ

Оба поименованных в тексте человека – конкретные исторические лица, участники и очевидцы бурного освоения Сибири последней четверти XVII столетия. Их жизненный путь хорошо прослеживается по письменным источникам. Однако, если место захоронения более именитого из них в Москве давно забыто, то место упокоения другого на восточной окраине тогдашней России сохранилось.

В надписи на плите фигурируют гость Гаврила Никитин и похороненный под ней его приказчик Тимофей Иванович Божедомов. Первый из них был одним из самых

богатых российских купцов последней четверти XVII в. Выходец из поморской деревни он благодаря своей предприимчивости в 1670-х годах становится приказчиком московского гостя Евстафия Филатьева и торгует по его поручению в Енисейске (Бахрушин С.В., 1955, с. 228). В 1674 г. Гаврила Романович во главе каравана из 43 человек отправляется с товарами Е. Филатьева из Селенгинска через монгольскую степь в Китай. На обратном пути из Пекина он встретился в Енисейске с направляющимся туда царским послом Н.Г. Спафарием, который подробно расспросил его о приеме каравана маньчжурскими властями и передал с ним в Москву письмо боярину и судье Посольского приказа А.С. Матвееву (Русско-китайские отношения..., 1969, с. 417, 473, 475). В 1677–1678 гг. Г.Р. Никитин скупает от имени Е. Филатьева пушнину в Соли Вычегодской. Дела его идут настолько успешно, что вскоре он становится самостоятельным купцом, а в феврале 1679 г. уже числится членом привилегированного купеческого сословия – гостиной сотни. В 1681 г. Г.Р. Никитин был пожалован гостем, став членом наиболее привилегированной и богатой прослойки купечества (Бахрушин С.В., 1955, с. 228). После этого его талант предпринимателя проявился в полной мере. Именно за гостями, вплоть до ликвидации в конце 20-х годов XVIII в. этой сословной категории, сохранялось преимущественное право ездить торговать за границу, в то время как представители гостиной сотни получали подобную привилегию лишь в виде исключения (Голикова Н.Б., 1990, с. 211). Обширные торговые операции совершались Г.Р. Никитиным одновременно в Европейской России, Сибири и Китае. Его приказчики и люди разъезжали по русским торговым городам и ярмаркам, где скупали товары для продажи в Сибири. Зимним путем через Верхотурье за Урал отправлялись обозы с тканями (от западноевропейских и персидских до русских холстов и сермяг), кожевенными товарами, шелком, бакалейными и аптекарскими товарами, металлами, драгоценными вещами и украшениями, галантерейными изделиями, одеждой, парфюмерией, посудой и бытовыми предметами, письменными принадлежностями и книгами, предметами культа, промысловыми принадлежностями, воском и хмелем. Существенной стороной деятельности Г.Р. Никитина было ростовщичество. Он ссужал деньгами представителей самых различных слоев населения от великоустюжского архиепископа Александра (500 руб.) и мангазейского воеводы М.С. Волчкова (601 руб.) до рядовых служилых людей. В числе последних были выходцы из Албазина, добравшиеся после его капитуляции в Нерчинск в августе 1685 г. "наги и босы и голодны" (Дополнения к Актам..., 1872, с. 111). Не имея никаких средств к существованию, они сразу попались в руки приказчиков Никитина. Албазинский монастырский вкладчик Я. Мокиев дал на себя кабалу в 8 гривен за рубашку, албазинский пашенный крестьянин одолжил 7 руб., албазинский черный поп Федор по двум кабалам задолжал 20 и 1 руб. и даже албазинский воевода А.Л. Толбузин дал на себя кабалу в 100 руб. Главной целью же торговых поездок в Сибирь были меха, наиболее ценные из которых – соболиные – отправляли в европейскую Россию, а дешевую мягкую рухлядь – в Китай. Оттуда в свою очередь везли шелковые ткани, жемчуг, золото, чай, бадьян и посуду (Бахрушин С.В., 1955, с. 237–246).

Совершенно очевидно, что такие масштабные торговые операции требовали большого количества помощников. Ими были родственники Г.Р. Никитина, а также его люди и приказчики. Среди последних видное место занимали представители семьи сольвычегодцев Божедомовых: Федор, Иван, Дмитрий и Тимофей Ивановы. Ф.И. Божедомов производил закупку товаров для Никитина в Устюжском уезде в 1681 г., И.И. Божедомов работал на него в Сибири в 1686–1691 гг., Д.И. Божедомов ездил с товарами Никитина в Китай в 1696 г. и вернулся в Москву в 1698 г. Тимофей Иванович Божедомов посылался Никитиным в Сибирь в 1689 г., потом упоминается там в 1693 г. В марте 1695 г. Г.Р. Никитин отправил в Китай "для торгового своего промыслу" Тимофея Божедомова, Ивана Алексеева и Максима Тимофеева, "да с ними ж для всякого вспомоганья и работы и береженья работных людей 15 человек". 8 июня 1696 г. Т.И. Божедомов, "будучи в Нерчинском городе, занял... в его

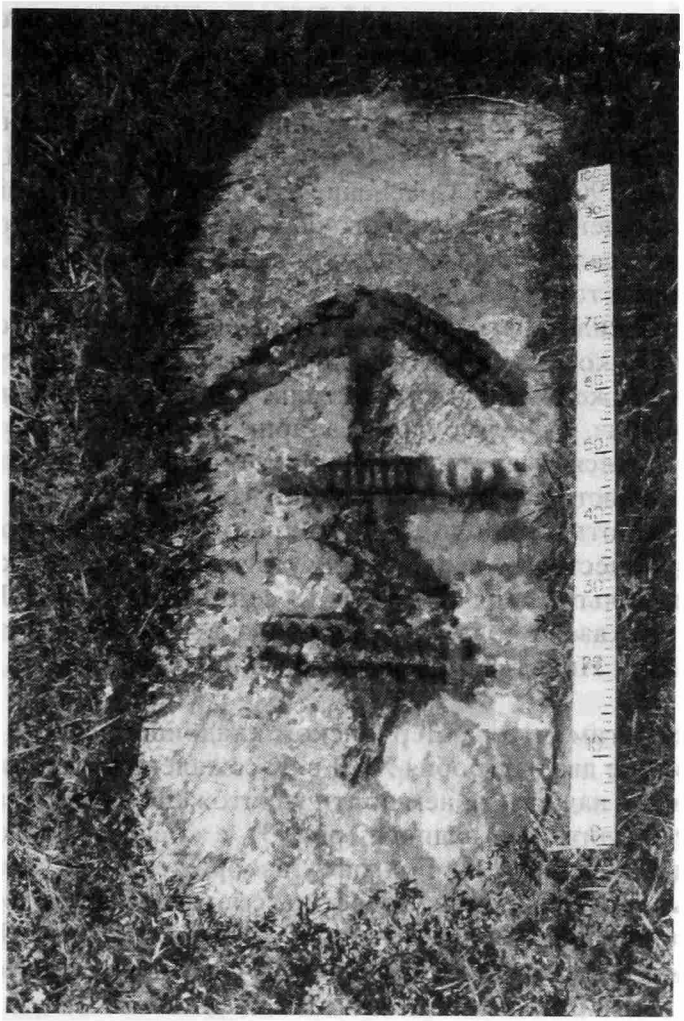


Рис. 3. Надгробие XVII в. с орнаментальным крестом из Нерчинска

(Г.Р. Никитина. – *А.А.*) хозяйский торг и промысел усольца у С.Г. Телятева 111 рублев 12 алтын денег московских ходячих до сроку 205 году августа 25 числа", а 2 августа он занял в Селенгинске у пятидесятника казачьего Д.А. Торокановских 364 руб. 1 алтын 4 деньги, за пять тюней китайки самой доброй (Бахрушин С.В., 1954, с. 142). Вскоре после этого, судя по надписи на надгробии, Т.И. Божедомов скоропостижно скончался "в дороге, не дошед Нерчинску" (Бахрушин С.В., 1955, с. 230, 231). Именно смертью в пути и объясняется отсутствие ее точной даты на плите, для которой резчик по камню оставил место, но ее ему так и не сообщили.

После заключения в 1689 г. русско-китайского мирного договора Нерчинск на короткое время стал перевалочным центром караванной торговли с Китаем (Кашик О.И., 1961, с. 191–196). Г.Р. Никитин и его приказчики были там хорошо известными людьми. Гостю принадлежала в Нерчинске собственная лавка. В 1686, 1690, 1691 и 1697 гг. в городе находились его торговые агенты (Бахрушин С.В., 1955, с. 238). Ввиду этого неудивительно, что на могиле Т.И. Божедомова была положена нехарактерная для тех мест плита с надписью. Похожие намогильные памятники были широко распространены в европейской части России, но исключительно редки на Дальнем Востоке. На сегодняшний день нам известно о существовании еще только одной подобной плиты с надписью на могиле воеводы А.Л. Толбузина (Новиков Г.С., 1949, с. 12), погибшего во время второй осады Албазина маньчжурами в июле 1686 г. (Артемьев А.Р., 1996, с. 186), которая, к несчастью, утрачена. Что же касается автора надгробной надписи, воспроизведенной резчиком по камню, то, судя по источникам, недостатка в грамотных людях среди населения Нерчинска того времени не было.

Согласно исследованию Г.А. Христосенко, скрупулезно изучившей около 200 деловых документов Нерчинской воеводской канцелярии второй половины XVII в., они были написаны 77 различными почерками, из которых 33 приходятся на 1690-е годы (Христосенко Г.А., 1973, с. 115–117). Согласно данным, численность нерчинского гарнизона составляла 400 чел. в 1694 г. и 419 – в 1699 г. (Найденов Н.А., 1886, с. 7–12; Леонтьев Г.А., 1968, с. 58). Сравнение этих показателей позволяет определить процент грамотных людей среди служилого населения Нерчинского уезда. Он составлял 7,8–8,2%, однако реально был немного больше, поскольку до нас дошла только официальная переписка того времени.

Г.Р. Никитин пережил своего приказчика ненадолго. 30 августа 1698 г. по обвинению своим должником в непочтительных отзывах о царе Петре и его фаворите А.Д. Меншикове, а также в критике правительственных мероприятий он был взят в Преображенский приказ. Тяжело больной старик Гаврила Романович, чувствуя приближение смерти, боялся умереть без причастия и попросил родственников дать известному своим корыстолюбием Меншикову взятку в 1000 или 2000 рублей, чтобы его ввиду болезни отпустили домой. Меншиков согласился помочь за 2500 рублей. Однако заступничеству помешало присутствие в доме Александра Даниловича, когда принесли деньги, царя Петра, и 18 сентября Гаврила Романович умер в Преображенском приказе. Вдова Г.Р. Никитина вышла замуж за брата знаменитого воспитателя царя Никиты Зотова – Ефима (Бахрушин С.В., 1955, с. 226, 250, 251).

В заключение отметим, что на Нерчинском кладбище помимо плиты, о которой идет речь, имеются еще два надгробия XVII в. К сожалению, одно из них изготовлено из мягкого песчаника и надпись на нем почти уничтожена в результате климатических воздействий. Другая плита без надписи (рис. 3), с крестом, выполненным резным орнаментом в виде "лесенки", на Голгофе, изображенной в технике трехгранно-выемчатой резьбы. Последняя, как известно, сменяется на надгробиях Центральной России плетеным орнаментом в начале XVII вв. (Беляев Л.А., 1995, с. 198). Однако на окраинах Московской Руси, она, по-видимому, применяется и в более позднее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев А.Р., 1996. Останки непогребенных защитников Албазинского острога // РА. № 1.

Бахрушин С.В., 1954. Агенты русских торговых людей XVII в. Избранные труды. Т. 3. Ч. I. М.

Бахрушин С.В., 1955. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. Избранные труды. Т. 2. М.

Беляев Л.А., 1995. Орнамент надгробий Москвы XIII–XVII вв. (формальный и семантический анализ) // Славянская археология. 1990. Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. Вып. 2. М.

Голикова Н.Б., 1990. К вопросу о правовом положении городского населения России XVI–XVII веков // Русский город. Вып. 9. М.

Дополнения к Актам историческим, 1851. Т. 4. СПб.

Дополнения к Актам историческим, 1872. Т. 12. СПб.

Кашик О.И., 1961. Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII в. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Леонтьева Г.А., 1968. К вопросу об образовании постоянного служивого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII–XVIII в. (Нерчинский уезд) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып. 2. Новосибирск.

[Найденов] Н.А., 1886. Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.

Новиков Г.С., 1949. Отчет о выполненных в 1949 г. исследованиях в Амурской области // Архив ИА РАН. Р–1. № 376.

Русско-китайские отношения в XVII веке, 1969. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.

Сборник документов по истории Бурятии XVII века, 1960. Вып. 1 / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Улан-Удэ.

Христосенко Г.А., 1973. Палеографическое описание рукописных документов Нерчинского острога второй половины XVII века // Вопросы краеведения Забайкалья. Вып. 2. Чита.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток

История науки

Л.В. АЛЕКСЕЕВ

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА В БЕЛОРУССИИ (1950–1990 гг.)

Наша страна, распавшаяся ныне на несколько самостоятельных государств, прошла с ними большой исторический путь, поэтому понятен тот интерес, который вызывают у нас их современные судьбы. Как идет самостоятельное развитие этих государств, в каком состоянии там основной показатель человеческого прогресса – наука и, в частности, как изучается историческое прошлое? Пытаясь дать ответ на эти вопросы, мы рассмотрим результаты археологических исследований средневековых памятников Белоруссии.

Напомним, что высокий уровень белорусской археологии 1920-х годов надолго был прерван репрессиями 1930-х годов: были погублены лучшие кадры белорусских ученых, наука была обезглавлена (Алексеев Л.В., 1990; 1996) и стала возрождаться лишь после второй мировой войны. В 1940-х – 1950-х годах ее представляли всего два уцелевших от репрессий белорусских археолога: К.М. Поликарпович (1889–1963) и В.Р. Тарасенко (1899–1972). В 1949 г. в Белоруссию переехал из Ленинграда ученик М.И. Артамонова А.Г. Митрофанов (1912–1988), которому вскоре было суждено сыграть видную роль в воспитании белорусских археологических кадров. Л.В. Алексеев был первым аспирантом-археологом, принятым в Институт истории АН БССР (1950). Лишь через несколько лет в ту же аспирантуру были приняты Э.М. Загорульский, Г.В. Штыхов, Л.Д. Поболь, позднее – П.Ф. Лысенко.

В 1950-е – 1960-е годы Белоруссия залечивала тяжелые раны войны, было не до науки о далеком прошлом, но уже в 1945 г. начались раскопки Минска (В.Р. Тарасенко), немного позднее – памятников палеолита и бронзы (К.М. Поликарпович), городищ железного века (А.Г. Митрофанов). Единственной научной книгой, выпущенной усилиями К.М. Поликарповича, были "Материалы по археологии БССР" (Материалы..., 1957). В годы восстановления Белоруссии после второй мировой войны на древние памятники внимания не обращалось, их часто уничтожали: в 1962 г. была разрушена гордость древней белорусской архитектуры – Благовещенская церковь в Витебске XII в.; в Минске были прекращены раскопки древнего города, и детинец был разрушен; в Гродно разобрали так называемый Гарнизонный костёл, основу которого составлял памятник XIV–XV вв., в Полоцке – Николаевский собор XVII–XVIII вв., в Поставах и в Гродно – уникальные архитектурные ансамбли А. Тизенгауза XVIII в. и т.д. В те годы археологические работы если и выходили, то в АН СССР и принадлежали ее сотрудникам (по Белоруссии: Воронин Н.Н., 1954; Гуревич Ф.Д., 1962; Алексеев Л.В., 1966). Но в самой республике интерес к древностям был велик и охватывал даже учеников и учителей средних школ, принимавших подчас участие в раскопках (Ривкин М.Ст., 1961, с. 26–28). Большим событием в Белоруссии был выход популярной книги по истории Минска, основанной целиком на новых археологических материалах (Загорульский Э.М., 1963), это и сейчас образец подобного издания. Такого типа популярные книги начали выходить позднее (Штыхаў Г.В., 1982 и др.). В середине 1960-х годов был издан первый

© Л.В. Алексеев, 1998 г.

вузовский учебник по археологии, сразу же, правда, раскритикованный в журнале "Коммунист Белоруссии" (Загорульский Э.М., 1965; Будько В.Д. и др., 1966), с чем согласиться было невозможно (Мельниковская О.Н., Алексеев Л.В., 1968).

Положение стало меняться в 1960-х годах: в АН БССР обратили внимание на археологию как единственную науку, которая могла осветить глубокое прошлое страны; возник вопрос о необходимости для нее молодых кадров. К.М. Поликарпович добился того, что в Институт истории, в Сектор археологии, которым он руководил, ежегодно стали брать аспирантов-археологов, младших научных сотрудников из окончивших истфак БГУ (где курс археологии читал А.Г. Митрофанов) и истфак пединститута (где этот курс читал В.Р. Тарасенко). Это была молодежь, увлеченная древнейшей историей страны, археологическими раскопками и т.д. Благодаря ее энтузиазму вскоре вышла в свет серия ротопринтных изданий, только и возможных в то время (Древности Белоруссии, 1966; 1969; Белорусские древности, 1967; Тезисы..., 1969; Беларускія старажытнасці, 1972). В 1969 г. была издана (наконец, типографским способом) обширная монография – труд жизни К.М. Поликарповича о палеолите Верхнего Поднепровья (Поликарпович К.М., 1968).

В 1970–1980-х годах в Белоруссии начали достаточно широко издавать археологические книги. Удачным было издание двухтомника по археологии республики (Очерки..., 1970; 1972), причем второй том был полностью посвящен средневековью. Издание впервые знакомило с успехами белорусской археологии, белорусских и российских (на землях Белоруссии) археологов. Значение этого труда в свое время было велико, хотя имело и недостатки. Так, при подведении итогов исследований, не были освещены задачи дальнейших работ по археологии страны, не сообщалось, в каком направлении следует строить дальнейшие изыскания, что еще нужно выяснить, и т.д. Отсутствие общего плана в археологических работах белорусских археологов в целом – недостаток, и теперь насколько мы знаем, полностью не преодоленный.

Выводы обобщающего характера по средневековой археологии начали появляться здесь с середины 1970-х годов, и касались они раскопок древних городов. Тогда вышли из печати три только что защищенных кандидатских диссертации о городах Туровской земли (Лысенко П.Ф., 1974), древнем Полоцке (Штыхов Г.В., 1975), древнем Волковыске (Зверуго Я.Г., 1975), которые были отрецензированы ленинградскими и московскими исследователями (Белецкий С.В., Лесман Ю.М., 1979; Алексеев Л.В., 1980). Несмотря на название, главными задачами всех этих книг была публикация материалов и первичные выводы, которые были сделаны на ее основе. Следом была издана интересная монография М.А. Ткачева об оборонных сооружениях Белоруссии XIII–XIV вв. (Ткачоў М.А., 1978) – капитально разработанная кандидатская диссертация автора 1972 г. Ученик П.А. Раппопорта, М.А. Ткачев взял предложенную учителем тему и разработал ее на материалах памятников Западной Белоруссии. Он выделил более ранний тип укреплений (с башнями-донжонами XIII – первой половины XIV в.) и более поздние (замки типа Кастель второй половины XIV–XV в.). Новогрудский и гродненский замки позволили М.А. Ткачеву изучить памятники оборонного зодчества Белоруссии второй половины XIV–XVII в. Это были замки государственного значения Великого княжества Литовского. Подробно исследовав 21 частновладельческий замок конца XV – начала XVII в., М.А. Ткачев обратился к изучению оборонных укреплений белорусских городов – как частновладельческих (Несвиж, Слуцк), так и "вольных" (Брест, Кобрин). В особый раздел были выделены "инкастелированные" храмы – церкви-крепости и укрепленные костелы, появившиеся, как ранее полагали, в XV в. (Сынковичи, Маломожейково, Комаи и т.д.). Однако теперь, после раскопок Л.В. Алексеева в Мстиславле, стало очевидным, что из дерева их сооружали уже во второй половине XII – начале XIII в. (Алексеев Л.В., 1993). Исследование М.А. Ткачева имело очень большое научное значение. Важно, что на эту тему он дважды издал популярные книги (Ткачоў М.А., 1977; Ткачев М.А., 1987). Дальнейшие изыскания этого незаурядного белорусского исследователя и яркого человека, были, увы, прерваны его внезапной смертью в 1992 г.

(Алексеев Л.В. и др., 1994). Важная книга Г.В. Штыхова о полоцких городах (Штыхов Г.В., 1978) была встречена критикой весьма сочувственно, подробно разобрана (Белецкий С.В., Лесман Ю.М., 1982), и мы на ней не останавливаемся.

С выходом третьего важного исследования, посвященного железному веку Белоруссии, где детально выяснены судьбы дославянских аборигенов республики, мы впервые поняли, насколько выросла белорусская археология к концу 1970-х годов (Митрофанов А.Г., 1978). И действительно, вслед за ценным пособием для студентов по дославянской истории Белоруссии (Загорульский Э.М., 1977) БГУ издает одну из лучших археологических книг по истории Белоруссии – работу Э.М. Загорульского о древнейшем Минске (Загорульский Э.М., 1982), где собран, детально проработан и широко осмыслен огромный материал многолетних раскопок в белорусской столице на Минском землище как В.Р. Тарасенко, так и самого автора. Детальный разбор этой выдающейся книги опубликован мною со всеми неизбежными замечаниями (Алексеев Л.В., 1987).

В том же 1982 г. в Белоруссии были изданы еще три весьма полезные археологические книги: "Древности Белоруссии в музеях Польши" (Поболь Л.Д., 1979) и сборники статей "Древности Белоруссии и Литвы" (1982) и "Киев и западные земли Руси IX–XIII вв." (1982), в которых помещен ряд материалов, важных для археологии республики. Подобный же сборник издан в следующем 1983 г. (Древнерусское государство..., 1983)[1].

Середина 1980-х годов была отмечена тремя монографиями, защищенными ранее в качестве кандидатских диссертаций. Основываясь на раскопках, О.Н. Левко разрабатывала вопросы истории Витебска в позднее средневековье (Левко О.Н., 1984), Г.А. Кохановский – историю белорусской археологии XVI–XIX вв. (Каханоускі Г.А., 1984), В.И. Шадыро – историю железного века в Северной Белоруссии (Шадыро В.И., 1986). Работа О.Н. Левко представляет несомненную научную ценность, хотя книгу было бы правильнее назвать не "Витебск в XIV–XVIII вв.", а "Археология Витебска в XIV–XVIII вв.". Первичная публикация и детальная проработка как письменных, так и археологических источников – отличительная особенность этого издания. Жаль, что более древние материалы, хотя бы в краткой форме, в монографии не отражены.

Интересный материал, собранный Г.А. Кохановским, спланирован неудачно: уделив истории археологии первой половины XIX в. (когда науки еще не было) 72 страницы, а второй половине (когда она возникла) всего 6 (!), он ввел еще разделы о музейном деле и охране памятников – и все это на 10 печатных листах, которые были в его распоряжении! В результате, занимаясь отдельными краеведами, он не оставил места для анализа их работ. Благодаря книге В.И. Шадыро мы теперь знаем характер поселений Северной Белоруссии в эпоху железа, а обширная материальная культура, полученная при раскопках, позволяет решать вопросы хронологии, этноса, хозяйственной деятельности восточнобалтийских племен, родственных населению, проживавшему в тот период на территории Центральной Белоруссии.

Сложнее с эпохой средневековья: обширные территории древнерусских городов обычно с мощным культурным слоем, разбросанность незаметных на поверхности остатков деревень, разыскание которых требует больших пеших обследований, наконец, широкая распространенность по стране средневековых курганов – все это объясняет причины, по которым раннее белорусское средневековье если и будет изучено полностью, то в сравнительно отдаленном будущем.

Роскошно изданная книга П.Ф. Лысенко "Берестье" в сущности продолжает традицию, заложенную Э.М. Загорульским на раскопках Минска (Лысенко П.Ф., 1985). Здесь подводятся итоги многолетних работ автора на уникальном памятнике, со-

---

[1] Оставляю в стороне работы Л.Д. Поболя по славянским древностям, вышедшие в 1970-х годах (Поболь Л.Д., 1971; 1973; 1974; 1983), ибо не чувствую себя компетентным; отзывы о них были крайне отрицательны (Каспарова К.В. и др., 1976; Митрофанов А.Г., 1986), однако Л.Д. Поболь в печати на них не ответил.

хранившем древесные остатки построек. Рассмотрев упоминания о городе в летописях, автор подробно информирует о проведенных на памятнике работах, устанавливает его хронологию и стратиграфию, подробно сообщает о методах раскопок, результатах дендроанализа и особенностях оборонительных сооружений. Выяснив планировку и застройку раскопанных участков в различные периоды, автор характеризует постройки и их назначение. Детальное внимание он уделяет индивидуальным и массовым находкам, позволяющим наряду с результатами исследования построек изучать хозяйственную жизнь города. Вместе с тем увлеченный деталями, П.Ф. Лысенко не оставляет места для выводов общего характера (для чего, собственно, и производятся раскопки): заключение этого внешне капитального исследования необоснованно кратко. Автор был обязан вписать Берестье в череду других городов Руси, выяснить, в какой среде и почему он возник, в чем его сходство с другими аналогичными городами Руси и отличие от них – словом, найти ему место среди других городов Киевского государства. В книге не разъясняется, как вышло, что найденные в раскопках постройки с целыми дверными проемами на всю высоту оказались в земле. Вполне очевидно, что остатки построек сохранились на такую высоту потому, что когда-то были умышленно засыпаны, а не обросли в течение столетий культурным слоем. На мой взгляд, эта важная по своей теме монография оказалась тоже неверно спланированной: ее следовало бы построить исторически – от более раннего времени к более позднему, все время вплетая в текст письменные источники, а в заключение дать обзор "продольный" – о занятиях населения в разные времена, о типе города и т.д. Как бы там ни было, в Институте археологии АН СССР (Москва), несмотря на весьма острые отзывы некоторых официальных оппонентов (И.П. Русанова), книга была зачтена как докторская диссертация Специализированным советом института единогласно.

В конце 1970-х – второй половине 1980-х годов в Белоруссии начали появляться археологические работы и нового типа, посвященные как узко специальным (Гурин М.Ф., 1987), так и общим вопросам (например, Загорульский Э.М., 1977). Книга "Белорусская археология" сообщала о достижениях науки за годы Советской власти (Белорусская археология, 1987), что, несмотря на субъективные оценки отдельных авторов, было очень полезно. Интересен также труд второго ученика П.А. Раппопорта, соратника М.А. Ткачева, О.А. Трусова о памятниках монументального зодчества республики (Трусов О.А., 1988). Автор знакомил с историографией и методикой архитектурно-археологических работ, разрабатывал методы датировки памятников архитектуры по строительным материалам, изразцам и т.д. Подобная работа осуществлялась впервые, подводила итоги всему накопанному ранее и вырабатывала новые методы исследования. Итоги археологическим работам на Понеманье подводила и книга Я.Г. Зверуги (1989). Плодом длительного исследования была и сводка Т.Н. Коробушкиной – библиография археологических работ в Белоруссии (Коробушкина Т.Н., 1988), которая стала как бы продолжением замечательного руководства С.А. Дубинского (Дубінскі С.А., 1933). Не вина автора, что ее справочник сильно отличался от предыдущего: ей пришлось укладываться в 10 авторских листов (164 с.), в то время как ее картотека насчитывала 2419 карточек; ей пришлось отказаться от географического принципа С.А. Дубинского, от указателя работ на смежных территориях, от кратких аннотаций наиболее значительных работ и т.д.

К сожалению, автором почти не использованы польские работы периода, когда Западная Белоруссия была в пределах Польши (1920-е – 1930-е годы). В результате не нашел отражения крупный научно принципиальный спор, разгоревшийся вокруг раскопок И.И. Иодковского в Гродно в 1936 г. с участием варшавских профессоров-археологов, в результате которого И.И. Иодковский был отстранен от своих знаменитых гродненских раскопок и заменен Зд. Дурчевским. Первый вел работы крайне неквалифицированно, вещи почти не фиксировались и тем более не привязывались к слоям; найденные домонгольские постройки из плинфы, уникальные "Терем", "Храм", часть оборонительной угловой башни (все это – XII в.) были оторваны от связанного с

их постройкой слоя. Виленский профессор М. Лимановский забил тревогу, обратился к министру (Limanowski M., 1936), см. также: (M.(ackiewicz) J., 1936). Уникальные раскопки в Гродно получили широкую огласку (см., например; Соловьев А.В. "Новые раскопки в Гродно и их значение для русской истории" Soloviev A.V., 1936). Много писал о своих раскопках Зд. Дурчевский (см.: "Kurier Litewski Naukowy", 1937, № 36; № 47; "S'wiatowit", 1938, № 2, № 48; "Dzennik kresowy", 1938, t. VII, h. 3), (см. также: Durczewski Zd., 1937; 1938a; 1938b; 1939 – и т.д.), автор же приводит только одну его работу.

В 1970-е – 1980-е годы белорусских археологов не могла не заботить охрана памятников. На средства этого Общества по охране памятников Белоруссии Г.В. Штыхов в 1971 г. издал подробную археологическую карту эпохи железа и средневековья, где распределил памятники по современному административному делению, что должно было обеспечить их охрану, но оказалось очень неудобным, так как районирование постоянно меняется (Штыхов Г.В., 1971). Описывать памятники следует по бассейнам рек. В середине 1980-х годов АН БССР и Белорусской советской энциклопедией был опубликован Свод памятников республики по областям. Однако среди памятников архитектуры и главным образом памятников воинам, погибшим на фронтах последней войны, археологические памятники заняли скромное место (см., например; Збор помнікаў..., 1986).

В работе Т.Н. Коробушкиной о земледелии Белоруссии домонгольского времени были изучены сельскохозяйственные культуры, высевавшиеся в стране, определялась система земледелия, изучались земледельческие орудия (Коробушкина Т.Н., 1979). Автор, правда, по-видимому, ошибалась, полагая, что в Белоруссии на городище Свила I в слое IX в. найдена озимая рожь (якобы самая древняя озимая рожь в Европе) (Коробушкина Т.Н., 1979, с. 62). Обилие сорняков и наличие среди них гравилата, указывает Н.А. Кирьянова, связан с высоким уровнем грунтовых вод в местах, где, видимо, высевалась рожь, и это вовсе не свидетельство "озимости" ржи (Кирьянова Н.А., 1992, с. 62). Тем не менее книга Т.Н. Коробушкиной очень важна, она дополняет белорусским материалом труды по земледелию В.И. Довженка (Украина), А.В. Кирьянова, Ю.А. Краснова, А.В. Чернецова, Н.А. Кирьяновой (Россия), П.В. Дундулене (Литва), А.П. Расиньша (Латвия).

В этот же период в республике издан сборник статей по археологии славян и Руси, где помещены разнообразные работы как местных исследователей, так и ученых из С.-Петербурга, Киева и других городов (Древнерусское государство..., 1983).

Надо сказать, что в 1960-е – 1970-е годы в Белоруссии издавались и популярные книги, знакомящие широкий круг читателей с археологией (Древнейшие города..., 1966; Левко О.Н., 1981; 1989; Штыхаў Г.В., 1982; Лысенко П.Ф., 1989 и др.).

Итак, мы видим, как после войны постепенно возрождались в Белоруссии археология, достигшая к 1960-м – 1980-м годам прежнего уровня и постепенно перерастая его. Надо сказать, что этому крайне способствовали опытные археологи Москвы и С.-Петербурга: П.Н. Третьяков, Ю.В. Кухаренко (железный век), В.В. Седов (славяне), Н.Н. Воронин, М.К. Каргер, П.А. Раппопорт (средневековье). Содействовали изучению белорусских древностей и другие археологи центра: Л.В. Алексеев, Ф.Д. Гуревич, К.В. Каспарова, О.Н. Мельниковская, В.А. и Вал.А. Булкины, З.М. Сергеева. Нужно сказать, что наибольшие успехи в изучении выпали за это время на долю железного века: несмотря на все еще неразработанный теоретический вопрос о соотношении культуры и этноса, стало ясно, что племена-аборигены, населявшие страну до славян, были восточными балтами, известен их образ жизни, уровень культуры и т.д. Меньше повезло средневековью: деревня изучена лишь по курганным древностям (исключение – работы Я.Г. Риера в Могилевщине, см.: Риер Я.Г., 1982; 1990), города с их мощными культурным слоем и обилием находок – лишь частично. К трудностям полевого исследования городских остатков нужно прибавить ошибку исследователей в их изучении. Постоянно случается, что получив нужный материал для диссертации, защитив ее, археолог переходит к другим

темам и оставляет памятник. Позднее к нему обращается другой исследователь со своей методикой работ, со своими критериями. В результате памятник теряет целостную картину своего прошлого, так как данные того и другого раскопщика расходятся. Примеры многочисленны: Полоцк, Менск на р. Менке (его копали последовательно четыре исследователя, см.: Загорульский Э.М., 1982), Витебск (пять исследователей!) и т.д. В результате ни одной широкой монографии по истории всех этих городов у нас нет (книга Г.В. Штыхова не в счет: она основана на очень малых для такого города раскопках, хотя там есть и ценные вещи: исследование раннего городища X в. Рогволода и Рогнеды, см.: Штыхов Г.В., 1975, с. 21–27). Напротив, многолетние раскопки Ю.А. Заяца в Изяславле дали весьма важные результаты (Заяц Ю.А., 1987; 1995), как и П.Ф. Лысенко в Бресте.

Наступила эпоха 1990-х годов с ее революционными потрясениями для всей страны. Белоруссия стала независимым государством, экономические связи с другими частями СССР были в ней искусственно разорваны, начался спад производства, а с ним и неизбежное обнищание страны в результате инфляции. Это не могло не отразиться на состоянии науки. Археологические исследования были сокращены, инфляция заставила многих археологов искать работу по совместительству или просто переходить к другой деятельности. Сократились, естественно, и издательские возможности Белорусской академии наук (особенно в последние годы).

Далеко не все благополучно в Белоруссии и в интеллектуальной сфере. «В интеллектуальной жизни гуманитариев Белоруссии – застой, – сообщает редакционная статья только что организованного исторического журнала "Белорусское историческое обозрение". – Наши ученые все еще отдают предпочтение "первоисточникам", пользуются усвоенной ранее вульгаризацией, руководствуются парадигмами марксистской методологии. Показательны здесь, хотя бы, темы диссертаций, защищенных за последние годы. Это главным образом классовая борьба, революционное и народное движения, социально-экономическая статистика. Полноценная жизнь общества, личности, человеческое содержание исторического процесса остаются за пределами внимания нашей исторической науки. В целой республике Белоруссии до сих пор нет ни кафедры, ни сектора методологии истории, поэтому трудно ждать концептуального обновления нашей историографии...» (Беларускі гістарычны агляд, 1994, с. 3). По мысли редакции, новый журнал должен преследовать цель исправления указанных недостатков.

В Белоруссии, как, впрочем, и на Украине, сейчас заново дискутируется вопрос об этапах формирования белорусской и украинской народностей (Кром М.М., 1995, с. 25, 26). Например, белорусским исследователем Г.Я. Голенко высказана справедливая мысль о том, что в источниках Белоруссии и Украины XV–XVI вв. население этих земель именовалось не белорусами и украинцами, а "русь", "русины", из чего делается верный вывод о правомерности термина "Западная Русь" для этого времени (Кром М.М., 1995, с. 28 со ссылкой на "Наш радавод"), с чем белорусские современные исследователи редко соглашаются. Таким образом, здравая научная мысль прокладывает пути в белорусской науке.

Обнадеживает и то, что уничтожение идеологической цензуры в стране вновь всколыхнуло (как это было в 1920-х годах) массовый интерес к своему прошлому. Наряду с изданиями, тенденциозно пересматривающими даже очевидные факты белорусской истории (вопреки нашему источнику, Н.И. Ярмолович даже сообщает: «Полоцк, как четко свидетельствует летопись, был центром кривичского расселения "наверх Двины, Днепра и Волги"» (Ермаловіч М.И., 1990, с. 47), хотя летопись говорит о Смоленске (Повесть..., 1950, с. 13 и т.д.), возникли многочисленные местные издания, изучающие историю более объективно. Например, стараниями молодого сотрудника Полоцкого музея Л.Ф. Данько издан историко-литературный журнал, где наряду с новыми материалами по археологии Полоцка (раскопки С.В. Тарасова) воспроизведены, между прочим, некоторые редкие дореволюционные работы по истории города или связанные с ним, недоступные ныне в Белоруссии (Полоцкий

летописец, 1992). Подобная литература издается в Гродно (Гарадзенскія запісы, 1993). В журнале "Свитезь" можно найти и ценнейшие материалы по истории Коложской церкви в Гродно XII в., обнаруженные в архивах С.-Петербурга[2]. Отметим еще некоторые местные издания этого времени, их издавали Гродненский университет и музей (Музей..., 1990, с. 13), недавно организованный Гомельский областной археологический центр и Гомельский обл. музей (см. например: Гомельщина..., 1991), Могилевский областной музей (Магілёуская даунІна, 1993; Магілёушчына, 1992), Браславский районный музей (см., например: БраслеускІя чытанні, 1991) и т.д. В каждом можно встретить статьи о древностях, о раскопках. Что же издает главное белорусское научное учреждение – Белорусская академия наук?

Из больших монографий издательство "Наука и техника" выпустило несколько книг, большинство из которых – впервые три года 1990-х годов. Изданы монографии по археологии П.Ф. Лысенко, Л.В. Дучиц, Г.В. Штыхова, В.С. Вергей, Т.Н. Коробушкиной и Ю.А. Зайца. Важно, что в 1994 г. издательство смогло опубликовать незавершенную, как считалось, рукопись И.М. Хозерова о белорусском и смоленском зодчестве. Манускрипт был некогда приобретен К.М. Поликарповичем у вдовы автора и передан Н.Н. Воронину для редактирования и издания. По этой книге Н.Н. Воронин счел возможным опубликовать лишь "выжимки" со ссылкой на автора "под строкой" (Воронин Н.Н., 1956; Хозеров И.М., 1994). Теперь мы видим, что монография И.М. Хозерова стоила гораздо большего внимания, чем полагал Н.Н. Воронин.

П.Ф. Лысенко и Г.В. Штыхов, посвятившие свои работы дреговичам и кривичам (Лысенко П.Ф., 1991; Штыхаў Г.В., 1992), были в нелегком положении, так как уже недавно изданы обобщающие труды В.В. Седова о восточнославянских племенах, куда обе темы входили составной частью (Седов В.В., 1970; 1982; см. также: 1995). Вопрос об этих объединениях племен так широко ставился и подробно разрабатывался, что оставляло авторам, казалось бы, сравнительное узкое поле для собственных наблюдений. Правда, в их руках были неизвестные материалы о раскопках в Белоруссии; кроме того, они затронули темы, не разработанные В.В. Седовым. Оба автора пошли в известной степени своим путем. П.Ф. Лысенко, охарактеризовав источники и историографию, обратился к рассмотрению погребальных обрядов дреговичей, к их погребальному инвентарю, датировкам и т.д. Отметив, что дреговичи распространились в будущих белорусских землях на рубеже I и II тыс. н.э., он переходит к их происхождению и вслед за В.В. Седовым связывает их с древностями пражско-корчакского круга V–VI вв. н.э., распространившимися на юге дреговичского ареала. В разделе об общественном развитии дреговичей он обращается к письменным источникам, содержащим сведения об общественно-экономическом положении, "общим для всей Руси", и к скудным, как он считает, материалам археологии (забывая, что они происходят из древних, в основном городских центров, отношение которых к дреговичским племенам очень условно). Эту капитальную монографию, обобщающую имеющиеся археологические материалы курганов дреговичской территории, автор завершает "Политической историей", основанной на письменных источниках. Историю дреговичей он делит на два "крупных периода": первый относится ко времени расселения этих племен в бассейне Припяти, когда, как он полагает, у них был "союз племен" – "летописное княжение" (племенное княжение?); второй – когда в этих местах возникает Туровское княжество, выделившееся из состава Киевской Руси (Лысенко П.Ф., 1991, с. 118). История Туровского княжества и есть, по П.Ф. Лысенко, "политическая история дреговичей". Все это выглядит как-то очень умозрительно, без каких-либо доказательств на материале; к тому же

[2] Обнаружены чертежи церкви до ее разрушения в 1853 г., неизвестные Н.Н. Воронину. Из-за отсутствия журнала в московских библиотеках приведу данные архива: Российский исторический архив в СПб., ф. 799, оп. 2, д. 1–48; ф. 719, лл. 1–158; ф. 218, оп. 4, д. 2616, лл. 141а–I, 142а–III; ф. 797, оп. 26, III, отд. 2, д. 16; ф. 190, оп. 8, д. 719 (см. Трусаў І., 1994). Часть этих находок этих чертежей принадлежит И. Трусову.

"дреговичи" как племя во времена Туровского княжества не существовали (остался только термин "дреговичи") – это были теперь древнерусские села и города, входившие в государственное образование – Турово-Пинское княжество.

Иначе строит свою монографию Г.В. Штыхов. В его книге "Кривичи" (правильнее: "Полоцкие кривичи") он прежде всего разрабатывает важнейший вопрос о древнейших полоцких кривичах ("Полочане" летописи?) и их связи с предшествующим населением, оставившим так называемую Банцеровско-Тушемлинскую культуру (типа верхнего слоя городищ Банцеровщина и Тушемля). Важно, что автор много лет посвятил целенаправленным раскопкам, и ему удалось выявить курганные могильники кривичей третьей четверти I тыс. н.э. в Россонском, Полоцком, Витебском районах Витебской обл. (всего 150 курганов из 11 курганных могильников, см.: Штыхаў Г.В., 1992, с. 21). Более того, курганы у д. Янковичи, где найдены бляшки-скорлупки, он относит к середине I тыс. н.э. (Штыхаў Г.В., 1992, с. 26, 27). По мысли автора, об этом же свидетельствует керамика с расчесами, бытовавшая в Белоруссии в V–VI вв. (курганы у Повалишино). Предположение В.В. Седова о том, что эта керамика принадлежит селищу, на котором сооружены курганы, Г.В. Штыхов отвергает. Вытянутые формы горшков из курганов в Янковичах, Дорохах действительно напоминают посуду верхнего слоя Банцеровщины-Тушемли (Штыхаў Г.В., 1992, рис. 18). Исследователь заключает, что "древнейшие длинные и круглые курганы в белорусском Подвинье возникают одновременно – около середины I тыс. н.э. (конец V – начало VI вв.), то есть не позднее того времени, когда курганы эти появились на Псковщине" (Штыхаў Г.В., 1992, с. 94). Изучаемые им памятники, полагает Г.В. Штыхов, отражают тот период времени, когда славяне проникли на пространства восточных балтов и финнов, но еще не ассимилировали их. Это заключение ново, интересно и дальнейшие исследования покажут, насколько он прав.

Монографии обоих исследователей, безусловно, очень полезны, а исследование о полоцких кривичах вводит в сферу ученого внимания и новые важные материалы. Однако ряд вопросов авторами не учтен и не разработан. Здесь прежде всего следовало бы поставить вопрос: кто такие "кривичи", "дреговичи" вообще? Вопросу о том, что такое древнерусские племена Повести Временных Лет, еще в 1937 г. была посвящена важная дискуссия наших крупнейших научных авторитетов (Третьяков П.Н., 1937, с. 33–52; Арциховский А.В., 1937, с. 53–62). Она, к сожалению, оставлена нашими белорусскими авторами без внимания. Там говорилось о том, что ни кривичей, ни дреговичей как племен во времена Повести Временных Лет уже не существовало, это уже были лишь этнографические понятия. Племенные же объединения кривичей и других племен следует относить ко времени, гораздо более раннему и т.д. Однако к вопросам о структуре действительных племен кривичей и дреговичей более раннего времени можно было бы, как кажется, подойти с другой стороны. Оба автора постоянно пользуются термином "расселение" (кривичей и дреговичей). П.Ф. Лысенко даже устанавливает границы этого "расселения", понимая под этим максимальное распространение племен. Мы не можем еще проследить, как они расселялись, в каком направлении, но как они расселились, какие территории заняли, а какие нет и почему – эти вопросы остаются открытыми, а они очень важны. У того и другого исследователя мы не найдем даже карты курганов, по которой можно было бы это представить! Карта раскопанных курганов Г.В. Штыхова не помогает; место раскопок определялось произвольно[3]. Впрочем, карта дреговических курганов подготовлена П.Ф. Лысенко. К сожалению, она составлена по современным областям, гораздо шире распространения дреговичей, следовательно, ничего не дает для изучения характера расселения дреговичей (Лысенко П.Ф., 1991, с. 190, рис. 35; с. 152, рис. 32; с. 162, рис. 33 и т.д.). Отсутствие карт расположения групп поселений по курганам на территории дреговичей и полоцких кривичей обедняет обе работы.

[3] Специальный труд Г.В. Штыхова "Археологическая карта Белоруссии" тоже не помогает – там все памятники смешаны и, главное, даны по областям (Штыхов Г.В., 1971).

Вместе с тем анализ такой карты уже сам по себе является важным моментом исследования. Не приходится сомневаться, что огромные скопления поселений (например, к югу от Полоцка, в районе Минска, в верховьях Свислочи, на средней Березине, в верховьях Случи и т.д.); которые разделяют безлюдные лесные пространства, отражают по-видимому, малые кривичские и дреговичские племена, расселившиеся на будущих белорусских землях, часть из которых вскоре и составили малые предфеодальные княжения внутри больших древнерусских княжеств – Полоцкого и Турово-Пинского. Такие малые княжения возникли в скоплениях курганов на верхней Друти – Друцкое княжение, на Менке, Менское (потом Минское) княжение и т.д. Высказанная мысль может быть проиллюстрирована на картах, составленных для наших работ (Алексеев Л.В., 1975, с. 208, рис. 1, 2). Здесь хорошо видны скопления поселений в Северной Белоруссии, одни из них позднее дали древние города, другие – нет (см. также: Алексеев Л.В., 1978, с. 24). Не приходится сомневаться, что славяне продвигались в неизвестные земли не в одиночку, а родами, объединенными в малые племена, которые и улавливаются по курганным скоплениям. Объединения этих скоплений носили наименования кривичи, дреговичи и т.д. Было бы очень интересно сосредоточить внимание археолога на исследовании одного такого скопления, выявить его селища, изучить его современную топонимию. Ранние памятники, однако, отразят племенную организацию населения, поздние – раннефеодальную. Таким образом, станет очевидным, чем занимались здесь ранние поселенцы и поселенцы более позднего времени (врубаясь в окрестные леса, они были вынуждены расширять территорию своих предков).

Обратимся к эпохе Киевской Руси. Кривичи и дреговичи, ассимилировавшие аборигенов, превратились теперь в земледельческое крестьянское население Руси, жизнь которого также отражают селища и курганы. П.Ф. Лысенко и Г.В. Штыхова здесь интересуют лишь археологические вопросы: что и где найдено, каков погребальный обряд, погребальный инвентарь, датировки. А где же сама древнерусская деревня, которая вырастает из этих источников? Как она жила при князе, что производила, покупала, обменивала? Эти важные вопросы тоже не поставлены авторами, хотя они затрагивают и раннефеодальное время. Итак, в книгах с широковещательным названием "Дреговичи", "Кривичи" решается лишь узкоархеологический круг вопросов (не полностью) и почти не затрагиваются исторические вопросы, для разрешения которых мы и ведем раскопки!

О средневековых древностях северо-западного озерного края Белоруссии до недавнего времени было известно лишь по раскопкам курганов Ф.В. Покровским в XIX в. и работам Л.В. Алексеева в Браславе. Сейчас здесь раскопано свыше 300 курганных насыпей, несколько городищ, среди которых такой блестящий памятник, как городище Масковичи, исследованное Л.В. Дучиц. Автор не ограничивается публикацией собственных и чужих раскопок и делает сравнительно широкие выводы. Последнюю главу она называет даже широковещательно "Северо-западная территория Белоруссии в истории Восточной Европы" и устанавливает в ней пределы этого интересного региона, выясняет причины возникновения и развития центров, подобных Браславу и Масковичам, устанавливает характер взаимоотношений этой территории со всем Полоцким княжеством, прибалтийскими землями, крестоносцами и т.д. (Дучыц Л.У., 1991).

Подробное освещение получила в это пятилетие и окраинная территория юго-запада Белоруссии (Коробушкина Т.Н., 1993). Правда, строится исследование только на курганных раскопках X–XIII вв. Традиционно изучив погребальный обряд и инвентарь, установив датировки, автор заключает, что "в начале II-го тыс. н.э. (здесь) произошла смена обряда без смены населения" и население это по материальной культуре близко к мазовшанам (Тимофеев Е.И., 1961; Коробушкина Т.Н., 1993), но, по утверждению автора, это были восточные славяне, потомки дреговичей.

Начато в Белоруссии и изучение отдельных производств эпохи средневековья:

гончарному производству в Витебщине XIV–XVIII вв. посвящена книга О.Н. Левко (Левко О.Н., 1992). Здесь исследуются технология и организация бытовой и архитектурной керамики, созданы типология и хронология той и другой, отдельно изучен "керамический импорт" и т.д.

Сравнительно трудной задачей оказалось написание обобщающего труда по истории белорусской археологической науки в советский период (Вяргей В.С., 1992): большинство белорусских выдающихся ученых, как мы говорили, в 1930-х годах было репрессировано, и в то время, когда писалась книга, архивы КГБ были под замком. Эта работа требует второго переработанного издания.

Трудности с печатанием, возникшие перед Белорусской академией наук, сотрудниками Отдела археологии Института истории БАН, сейчас удается в какой-то степени преодолеть с помощью, как и прежде, ротопринтных изданий. В частности, был воскрешен "Историко-археологический сборник" 1920-х годов (Гістарычна-археалагічны зборнік, 1927). Начатые в 1993 г. изданием двух выпусков (эти сборники), посвящены памяти выдающегося белорусского археолога и общественного деятеля М.А. Ткачева (Гістарырчна-археалагічны зборнік, 1993а; 1994а, б; 1995; 1996). В многочисленных статьях, написанных белорусскими археологами (и частично, историками), отражена вся научная деятельность последнего времени в республике. В этих выпусках мы находим и опыт выявления границы Гомельской волости XII–XIV вв. гомельского археолога А.А. Макушникова, и интереснейшую статью Г.Н. Семенчука, открывшего уникальный грунтовой могильник в Северной Белоруссии (XI–XIII вв.), и нужную работу А.А. Метельского, локализующего некоторые неизвестные пункты смоленской грамоты "О погородье и почестье" 1211–1218 гг. (и так называемого Устава Ростислава Смоленского 1136 г.), для чего ему пришлось выйти за пределы республики, и т.д. Так удалось подтвердить мысль Л.В. Алексеева о расположении домена Ростислава Смоленского и установить новые пункты, входившие в этот домен (Алексеев Л.В., 1976, с. 53–59). Все это входит во второй выпуск этого издания (Гістарычна-археалагічны зборнік, 1993 б). Третий том уже делится по периодам: камень, железо, средневековье. Здесь выделим статью А.В. Ильюцика "Памяти репрессированных археологов", где впервые даются полные библиографические списки работ А.Н. Лявданского, С.А. Дубинского, А.Д. Ковалени. В томе 4, кроме многочисленных сообщений о полевых работах, находим интересную работу Ю.А. Заяца о Всеславе Полоцком "От Пскова до Белгорода" (Заяц Ю.А., 1994), в которой проглядывает искреннее желание автора проникнуть в события XI в., тщательно перечитывая и сопоставляя источники, восстановить их с детальной полнотой. Справедливо возражая Н.И. Ермоловичу и С.В. Тарасову в их "искусственных построениях" (как пишет автор), основанных на "невнимательном чтении источников", без учета мартовского летоисчисления годов и т.д., он и сам пытается получить из источников информацию, которую они не дают[4]. В небольшой посмертной работе В.В. Богомольникова о курганах радимичей автор приходит к мысли, что "радимические курганы появляются со второй половины X в., причем раньше всего – на юге своей территории". Они свидетельствуют об "ассимиляции радимичами субстратного балтского населения", и есть возможность выделить харак-

[4] Ю.А. Заяц полагает, например, что в 1067 г. Минск, на который напали Ярославичи, был еще на первоначальном месте – на р. Менке, а на современном месте Минск был отстроен только в "последние десятилетия XI в.", и забывает, что дендрохронологическая дата укрепления нового Минска – 1063 г. (Загорульский Э.М., 1982, с. 148). Переезд Всеслава через Днепр для встречи с Ярославичами "на Рши у Смоленска" (1067 г.) он понимает буквально: лагерь Ярославичей был якобы на правом полоцком берегу Днепра (р. Рша – правый его приток) – значит, Всеслав был на левом, смоленском берегу (очевидно, мстил Ярославичам за поражение на Немиге). Это насилие над источником: предлагая примирение, Ярославичи, конечно стояли на своей, смоленской стороне ("у Рши" – у ее устья), Всеслав же выехал из своих полоцких земель. При предлагаемом формалистском подходе к источнику нам нужно было бы искать еще одну р. Ршу, которая якобы была "у Смоленска", как говорит источник (Повесть временных лет, 1950, с. 112).

терные черты этой ассимиляции (по сравнению, например, с Поволжьем). Автор убежден, что первичных племен в среде радимичей выделить, в противоположность утверждению Г.Ф. Соловьевой, нельзя (Богомольников В.В., 1994, с. 34). Следом за информационной статьей Л.В. Колединского о раскопках в Слуцке в 1985–1986 гг. здесь помещена крайне интересная историко-географическая работа А.А. Метельского, детально изучающего смоленско-черниговское пограничье, мало еще изученное предшественниками. Убедительные выводы автора о месте, где эта граница проходила, основываются на оригинальных сопоставлениях данных письменных источников, археологии, топонимики и т.д. Мы теперь точно можем представить, где кончались смоленские владения XII в. и начинались черниговские (МяцельскI А.А., 1994, с. 148, карта).

Отметим также помещенную далее историко-археолого-географическую работу В.Л. Насевича, в которой подводятся итоги исследованиям Лукомля и его волости (ГIстарычна-археалагIчны зборник, 1994б). Том 5 посвящен эпохам, предшествующим средневековью, и мы его не рассматриваем (ГIстарычна-археалагIчны зборнIк, 1994в). В томе 6 – большая работа Л.В. Алексеева о результатах 15 сезонов раскопок в Мстиславле, статьи рижских археологов и Литвы. Л.В. Колединский публикует первую находку лука в Белоруссии (Витебск, см.: ГIстарычна-археалагIчны зборнIк, 1995). В только что вышедшем томе 7, посвященном дофеодальным эпохам, отметим любопытную статью В.И. Шадыро "Великое переселение народов и кривичи", возможно, проливающую некоторый свет на взаимоотношение банцеровской культуры и культуры ранних длинных курганов (ГIстарычна-археалагIчны зборнIк, 1996).

На международной конференции 1993 г. в Минске, посвященной памяти репрессированных в 1930-х годы коллег, были зачитаны рефераты об их деятельности. Было сообщено о работах известного украинского неолитчика М.Я. Рудинского, открывшего стоянку Пушкари (Е.В. Беляева). Ряд докладов был посвящен А.Н. Лявданскому (А. Егорейченко, Г.В. Штыхов, Г.В. Шадыро). Польские коллеги сообщили об исследователе Малой Польши и Волыни Яне Фитцке, погибшем в Катыни в 1939 г. (Секретные документы ..., 1993, с. 17–22). Ряд докладов был посвящен работам современных археологов: сельскому поселению под Заславлем X–XII вв. (Заяц Ю.А.), памятникам культовой и оборонной архитектуры (Вал. Булкин, С.В. Тарасов, М.А. Ткачев, Г. Семенчук).

Несмотря на издательские сложности, белорусским археологам время от времени удается издавать книги и в неакадемических издательствах. Здесь прежде всего назовем яркое и очень нужное учебное издание Я.Г. Риера "Развитие деревни в Белоруссии и в сопредельных территориях". Специалист по истории и археологии средневековой деревни Западной Европы, Я.Г. Риер подробно описывает историю белорусской деревни домонгольского времени, начиная с расселения здесь славян, он выясняет характер занятий жителей, их общественные отношения, сопоставляет все это с аналогичными явлениями на остальной территории Руси и Западной Европы и приходит к выводу, что все эти явления на славянской территории очень сходны (Риер Я.Г., 1990). В 1992 г. в издательстве "Шаг вперед" белорусским археологам удалось издать сборник с многочисленными, хотя и весьма краткими статьями, где присутствуют работы по средневековью. В целом сборник носит научно-популярный характер (З глыбI вякоу, 1992).

Крупным событием в белорусской археологии стала публикация издательством "Белорусская энциклопедия" обширного справочника "Археология и нумизматика Белоруссии" (1993). В него вошли наименования большинства исследованных белорусских археологических памятников, имена их исследователей с краткими биографическими справками (историки, археологи, нумизматы, этнографы, антропологи). В рецензии на это издание В.В. Седов и Н.В. Лопатин отмечают, что статьи в справочнике "написаны на высоком научном уровне и отражают современное состояние знаний. (...). Они снабжены библиографическими справками, которые оформлены в

виде отсылок к единому алфавитному списку литературы из 1754 названий. Это делает энциклопедию серьезным научным трудом" (Седов В.В., Лопатин Н.В., 1995). Однако издание не лишено большого количества ошибок, главным образом в статьях по нумизматике (Егорейченко А.А., Рябцевич В.П., 1995).

Кроме серьезных научных изданий в Белоруссии продолжают выходить и научно-популярные (Трусаў А.А., 1990а, б; КрауцевІч А.К., 1990; 1991; Ткачоў М.А., Трусаў А.А., 1992; Дучыц Л.У., 1995 и др.). В книге Г.В. Штыхова, написанной "в помощь учителю и краеведу", много важных материалов, знакомящих широкие круги читателей с достижениями археологов последнего времени (Штыхаў Г.В., 1992). Подобные издания всегда нужны.

Недавно вышедшее исследование Ю.А. Заяца о древнем Изяславле (Заславле) по тщательности многолетних полевых исследований, вдумчивой проработке существующих и обнаруженных материалов, целостности картины истории города в конце книги заслуживает самой высокой оценки. Кое-что здесь можно бы поставить автору в вину (не описаны поселения, предшествующие городу в этих местах, и т.д.), кое с чем можно бы и не согласиться в некоторых деталях, но в целом выход этой книги, несомненно, событие в белорусской науке (Заяц Ю.А., 1995).

Как мы увидели, с помощью археологов Москвы и С.-Петербурга с возникновением своих молодых сил белорусская археология, фактически уничтоженная в 1930-х годах, не только возродилась, но и значительно преодолела уровень 1920-х годов. Сейчас мало найдется средневековых крупных поселений, на которых бы не работали белорусские археологи. Все это ученики А.Г. Митрофанова и ученики его учеников. Прекрасный знаток памятников железного века Белоруссии и Восточной Европы, А.Г. Митрофанов почти не занимался средневековьем, и его влияние на археологов-медиевистов было полезным, но в известной степени односторонним. Знание вещей, умение по ним датировать памятники – вещь, безусловно, необходимая, но медиевист должен быть шире, не ограничиваться лишь рамками республики, ему необходимо четко видеть выход в историю. Теперь настает время, когда нужно "подняться над материалом", исследовать и сопоставлять друг с другом не только каждый курган, но и каждое скопление курганных групп, один и тот же город изучать много лет, исследуя каждую древнюю усадьбу, сопоставляя их друг с другом на данном памятнике и на других памятниках всей Руси, и т.д. И лишь потом переходить к вопросу о том, что за тип древнерусского памятника раскопан. Вспомним: вещеведение – нужная, но подсобная работа археолога, материал для дальнейших обобщений исторического характера.

Только работая шире, белорусская археология выйдет на общеевропейский уровень. Многолетние работы на памятниках, отраженные в монографиях Э.М. Загорульского о Минске, П.Ф. Лысенко – о Бресте, Г.В. Штыхова – о памятниках ранних кривичей, Ю.А. Заяца – об Изяславле, полностью подтверждают нашу мысль.

Археология белорусского средневековья за последние 50 лет прошла в республике длительный путь становления и развития. В отличие от археологии железного века, где основные вехи были представлены еще А.Н. Лявданским, средневековая археология оставалась почти полностью неразработанной (если не считать обилия раскопанных до революции курганов). Неудивительно, что все внимание белорусских исследователей было обращено на древнерусские города. Здесь приходилось начинать почти с нуля, но достигнуто было многое: выявлены основные древние городские поселения и некоторые из них довольно детально раскопаны – (Минск, Менск, Полоцк, Витебск, Брест, Изяславль), на остальных же произведены предварительные исследования.

Очень важным является то, что, несмотря на многие недостатки, о которых мы говорили выше, в Белоруссии сформировалась группа исследователей археологов-медиевистов, среди которых важное место принадлежит увлеченной белорусскими древностями молодежи. В наш перенасыщенный внешней информацией век, когда

буйно разросшаяся цивилизация теснит повсеместно культуру, когда в Белоруссии возникла сложнейшая экономическая ситуация, эта молодежь посвятила себя научным исследованиям, изучению прошлого своей страны. А это внушает надежду на большие успехи белорусской археологии в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля. М.

Алексеев Л.В., 1975. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.

Алексеев Л.В., 1976. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь. Памяти Н.Н. Воронина. М.

Алексеев Л.В., 1978. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. К 70-летию Б.А. Рыбакова. М.

Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.

Алексеев Л.В., 1987. Капитальное исследование по начальной истории Минска // СА. № 2.

Алексеев Л.В., 1990. Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20-е–30-е гг. XX в. // СА. № 4.

Алексеев Л.В., 1993. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле // СА. № 4.

Алексеев Л.В., 1996. Археология и краеведение Беларуси. XVI в. – 30-е годы XX в. Минск.

Алексеев Л.В., Колединский Л.В., Метельский А.А., 1994. Памяти Михаила Александровича Ткачева // СА. № 3.

Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя, 1993. Мінск.

Арциховский А.В., 1937. В защиту летописей и курганов // СА. Т. IV. М.; Л.

Беларускі гістарычны агляд, 1994. Мінск.

Беларускія старажытнесці, 1972. Мінск.

Белецкий С.В., Лесман Ю.М., 1979. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. № 1.

Белецкий С.В., Лесман Ю.М., 1982. Рец.: Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978 // СА. № 3.

Белорусская археология, 1987. Минск.

Белорусские древности, 1967. Минск.

Браслаускія чытанні, 1991. Браслау.

Богомольников В.В., 1994 // Гістарычна-археалагічны зборнік. Т. 4. Минск.

Будько В., Поболь А., Тарасенко В., Штыхов Г., 1966. Мимо главного // Коммунист Белоруссии. № 4.

Воронин Н.Н., 1954. Древнее Гродно // МИА. № 41. М.

Воронин Н.Н., 1956. Бельчицкие руины // Архитектурное наследство. Вып. 6. М.

Вяргей В.С., 1992. Археалагічная навука у Беларускай ССР. 1919–1941. Минск.

Гарадзенскія запісы, 1993. Гародня.

Гістарычна-археалагічны зборнік, 1927. Менск.

Гістарычна-археалагічны зборнік, 1993а. Вып. 1. Мінск.

Гістарычна-археалагічны зборнік, 1993б. Вып. 2. Мінск.

Гістарычна-археалагічны зборнік, 1994а. Вып. 3. Мінск.

Гістарычна-археалагічны зборнік, 1994б. Вып. 4. Мінск.

Гістарычна-археалагічны зборнік, 1994в. Вып. 5. Мінск.

Гістарычна-археалагічны зборнік, 1995. Вып. 6. Мінск.

Гістарычна-археалагічны зборнік, 1996. Вып. 7. Мінск.

Гомельщина. Тез. 2-й областной науч. конф. по историческому краеведению, 1991. Гомель.

Гуревич Ф.Д., 1962. Древности белорусского Понеманья. М.; Л.

Гурин М.Ф., 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. Минск.

Древнейшие города Белоруссии, 1966. Минск.

Древнерусское государство и славяне, 1983. Минск.

Древности Белоруссии, 1966. Минск.

Древности Белоруссии, 1969. Минск.

Древности Белоруссии и Литвы, 1982. Минск.
Дубінскі С.А., 1933. Бібліаграфія па археалогіі Беларусі і сумежных краін. Менск.
Дучыц Л.У., 1991. Браслаускае паазерье у IX–XIV ст. ст. Мінск.
Дучыц Л.У., 1995. Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII ст. ст. Мінск.
Егорейченко А.А., Рябцевич В.Н., 1995. Рец.: Археалогія і нумізматыка Беларусіім.Інск, 1993 // СА. № 4.
Ермаловіч М.Н., 1990. Старажытная Беларусь. Мінск.
Загорульский Э.М., 1963. Древний Минск. Минск.
Загорульский Э.М., 1965. Археология Белоруссии. Минск.
Загорульский Э.М., 1977. Древняя история Белоруссии. Минск.
Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
Заяц Ю.А., 1987. Изяславль в X–XVIII вв. Минск.
Заяц Ю.А., 1994. Полоцкий князь Всеслав и Ярославичи в 1065–1066 гг.: от Пскова до Белгорода // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 4. Минск.
Заяц Ю.А., 1995. Заславль в эпоху феодализма. Минск.
Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёуская вобласць, 1986. Мінск.
Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск.
Зверуго Я.Г., 1989. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск.
З глыбі вякоў, 1992. Мінск.
Каспарова К.В., Мачинский Д.А., Щукин М.Б., 1976. Рец.: Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, 1973, 1974 // СА. № 4.
Каханоускі Г.А., 1984. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі у XVI–XIX ст. ст. Мінск.
Киев и западные земли Руси IX–XIII вв. 1982. Минск.
Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.
Коробушкина Т.Н., 1979. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. Минск.
Коробушкина Т.Н., 1988. Археология Белоруссии. Минск.
Коробушкина Т.Н., 1993. Кургана белорусского Побужья X–XIII вв. Минск.
Крауцевіч А., 1990. Майстр – наш продак. Мінск.
Крауцевіч А.К., 1991. Гарады і замкі беларускага Панямоння XIV–XVIII ст. ст. Мінск.
Кром М.М., 1995. Меж Русью и Литвой. М.
Левко О.Н., 1981. Витебские изразцы XIV–XVIII вв. Минск.
Левко О.Н., 1984. Витебск XIV–XVIII вв. Минск.
Левко О.Н., 1989. Торговые связи Витебска X–XIV вв. Минск.
Левко О.Н., 1992. Средневековое гончарство Белоруссии. Минск.
Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.
Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.
Лысенко П.Ф., 1989. Открытие Берестья. Минск.
Лысенко П.Ф., 1991. Дреговичи. Минск.
Магілёўская даўніна, 1993. Магилёў.
Магілёўшчына, 1992. Магілёў.
Материалы по археологии БССР, 1957. Минск.
Мельниковская О.Н., Алексеев Л.В., 1968. Рец.: Загорульский Э.М. Археология Белоруссии. Минск, 1965. // СА. № 3.
Митрофанов А.Г., 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.
Митрофанов А.Г., 1986. Рец.: Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983 // СА. № 1.
Музэй і развіццё гістарычнага краязнаўства, 1990. Гродно.
Мяцельскі А.А., 1994. Смаленска-чарнігаускае памежжа XII стагоддзя у мІжрэччы Дзясны і Дняпра // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 4. Мінск.
Очерки по археологии Белоруссии, 1970. Минск.
Очерки по археологии Белоруссии, 1972. Минск.
Поболь Л.Д., 1971. Славянские древности Белоруссии. Минск.

Поболь Л.Д., 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск.
Поболь Л.Д., 1974. Славянские древности Белоруссии. Минск.
Поболь Л.Д., 1979. Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск.
Поболь Л.Д., 1983. Археологические памятники Белоруссии. Минск.
Повесть Временных Лет, 1950. М.; Л.
Поликарпович К.М., 1968. Палеолит верхнего Поднепровья. Минск.
Полоцкий летописец, 1992. № 1. Полоцк.
Ривкин М.Ст., 1961. Из опыта внеклассной краеведческой работы по истории. М.
Риер Я.Г., 1982. Характер расселения сельского населения в Могилёвщине // СА. № 4.
Риер Я.Г., 1990. Развіццё сяреднявяковай вёскі на тэрыторыі Беларусі і у суседніх землях. Магілёў.
Седов В.В., 1970. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–VIII вв. Археология СССР. М.
Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
Седов В.В., Лопатин Н.В., 1995. Рец.: Энциклопедыя "Археалогія і нумізматыка Беларусі". Минск, 1993 // СА. № 4.
Секретные документы из особых папок, 1993 // ВИ. № 1.
Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии в XIII–XVIII вв., 1969. Мінск.
Тимофеев Е.И., 1961. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. № 3.
Ткачоў М.А., 1977. Замкі Беларусі. Мінск.
Ткачоў М.А., 1978. Абарончыя збудованні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII ст. ст. Мінск.
Ткачев М.А., 1987. Замки Белоруссии. Минск.
Ткачоў М.А., Трусаў А.А., 1992. Старажытны Мсціслаў. Мінск.
Третьяков П.Н., 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. Т. IV.
Трусов О.А., 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. Минск.
Трусаў А.А., 1990а. Старадаунія мураў адрадженне. Мінск.
Трусаў А.А., 1990б. Старонкі мурованай кнігі. Мінск.
Трусаў Ігар, 1994. Новыя крыніцы да гісторыі Каложскай царквы // Сьвіцязь. № 1. Гродна.
Хозеров И.М., 1994. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Минск.
Шадыро В.И., 1986. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.
Штыхов Г.В., 1971. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск.
Штыхаў Г.В., 1974. Ажываюць сівыя стагоддзі. Мінск.
Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк. Минск.
Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли. Минск.
Штыхаў Г.В., 1982. Ажываюць сівыя стагоддзі. Мінск.
Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы. Мінск.
Durczewski Zd., 1937. Grod litewski na Starym Zamku w Grodnie (XIII–XIV ww) // Kurjer Litewski-Naukowy. N 47. Wilno.
Durczewski Zd., 1938a. Doniesle wyniki prac wykopaliskowych na Starem Zamku w Grodnie w latach 1937–1938 // Kurier Litewski-Naukowy, N 39. Wilno.
Durczewski Zd., 1938b. Z warsztatu pracy wykopaliskowej w Starem Zamku // Dzennik kresowy. VII. N 180.
Durczewski Zd., 1939. Stary Zamek w Grodnie w swietle wykopalisk dokonanych w latach 1937–1938 // Niemen. N 1.
Limanowski M., 1936. Apeluje bezposrednio do pana ministra // Slowo. N 325.
M(ackiewicz) J., 1936. Skandal ... nie tylko w Dawidgrodku! // Slowo. N 320.
Soloviev A.V., 1936. Новые раскопки в Гродно и их значение для русской истории // Zapiski russkiego naucnego Institutu v Belgrade. T. 13. Belgrad.

Институт археологии РАН,
Москва

А.А. ФОРМОЗОВ

РУССКИЕ АРХЕОЛОГИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1920–1940-х гг.

Многие знают, что ряд русских археологов стал жертвой политических репрессий в годы коммунистического тоталитаризма. Но понять, когда, как, в каких масштабах, в каком контексте осуществлялись эти акции по сведениям, попавшим в печать, крайне трудно.

До XX съезда КПСС сообщения об этом изредка проникали только в зарубежную литературу. Не раз бывавший в СССР финский археолог А.М. Тальгрен в 1936 г. привел неполный список репрессированных ученых (Tallgren A.M. 1936, p. 149), после чего его уже не пускали в страну. В 1954 г. ушедший с немецкими оккупантами на Запад профессор Ростовского пединститута М.А. Миллер попытался рассказать о терроре подробнее. Но основывался он поневоле только на слухах, из-за чего в его тексте немало ошибок и неточностей. Обо всех репрессированных – и о тех, кто был расстрелян, и о тех, кто томился в концлагерях, и о высланных в разные края – сказано одинаково: "Сослан в Сибирь". Так говорится и о брате автора – А.А. Миллере, умершем в Карагандинском концлагере ((Миллер М.А., 1954, с. 80–84).

После доклада Н.С. Хрущева "о культе личности" 1956 г. стало возможным упоминать о жертвах тоталитаризма и на страницах советской печати. К сожалению, наши археологи не проявили особого желания вернуть доброе имя многим достойным людям и видным ученым, погибшим и пострадавшим в годы сталинской диктатуры.

Сейчас положение изменилось. О репрессированных ученых пишут достаточно часто. Но, поскольку большинство авторов основывается по-прежнему только на чьих-то рассказах, неточностей оказывается всюду очень много. Так, в учебном пособии "Историография археологии Сибири и Дальнего Востока" Е.А. Кавешникова (1992, с. 100) утверждает, что А.В. Адрианов "был расстрелян вместе со своим учителем Г.Н. Потаниным как член колчаковского сибирского правительства". В действительности Потанин умер своей смертью в возрасте 85 лет и был торжественно похоронен представителями советской власти, а Адрианов в правительство Колчака не входил.

Только в самое последнее время начали публиковать документы из архивов ЧК – ГПУ – НКВД – МВД – КГБ. В некоторых из этих публикаций, подготовленных историками, филологами, краеведами, упоминаются и археологи. Активно занялись восстановлением добрых имен наших предшественников украинские археологи, рассказавшие о судьбе Н.Е. Макаренко, М.Я. Рудинского, Ф.Н. Молчановского, П.И. Смоличева, К.Ю. Коршака и др. (я ни украинских, ни белорусских археологов ниже касаться не буду).

Уже в этих публикациях есть много фактов, заставляющих по-новому взглянуть на некоторые важные моменты в истории отечественной археологии. Не претендуя ни на то, чтобы составить исчерпывающий список репрессированных археологов, ни на то, чтобы осветить их судьбы после ареста, я хочу дать здесь лишь комментированный обзор материалов, появившихся в печати, с тем, чтобы наметить определенные вехи в жизни археологии советской эпохи.

Террор, начавшись вскоре после установления большевистской диктатуры, достаточно рано коснулся и археологов. Уже в ноябре 1918 г. был арестован председатель Псковского археологического общества, автор "Спутника по древнему Пскову" и "Археологической карты Псковской губернии" Николай Фомич Окулич-Казарин (1849–1923 г.). Он был отставным генералом и потому, вероятно, вызвал подозрение у чекистов. По ходатайствам из Петрограда его выпустили. Умер он в эмиграции (Седельников В.О., 1991, с. 459–462).

© А.А. Формозов, 1998 г.

22 декабря 1919 г. в Томске был арестован и в начале 1920 г. расстрелян известный исследователь енисейских курганов и наскальных изображений Александр Васильевич Адрианов (1854–1920) (Крюков В.М., 1994, с. 30). Он был общественным деятелем, издателем оппозиционных к царскому правительству газет, сторонником сибирского областничества. После установления советской власти в Сибири занял по отношению к ней отрицательную позицию, за что и был уничтожен. То, что расстреляли известного в культурном мире Сибири человека, в возрасте 66 лет, показывало, что новая власть церемониться с интеллигенцией не собирается.

В первой половине 1920-х гг., между 1922 и 1924 гг. был арестован директор Краснодарского музея Иван Ефимович Гладкий, создавший в дореволюционные годы основной фонд археологических коллекций музея. О дальнейшей судьбе его ничего не известно. Видимо, он погиб вскоре после ареста[1].

Для 1925 г. есть сообщение об аресте директора Херсонесского музея Лаврентия Алексеевича Моисеева (1882–1946) (Жуков Ю.Н., 1993, с. 73). Кажется, он был выслан в Астрахань, но затем смог вернуться в Севастополь. Есть его публикации с конца 1920-х гг. до 1939 г.[2], но и от археологии он отошел, стал инженером-мелиоратором.

В 1925 г. в Соловецком концлагере оказался видный этнограф и фольклорист Николай Николаевич Виноградов (1876–1938). В ту пору декларировалась идея "перековки" заключенных и кое-кому из них предоставлялась возможность заниматься научной и литературной работой. В 1926, 1928 и 1929 гг. Виноградов опубликовал статьи об изучении соловецких лабиринтов и других памятников старины на архипелаге.

Работы были как-то согласованы с ГАИМК. Отбыв трехлетний срок заключения, Виноградов остался на Соловках вольнонаемным, а с 1932 г. работал в Карельском научно-исследовательском институте в Петрозаводске. Именно он, узнав о находках на Оленьем острове Онежского озера, съездил туда и опубликован в местной газете первое сообщение об этом ставшем позднее знаменитым мезолитическом могильнике. В 1937 г. в Петрозаводске вышел библиографический указатель "Фольклор Карелии", составленный Виноградовым. Казалось, что жизнь налаживается, но в том же 1937 г. Виноградов был арестован и расстрелян (Сизинцева Л.И., 1996, с. 393–397).

В 1927 г. был арестован заведующий Тверским музеем, в прошлом активный член Тверской ученой архивной комиссии Иван Александрович Виноградов (1866–1935). Он был приговорен к 5 годам ссылки в Сибирь, но по ходатайству акад. С.Ф. Платонова, был выслан в Новгород, где работал в музее. Умер в Ленинграде[3].

Все перечисленные выше археологи были провинциалами. До 1930 г. в Москве и Ленинграде археологов, как будто, не репрессировали. Все это было лишь прелюдией к "Большому террору". В 1928 г. по "Шахтинскому делу" осудили 53 инженера. В 1930 г. последовали процессы Промпартии (к нему привлекли до 2000 человек), Трудовой крестьянской партии, Союза ЦК меньшевиков, Союза вызволения Украины и т.д. (Куманев В.А., 1991).

Именно в эти годы пострадало большинство археологов. Началось с так называемого Академического дела. Первым осенью 1929 г. был арестован архивист А.И. Андреев. В течение 1930 г. число арестованных достигло 100, а к концу следствия – 150 человек. Среди них были академики С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, десятки других видных историков, филологов, архивистов, краеведов. Целью этой акции было усмирение фрондировавшей по отношению к новой власти Академии Наук, запугивание интеллигенции, приведение ее в рабскую покорность.

ГПУ сфабриковало дело о заговоре с целью свержения советской власти, о никогда не существовавшем "Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России".

---

[1] Сообщено сотрудником Краснодарского музея Е.А. Хачатуровой.

[2] Здесь и далее не даю ссылок на публикации. См. (Советская археологическая литература, 1965).

[3] Сообщено С.О. Шмидтом.

Арестованные были разбиты на ряд групп. Основная – была осуждена 10 февраля 1931 г.; 29 человек приговорили к расстрелу, 53 к заключению на срок от 3 до 10 лет.

К этому-то процессу и был привлечен ряд видных археологов. Это историки, занимавшейся археологией, члены-корреспонденты Академии Наук московские профессора Юрий Владимирович Готье (1873–1943) и Сергей Константинович Богоявленский (1873–1947) историк и археолог из Симферополя Арсений Иванович Маркевич (1855–1942), сотрудники Академии Наук этнограф и археолог Сергей Иванович Руденко (1885–1969)и археолог и искусствовед Григорий Иосифович Боровка (1894–1941), симферопольский краевед Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947), нумизмат Александр Александрович Сиверс (1866–1954) (Академическое дело, ... 1993).

Судьба их сложилась по-разному. Готье был выслан в Самару, занимался там краеведением, написал заметку об археологических памятниках р. Сок, переводил "Путешествие на Луну" Сирано де Бержерака. В 1934 г. он вернулся в Москву, стал профессором Института философии, литературы и истории, сотрудником Института истории АН СССР, был избран действительным членом Академии. Археологией больше не занимался (Асафова Н.М., 1941, с. 18, 19).

Богоявленский был в ссылке в Новосибирске. В списке его печатных работ перерыв с 1930 г. до 1937 г. (Список научных трудов... 1974, с. 203). С конца 1930-х гг. работал в Институте истории АН СССР, но оставался на подозрении как чуждый марксизму специалист (Нечкина М.В., 1993, с. 203). От археологии отошел. В 1947 г. изданы лишь материалы к составлявшейся им с дореволюционных лет археологической карте Московской обл.

А.И. Маркевич за последние 10 лет жизни не напечатал ни строчки, только пополнял свою картотеку работ по истории Крыма (К 100-летию..., 1955, с. 175).

В 1931–1934 гг. заключенный Руденко работал на Беломорканале как инженер-гидролог. После окончания срока он решил не рисковать и остался вольнонаемным. Его уже вновь вызывали на допросы по делу "Российской национальной партии", к которому привлекли его коллег из Русского Музея. Обстановка в центральном археологическом учреждении страны – ГАИМК – тоже была ему ясна. Лучше было переждать. Вернулся в Ленинград Руденко лишь в 1942 г., а археологией занялся уже в 1945 г. Полтора десятилетия были вычеркнуты из жизни крупнейшего ученого (Массон В.М., 1965, с. 237–241).

Трагично сложилась судьба совсем молодого Боровки. Он жил в Ухте, работал геологом, был вторично арестован и расстрелян в 1941 г. (Зуев В.Ю., 1995, с. 152, 153).

Бабенчиков в 1933–1935 гг. был в концлагере на Печоре, потом служил в Крыму учителем, участвовал в раскопках Эски-Кермена (Анцифаров Н.П., 1992, с. 461). После ссылки в Туруханский край и жизни в Можайске Сиверс заведовал отделом нумизматики Государственного исторического музея.

В опубликованных протоколах допросов С.Ф. Платонова мы найдем и другие знакомые имена. Спрашивали о закрытом Петроградском археологическом институте и в этой связи об А.А. Спицыне и А.А. Миллере, о ГАИМК и о служивших там "евразийцах" С.А. Жебелеве и М.А. Тихановой (Академическое дело..., 1993, с. 35, 38, 178, 182).

Особенно интересны два момента: Платонов сообщил следствию, что, узнав от А.А. Спицына об открытиях Н.И. Репникова в Эски-кермене в 1928 г., рассказал об этом бывшему профессору Петербургского университета Брауну, перебравшемуся после революции в Лейпциг. Федор Александрович Браун (1862–1942) родился в Петербурге, окончил там университет и после защиты магистерской диссертации "Разыскания в области гото-славянских отношений" (1899) стал профессором. Браун проинформировал об успехах советских археологов их немецких коллег, и они подняли вопрос о совместных работах археологов СССР и Германии в Крыму для решения готской проблемы. Делегация немецких ученых съездила в Крым. В качестве переводчика их сопровождал симферопольский профессор Н.Л. Эрнст. Платонов говорил,

что хотел вести эти работы по линии Академии Наук, избегая чуждого ему учреждения ГАИМК (Академическое дело..., 1993, с. 64, 65, 72, 73).

Отсюда становится ясным, почему вдруг в 1930-х гг. в ГАИМК организовали готскую группу во главе с В.И. Равдоникасом, только что принятым на службу в ГАИМК и никогда Крымом не занимавшимся. В ГАИМК нашли средства на раскопки Эски-кермена в течение семи сезонов. В 1932 г. выпущен "Готский сборник" (ИГАИМК, т. XII, вып. 1–8), где помещена программная статья Равдоникаса. Он утверждал, что готы вовсе не пришли в Крым из Прибалтики, а возникли на месте путем стадиальных трансформаций. Эта нелепая идея была порождена не только "новым учением о языке" Н.Я. Марра, но и заданием свыше: доказать, что никакого германского населения в Крыму никогда не было. Идея оказалась живучей. Отголоски ее звучали даже в 1952 г. на Крымской сессии АН СССР, когда Равдоникас был уже отовсюду уволен как космополит и маррист. Что касается Н.Л. Эрнста, то его арест через 8 лет был уже предрешен показаниями Платонова.

Мне кажется, что с тех пор крымская археология навсегда осталась под пристальным надзором чекистов. Крым был местом отдыха советской верхушки. Число репрессированных крымских археологов очень велико. Отставным чекистом был внедренный в Отдел археологии Крымского филиала АН СССР в 1940-х гг. П.Н. Надинский, С.Н. Бибиков, ревизуя мои раскопки в Староселье в 1953 г., писал, что всегда все археологи, приехавшие на раскопки в Крым, наносили свой первый визит в местное отделение МВД, а я 2 года злостно от этого уклонялся.

Второй интересный момент: 18, 23 и 24 ноября 1930 г. Платонова спрашивали о военных группах подпольной организации, и он показал, что С.В. Бахрушин предлагал поставить в Москве во главе такой группы В.А. Городцова. Он и бывший военный, и недовольный, поскольку его "много обижали" по службе. А главное: "вокруг него группируется много молодежи, с которой он занимался по археологии и производит раскопки" (Академическое дело..., 1993, с. 249, 253, 255). Это значит, что под ударом оказался не один Городцов, а весь круг его учеников по МГУ. Никто из них не был арестован. Почему? Думается потому, что "Академическое дело" инспирировал и по заданию ЦК ВКПб курировал М.Н. Покровский. А в возглавляемом им Обществе историков-марксистов активно сотрудничал А.В. Арциховский. Его доклад в этом обществе "Новые методы в археологии" делался как совместный с А.Я. Брюсовым и С.В. Киселевым. Все они были участниками семинара по марксизму В.М. Фриче. Археологическая молодежь воспринималась Покровским как близкая ему, тогда как молодые историки из РАНИОН Л.В. Черепнин, И.И. Полосин, Н.М. Дружинин, С.А. Никитин были репрессированы. Сам Городцов потерял службу и в РАНИОН, и в Московском университете, и в Историческом музее.

Ученые, осужденные по "Академическому делу", подверглись ожесточенной травле в печати. Показательна статья некоего И. Куршанака в журнале "Историк-марксист" "Как разрабатывают буржуазные историки идеологию диверсии" – отклик на книгу Ю.В. Готье "Железный век в Восточной Европе". Утверждается, что это "образчик того, как создается буржуазной профессурой идеология контрреволюции против СССР. Вместе с тем концепция проф. Готье представляет собою "опыт" примирения сменовеховского "евразийства" с авгуровской позицией" (Авгур – автор брошюры "СССР – угроза цивилизации", 1927. – *А.Ф.*) "Вокруг великодержавнического стержня напутано такое, чего никак нельзя иначе расценивать, как поблажкой (стиль автора. – *А.Ф.*) местным националистам (например, ... идеализация Волжской Болгарии) ... в угоду и на предмет драки чувашских и татарских националистов ... Сменовеховская буржуазная интеллигенция идет по вехам .... "Промпартии" ets до Парижа... Готье отразил ... сдвиги ... к прямой контрреволюции под руководством Парижа» (Куршанак И., 1931, с. 115–118). И это рецензия на археологическую книгу!

В брошюре С.А. Пионтковского "Буржуазная историческая наука в России" (1931, с. 97, 98) в том же духе говорилось о Готье, С.А. Жебелеве и А.И. Маркевиче. Из археологов кинул камень в Готье и В.И. Равдоникас (1930, с. 82–84).

Ленинградское отделение Коммунистической Академии и Общество историков-марксистов выпустили в 1931 г. сборник "Классовый враг на историческом фронте", посвященный Платонову. Тут выступил С.А. Семенов-Зусер, клеймивший в основном Жебелева, называя его "жуликом" и "плагиатором" (Классовый враг..., 1931, с. 167–170). Через 11 лет в своей докторской диссертации "Скифская проблема в отечественной науке" Семенов-Зусер именовал Жебелева крупнейшим историком-марксистом, но о расстрелянном Боровке говорил как о "бывшем сотруднике Эрмитажа", проповедовавшем расистские взгляды (Семенов-Зусер С.А., 1947, с. 113).

Руденко была посвящена целая статья в "Сообщениях ГАИМК". Ее написал аспирант А.Н. Бернштам.

От "Академического дела" отпочковался еще ряд дел. Чекисты хотели раскрыть целую сеть вредительских групп, разбросанных заговорщиками из Москвы и Ленинграда по всей стране. Платонова спрашивали об историках Саратовского университета П.Г. Любомирове, С.Н. Чернове, П.Г. Васенко. Все они так или иначе пострадали. О саратовских археологах речи не было, но показательно, что следователь, ведший "Академическое дело", Александр (Альберт) Робертович Стромин (1902–1938) позднее был перемещен в Саратов, и именно он в 1937 г. вел дела П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова.

10 сентября 1930 г. Платонов назвал своего ученика Сергея Николаевича Введенского (1867 – после 1930), доцента Воронежского университета, историка и краеведа. Есть у него и статья археологического плана "Кудеярова поклажа" – о кладоискательстве на Руси в XVII в. Был дан сигнал, и уже 5 ноября 1930 г. Введенского арестовали. Затем последовали и аресты других, связанных с ним краеведов, не только воронежских, но и из Курска, Орла, Липецка, Тамбова, Ельца, Задонска и т.д., всего 92 человека. Было сфабриковано дело о монархической организации. Пятерых приговорили к расстрелу, остальных – к 3–10 годам лагерей. Среди осужденных: нумизмат Тихон Абрамович Горохов (1872 – после 1949 г.) – автор статьи "Монетные клады Курской губернии", сотрудник Курского музея; Петр Сергеевич Ткачевский (1880 – после 1950 г.) – краевед из Орла, исследовавший в 1926 г. курганы близ этого города; Петр Николаевич Черменский (1884–1973) – уроженец Лебедяни, много писавший о ее старине и прошлом Тамбовщины, ученик А.А. Спицына.

Введенский, видимо, погиб. Горохова, Ткачевского и Черменского я застал в 1948 г. в Курске. Черменский преподавал археологию в пединституте. Горохов и Ткачевский краеведением официально не занимались, но собирали древности и интересовались ими. Отношения между ними были добрые, хотя материалы следствия показывают, что держались они по-разному: Черменский всех выгораживал и был приговорен к 10 годам лагерей, Горохов же всех оговаривал и осужден на 3 года. Ткачевский был выслан на 3 года в Северный край.

В 1956 г. оставшиеся в живых краеведы ходатайствовали о реабилитации. Им отказали. В 1962 г. ходатайство было повторено. Опять последовал отказ. Только в 1978 г. приговор был отменен. Дожили до этого двое из 92 краеведов (Акиньшин А.Н., 1992, с. 208–235).

Такие же процессы над краеведами, как в Центрально-Черноземной области, проходили в начале 1930-х гг. по всей стране. К сожалению, полной картины у нас нет.

Больше всего мы знаем о судьбе Василия Ивановича Смирнова (1881–1941) – автора нескольких десятков статей по археологии и этнографии Костромской и Архангельской обл., учителе П.Н. Третьякова. В 1929 г. Смирнов был снят с поста директора Костромского музея и вынужден был уехать в Иваново. Проработав там в музее несколько месяцев рядовым сотрудником, он успел открыть важное неолитическое поселение Сахтыш. В 1930 г. был арестован и после пребывания в тюрьме в 1931 г. выслан в Архангельскую обл. Работу по специальности смог найти не сразу, был грузчиком, фотографом, пока его не приняли в Северный геолого-разведочный трест, где он и трудился, весьма плодотворно, до конца дней (Китицина Л.С., Третья-

ков П.Н., 1968, с. 239–242; Бочков В.Н., 1974; с. 42–61; Сизицева Л.И., 1992, с. 263–276; 1994, с. 114–137).

Тяжелее была участь Леонида Николаевича Казаринова (1871–1940) – создателя и директора Чухломского музея. От открыл такие поселения, как Федоровская стоянка (исследованная А.Я. Брюсовым, М.Е. Фосс, И.В. Гавриловой), стоянка на р. Юг (изучавшаяся А.В. Збруевой) и др. Опубликовал ряд работ и книжку "Прошлое Чухломского края". В 1930 г. был арестован. Чухлома – город, лежащий в стороне от дорог, в страшной глуши. Здесь на городском кладбище можно увидеть могилы сосланных сюда видных иерархов русской церкви. Куда же ссылать дальше? Местом ссылки для Казаринова назначили дер. Клепиково Северного края. Ему было уже 60 лет, он очень бедствовал и, когда в 1933 г. смог вернуться в Чухлому, был полным инвалидом. Ему отняли ногу, и он уже не выходил из дома, хотя что-то писал (Бочков В.Н. 1974, с. 62–72).

Репрессирован был и брат В.И. Смирнова Михаил Иванович (1869–1949) – директор Переяславльского музея, опубликовавший в 1919–1929 гг. десяток историко-краеведческих и археологических статей. В 1931–1933 гг. был в ссылке. В Переяславль уже не вернулся (Филимонов С.Б., 1990, с. 74–81).

О судьбе других краеведов мы знаем еще меньше. Среди арестованных в начале 1930-х гг. Степан Дмитриевич Яхонтов (1853–1942) – активный сотрудник Рязанской ученой архивной комиссии и Рязанского краеведческого общества, занимавшийся и археологией (Мельник А.Н., 1994, с. 214–221). По данным сотрудника Брянского музея Г.Н. Полякова, был выслан в Казахстан, где и умер, директор Брянского музея в 1918–1924 гг. Сергей Сергеевич Деев, открывший Супоневскую палеолитическую стоянку и опубликовавший в 1926–1929 гг. ряд статей по археологии.

В начале 1933 г. были репрессированы сотрудники музея Новгорода Великого Николай Григорьевич Порфиридов (1893–1980), Сергей Михайлович Смирнов (1892–1992) и Василий Сергеевич Пономарев (род. в 1907 г.) (Гайдуков П.Г., 1994, с. 50).

По данным М.А. Миллера (1954, с. 83), был выслан из Крыма преподаватель Симферопольского пединститута Осман Асан Оглу Акчокраклы (1879–1938). Известны его археологические публикации 1926, 1928 и 1929 гг. Позднее был расстрелян (Урсу Д.П., 1995, с. 5).

По данным того же М.А. Миллера (1954, с. 83), был репрессирован директор Краснодарского музея Антон Фаддеевич Лещенко – исследователь кубанских дольменов. Его публикации датируются 1925, 1927, 1929 и 1931 гг. Позднейших нет.

В числе сосланных Миллер (1954, с. 83) называет Петра Николаевича Шишкина – до революции активного члена Саратовской ученой архивной комиссии, писавшего о золотоордынских городах. В конце 1930-х гг. он, по словам Миллера, вернулся на родину, и вскоре умер, но по словам В.Г. Миронова, Шишкин работал в Сталинградском музее и погиб при эвакуации коллекций в 1942 г.

Директор Смоленского музея Андрей Федорович Палашенков (1886–1971) был выслан в 1934 г. в Караганду. С 1936 г. работал в Омском музее. С лета 1938 г. до начала 1939 г. вновь был под арестом (Жук А.В., 1995, с. 69, 70).

В справочниках археологической литературы не найдем мы после грани 1920–1930-х гг. имена и ряда других краеведов. Таковы Николай Иванович Власьев (род. в 1887 г., Можайский музей, публикации 1928 г.), Наталья Ивановна Спрыгина (1880–1953, Пенза, публикации 1920-х гг.), Николай Михайлович Егоров (1876–1963, Пятигорск, публикации до 1933 г. и после 1951 гг.), А.И. Разин (Владивосток, публикации 1925–1927 гг.). Иркутский краевед Павел Павлович Хороших (1890–1977) был очень плодовитым автором. Но в списке его публикаций разрывы с 1929 до 1937 г. и с 1941 г. до 1947 г.[4]

Не могу утверждать, что все эти люди были репрессированы. Кто-то мог остаться на воле, предпочитая о себе не напоминать. И все же судьба даже тех краеведов, кто

[4] Некоторые данные о краеведах почерпнуты из справочника (Наука..., 1928).

не был тогда арестован, оказалась трагичной. В 1930 г. добровольно ушел из жизни археолог из Энгельса (Покровска) Павел Давидович Рау (1897–1930), сделавший за каких-нибудь 5 лет работы удивительно много для понимания эпохи бронзы и сарматского времени в Поволжье. Мы знаем, что предшествовало самоубийству. Сначала был арестован директор музея в г. Энгельсе Г.Г. Дингес. Рау беспрерывно вызывали на допросы в ГПУ. Затем он узнал о раскулачивании и высылке своих близких, об обыске в своем доме. Выхода не было. (Миллер М.А., 1954, с. 82; Малышев А.А., Семенова И.В., 1991, с. 145–147).

Показателен рассказ искусствоведа М.А. Ильина о дорогобужском краеведе Николае Ивановиче Савине (1890–1944). Он создал музей в родном городе, копал курганы в Дорогобужском и Ельнинском уездах Смоленской губ. в 1929 г., о чем напечатал две заметки, был связан с А.Н. Лявданским, занимался усадебной архитектурой, декабристами, крестьянским движением на Смоленщине. Ильин, изучавший местную ампирную архитектуру, приезжал к нему в 1920-х гг. Вновь посетив Дорогобуж в 1932 г., он застал Савина в состоянии глубокой депрессии. Из музея его уволили, коллекции выкинули. Савин говорил московскому гостю: "Поймите, во мне убито все, вера, любовь, все, чему я отдал свою жизнь, все свои стремления. Я ничего не смогу теперь сделать" (Ильин М.А., 1970, с. 58, 59). Больше Савин ничего не опубликовал. О конце его – ниже. Ныне музея в Дорогобуже нет.

Краеведческое движение в СССР на грани 1920–1930-х гг. было разгромлено. Все краеведческие общества в 1933 г. были закрыты, а их издания уничтожались. Из музеев выкидывали "бывших людей" и даже коллекции как "ненужный хлам". Масштабы этой трагедии еще предстоит осознать.

Многочисленны газетные и журнальные статьи, клеймящие краеведов-вредителей. Укажу лишь на брошюру "Против вредительства в краеведческой литературе" (Иваново-Вознесенск, 1931), где больше всего говорилось о В.И. и М.И. Смирновых.

В связи с "Академическим делом" стояли и репрессии по отношению к ряду московских ученых в 1930–1932 гг. Чекисты придумали, что существовал особый "Московский центр" раскрытого ими "Союза".

В 1930 г. был арестован профессор кафедры антропологии МГУ, специалист по первобытной археологии Борис Сергеевич Жуков (1892–1933). Он умер в концлагере на Алтае (Бадер О.Н., 1968, с. 235). Видимо, одновременно арестовали и другого профессора той же кафедры Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953), занимавшегося в ту пору и этнографией, и археологией. До 1933 г. он жил в ссылке в Вологде, потом перебрался в Тбилиси, где стал работать в Музее Грузии и на протяжении 20 лет сделал необычайно много для кавказской археологии (Джапаридзе О.М., 1993, с. 247).

Арестован был и профессор МГУ и сотрудник РАНИОН археолог-антиковед Алексей Степанович Башкиров (1885–1963). С 1931 по 1945 гг. он не опубликовал ничего. После войны преподавал в Ярославле и Костроме и только в 1950 г. вернулся в Москву. Известна хлесткая полемическая статья "Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья" в "Сообщениях ГАИМК", направленная против книги Башкирова об искусстве Дагестана. Она кончается словами о вредной деятельности как Башкирова, так и РАНИОН в целом, где неправильно понимают марксизм (Тревер К.В., 1932, с. 22–37). Рецензия, подписанная К.В. Тревер (а, по утверждению старых сотрудников ГАИМК, принадлежавшая перу И.А. Орбели), увидела свет, когда Башкиров был уже репрессирован.

Начавший научную деятельность еще до революции профессор Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) был арестован, видимо, в 1931 г. В списке его публикаций разрыв между 1931 и 1933 гг. В 1933–1934 гг. он печатался в Ашхабаде, где, скорее всего, отбывал ссылку (Илья Николаевич Бороздин, 1959). Позднее он, должно быть, на короткий срок вернулся в Москву, поскольку в 1934 г. был на учредительном съезде Союза советских писателей и до 1935 г. преподавал в Институте журналистики (Москаленко А.Н., 1960, с. 313; 1963, с. 196). С 1935 г. публикаций Бороздина опять

нет до 1943 г., когда он вновь оказался в Ашхабаде. Только в 1949 г. он перебрался в Воронеж, где до конца дней был профессором университета.

Мало знаем мы о судьбе Алексея Алексеевича Захарова (род. в 1884 г.). Он был болезненным человеком, на раскопки не ездил. Проявил себя как популяризатор ("Эгейский мир", 1918; "Эгейский мир в свете новейших открытий", 1924), как профессор МГУ и как сотрудник Исторического музея, описавший ряд его коллекций, сибирских, кавказских и античных. По данным М.А. Миллера (1954, с. 82–84), он был выслан в Алма-Ату полупарализованным, прикованным к креслу. Но и там он продолжал работать. Есть его публикация 1934–1935 гг. Дальнейших сведений нет.

На 1932 г. падает арест еще одного профессора – антиковеда – Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1971). К работе он вернулся в 1939 г. в Томском университете. В 1948 г. был оттуда уволен как человек, чуждый советской науке. Перебрался в Нальчик, оттуда – в Нежин, а в 1956 г. – в Харьков, где преподавал в университете до конца дней (Матющенко В.И., 1994, с. 25, 26).

Все шесть московских профессоров, арестованных в 1930–1932 гг., были не только лояльны по отношению к советской власти, но и активно сотрудничали с нею. Объединяет их то, что все они в разные годы бывали за рубежом, общались с иностранцами.

Следующий удар по нашей науке был нанесен в 1933–1934 гг. Это так называемое "Дело славистов" или "Дело Русского музея". По этому процессу были арестованы академики-филологи М.Н. Сперанский и В.Н. Перетц, оба в известной мере связанные с археологией, видные языковеды Н.Н. Дурново, В.В. Виноградов, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров и др. Им инкриминировали создание "Российской национальной партии". Об этом деле писали недавно филологи Ф.Д. Ашнин и В.М. Алпатов (1994).

Если в Москве репрессированы были в основном представители филологического мира, то в Ленинграде разгрому подвергся Русский музей, где тогда были не только художественные, но и этнографические собрания, включавшие археологию. Горькая участь постигла сотрудников музея – исследователя крымского палеолита Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943), выдающегося археолога исследователя древностей Подонья и Кавказа Александра Александровича Миллера (1875–1935), создателя классификации древностей Минусинской котловины, сохранившей значение до сих пор, Сергея Александровича Теплоухова (1888–1934) и его ученика Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). Аресты начались 4 сентября 1933 г. и продолжались до 22 апреля 1934 г. В Москве было арестовано 34 человека, в Ленинграде – 37. Приговоры были вынесены 29 марта и 2 апреля 1934 г.

Бонч-Осмоловский, арестованный 29 октября 1933 г., был приговорен к 5 годам лагерей. Отбывал этот срок в 1934–1936 гг. в Ухтпечлаге (Воркута), работал геологом, освобожден по зачетам, вернулся в Ленинград, но долго не мог получить там ни прописки, ни работы. Только к 1940 г. положение его нормализовалось. Он добился реабилитации, стал сотрудником ИИМК и профессором ЛГУ, защитил докторскую диссертацию. Но силы его были подорваны. Он умер в возрасте 53 лет (Анциферов Н.П., 1992, с. 464).

Еще трагичнее сложилась судьба Миллера и Теплоухова. Миллер был арестован 9 сентября 1933 г., осужден на 5 лет лагерей и умер 12 января 1935 г. в Карлаге. Теплоухов повесился в тюрьме во время следствия между 10 и 15 марта 1934 г. (Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., 1994, с. 130, 204, 206).

М.П. Грязнов был арестован 29 ноября 1933 г. На следствии виновным себя не признал. Приговорен к 3 годам ссылки в Вятку (Киров), где работал в местном музее. В 1937 г. вернулся в Ленинград и был принят на работу в Эрмитаж (Зайцев Н.А., 1992, с. 9, 10).

С тем же делом связана высылка сначала в Акмолинск, а потом в Ташкент известного византинолога-искусствоведа действительного члена ГАИМК и Украинской Академии Наук Федора Ивановича Шмидта (1877–1937), участвовавшего в раскопках Эски-Кермена. Некоторое время он работал в Ташкентском музее, потом его

уволили, и он вынужден был служить почтальоном. В конце 1937 г. его арестовали и 3 декабря расстреляли по решению тройки (Чистотинова С.Л., 1994, с. 99–107).

В 1933 г. были репрессированы и два нумизмата из Эрмитажа – заведующий отделом восточных монет, выпускник Лейпцигского университета Роман Романович Фасмер (1888–1938) и специалист по русской нумизматике Иван Георгиевич Спасский (1904–1990). Фасмер, приговоренный к 10 годам лагерей, окончил свои дни в Ташкенте (Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., 1994, с. 138, 206). Спасский пробыл в концлагере полный срок – 5 лет, потом работал в провинции не по специальности, участвовал в Отечественной войне и только в 1946 г. вернулся в Ленинград в Эрмитаж (Янин В.Л., 1965, с. 6).

Среди репрессированных по делу Российской национальной партии были также этнограф и автор ряда археологических статей Наталья Ивановна Лебедева (1894–1978), проведшая 3 года в ссылке в Сибири, а также занимавшийся археологией (автор книги "Что говорят забытые могилы") краевед Иван Спиридонович Абрамов (1874 – после 1956). В 1929 г. его уже высылали из Ленинграда в Сольвычегодск как подписчика журнала "Краеведение". С 1934 до 1936 г. он жил в ссылке в Тюмени. Следствие проявляло интерес и к другим лицам, не допрашивавшимся, но поставленным под надзор. В числе их была Н.Н. Погребова, тогда экскурсовод, а в будущем археолог-скифолог (Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., 1994, с. 78, 198, 202).

Если академическое дело вызвало ряд откликов в печати, то о жертвах дела "славистов" писали мало. Все же П.И. Борисковский не преминул в 1935 г. обозвать Бонч-Осмоловского "представителем буржуазной палеоэтнологии под маркой советского ученого" (Борисковский П.И., 1935, с. 13).

Из предшествовавшего изложения может сложиться впечатление, что репрессии как-то обошли центральное археологическое учреждение страны – ГАИМК. Это не так. Арестованные по академическому делу Руденко, Боровка, Готье и пострадавшие по делу славистов Миллер, Теплоухов, Бонч-Осмоловский, Шмит, Грязнов, Фасмер были по совместительству и сотрудниками ГАИМК. Репрессированы были и сотрудники академии – искусствовед Елена Викторовна Ернштедт (1889–1942) и Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946), много сделавший для организации Института археологической технологии ГАИМК. Фармаковский жил в 1930–1934 гг. в ссылке в Ярославле. Вернувшись в Ленинград, работал в Русском музее, от археологии отошел (Иессен А.А., 1947, с. 306–309). Ернштедт провела в заключении 5 лет, наукой больше не занималась (Анциферов Н.П., 1992, с. 476).

Но дело не только в этом. Уже в 1923 г. первый советский министр юстиции эсер И.Э. Штейнберг и наблюдавший за событиями со стороны П.Н. Милюков достаточно точно определили, что такое террор. Это не только расстрелы, тюрьмы, концлагери, но и другие принудительные методы воздействия на людей (Милюков П.Н., 1991, с. 462–471).

В 1920-х гг. проводились периодические "чистки" – учреждений от "классово-чуждых элементов", весьма болезненно затронувшие научно-просветительные учреждения. При чистке Академии Наук СССР в 1929 г. из 869 штатных сотрудников было уволено 126, из 839 нештатных – 520, т.е. более трети состава (Академическое дело..., 1993, с. XXVI). При чистке ГАИМК в 1929 г. уволили более половины сотрудников – 60 человек (Кузина Г.А., 1991 г., с. 141, 142). На I Всероссийском музейном съезде 1930 г. декларировалось: "Наши музеи были не только складочным местом для хлама предметов, но музеи были и складочным местом... и для хлама людского... В музеях укрывали этот хлам" (Труды..., 1931, с. 21).

Были выкинуты на улицу сотни специалистов. Уволенные становились "лишенцами", т.е. были лишены не только гражданских прав, но и продовольственных карточек и могли покупать продукты лишь на базаре, за дорогую цену, тогда как найти новое место работы было для них практически невозможно. Лишенцы обрекались на вымирание. От тех, кого все же оставили на работе, требовали "полной перестройки своего научного мировоззрения". Эти слова взяты мной из некролога ученого старой

школы А.В. Шмидта, написанного юным проработчиком Е.Ю. Кричевским (1935, с. 125). Они объясняют многое, удивляющее нас сегодня, в публикациях А.А. Миллера, Ф.И. Шмита, В.В. Гольмстен, П.П. Ефименко 1930-х гг.

Следствия этих мероприятий были разные. Кое-кто из археологии просто ушел. В первом наборе аспирантов ГАИМК вместе с С.Н. Замятниным, М.И. Артамоновым, Н.Н. Ворониным был Лев Альфонсович Динцес (1895–1948), о котором они всегда вспоминали как об очень ярком, одаренном человеке. В 1929 г. Динцес опубликовал статьи "Прочерченный орнамент трипольской культуры" и "Неолитическая стоянка в Токсове". Перемены в ГАИМК заставили его переквалифицироваться. Он стал писать о карикатуристах "Искры" и "Гудка", о художниках Перове и Серове, о героях Гоголя в изобразительном искусстве. Умер он в возрасте 53 лет, оставив всего 18 публикаций (Бломквист Е. и др., 1949, с. 203–208).

Аспирант закрытого в 1929 г. РАНИОН, работавший и в Историческом музее Петр Борисович Юргенсон (1903–1971) успел опубликовать в 1926–1929 гг. шесть статей о византийских древностях, в том числе и за рубежом. После 1930 г. переквалифицировался в биолога-охотоведа (Русаков Я.С., Насимович А.А., 1972, с. 150, 151).

То же наблюдалось и в провинции. Ученик Городцова Владимир Геннадиевич Карцов (1904–1977) успешно занимался археологией Енисея, писал об этом в работах 1928, 1929, 1932 гг. В дальнейшем от археологии отошел, опубликовал книги о декабристе Г.С. Батенкове, о методике преподавания истории СССР в начальной школе. В конце жизни был профессором Калининского университета. Жена его, тоже ученица Городцова, С.В. Романовская была репрессирована.

Идеологический пресс давил не только на научно-исследовательские учреждения. В еще большей мере он лег на ВУЗы. Не доверяя старой профессуре и не имея большого числа своих надежных людей, новая власть уже в 1920-х гг. предпочла просто закрыть гуманитарные факультеты в провинциальных университетах. Тогда вынуждены были покинуть Пермь – А.В. Шмидт, Самару – В.В. Гольмстен, Смоленск – А.Н. Лявданский. В Иркутском университете с 1918 г. преподавал выдающийся археолог Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937), начавший раскопки в Прибайкалье еще в 1912 г., учитель – Г.Ф. Дебеца, Г.П. Сосновского, М.М. Герасимова, А.П. Окладникова. В 1926 г. факультет общественных наук ИркутГУ был закрыт, и до своей гибели десять лет Петри в сущности мыкался без работы. После ряда ценных публикаций 1921–1926 гг. он смог выпустить только одну научно-популярную книжку в 1928 г. и замолчал уже навсегда. Н.Д. Архипов опубликовал в отрывках письмо Петри руководителю ГАИМК Ф.В. Кипарисову. Даже из этих отрывков видно, чем обернулись для Петри преобразования: собранные им коллекции выкинуты, рукописи утрачены (Архипов Н.Д., 1986, с. 276).

Другой пример. Виктор Федорович Смолин (1890–1932) окончил Казанский университет до революции, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, занимался в Лейпциге, в 1920-х гг. профессор Каз.ГУ, открыл абашевскую культуру, интересно писал о скифах, древностях Волжской Болгарии. После закрытия факультета общественных наук с трудом устроился в Херсонесский, а потом в Пятигорский музей. С 3 февраля по 18 марта 1931 г. в Крыму сидел в тюрьме по обвинению в контрреволюционной деятельности, был выпущен[5]. Последние его статьи называются "Опыт автобиографии колхоза", "Краеведы Пятигорска на службе социалистического строительства". Умер Смолин в возрасте 42 лет (Лунин Б.В., 1933, с. 69, 70).

Но возьмем биографию более или менее благополучную. Алексей Викторович Шмидт (1894–1935) блестяще окончил Петербургский университет как египтолог. Путешествовавший с ним в юности по Италии Н.П. Анциферов вспоминал о нем как о человеке, необычно эрудированном и обещавшем многое. Сперва Шмидт получил

[5] Сообщено Д.П. Урсу.

кафедру в недавно открывшемся Пермском университете. Здесь, не оставляя исследований по древнему Востоку, он увлекся археологией Прикамья, начал раскопки памятников бронзового и железного века. В 1923 г. вынужден был вернуться в Петроград, стал сотрудником академического Музея антропологии и этнографии, занимался уже в основном финно-угорской тематикой, опубликовал ряд ценных работ. В 1929 г. при "чистке" Академии Наук был уволен. Руководивший "чисткой" Н.П. Фигатнер в конце концов смилостивился и разрешил восстановить Шмидта на работе, но новый директор музея воспротивился. Шмидта взяли в ГАИМК при условии "полной перестройки своего научного мировоззрения". В качестве испытательной темы он написал статью "О развитии взглядов Карла Маркса на первобытное общество". Идеолог ГАИМК В.И. Равдоникас, уже в 1929 г. издевавшийся над статьей Шмидта "Туйский всадник", (в известном докладе "За марксистскую историю материальной культуры") (Равдоникас В.И., 1930, с. 67–76), не был удовлетворен и этой перестройкой и всячески придирался к новому сочинению Шмидта. Последние статьи ученого написаны в том крайне социологизаторском духе, что был свойствен продукции ГАИМК 1931–1933 гг. Шмидт умер в возрасте 41 года.

Жизнь Шмидта сложилась вроде бы не так страшно, как у Теплоухова, Боровки, А.А. Миллера. И все же перед нами настоящая трагедия. А итог? Н.П. Анциферов счел возможным сказать в своих мемуарах, что, как все вундеркинды, Шмидт "более обещал, чем дал", а комментатор тут же напомнил о давно забытой статье про Маркса, скорее всего, вызвавшей отзыв Анциферова (Анциферов Н.П., 1992, с. 267, 437). Справедливо ли это? Работы Шмидта об Оленеостровском могильнике Баренцева моря, о курганах ст. Константиновской в Прикубанье, о стоянке Левшино в Прикамье, да и другие и сейчас широко используются в археологической литературе, что не часто бывает с публикациями 1920–1930-х гг. Маркса, надо думать, цитировал и сам Анциферов в своей диссертации об урбанизме в литературе.

Да Шмидт дал не все, что мог бы дать, но соизмерима ли его личная вина с виной эпохи, выпавшей на его долю, и тех, кто определял тогда судьбы ученых? Будем снисходительны и справедливы к людям 1920–1930-х гг.

После 1930–1933 гг. репрессии уже не прекращались. В связи с убийством С.М. Кирова в 1934 г. Ленинград очищали от классово чуждых людей, и ряд ученых был административно выслан из города. Среди них были нумизмат Алексей Алексеевич Быков (1896–1971)[6] и сравнительно молодой археолог Борис Александрович Латынин (1899–1967), выдвинувшийся как один из организаторов работ ГАИМК на новостройках. Выслали их как дворян в Куйбышев, где они смогли некоторое время поработать в Музее. Быков в 1936 г. вернулся в Ленинград и Эрмитаж, а Латынин был вновь репрессирован.

Весной и летом 1936 г. при борьбе с троцкистами и зиновьевцами арестовали и людей, не имевших отношения к археологии, но внедренных в нее ВКПб в конце 1920-х – начале 1930-х гг., – исполняющего обязанности председателя ГАИМК Федора Васильевича Кипарисова (1896–1936) и бывшего товарища председателя ГАИМК, а в 1936 г. заведующего кафедрой истории первобытного общества ЛГУ Сергея Николаевича Быковского (1896–1936). Оба были расстреляны (Артизов А.Н., 1994, с. 34–48).

Затем репрессии распространились и на сотрудников Академии, с ними связанных, и на тех, кто уже подвергался аресту. Вместо Кипарисова исполняющим обязанности председателя ГАИМК назначили эпиграфиста и папиролога Отто Оскаровича Крюгера (1893–1967), но менее, чем через год, арестовали и его. После долгого пребывания в Казахстане он вернулся в Ленинград только в 1957 г. (Отто Оскарович Крюгер, 1967, с. 170, 171). 9 сентября 1936 г. был арестован и уже 19 декабря расстрелян Михаил Георгиевич Худяков (1894–1936). Он окончил Казанский университет и выступил в печати еще до революции. Был в первом наборе аспирантов ГАИМК.

---

[6] Указано М.П. Сотниковой.

Опубликовал несколько полезных работ по археологии Прикамья, Поволжья и Приуралья, но в период перестройки ГАИМК порвал с традициями академической науки и стал выпускать погромные статьи в стиле Быковского-Равдоникаса (Усманов М.А., 1991, с. 7).

Пострадали и высланные из Ленинграда сотрудники ГАИМК. За связи с бывшими руководителями Академии был брошен в концлагерь высланный в Куйбышев Латынин. Вышел он из заключения в 1946 г. (Горбунова Н.Г., Качалова Н.К., 1990, с. 254). В Ташкенте арестовали и расстреляли высланного туда Ф.И. Шмита. Та же участь постигла в Петрозаводске Н.Н. Виноградова.

Жертвами репрессий стали и сотрудники Академии Наук СССР. В Музее антропологии и этнографии работал Василий Степанович Адрианов (1904–1936), начавший за несколько лет до ареста успешные исследования древностей Нижнего Приобья. 4 октября 1936 г. он был арестован, а 19 декабря расстрелян (Решетов А.М., 1997, с. 166). Арестовали и участника экспедиции Адрианова Тарасия Федоровича Гелаха. В 1944–1957 гг. он работал в Бухаре.

Сотрудником Института востоковедения АН СССР был монголист Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) – автор книги "Намогильные статуи в Дариганте" (Л., 1930). Арестован и расстрелян в 1937 г. (Васильков Я.В. и др. 1990, с. 127).

В 1938 г. был арестован и расстрелян востоковед Евгений Робертович Шнейдер (1897–1938), начинавший свою работу в экспедициях С.А. Теплоухова и написавший серию статей о каменных изваяниях[7].

Весьма чувствительно отразились репрессии 1937–1938 гг. на археологах провинции. 14 апреля 1937 г. был арестован директор Саратовского музея и профессор Саратовского университета Павел Сергеевич Рыков (1884–1942). 24 апреля 1938 г. он был приговорен к 10 годам заключения, 26 марта 1942 г. умер в концлагере под Владивостоком (Максимов Е.К., 1994, с. 3, 4). По словам А.Н. Липского (до ареста – сотрудника МАЭ АН СССР, после освобождения работавшего как археолог в Абаканском музее), он скончался на его руках, отравившись свекольными очистками, выброшенными на свалку из столовой охраны.

С арестом Рыкова связаны и репрессии, обрушившиеся на головы его учеников Николая Константиновича Арзютова (1899–1942) и Татьяны Максимовны Минаевой (1896–1975). Арзютов был арестован в 1938 г., осужден в 1939 г. на 10 лет заключения и умер в концлагере в Красноярском крае (Максимов Е.К., 1994, с. 4, 5). Минаева до 1939 г. отбывала ссылку в г. Соль-Илецк, где преподавала в школе, затем смогла найти себе работу в Ставропольском музее (Найденко А.В., 1976, с. 328).

Среди жертв 1937 г. краснодарский археолог, исследователь кубанских дольменов и городищ Николай Алексеевич Захаров (1883–1938). Арестованный в июле 1937 г. он был приговорен к высшей мере наказания 15 февраля 1938 г. и 4 марта расстрелян. Эти данные получила из управления ФСК по Краснодарскому краю Л.А. Хачатурова. Н.В. Анфимов говорил ей, что Захаров подвергался аресту и раньше.

В Крыму в эти годы были арестован и расстрелян директор Бахчисарайского музея Абдрефи Усейн Боданинский (1878–1938, публикации 1925–1935 гг.) и профессор Симферопольского пединститута Николай Львович Эрнст (1889–1959) – исследователь палеолитической стоянки Чокурча, Неаполя Скифского и других памятников. Он окончил Берлинский университет, встречался с немецкими учеными, приезжавшими в 1929 г. смотреть Эски-кермен, и давно был под надзором. Эрнст был на лесоповале с 1938 до 1948 гг. Потом его освободили, но вскоре вновь арестовали. После 5 лет, проведенных в концлагере, он жил и умер в г. Прокопьевске Кемеровской обл. (Храпунов И.М., 1994, с. 120).

В 1937 г. оборвалась жизнь Б.Э. Петри. Швед по национальности, уроженец Швейцарии с родным немецким языком, проведший детство в Италии, всегда казался по-

[7] Сообщено В.М. Алпатовым.

дозрительным чекистам и был обречен. Сибирские археологи смогли познакомиться со следственным делом Петри. На допросах он держался очень достойно и, признав себя шпионом, сказал, что завербовал его академик В.В. Радлов, умерший в 1918 г., но никого другого не назвал. 25 ноября 1937 г. Петри был расстрелян (Пархоменко С.Н., 1992, с. 25–27). В 1935 г. был арестован, отправлен на Беломорканал и в 1937 г. расстрелян музейный работник из Свердловска, автор книги "Прошлое Урала" Александр Александрович Берс (1902–1937) (Александр Александрович Берс, 1994, с. 4).

Если с террором 1930 г. было связано самоубийство П.Д. Рау, то террор конца 1930-х гг. вызвал самоубийство Дмитрия Демьяновича Букинича (1882–1939) – соавтора Н.И. Вавилова по книге "Земледельческий Афганистан", первооткрывателя анаусского поселения Ак-тепе, создателя принятой и сейчас схемы истории ирригации в Средней Азии (Вавилов Н.И., 1939, с. 758, 759).

Начало Отечественной войны было ознаменовано новыми репрессиями. В 1941–1942 гг. в Ленинграде были арестованы сотрудники ИИМК нумизмат Николай Павлович Бауер (1888–1942) и исследователь Средней Азии Георгий Васильевич Григорьев (1898–1942). Им ставилось в вину распространение панических слухов. Больше их никто никогда не видел. На Григорьева донес, по-видимому, Е.Ю. Кричевский (Формозов А.А., 1993, с. 209, 210). Бауер был расстрелян, что выяснилось в 1989 г. (Гурулева В.В., 1994, с. 123–126).

В Москве был репрессирован известный специалист по первобытной археологии Отто Николаевич Бадер (1903–1979). Он был бойцом народного ополчения. После заключения во Владимирской тюрьме в 1944 г. был выслан в Нижний Тагил, где работал в музее. В 1946 г. смог перебраться в Пермь и до 1955 г. был доцентом Пермского университета. Затем вернулся в Москву.

Из г. Ханлара (Еленендорф) был выслан директор местного музея и сотрудник Азербайджанского филиала АН СССР исследователь курганов бронзового века Яков Иванович Гуммель (1893–1946). Он жил, работая учителем, и умер в с. Новый Колутан Акмолинской обл. Казахской ССР (Пиотровский Б.Б., 1992, с. 12).

Особенно трагично сложилась судьба директора музея в Малом Ярославце Константина Яковлевича Виноградова (1884–1942) и упоминавшегося выше Н.И. Савина. Виноградов учился до революции в Казани, много сделал для исследования археологических памятников Подмосковья в 1920-х гг., открыл здесь фатьяновские могильники. Был повешен за сотрудничество с немецкими оккупантами. По словам дальнего родственника Савина М.М. Успенского, тот также был повешен партизанами. Не знаю, соответствовали эти приговоры вине осужденных. Нужны более точные данные.

После освобождения территорий, временно захваченных немецкими оккупантами, жертвами репрессий стали сотрудники музеев, оставшиеся за линией фронта, чтобы сохранить коллекции, которые не успели эвакуировать, и не дать вывезти эти коллекции в Германию. Как коллаборационисты были осуждены сотрудник Херсонесского музея Александр Кузьмич Тахтай (1890–1973) (Граб В.И., Супруненко О.Б., 1991, с. 47–53) и сотрудник Симферопольского музея Александр Иванович Полканов (1884–1971) (Бибиков С.Н., 1981, с. 125, 126). К счастью, оба дожили до реабилитации и смогли еще некоторое время заниматься любимым делом. С опозданием, уже в 1951 г. был арестован в Ленинграде бывший директор Трубчевского музея в Брянской обл. Всеволод Протасьевич Левенок (1906–1986). В 1955 г. он был освобожен, принят на работу в ИИМК, но до конца дней не реабилитирован.

Подведем итоги. Террор сопутствовал большей части истории советской археологии. Легенда о 1937 г. как о пике репрессий не подтверждается. Наиболее страшными для археологов были 1930–1934 гг. – те самые годы, которые В.Ф. Генинг (1982) изображал как вершину в развитии нашей науки.

Сперва репрессии еще не очень жестоки. В музеях работают репрессированные И.А. и Н.Н. Виноградовы, М.П. Грязнов. Выходят книги и статьи людей, находящих-

ся в заключении (Ю.В. Готье, А.А. Миллер, Г.А. Бонч-Осмоловский, А.А. Захаров, С.И. Руденко, М.П. Грязнов). Затем режим ужесточается. Люди исчезают без следа (В.С. Адрианов, В.А. Казакевич, Н.П. Бауер, Г.В. Григорьев). Среди археологов расстреляно не менее 10 человек. Жертвами репрессий были и открытые враги советской власти (А.В. Адрианов) и люди, служившие ей изо всех сил (М.Г. Худяков, П.С. Рыков), а в основном те, кто просто занимался своим делом, сторонясь политики. Нет данных о каком-либо явном противодействии правительственному курсу, хотя бы о чем-то вроде мужественной позиции Н.Е. Макаренко, отстаивавшего от уничтожения Софийский собор и Михайловский златоверхий монастырь в Киеве. Есть лишь упоминания о сокрытии музейными сотрудниками церковных ценностей, подлежавших изъятию (Трубачева М.С., 1981, с. 152–165).

Но пассивное сопротивление было. В следственном деле В.И. Смирнова содержатся такие показания: "...на раскопках собирались черепки... и др. предметы обихода настолько в большом количестве, что они музею не были, пожалуй, нужны" (Сизинцева Л.И., 1992, с. 274). Такие коллекции с высоких трибун называли "хламом". Но сотрудники музеев продолжали пополнять фонд археологическими материалами. Ученые упорно занимались темами, объявленными ненужными для советского государства.

Целью репрессий было насаждение страха в обществе. Цель была достигнута, но не до конца. Люди оставались людьми и по мере возможности делали свое дело. Репрессированным старались помочь. Так, в Московском университете в конце войны защитили докторские диссертации вернувшиеся из заключения К.Э. Гриневич – по старой работе "Стены Херсонеса Таврического" и А.С. Башкиров по весьма спорному исследованию об антисейсмизме древней архитектуры. Без помощи В.А. Городцова, А.В. Арциховского, Б.Н. Гракова, В.Д. Блаватского это не было бы возможно (Арциховский А.В., 1945, с. 40). С.В. Киселев помог М.П. Грязнову за один 1945 г. защитить и кандидатскую и докторскую диссертации.

В заключение повторю: список репрессированных неполный. Я мог бы расширить его за счет историков искусства (А.И. Анисимов, П.Д. Барановский, Г.К. Вагнер, А.С. Стрелков, Л.А. Дурново, А.И. Некрасов, Ю.А. Олсульфев, Н.П. Сычев), геологов-четвертичников, занимавшихся палеолитом (Г.Ф. Мирчинк, И.А. Лепикаш) и т.д. Можно назвать ряд археологов, побывавших в заключении, но сравнительно быстро выпущенных. Это В.Д. Блаватский, Б.Е. Деген-Ковалевский, С.Н. Замятнин, А.А. Иессен, А.П. Круглов, Б.В. Лунин, Б.Б. Пиотровский, Г.В. Подгаецкий, В.И. Равдоникас. Когда они возвращались домой, окружающие говорили, что они "отделались легким испугом", но травма в душе оставалась на всю жизнь. Несмотря на неполноту данных, картина, как мне кажется, в целом ясна. Буду благодарен за уточнения, исправления и дополнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. 1993. СПб., Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова (вступ. ст. Б.В. Ананьича, В.М. Панеяха и А.Н. Цамутали).

Александ Александрович Берс. 1994 // Берсовские чтения II. Екатеринбург.

Акиньшин А.Н., 1992. Трагедия краевов (по следам архива КГБ) // Записки краеведов. Русская провинция. Воронеж.

Анциферов Н.П., 1992. Из дум о былом. СПб.

Артизов А.Н., 1994. Судьба историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // ВИ. № 7.

Архипов Н.Д., 1986. Археологические исследования Б.Э. Петри в Прибайкалье // СА. № 2.

Арциховский А.В., 1945. Хроника ученого совета // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 2.

Асафова Н.М., 1941. Юрий Владимирович Готье. М.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., 1994. "Дело славистов". 30-е гг. М.
Бадер О.Н., 1968. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. № 4.
Бибиков С.Н., 1981. Александр Иванович Полканов // Полканов А.И., Полканов Ю.А. Судак. Симферополь.
Бломквист Е., Каменева М., Фалеева В., 1949. Л.А. Линцес // СЭ. № 1.
Борисковский П.И., 1935. Исторические предпосылки оформления так называемого Homo sapiens // ПИДО. № 1–2.
Бочков В.Н., 1974. Подвижники Костромского краеведения // Второе свидание. Глазами краеведов. Ярославль.
Вавилов Н.И., 1939. Дмитрий Демьянович Букинич // Изв. Всесоюзн. геогр. о-ва (ВГО). № 5.
Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченок Ф.Ф., 1990. Репрессированное востоковедение // Народы Азии и Африки. № 5.
Гайдуков П.Г., 1994. 1932 г. – начало планомерного археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. Киев.
Горбунова Н.Г., Качалова Н.К., 1990. Памяти Бориса Александровича Латынина // СА. № 1.
Граб В.И., Супруненко О.Б., 1991. Археолог Олександр Тахтай. Полтава.
Гурулева В.В., 1994. Н.П. Бауер и его вклад в византийскую нумизматику // Византия и Ближний Восток. СПб.
Джапаридзе О.М., 1993. К 100-летию со дня рождения академика Б.А. Куфтина // РА. № 3.
Жук А.В., 1995. Исследование Ляпинской крепости А.Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография. Ч. II. Омск.
Жуков Ю.Н., 1993. Операция "Эрмитаж". М.
Зайцев Н.А., 1992. О пребывании М.П. Грязнова в Кирове в 1934–1937 гг. // Северная Азия от древности до средневековья. Л.
Зуев В.Ю., 1995. Материалы к биографии Г.И. Боровки // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб.
Иессен А.А., 1947. Мстислав Владимирович Фармаковский // КСИИМК. Вып. XVI.
Ильин М.А., 1970. Пути и поиски историка искусств. М.
Илья Николаевич Бороздин. Библиография, 1959. Воронеж.
Кавешникова Е.А., 1992. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск.
Китицина Л.С., Третьяков П.Н., 1968. Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. № 4.
Классовый враг на историческом фронте, 1931. М.; Л.
Кричевский Е.Ю., 1935. Памяти А.В. Шмидта // СЭ. № 3.
Крюков В.М., 1994. Мир рушится (Из дневника А.В. Адрианова. 1919 г.) // Сибирская старина. № 6.
Кузина Г.А., 1991. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч. 1. М.
Куманев В.А., 1991. 30-е гг. в судьбах отечественной интеллигенции. М.
Куршанак И., 1931. Как разрабатывают буржуазные историки идеологию диверсии // Историк-марксист. Т. 21.
К 100-летию со дня рождения А.И. Маркевича, 1965 // ВДИ. № 4.
Лунин Б.В., 1933. Смолин Виктор Федорович // Советское краеведение на Северном Кавказе. Ч. 2. Ростов-на-Дону.
Максимов Е.К., 1994. Неизвестное в биографиях П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова // Срубная культурно-историческая область. Саратов.
Малышев А.А., Семенова И.В., 1991. Вклад музея г. Покровска в изучение древностей Нижнего Поволжья // Очерки истории русской и советской археологии. М.
Массон В.М., 1965. К 80-летию Сергея Ивановича Руденко // СА. № 4.
Матющенко В.И., 1994. Сибирская археология в 1940–1950-е гг. Омск.
Мельник А.Н., 1994. Материалы личного фонда С.Д. Яхонтова // Археографический ежегодник за 1991 г. М.
Миллер М.А., 1954. Археология в СССР. Мюнхен.
Милюков П.Н., 1991. Россия на переломе // Русское зарубежье. Антология. Т. II. М.
Москаленко А.Н., 1960. Илья Николаевич Бороздин // СА. № 2.
Москаленко А.Н., 1963. Памяти И.Н. Бороздина // Вопросы истории славян. Вып. 1. Воронеж.

Найденко А.В., 1976. Старейший археолог Северного Кавказа // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 14.
Наука и научные работники СССР, 1928. Ч. VI. Л.
Нечкина М.В., 1993. О причинах отставания России // Исторический архив. № 3.
Отто Оскарович Крюгер, 1967 // ВДИ. № 3.
Пархоменко С.Н., 1992. Архивно-следственное дело Б.Э. Петри // П.А. Кропоткин, гуманист, ученый, революционер. Чита.
Пиотровский Б.Б., 1992. Дополнение к статье Я.И. Гуммеля // ВДИ. № 4.
Равдоникас В.И., 1930. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Т. VIII. Вып. 3–4.
Решетов А.М., 1997. Коллекции В.С. Адрианова в Музее антропологии и этнографии // Развитие культуры в каменном веке. СПб.
Русаков Я.С., Насимович А.А., 1972. Петр Борисович Юргенсон // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биолог. № 2.
Самойлов Л., 1993. Перевернутый мир. СПб.
Седельников В.О., 1991. ЧК и архивы // Звенья. Т. I.
Семенов-Зусер С.А., 1947. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков.
Сизинцева Л.И., 1992. Василий Иванович Смирнов // Отечество. Вып 3.
Сизинцева Л.И., 1994. Материалы о разгроме Костромского краеведения в 1920–1931 гг. // Археографический ежегодник за 1991 г.
Сизинцева Л.И., 1996. Николай Николаевич Виноградов // Русское подвижничество. М.
Советская археологическая литература 1918–1940 гг., 1965. М.; Л.
Список научных трудов Сергея Константиновича Богоявленского, 1974 // Археографический ежегодник за 1972 г.
Тревер К.В., 1932. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья // Сообщения ГАИМК. № 1–2.
Трубачева М.С., 1981. Комиссия по охране памятников истории искусства Троице-Сергиевой лавры 1918–1925 гг. // Музей. № 5.
Труды I Всероссийского музейного съезда, 1931. Т. 1. М.
Усманов М.А., 1991. О Михаиле Худякове и его книге // Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.
Филимонов С.Б., 1990. М.И. Смирнов – переяславский собиратель земли // Отечество. Вып. 1.
Формозов А.А., 1993. Первым бросивший камень // Aequinox МСМХСШ. М.
Урсу Д.П. Осман Акчокраклы // Голос Крыма, 15 марта 1995 г. № 11.
Храпунов И.М., 1993. Микола Львович Ернст // Археологія. № 4.
Чистотинова С.Л., 1994. Федор Иванович Шмит. М.
Янин В.Л., 1965. К 60-летию Ивана Георгиевича Спасского // Нумизматика и эпиграфика. V.
Tallgren A.M., 1936. Archaeological studies in Soviet Russia // Eurasia septentrionalis antiqua. X.

Институт археологии РАН,
Москва

Критика и библиография

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. Выпуск 1. Тверь, 1994. 263 с. Выпуск 2. Тверь, 1996. 381 с.

В этой рецензии мы обращаем внимание специалистов на появление нового археологического издания, выпускаемого Тверским Государственным Объединенным историко-архитектурным и литературным музеем. Первый из указанных сборников состоит из материалов археологической конференции, состоявшейся в марте 1993 г. на базе музея. Тема конференции не была запланирована, поэтому содержание докладов и, следовательно, статей в сборнике весьма широко как по тематике и значимости, так и хронологически.

Ряд статей носит публикационно-обзорный характер. Среди них работы М.Г. Жилина (Москва) об исследованиях на Озерецком торфянике (Конаковский р-н Тверской обл.), где им выявлен ряд памятников, содержавших культурные слои от бутовской мезолитической до льяловской культуры развитого неолита; А.В. Энговатовой (Москва) о неолитической стоянке Усть-Тудовска 8 (Ржевский р-н Тверской обл.), относящейся к развитому неолиту; Т.М. Гусенцовой и Н.А. Андреевой (С.-Петербург) об итогах изучения памятников каменного века в северо-восточных районах Ленинградской обл., где выявлены разные варианты неолитической и энеолитической керамики и интересный каменный инвентарь; А.В. Мирецкого (Тверь) о стоянке на оз. Круглом в Московской обл., где встречены находки от мезолита до эпохи бронзы. Серия статей посвящена новому фатьяновскому могильнику у с. Новинки в Тверской обл.; Е.В. Волкова (Москва), А.П. Ланцев, И.Н. Черных (Тверь) публикуют результаты раскопок могильника, Е.В. Волкова – его керамику, где исследуется ее орнаментация и технология изготовления Г.М. Левковская, Е.В. Волкова, И.Н. Черных – его палинологическую характеристику. Статья Е.Н. Носова и А.В. Плохова (С.-Петербург) посвящена исследованиям средневековых памятников в Андреапольском р-не Тверской обл.; М.В. Волковой (Бежецк) – результатам ее многолетних разведок в районе Бежецка; В.А. Бурова (Москва) – работам на средневековых памятниках в Фировском р-не Тверской обл., С.Д. Захарова (Москва) – письменным и археологическим данным о Белоозере XIV в.; А.С. Дворникова (Тверь) – раскопкам в Бежецке; Е.Л. Хворостовой (Москва) – деревянным постройкам XIV в. на Старицком городище (Тверская обл.); А.В. Курбатова (С.-Петербург) – кожаным изделиям и технологии их производства из раскопок Твери; И.А. Дашковой и А.Б. Сиволаповой (Тверь) – стеклянным браслетам из раскопок Твери; тех же авторов – раскопкам Затверецкого посада Твери; Л.А. Поповой (Тверь) – мелкой пластике Твери XIV в.; В.А. Хухарева (Тверь) – иконам и крестам с изображением св. Никиты из Твери; И.Н. Кузиной (Москва) – находке стеклянной "ручной гранаты" в Зарядье в Москве; Вал.А. Булкина, О.М. Иоаннисяна (С.-Петербург). П.Д. Малыгина, А.М. Салимова (Тверь) – исследованиям на Соборной площади в Твери; Вал.А. Булкина и А.М. Салимова – Никольскому собору XV в. Краснохолмского Антониева монастыря. Статья О.М. и Т.И. Олейниковых (Москва) касается проблемы происхождения верхневолжских стеклянных бус: ряд из них изготавливался в мастерских Западной Европы X – нач. XI вв., другие – древнерусского производства. Работа И.В. Ислановой и Л.С. Розановой (Москва) исследует железные изделия из памятников Удомельского Поозерья в Тверской обл.

Серия статей имеет более широкое содержание. Так, работа В.В. Сидорова (Москва) носит название "Тысячи лет культурной преемственности". Она коротко характеризует памятники бассейна озера Удомля в Тверской области. Самым ранним памятником автор статьи считает нижний (IV) слой стоянки Акулово I (по радиокарбону датирующийся самым началом VII тыс. до н.э.). Однако В.В. Сидоров игнорирует эту дату, говоря, что этот слой находился в более древнем аллювии. Между тем аллювий геологически не был датирован, не получена для него и палинологическая характеристика. Тем самым вопрос о его времени может опираться только на указанную радиоуглеродную дату, и палеолитический возраст нижнего слоя стоянки

© Л.В. Кольцов, 1998 г.

Акулово I не может быть подтвержден. Все остальные памятники каменного века (до среднего неолита) продолжают, по мнению В.В. Сидорова, линию развития Акулова. К сожалению, статья не снабжена иллюстрациями, что мешает понять правоту или неправоту автора.

Несколько статей касаются проблематики, связанной с иеневской мезолитической культурой А.Е. Кравцов, Е.В. Леонова, С.Ю. Лев (Москва) определяют, пользуясь данными радиоуглеродного и палинологического методов, возраст иеневских памятников, что позволяет их отнести к раннему мезолиту. Е.В. Леонова в отдельной статье дает очень интересный очерк планиграфического анализа иеневских стоянок. М.Р. Зотько (Москва) выступает со статьей о сравнении иеневской и песочноровской культур и приходит к выводу, что они представляют собой два локальных варианта одной культуры, пути которых расходятся в процессе их развития. Однако этот вывод довольно спорен, поскольку для деснинских памятников мы располагаем небольшим числом дат, полученных с помощью естественных методов, а типология в данном случае только показывает их близость в рамках культурной общности. Л.В. Кольцов (Москва) в своей статье о первоначальном заселении Тверского Поволжья, характеризуя позднепалеолитические и мезолитические памятники региона, тоже касается материалов иеневской культуры, приводит и данные о бутовских мезолитических стоянках.

Статья Г.В. Синицыной (С.-Петербург) определяет генезис валдайской культуры. Одно положение здесь вызывает возражение: в валдайской культуре, как кажется, нет признаков иеневской. Работа Г.М. Левковской и Г.В. Синицыной (С.-Петербург) дает палинологическую характеристику мезолитических и ранненеолитических комплексов стоянок Подол III и Ланино II на Верхней Волге.

Е.Л. Костылева (Иванова) анализирует ранненеолитическую керамику Верхнего Поволжья. Оценив формы, орнаментику и состав гончарных масс, она строит последовательность развития керамического комплекса верхневолжской культуры.

Ряд статей обобщает материалы по раннему железному веку. А.Д. Максимов (Тверь) убедительно показывает территориальное деление памятников раннего железного века Тверской обл. на пять групп. При этом он характеризует и культурную принадлежность каждой из них, показывает динамику из развития. И.В. Исланова (Москва) обобщает результаты исследований неукрепленных поселений I тыс. н.э. (до культуры сопок) на территории Мстинско-Моложского междуречья.

Проблемы средневековой археологии рассматриваются в статьях П.Д. Малыгина (Тверь) "Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области", где прослеживается средневековая история региона, начиная от культуры длинных курганов до возникновения городов, Е.А. Шмидта (Смоленск) о путях из бассейна Днепра в бассейн Западной Двины, В.Я. Конецкого (Новгород) "Об этнической проблематике в исследованиях древнерусских погребальных памятников Новгородской земли" и др.

Несколько особняком стоят статьи В.М. Воробьева (Тверь) о Великом водоразделе Восточной Европы – между бассейнами Волги, Днепра и Западной Двины, находящемся в Тверской обл., географическое значение которого для археологии несомненно, и А.Е. Мусина (С.-Петербург) о христианизации Тверского края и образовании Тверской епархии.

Таким образом, выпуск 1 Тверского археологического сборника (ТАС) предстает перед читателем как очень разнообразный и разноплановый по содержанию и, пожалуй, по уровню содержащихся в нем материалов. Тем не менее это очень интересное и многообещающее издание.

Начиная с 1994 г. было решено проводить на базе Тверского музея семинары под общим названием "Тверская земля и сопредельные территории в древности", ограничив их тематику каменным, бронзовым и ранним железным веками. Это сразу сделало их более направленными и более качественными по содержанию, что и отразилось во втором выпуске ТАС, который вышел в свет в 1996 г.

Он начинается со статьи Л.В. Кольцова (Москва), в которой предлагается вариант программы изучения археологических культур, начиная с момента их выделения до исторических интерпретаций. В статье В.М. Воробьева (Тверь) предлагается довольно сложный методический подход к изучению древних путей сообщения, особенно заостренный на вопросе о волоках.

Очень важная проблема – палеоэкологических реконструкций на уровне присваиваемого хозяйства – поднята в работе В.В. Сидорова и А.В. Энговатовой (Москва). Со многими положениями статьи необходимо согласиться. Однако название кажется слишком общим: статья основана главным образом на неолитических материалах, палеолитические и мезолитические учитываются крайне ограниченно. Отсюда несколько урезанный состав фактов, которыми оперируют авторы. В частности, неверно утверждение, что неизвестны находки лодок: в Голландии и Шотландии найдены лодки-долбенки мезолитического времени, есть фрагменты

лодок и в неолитической стоянке Сарнате (Латвия). Не отмечены известные находки сетей (Антреа, Сийвертси и др.).

К статьям общего порядка надо отнести и работу Ю.Б. Цетлина (Москва) об общих принципах декорирования древней глиняной посуды. В ней содержатся рассуждения о методологических подходах к проблеме, о роли орнамента, о формах и традициях его нанесения, систематике, важные исторические выводы, которые возникают при изучении орнамента. Как представляется, эта работа может явиться одним из руководств при изучении декора глиняной посуды.

Две статья касаются финально палеолитических комплексов с территории Тверской области. А.П. Ланцев и А.В. Мирецкий (Тверь) публикуют материалы стоянки Троицкое 3 (Зубцовский р-н), которая, возможно, относится к культуре лингби. К той же культуре принадлежит материал из нижнего слоя стоянки Подол III (Селижаровский р-н), который освещается в статье Г.В. Синицыной и В.И. Кильдюшевского (С.-Петербург). Здесь же помещены средневековые находки из раскопок этого памятника.

Большая серия статей связана с проблемами мезолита. М.М. Шахнович (Петрозаводск) характеризует мезолитические культуры, которые используют кварц в качестве сырья для изготовления каменных орудий. Им выделены четыре мезолитических региона с кварцевым инвентарем. Однако при этом совершенно не учтены формы орудий, изготовленных из кварца. Поэтому такое деление не кажется убедительным. Статья Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской (Москва) дает стройную картину динамики развития растительности Волго-Окского междуречья в раннем голоцене. Авторами выделяются палинологические зоны, а мезолитические памятники соотносятся с этими зонами. Вызывает удивление отсутствие в этой системе стоянок Бутово, Ивановское 3, Озерки 4, которые имеют радиоуглеродное и палинологическое определение возраста. Не ясно, почему для стоянки Черная I избрана одна дата по С-14, хотя для нее их получено несколько. Статья Л.В. Кольцова (Москва) касается значения культур Волго-Окского междуречья для мезолитического контекста Восточной Европы.

В.В. Сидоров (Москва) в статье о мезолите бассейна р. Съежи фактически повторяет, в несколько расширенном варианте, статью из выпуска 1 ТАС. На этот раз он приводит и иллюстрации материала. Трудно согласиться с его интерпретацией этих находок. Напомню, что самый ранний из этих комплексов – Акулово I, слой IV – имеет радиокарбоновую дату, помещающую его в самое начало VII тыс. до н.э. В.В. Сидоров считает, что эта дата омоложена. Однако анализ опубликованного материала не позволяет с ним согласиться. В составе инвентаря этого памятника есть типично иеневские формы топоров тесел и с перехватом и полуперехватом, есть и мотыги, аналогичные найденным в мезолитической стоянке примерно того же времени Нижнее Веретье I. Все резцы и скребки данного памятника не выпадают за те же рамки. Известны в указанных стоянках и скребла. Именно скребла послужили В.В. Сидорову аргументом о сибирском происхождении населения, оставившего Акулово. Район, где находится это население, в древности был, по-видимому, контактной зоной между несколькими культурами, отсюда и столь разные черты в его инвентаре. Возможно, автор статьи прав, что следующая по времени стоянка продолжает эту линию развития. Но уже стоянка Васильево I не выходит за рамки позднебутовских, а стоянка Курово 4 имеет много аналогий в финальномезолитических поселениях Валдайской возвышенности. Поэтому вряд ли можно здесь говорить о тысячелетней преемственности развития в рамках одного узкого региона. Видимо, В.В. Сидоров плохо знаком с последними раскопками мезолитических памятников на Верхней Волге, иначе он, вероятно, не стал бы об этом говорить.

Статья А.Н. Сорокина (Москва) носит название "О связях населения бутовской и иеневской культур". Однако она, пожалуй, мало соответствует своему названию: указанным связям посвящены два абзаца статьи. Остальной текст насыщен уже известными ранее положениями автора статьи о происхождении бутовской и возрасте и периодизации иеневской культур.

Статья А.Е. Кравцова и Е.А. Спиридоновой (Москва) характеризует природное окружение и возраст иеневских стоянок Тверской обл., основанные на палинологическом анализе отложений, в которых заключены их культурные слои. Возраст иеневской культуры определяется пребореальным и первой половиной бореального периодов. Статья Е.В. Леоновой (Москва) посвящена функционально-планиграфическому анализу стоянки иеневской культуры Беливо 6В в Орехово-Зуевском р-не Московской обл.

Несколько статей носят публикационный характер. М.Р. Зотько (Москва) освещает материалы иеневской стоянки Озеренки 4 в Селижаровском р-не Тверской обл., М.Г. Жилин, А.С. Фролов (Москва), Е.И. Климов (Дубна) – бутовской стоянки Прислон I в Кимрском р-не Тверской обл., М.Г. Жилин – раскопки многослойной стоянки Озерки 5 в Конаковском р-не

Тверской обл., где кроме позднебутовского комплекса, исследовались слои верхневолжской и льяловской неолитических культур.

Большой блок статей посвящен неолиту. В.Я. Шумкин (С.-Петербург) дает обзор проблем связанных с ранним неолитом Северной Фенноскандии. Основная мысль статьи – начало неолита совпадает с началом изготовления глиняной посуды. С этим можно полностью согласиться.

Ю.Б. Цетлин (Москва) по данным изучения керамики строит детальную периодизацию раннего неолита Верхнего Поволжья, разбив его на 11 этапов по характеру орнамента и формовочных масс посуды. К сожалению, за пределами его рассмотрения оказались изменения в каменном инвентаре. Поэтому такая детальная периодизация представляется неполной, как бы повисшей в воздухе. К.Э. Герман (Петрозаводск) говорит о современном состоянии изучения культуры сперрингс Карелии. Н.В. Лобанова (Петрозаводск) всестороннее характеризует карельскую культуру ямочно-гребенчатой керамики. А.В. Энговатова, А.В. Хрусталев (Москва) излагают результаты исследования копролитов собаки и человека, найденных в нескольких неолитических стоянках Подмосковья. Это дает возможность установить диету и болезни первобытного человека. В.И. Тимофеев (С.-Петербург) приводит обзор юго-восточных связей неолита Восточной Прибалтики (культуры нарвская и гребенчато-ямочной керамики). В раннем неолите есть некоторое сходство в орнаментике с верхневолжской культурой и памятниками бассейна Мсты, что свидетельствует о их контактах с Прибалтикой. В среднем неолите был налажен обмен прибалтийского неолита с юго-восточными районами. Т.М. Гусенцова и Н.А. Андреева (С.-Петербург) анализируют керамику раннего неолита памятников, расположенных к югу от Ладожского и Онежского озер. Выделяется несколько культурных традиций: сперрингс, гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамики.

В.В. Сидоров (Москва) а статье о древних озерных системах в бассейне р. Дубны ставит вопрос о существовании здесь в неолите нескольких локальных групп населения. И.В. Калинина (С.-Петербург) в небольшой, но содержательной статье дает очерк об оригинальном штампе на неолитической керамике из поселения Скрабы 3 (Западнодвинский р-н Тверской обл.).

Несколько статей публикуют новые неолитические материалы. Т.М. Гусенцова и Н.А. Андреева (С.-Петербург) знакомят читателя с новыми памятниками неолита и средневековья в бассейне р. Оять (Ленинградская обл.), Ю.Н. Урбан (С.-Петербург) – со стоянкой Забелье (Ленинградская обл.), В.И. Тимофеев (С.-Петербург) дает описание нескольких неолитических стоянок из раскопок Н.Н. Гуриной в Осташковском р-не Тверской обл.

В.В. Сидоров и К.В. Воронин (Москва) в своих статьях публикуют очень интересную стоянку Стан I (Удомельский р-н Тверской обл.), расположенную на древнем острове и служившую ритуальным центром населения целого ряда культур неолита и бронзового века: льяловской, волосовской, сетчатой керамики. Прослеживаются связи с Восточной Прибалтикой.

Волосовской культуре тоже посвящено несколько статей. Здесь прежде всего надо отметить работу В.В. Сидорова и А.В. Энговатовой (Москва) о протоволосовской стадии. Они, в отличие от существующих точек зрения, считают протоволосовскими группы населения, распространяющиеся с Валдайской возвышенности на большое пространство лесной зоны Восточной Европы. Такое мнение имеет право на существование. Необходимо только более солидное подтверждение ее датами по методам естественных наук. Недостаточно показаны связи по каменному инвентарю. Кажется неверным утверждение, что под напором протоволосовских групп носители льяловской культуры ушли в Карелию: там памятники с ямочно-гребенчатой керамикой имеют более ранние даты по радиокарбону.

Несколько своих статей посвятили волосовской культуре Е.Л. Костылева и А.В. Уткин (Иваново). Одна из них представляет собой сводку волосовских коллективных погребений, обнаруженных на разных памятниках Волго-Окского бассейна, относя их ко времени 2200–1850 лет до н.э. и объясняя распространением каких-то эпидемий при контактах с пришлым фатьяновским населением. Вторая статья носит несколько спорный характер: на суд читателя выносится толкование орнамента одного волосовского сосуда из могильника Сахтыш II как календарного символа. Третья статья дает серьезную сводку антропоморфной мелкой кремневой пластики волосовской культуры. С этой статьей перекликается работа И.Н. Черных (Тверь), публикующая произведения мелкой кремневой скульптуры со стоянки Синяя Гора I (Осташковский р-н Тверской обл.), где встречена большая серия зооморфных изображений, относящихся, вероятно, в значительной степени к тому же времени.

Бронзовый век, кроме упомянутой статьи К.В. Воронина, освещается в двух работах Е.В. Волковой (Москва). Одна из них касается соотношения культурных фатьяновских и балановских традиций в производстве керамики. На материале Волосово-Даниловского и

Балановского могильников показано смешение этих традиций. Другая основана на материалах фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 (Калининский р-н Тверской обл.). Автор статьи выделяет здесь четыре группы керамики, что, по ее мнению, может отражать наличие разных социальных групп. А.В. Курбатов (С.-Петербург) публикует находку камня с петроглифами в г. Твери, которые он относит ко второй половине бронзового века. Эта датировка может вызывать сомнения.

Проблемы раннего железного века освещены в нескольких статьях. А.Д. Максимов (Тверь), продолжая линию исследования, предложенную в статье в выпуске 1 ТАС, выделяет несколько локальных групп памятников этого времени на территории Тверской обл. и относит их к разным культурным проявлениям. И.В. Исланова (Москва) на материале селища Троица I (Удомельский р-н Тверской обл.) показывает проникновение группы населения мошинской культуры в середине I тыс. н.э. на север от Волги. Д.А. Крайнов (Москва) в небольшой статье описывает материалы Захарьинского поселения, основной комплекс которого относится к раннему железному веку, но здесь же были и находки более раннего времени (конца неолита и фатьяновской культуры).

В статье А.В. Суворова (Вологда) приводятся данные о разведочном обследовании Кубенского озера в Вологодской обл., где обнаружено значительное число археологических памятников от мезолита до средневековья. Статья В.М. Воробьева (Тверь) посвящена археологическим аспектам тверской гидронимии. В ней он пытается (не всегда бесспорно) показать отношение названий рек и озер Тверской области к археологическим терминам. Однако нельзя забывать о том, что большая часть этих терминов появилась гораздо позднее, чем были названы озера и реки.

Подводя итоги сказанному, можно выразить мнение, что выпуск 2 ТАС более выдержан в хронологическом отношении. Вместе с тем наличие ряда важных статей, имеющих теоретический характер, поднимает его ценность. Конечно, не все статьи, помещенные в нем, высокого научного уровня. Однако из-за этого интерес к изданию не может быть снижен.

Хотелось бы отметить еще одну сторону дела. В наше нелегкое время, когда археологические исследования во многих регионах нашей страны оказались на грани свертывания, а число региональных и общероссийских собраний археологов резко сократилось, Тверской объединенный музей каждый год организовывает семинары по археологической тематике. Мало того, он сумел выпустить два интересных археологических сборника. По материалам еще двух семинаров готовится третий выпуск. Организацией семинаров и выпуском сборников руководил заместитель директора и зав. археологическим отделом И.Н. Черных. Именно его энергии наша наука обязана появлением как нового археологического совещания, так и нового важного и интересного издания.

Институт археологии РАН,
Москва

Л.В. Кольцов

Н.Н. АГАФОНОВА, А.М. БЕЛАВИН, Н.Б. КРЫЛАСОВА. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЗЕМЛИ ПЕРМСКОЙ. ПРИКАМЬЕ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XVIII ВЕКА. Учебное пособие. Пермь: Книжный мир, 1996. 192 с.

Книга рассчитана на школьников старших классов и людей, интересующихся историей Западного Приуралья. Она охватывает период от заселения Урала человеком до XVIII в. Хотя в центре внимания авторов находится бассейн р. Камы, все явления рассматриваются на фоне общего исторического процесса. В конце глав указана литература. Нельзя не отметить, что книга написана хорошим языком и хорошо иллюстрирована.

Работа включает восемь глав, Введение, Заключение и Приложения. Во Введении авторы знакомят читателя с историческими науками (историей, этнографией и археологией), с их источниками, подробно рассказывают о процессе образования культурного слоя и касаются методов археологических исследований.

© К.А. Смирнов, 1998 г.

Первая Глава "История начинается с камня, или первоначальное заселение Прикамья человеком" посвящена рассмотрению антропогенеза, появлению человека в Восточной Европе и на Урале, а также зависимости человека от природной среды в древности. В первом разделе описаны процесс изучения появления и расселения человека, начиная с открытий Луиса Лики в ущелье Олдувей, и далее находки в Китае и Западной Европе. Авторы отмечают роль труда в формировании человека и делают, с нашей точки зрения, абсолютно правильный вывод, что главный признак человека – сознательная трудовая деятельность.

Далее рассмотрены древнейшие памятники, относящиеся ко времени первого появления человека на Урале и датируемые около 300–250 тыс. лет до нашего времени, включая материальную культуру людей того времени.

Особый раздел посвящен эпохе верхнего палеолита и жизни человека в период оледенения. Авторы касаются общественной организации человеческих коллективов в то время, далее рассматривают памятники эпохи мезолита и неолита и подробно останавливаются на хозяйственной деятельности человека. Хорошо подчеркнуты значение изобретения керамической посуды и переход к производящему хозяйству.

Глава вторая "Первобытные земледельцы и скотоводы в нашем крае" посвящена описанию ранней стадии производящего хозяйства и появлению металлических орудий. По нашему мнению, авторы поступили совершенно правильно, уделив большое внимание турбинско-сейсмипским племенам, так как они сыграли огромную роль в истории северной части Евразии в эпоху бронзы (с. 31–33). Вместе с тем трудно согласиться с авторами, когда они на основании того факта, что в памятниках гаринской культуры наряду с круглодонными встречаются плоскодонные сосуды, делают вывод, что к тому времени уже была изобретена мебель: полки, столы, лавки (с. 31).

Говоря о появлении железных орудий, авторы отмечают их более высокое качество по сравнению с бронзовыми (с. 33, 34). По нашему мнению, было бы правильно в этом месте отметить, что бронзовые предметы вооружения и орудия труда в полной мере отвечали требованиям своего времени и мастера достигли величайшего искусства при их изготовлении. Первоначально железные орудия уступали им по качеству. Не исключено, что начало изготовления железных орудий было связано с кризисными явлениями в бронзовой металлургии. Судя по письменным источникам и археологическому материалу, железные предметы вооружения и инструменты сильно различались по качеству.

На с. 34 отмечена огромная роль лошади как тяглового животного и источника пищи. Это совершенно правильно. Вместе с тем не могу не отметить, что название раздела "Лесные всадники. Прикамье в эпоху раннего железного века" создает впечатление, что жители Прикамья в то время представляли собой общество всадников. Однако материалы самого большого Старшего Ахмыловского могильника показывают, что хотя верховая езда была освоена в VIII в. до н.э., она не была массовым явлением. Погребения с деталями конской узды составляют 3,5% погребений с оружием. Авторы не ограничились описанием культуры жителей Прикамья, они отметили и их дальние экономические связи, показывающие, что этот регион никогда не был изолирован от остального мира.

В главе третьей "Наш край в IV–XI веках" рассмотрены сложные и бурные процессы, происходившие в эпоху великого переселения народов и после нее. Авторы подробно рассматривают культурные новшества, принесенные переселенцами, и в частности погребальный обряд под курганом.

Описывая период VII–XI вв. (Ломоватовская культура), авторы подробно характеризуют комплексную экономику того времени, включавшую подсечное земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство и, несомненно, собирательство. Говоря об охоте на пушных зверей, роль которой в экономике населения Прикамья переоценить невозможно, авторы пишут, что охота на медведя производилась только ради шкуры, так как его мясо в пищу не шло, поскольку медведь играл особую роль в духовной жизни финно-угров. С последним утверждением нельзя не согласиться. Многие народы лесной полосы рассматривали медведя как хозяина и олицетворение мощи леса. Однако это не мешало им охотиться на медведя, о чем свидетельствуют кости животного, находимые на памятниках. А если можно охотиться и снимать шкуру, то почему нельзя есть мясо? Человек, съевший мясо медведя, приобщался к его силе и уму. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что случаи употребления в пищу медвежьего мяса имели место среди населения Прикамья.

Отдельный раздел (с. 51–56) авторы посвятили рассмотрению духовной культуры населения Прикамья в эпоху раннего средневековья, судить о которой позволяют предметы искусства, получившие в науке название "пермский звериный стиль". В разделе кратко рассмотрены основные теории об этих предметах и то, отражением каких культов они являются.

Глава четвертая "Вису – страна Чулманская. Наш край в XI–XIV веках" посвящена описанию памятников родановской культуры. Авторы подробно останавливаются на комплексной экономике родановских племен и отмечают наиболее развитые ее стороны. Так, ряд данных позволяет утверждать, что охота на пушных зверей в XII–XIV вв. приобрела промысловый характер. Говоря о обработке черного металла, авторы отмечают (с. 64), что родановские кузнецы знали практически все способы металлообработки, которые были распространены в средневековой Европе, и не уступали древнерусским и болгарским мастерам. Дальнейшее развитие получило и бронзолитейное ремесло, о котором можно судить по огромному количеству антропоморфных и зооморфных фигурок. На с. 66 читаем: "Металл плавили в толстостенных глиняных тиглях в виде высоких рюмок". Сравнение явно неудачное, так как рюмка имеет ножку, а у тиглей ее нет. На рис. 27 изображен толстостенный цилиндрический сосуд с заостренным дном. Большое внимание авторы уделили развитию гончарного ремесла: появились (или были заимствованы у болгар) гончарный круг и гончарный горн; это показывает, что родановцы не отставали от соседей и в этой важной области производства.

Говоря о костюме, авторы отмечают: "Финно-угорское население Верхнего Прикамья в эпоху средневековья носило такую же одежду, как и их близкие родственники – финно-угры Поволжья, Повычегодья и Прибалтики" (с. 68). Однако костюмы разных групп населения различались орнаментацией и украшениями. Авторы отмечают это на с. 69: "Орнаменты у разных народов разные, однако почти во всех встречается красный цвет – наиболее неприятный для нечистой силы". И далее: "Кроме того, в качестве оберега на поясе слева носили нож" (с. 70). То, что нож и другие острые предметы, по мнению людей того времени, защищали от порчи, конечно, верно. Но, кроме того, нож – универсальный инструмент, без которого трудно обходиться в быту.

Особый раздел посвящен взаимоотношениям с Волжской Булгарией – одним из первых раннефеодальных государств Восточной Европы, оказавшим сильное влияние на экономическое и культурное развитие населения лесной полосы.

В главе пятой "Русские в Прикамье" рассмотрена проблема проникновения русских на Урал. В первом разделе очень подробно описаны процесс формирования древнерусской народности и ее взаимоотношения с окружающими народами. Начало широкого проникновения русского населения в Прикамье авторы относят к XIV–XV вв., когда началось проникновение русских крестьян и ремесленников на свободные от феодальной зависимости земли. Особый раздел посвящен проникновению в Приуралье славянского язычества и христианства. Языческие культы несли переселенцы, подвергавшиеся на родине преследованию со стороны нового христианского духовенства. Авторы отмечают, что еще в XIX в. были священные рощи, в которых приносились жертвы языческим божествам (с. 96).

Глава шестая "Именитые люди Строгановы" посвящена деятельности этой семьи в Приуралье. Авторы отмечают, что фактически вотчина Строгановых превратилась в государство в государстве с городами, армией, судом и внешней политикой (с. 104). Целый ряд льгот способствовал интенсивному переселению русского населения в вотчину Строгановых.

Также большое внимание в этой главе уделено деятельности Ермака и его экспедиции в Сибирь.

Глава седьмая "Пермяки – солены уши" рассматривает процесс формирования населения Прикамья. Авторы отмечают, что главная сила освоения Урала в XV–XVII вв. – это русские крестьяне, добровольно переселявшиеся в те места, где было много свободных земель и, следовательно, возможность получить надел была значительно больше, чем в центре страны. Кроме того, переселенцы получали различные льготы, например освобождение от уплаты налогов на 20 лет. Большое внимание авторы уделяют описанию солеварения.

Глава восьмая "В крестьянской горнице" посвящена описанию быта русского населения в Прикамье: авторы в особых разделах рассматривают крестьянскую усадьбу, домашнюю утварь и питание, а также одежду.

В заключение авторы подводят итоги изложенного в книге, а также останавливаются на открытии медных руд и основании Демидовым заводов в районе Кунгура, рассказывают об основании города Перми.

За заключением следует "Последнее приложение – геральдическое", в котором рассказывается об истории русских гербов. Помимо государственного и столичного описаны гербы городов Пермской земли.

В книге также прилагается "Словарь незнакомых слов".

В завершение надо отметить, что значение вышедшей книги "Страницы истории земли Пермской" трудно переоценить. Изложенные выше замечания носят частный характер и не снижают ее значения в целом. Книга, с одной стороны, рассчитана на широкого читателя – как

школьника старших классов, так и человека, интересующегося историей своего края, с другой – она написана на высоком научном уровне и в ней учтены последние работы специалистов и последние концепции. Хотелось бы надеяться, что эта книга открывает серию подобных, которые будут подготовлены в научных центрах разных регионов и которые с интересом прочитают многие тысячи людей, стремящихся узнать историю местности, в которой они живут. Хотелось бы, чтобы люди, стремящиеся узнать историю, прочитать о прошлом, имели для этого хорошо иллюстрированную книгу, написанную строго в соответствии с научными данными.

Институт археологии РАН,
Москва

К.А. Смирнов

O. BOPEARACHCHI, AMAN UR RACHMAN. PRE-KUSHANA COINS IN PAKISTAN. Karachi, 1995. 237 p.

Рецензируемая книга представляет, прежде всего, иллюстрированный каталог монет из собрания известного пакистанского коллекционера Аман ур Рахмана. В начале книги указывается, что в дальнейшем владелец коллекции планирует издание и других ее частей. По свидетельству О. Бопеараччи – второго из авторов и, видимо, крупнейшего в наше время специалиста в области греко-бактрийской и индо-греческой нумизматики, коллекция Аман ур Рахмана представляет собой одну из лучших (если не самую лучшую) среди частных коллекций греко-бактрийских и индогреческих монет в мире.

В каталоге представлены, впрочем, не только монеты этих двух категорий, но также, в соответствии с заглавием книги, и другие категории: ранние индийские монеты, а также монеты индо-скифских и индо-парфянских правителей. Основная часть каталога представляет издание 1006 монет. Она делится на следующие разделы: "Местные серебряные монеты района Кабула в период Ахеменидской империи", "Монетный чекан Ахеменидов", "Серебряные монеты типа bent-bar из района Кабула и Северо-западной пограничной провинции в период Ахеменидской империи", "Серебряные монеты типа punch-marked из районов Кабула и Пешавара в период Ахеменидской империи", "Серебряные монеты типа punch-marked из районов Свата и Кашмира", "Монеты Македонии, найденные в Бактрии", "Монеты от имени Александра", "Лисимах", "Имитация афинских "сов", "Селевк I", "Серебряные монеты типа punch-marked империи Маурьев", "Антиох I", "Диодот", "Евтидем I", "Деметрий I", "Автономный местный медный чекан Северо-западной пограничной провинции", "Евтидем II", "Агафокл", "Коммеморативные монеты, чеканенные Агафоклом", "Панталеон", "Антимах I", "Коммеморативные монеты, чеканенные Антимахом I", "Аполлодот I", "Деметрий II", "Антимах II", "Евкратид I", "Посмертные серии, чеканенные от имени Евкратида", "Евкратид II", "Платон", "Гелиокл I", "Менандр I", "Зоил I", "Агафоклея и Стратон I", "Лисий", "Антиалкид", "Гелиокл II", "Поликсен", "Филоксен", "Диомед", "Аминта", "Эпандр", "Никий", "Менандр II", "Артемидор", "Архебий", "Гермей и Каллиопа", "Посмертные выпуски от имени Гермея", "Телеф", "Аполлодот II", "Гиппострат", "Дионисий", "Зоил II", "Аполлофан", "Стратон II", "Стратон II и его сын Стратон". Затем следует раздел "Индо-скифы" со следующими подразделами "Мауес", "Вонон и Спалахорес", "Вонон и Спалагдам", "Спалиризис и Спалагдам", "Спалиризис", "Спалиризис и Азес I", "Азес I", "Азилис", "Азес II". Наконец завершает эту часть каталога раздел "Индопарфяне" с подразделами: "Зейониз", "Харахост", "Азес II и Аспаварма", "Гондофар", "Монеты Гондофара, чеканенные Сасаном", "Монеты Абдагаза, чеканенные Сасаном", "Пакор", "Ортагн".

Описание монет дано так, как это обычно делается в изданиях этого типа, однако, имеется одна особенность, отличающая данный каталог от основной массы подобных изданий – в нем представлены фотографии абсолютно всех монет, вошедших в каталог. Фотографии – цветные, прекрасного качества, почти на каждой таблице представлены одна или несколько монет (из наиболее важных), которые даны не только в натуральную величину, но и в большом увеличении.

К основной части каталога примыкают также дополнительные разделы его. Раздел "Другие

© Г.А. Кошеленко, 1998 г.

монеты из клада Мир Заках II в коллекции Аман ур Рахмана" – в нем представлены монеты плохой сохранности и, в силу этого, трудные в интерпретации (всего 51 экземпляр). Наконец, имеется также раздел "Недавние приобретения (коллекция Аман ур Рахмана)", в котором изданы монеты, приобретенные собственником коллекции тогда, когда работа над каталогом была практически завершена (14 экземпляров). В самом конце этой части книги располагаются два "Дополнения": 1) "Редкие и неопубликованные монеты Пешаварского музея" (8 монет) и 2) "Редкие и неопубликованные монеты из коллекции Хуршид Ахмад Хана". По мнению О. Бопеараччи, коллекция Хуршид Ахмад Хана – вторая по величине в Пакистане. В данном "Дополнении" издаются одиннадцать монет.

Помимо собственно каталога в книге имеется также исследовательская часть, которая включает в себя четыре главы: "Представление каталога", "Исторический комментарий", "Технический комментарий", "Металлургия и очистка". Автором первых трех глав является О. Бопеараччи, четвертой – Аман ур Рахман. Предваряется книга "Предисловием" Дж. Крибба, а также двумя "Введениями", написанными обоими авторами. В конце работы располагается таблица с алфавитом кхарошти и библиографический список.

Основное место в этой части работы занимает вторая глава. Третья, в сущности, – это несколько этюдов по частным вопросам, итоги исследований которых дают материал, для исторических реконструкций, представленных во второй главе.

Хотя коллекция Аман ур Рахмана стала создаваться достаточно давно, главные приобретения древних монет, вошедших в данный каталог, были сделаны в последние годы в результате обнаружения целого ряда новых кладов на территории Пакистана и Афганистана, монеты из которых стали поступать на базары Пакистана и, затем – на антикварные рынки Европы и Америки. Благодаря этому обстоятельству произошло не только резкое увеличение основной коллекции, но также удалось установить происхождение большинства монет. Авторы потратили много времени и сил, чтобы выяснить происхождение монет и, хотя бы примерный, состав кладов.

В результате у них получилась следующая картина. Монеты происходят из кладов, найденных в Ай Ханум, Мир Закахе, Сарай Салех, Даскэ, Сват, Веса, Джамму. Самый крупный – второй клад из деревни Мир Заках, расположенной в 53 км к северо-востоку от города Гардез (Афганистан). Он был найден в 1992 г. По-видимому, этот клад был одним из крупнейших, найденных за всю историю человечества. Он включал в себя, по свидетельству авторов, собравших всю возможную информацию о нем, примерно две или три тонны золотых, серебряных и бронзовых монет (в хронологическом диапазоне от II в. до н.э. вплоть до IV н.э.). Кроме того, в составе клада было большое количество золотых предметов (статуэтки, украшения, чаши) общим весом более 100 кг. Состав этого клада очень сильно напоминает состав первого клада, найденного здесь же в 1947 г. и (в очень краткой форме) опубликованного Р. Курье и Д. Шлюмберже в 1953 г. (Curiel R., Schlumberger D., 1953). Первый клад включал в себя 5837 древнейших индийских монет (bent-bar и punch-marked), 5 греческих, 2757 – греко-бактрийских и индо-греческих, 4390 – индо-скифских, 29 – индо-парфянских и 37 – кушанских. О. Бопеараччи в результате наблюдений над составом обоих кладов и рассказов тех торговцев монетами, кто побывал на месте, приходит к выводу, что предположение, высказанное в свое время Р. Курье и Д. Шлюмберже, согласно которому монеты в древности бросались в священный источник, не может быть принято. Более вероятным является другое предположение – монеты были спрятаны людьми, ограбившими дворцовую или храмовую сокровищницу, но в силу каких-то причин не смогшими вернуться за своей добычей.

По-видимому, всего во втором кладе было примерно 300 или 400 тысяч монет, в коллекцию Аман ур Рахмана из них попали 418. О. Бопеараччи обращает внимание на то обстоятельство, что все эти монеты в момент приобретения были покрыты толстым слоем патины, что объясняется тем обстоятельством, что монеты пролежали в воде примерно две тысячи лет. Детали изображений были не видны и после расчистки стало ясно, что среди приобретенных экземпляров очень значительное количество составляют монеты, которые принадлежат к числу неизвестных до этого момента типов или вариантов.

Новый клад из Ай Ханум насчитывал не менее 1000 экземпляров. Удалось (в той или иной форме) получить информацию примерно о 500 монетах (золотые, серебряные и бронзовые монеты Диодота, Евтидема I и II, Деметрия I, Агафокла, панталеона, Антимаха I, Аполлодота I и Евкратида I). В коллекции Аман ур Рахмана имеется 66 монет, происходящих из этого клада. Состав монет очень напоминает клады, которые были найдены здесь, а также состав монетных находок из раскопок (Bernard P., 1985).

Сарай Салех расположен в Пакистане возле города Харипут, там имеются остатки древнего поселения. В этом месте был найден в 1994 г. клад, состоявший примерно из 1500 драхм и

500 тетрадрахм индо-греческих и индо-скифских правителей. Аман ур Рахману удалось приобрести 45 монет из состава этого клада.

Клад из Веса (район Чача в Пакистане) состоял примерно из 220 тетрадрахм и 1000 драхм Аполлодота I, Антимаха II, Менандра I, Лисия и Антиалкида, Аман ур Рахман стал собственником 21 монеты, происходящей из этого клада.

Даска – деревня, расположенная между Сиалкотом и Гуджранвалом (Пакистан). Здесь был найден клад, состоявший из 300 драхм, которые появились на рынках в 1993 г. В состав клада входили монеты трех правивших практически одновременно индо-греческих царей Аполлодота I, Антимаха II и Менандра I. Авторам удалось получить в свое распоряжение только фотографии 54 экземпляров. Существует информация о том, что в этой же деревне в 1989 г. был обнаружен клад из 400 монет. Аман ур Рахману удалось приобрести 2 монеты, происходившие, видимо, из этого клада (Диомеда и Аминты).

Очень мало информации относительно клада из Свата (возле Сайду-Шарифа). Он включал в себя примерно 400 экземпляров монет Аполлодота I, Антимаха II, Менандра I и Никия, Аман ур Рахману посчастливилось приобрести тетрадрахму последнего. Наконец, в работе представлено несколько монет из клада, происходящего из Чаман-и-Хазури (возле Кабула). Клад был найден в 1933 г. и опубликован двадцать лет спустя (Curiel R., Schlumberger D., 1953, p. 1–64).

Определения монет, сделанные О. Бопеараччи, не вызывают никаких сомнений. Дело заключается не только в высочайшем профессионализме автора, но и в прекрасном состоянии монет, что полностью исключало все ошибки при их определении. Основной интерес книги лежит в той реконструкции истории данного региона, которая была сделана на основании исследования нумизматического материала (глава "Исторический комментарий"). О. Бопеараччи, правда, указывает, что те исторические выводы, которые могут быть извлечены из анализа монет, здесь будут представлены в самом кратком виде, поскольку он планирует дать наиболее полное изложение своих взглядов при издании коллекции монет Британского музея, к которой он сейчас приступил. В реконструкции исторических событий он, главным образом, следует той схеме, которую он создал и опубликовал при издании коллекции монет Национальной библиотеки (Франция, Париж) (Bopearachchi O., 1991; ср.: Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., 1994), хотя и вводит некоторые новые детали, явившиеся результатом открытия новых типов и новых вариантов типов монет.

Он обращает внимание на находки дариков и серебряных монет Ахеменидов в Чаман-и-Хазури и в кладе в Бхир-Маунде (Таксила), что подтверждает достаточно уже устоявшееся мнение о вхождении этих областей в состав государства Ахеменидов. Кроме того, он считает очень важным фактом наличие большого количества находок монет различных греческих городов, обращавшихся здесь (Афины, различные города Ионии, острова Эгейского моря, Македония, Фракия, Кипр).

Для пост-ахеменидского периода характерно широкое распространение индийских монет (bent-bar и punch-marked). В каталоге представлены три монеты Александра Македонского, самая восточная из них (согласно месту чеканки) происходит из Экбатан. Из монет непосредственных преемников Александра в каталоге представлена одна монета Лисимаха. Имеется также несколько афинских "сов" и их имитаций, выпускавшихся где-то в Афганистане. Сейчас, считает автор, трудно выбрать одну из двух теорий, интерпретирующих эти подражания. Согласно одной, они выпускались незадолго до прихода в Бактрию Александра Македонского греческими поселенцами, переселенными сюда Ахеменидами. Вторая относит их чеканку ко времени после завоевания региона Александром и массового переселения сюда греков.

Монеты Селевка I и Антиоха I также имеются в составе коллекции Аман ур Рахмана, причем монеты последнего представлены как выпусками западных монетных дворов, так и основанного при Антиохе (в бытность его правителем восточной части Селевкидской державы) монетного двора в Бактрах.

Коллекция Аман ур Рахмана содержит некоторое количество монет основателя независимого греко-бактрийского царства Диодота I. Что касается вопроса, который давно вызывает споры среди историков и нумизматов, – относительно того, когда именно произошло отделение этого государства от Селевкидов, то О. Бопеараччи (на основании тщательного анализа уникальной монеты из рассматриваемой коллекции № 1057) приходит к выводу, что это произошло при селевкидском царе Антиохе II, а не при Селевке II, как думают многие исследователи. О. Бопеараччи справедливо подчеркивает, что этот вывод прекрасно согласуется с динамикой изменения монетных типов, чеканенных этим царем: более ранний вариант с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ (с портретом самого Диодота и новым типом оборотной

стороны – Зевсом с орлом) и более поздней, где помимо портрета и типа оборотной стороны появляется и новая легенда – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΟΔΟΤΟΥ.

Значительное количество монет Евтидема I свидетельствуют, по мнению автора, о длительности царствования его и достаточно хорошем экономическом положении страны в это время. Вместе с тем именно в период его царствования Греко-Бактрия утрачивает контроль над Согдианой. Монета № 118, по мнению О. Бопеараччи, представляет собой экземпляр, относящийся к самой первой серии подражаний чекану Евтидема, которые стали выпускаться в Согдиане после достижения ею независимости.

Автор считает, что среди греческих царей, правивших в Бактрии и Индии, имелись трое, носящих имя Деметрий. Первый из них (сын Евтидема) первым начал завоевание Индии. Нумизматические свидетельства этого, по мнению О. Бопеараччи, дают так называемые монеты таксильского типа (Allan J., 1936, p. CXXV, в данном каталоге – №№ 131–140). С его точки зрения, именно эти монеты представляют собой самый первый этап чекана греческих царей в Индии (конкретно – Деметрия I) – попытку реформировать местный чекан, сблизив его с греческим. Вместе с тем отмечается, что термин, обычно использовавшийся в литературе для определения этих монет, не удачен, так как эти монеты оказались характерными для всей территории к югу от Гиндукуша, а не только для района Таксилы.

Автор считает, что монетный чекан от имени Евтидема должен быть разделен на две части: Евтидема I и Евтидема II, причем последний был сыном Евтидема I, поэтому его чекан очень похож на чекан Деметрия I. Евтидем II выпускал монеты из сплава меди и никеля (как это делали Агафокл и Панталеон) и монеты всех трех имели сходные монограммы. Агафокл и Панталеон, вероятнее всего, были современниками. Однако царствование последнего было более кратким, чем первого. Чекан обоих царей был древнейшим примером двуязычного чекана в области индийской культуры. Вместе с тем нельзя забывать, что основную часть выпускаемых ими монет составляли монеты чисто греческие по типам и по языку. Двуязычные монеты предназначались для обращения в районах к югу от Гиндукуша.

Агафокл и Антимах I были первыми правителями, выпускавшими коммеморативные монеты (другое название – pedigree coins). В этих монетах "вспоминались" все их предшественники в Бактрии, начиная от Александра (№ 163), за исключением Селевка I и Евтидема II; Антиох II (№ 164), Диодот Сотер (№ 165, 166), Диодот Теос (№ 167), Евтидем I (№ 191, 192, 1022), Деметрий I и Панталеон (№ 1061). Зона, находившаяся под контролем Агафокла, по мнению О. Бопеараччи, – Пенджаб, а Антимаха – Арахозия.

Аполлодот I явно был непосредственным преемником Агафокла, Панталеона и Антимаха I на тех территориях, которые располагались к югу от Гиндукуша. Главное его нововведение в монетном деле – начало использования индийского весового стандарта для двуязычных монет. На смену Аполлодоту I пришел царь Антимах II, использовавший в своем монетном чекане титул Никефор. При нем произошли дальнейшие изменения в характере монеты: двуязычные монеты приобрели круглую форму и иным стало расположение легенды на монете.

Особая проблема – монетное дело царя-узурпатора Евкратида I. Автор согласен со старой точкой зрения, что сами монеты его (имеется в виду его коммеморативные монеты с изображением на оборотной стороне его родителей – Гелиокла и Лаодики, причем только голова последней украшена диадемой) подтверждают факт узурпации. Смерть Евкратида примерно в 145 г. до н.э. (здесь автор следует выводам П. Бернара) открыла дорогу первому натиску кочевников на Греко-Бактрию, в результате которого были утрачены восточные территории ее. Большое число двуязычных монет этого царя доказывает, что его владения распространялись и на территории к югу от Гиндукуша. Видимо, это происходило тогда, когда Менандр был глубоко вовлечен в борьбу с царством Шунгов. Автор также считает, что свидетельство Юстина о смерти Евкратида от руки собственного сына полностью заслуживает доверия, хотя не совсем ясно, кто из непосредственных преемников Евкратида I (Евкратид II, Платон или Гелиокл I) был именно тем сыном, который убил своего отца. Окончательное завоевание Бактрии кочевниками имело место примерно в 130 г. до н.э.

Менандр, без сомнения, был наиболее крупной фигурой среди греческих царей, правивших в Индии. Монеты этого царя – чрезвычайно многочисленны, недавние находки в различных кладах показали, что им чеканились не только драхмы, но и тетрадрахмы (сейчас известно более 800 монет этого номинала). Нумизматические наблюдения показывают, что Менандр должен выступать преемником Аполодота I и Антимаха II, поскольку первая хронологическая группа чекана Менандра показывает сильное сходство с монетами именно этих царей.

Царица Агафоклея, представленная на монетах или одна или вместе со Стратоном, обычно считается матерью последнего. Нумизматический материал показывает справедливость этой

идеи. Агафоклея, вероятнее всего, была регентшей в период детства Стратона I. Можно считать, что практически одновременно с ранними монетами Агафоклеи и Стратона выпускались также монеты Зоила I и их можно считать непосредственными преемниками Менандра, правящими в различных частях его прежнего государства: Зоил – в Паропамисадах, Агафоклея (со Стратоном) – в восточной Гандхаре.

Тот факт, что Гелиокл II относится ко времени более позднему, доказывается несколькими экземплярами перечеканенных монет. Кроме того, территория, находившаяся под властью Стратона, перешла под контроль Гелиокла II.

Следующий хронологический этап – время царствования Лисия и Антиалкида. Лисий, кажется был прямым преемником Зоила. Несмотря на разницу монетных типов этих двух правителей, монограммы у них – общие. Возможное объяснение этого факта (а также наличие двух "гибридных" экземпляров, у которых одна сторона чеканена типом одного из правителей, а вторая – другого) состоит в том, что либо эти правители царствовали один непосредственно после другого или – одновременно, над различными территориями, но используя общий монетный двор. Более вероятно, по мнению автора, первая гипотеза.

Следующий период, начавшийся с царствования Филоксена, характеризуется наличием нескольких царей, каждый из которых правил очень короткое время. Филоксен, видимо, был прямым преемником Антиалкида. В эту группу правителей входят также Диомед, Аминта и Теофил. Особое место среди них занимал Артемидор, значительное число монет которого в последнее время было встречено в кладе, найденном в Сарай Салех. Одна из монет имеет особое значение, поскольку она представляет собой перечеканку монеты Гермея и Каллиопы. Автор считает, что на основании этого факта (и ряда других соображений) можно относить время начала царствования Гермея примерно к 90 г. до н.э., а Артемидора соответственно – к 85 г. до н.э. Монеты из данного клада также позволяют поставить на более прочную почву решение вопроса о времени царствования Менандра II Дикайоса (Справедливого), который должен относиться ко времени, близкому ко времени царствования Артемидора, а район под его контролем – Таксила. Примерно к тому же времени относятся и правившие очень краткое время Эпандр, Поликсен, Никий, Певколай, Фрасон.

Последним греческим царем, контролировавшим Таксилу перед захватом этого города скифом Мауесом, был Архебий. В это же время Гермей правил в районе Паропамисад и Гандхаре (Чарсада). На короткое время греки под водительством Аполлодота II смогли вернуть под свою власть Таксилу, но к моменту смерти Гермея греческая власть и в Таксиле и в Паропамисадах была окончательно утеряна в результате юечжийского завоевания. Кочевники в Паропамисадах начали свой чекан с выпуска подражаний монетам Гермея. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что в Паропамисадах нет монет ни Мауеса, ни Аза I. Автор приходит к выводу, что этот район был захвачен юечжами через несколько лет после гибели Архебия в результате наступления войск индоскифа Мауеса (около 85 г. до н.э.). Автор уделяет большое внимание вычленению прижизненных выпусков монет Гермея, их распределению по хронологическим группам, а также – распределению по хронологическим группам посмертных выпусков его монет, чеканившихся юечжами. Те выводы, к которым он пришел, распределяя во времени монеты, теперь подтверждены, как он считает, результатами нейтронного анализа, который показал постепенное уменьшение процента серебра от группы к группе именно в той последовательности, которую установил О. Бопеараччи.

Полное окончание греческого владычества в восточном Пенджабе имело место в результате следующего хода событий: греки под руководством Аполлодота II изгнали скифов из Таксилы и всего западного Пенджаба. Однако около 55 г. до н.э. они в свою очередь были изгнаны другим индоскифским вождем Азом I и последний греческий правитель западного Пенджаба (включая Таксилу и Пушкалавати) Гиппострат был лишен ими власти. Но в восточном Пенджабе греческий контроль еще некоторое время сохранялся. Здесь примерно в это время зафиксированы еще следующие греческие правители: Зоил II, Аполлофан, Стратон II. Гибель греческого владения в восточном Пенджабе приходится примерно на 10–20 гг. н.э. На смену грекам приходит сатрап Раджувула.

В свою очередь власть индоскифов окончилась под ударами парфянского царя Гондофара, основавшего индо-парфянское царство. Начало его царствования совпадает с концом царствования Аза II. Время власти Гондофара – примерно 20–45 гг. н.э. После этого правителя царствовали Абдагас и Аспаварма. Конец индо-парфянскому государству принесло кушанское завоевание под руководством Куджулы Кадфиза. Таким образом, захват кушанами Паропамисадов и Гандхары имел место около середины I в. н.э.

Вряд ли можно оспорить данную схему. На сегодняшнем уровне изученности проблемы, видимо, предложенное О. Бопеараччи решение – самое обоснованное. Сомнения и возражения

могут быть высказаны, как нам кажется, только по некоторым частным вопросам. Один из таких вопросов связан с интерпретацией автором монеты № 119. Согласно тексту (см. с. 56) и каталогу, монета представляет собой тетрадрахму, чеканенную по редуцированному аттическому стандарту (ее вес – 10,10 гр). На лицевой стороне представлен бюст Митридата I со специфическим головным убором, типичным для раннепарфянских владетелей. Оборотная сторона – следы очень характерного типа монет Евтидема I (сидящий на скале Геракл и легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ. Хорошо заметно, что по оборотной стороне в момент чеканки было нанесено три удара. О. Бопеараччи считает, что монета происходит из клада № 2 в Мир Закахе.

Монета настолько необычна, что, по мнению автора, можно было бы думать о том, что она является современной подделкой, но свидетельство продавца, которому доверяет и О. Бопеараччи и Аман ру Рахман, имеющий огромный опыт общения с торговцами древностями, заставляет отказаться от этого объяснения. Вдобавок, как указывает О. Бопеараччи, патина на этой монете – точно такая же, как и на других монетах из этого клада. В дополнение к его соображениям мы можем высказать еще и следующие: в практике изготовления подделок обычно ориентируются на достаточно распространенные типы (или варианты типов), использование фальшивомонетчиками типа собственно парфянских монет ранней эпохи, практически неизвестных по обычным находкам в этом регионе, представляется слишком маловероятным. Кроме того, изготовление ими столь необычного экземпляра, соединяющего в себе черты греко-бактрийских и парфянских монет, да вдобавок еще и бракованного, чрезвычайно маловероятно, оно совершенно не вписывается в обычную практику изготовителей фальшивых монет.

Бесспорно, что само появление мысли о подделке у О. Бопеараччи является свидетельством некоторой растерянности автора перед столь необычным экземпляром. Автор полагает, что лицевая сторона изготовлена штемпелем монет Митридата I (хотя он указывает, что тетрадрахм с таким типом лицевой стороны в чекане этого царя не зафиксировано), а оборотная относится к первой серии подражаний чекану Евтидема и, в соответствии со временем начала правления Митридата, монета должна датироваться периодом около 170 г. до н.э.

В этом объяснении имеется несколько достаточно слабых пунктов. Прежде всего, необходимо указать на трудности хронологического плана. Согласно подсчетам самого автора, время правления Евтидема I – примерно 230–200 гг. до н.э. (Bopearachchi O., 1991, p. 47). Эта монета относится к первой серии подражаний его чекану, который начался в момент приобретения Согдом независимости, что произошло, согласно с выводами самого исследователя, еще при жизни этого греко-бактрийского царя (Bopearachchi O., 1991/1992, p. 12). Разрыв в тридцать лет (по меньшей мере) между временем функционирования двух штемпелей ненормально велик.

Наличие трех ударов по оборотной стороне заставляет думать, что здесь мы имеем дело с не очень удачной попыткой перечеканить парфянскую монету в согдийскую, что вообще делает гипотезу О. Бопеараччи невозможной. Причины этих сложностей, бесспорно, лежат в необоснованности основной исходной позиции автора. Он правильно полагает, что типы парфянских монет, на которых царь изображен не в тиаре и не с диадемой, а в башлыке, относятся к самым ранним сериям, но он совершенно неправ, относя начало чеканки монеты в Парфянском государстве только к царствованию Митридата I, что и ранее вызывало большие сомнения (Кошеленко Г.А., 1968), а теперь должно быть полностью оставлено (Abgarians M., Sellwood D., 1971; Sellwood D., 1980). Совершенно несомненно, что данная монета принадлежит чекану кого-то из более ранних, нежели Митридат I, парфянских царей: Аршака I или Аршака II. При таком решении проблемы трудности в интерпретации данной монеты хотя и остаются (в частности, нам не известны парфянские тетрадрахмы столь раннего времени), но они – гораздо меньшие, чем при решении, предложенном автором.

Видимо, и по некоторым другим частным вопросам можно оспорить выводы О. Бопеараччи, но только, что настоятельно необходимо подчеркнуть еще раз, второстепенным. В целом же данная работа должна быть оценена очень высоко, как образцовая публикация удивительно интересной коллекции. Все основные выводы автора не могут вызвать сколько-нибудь серьезных возражений.

Институт археологии РАН,
Москва

Г.А. Кошеленко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., 1994. Рецензия на кн.: Bopearachchi O., Monnaies greco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991 // ВДИ. № 1.

Кошеленко Г.А., 1968. Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ. № 1.

Abgarians M., Sellwood D., 1971. A Hoard of early Parthian drachms // Numismatic Chronicle. № 103.

Allan J., 1936. A Catalogue of Indian Coins in the British Museum. Coins of Ancient India. London.

Bernard P., 1985. Fouilles d'Ai Khanoum IV. Les monnaies hors frésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne // MDAFA. T. XXVII.

Bopearachchi O., 1991. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris.

Bopearachchi O., 1991/1992. The Euthydemus' Imitations and the Data of Sogdian Independence // Silk Road Art and Archaeology. 2. Kamakura.

Curiel R., Schlumberger D., 1953. Trésors monétaires d'Afghanistan // MDAFA. T. XIV.

Sellwood D., 1980. An Introduction to the Coinage of Parthia. 2-nd ed. London.

ADOLFAS TAUTAVIČIUS. VIDURINIS GELEŽIES AMŽIUS LIETUVOJE (V–IX a.). Vilnius, 1996. 368 c.

Книга посвящена археологии Литвы V–IX вв. н.э. В европейской истории это – период раннего средневековья, в археологической литературе Прибалтики он именуется "средним железным веком". От предшествующего исторического этапа – раннего железного века он отчленяется сравнительно кратковременным периодом великого переселения народов, который характеризуется существенными трансформациями в культурном развитии. В последние десятилетия археологическими данными устанавливается, что миграционные волны периода Великого переселения народов существенно затронули не только Западную Европу, но и лесные области Восточной Европы, в том числе и территорию современной Литвы.

А.З. Таутавичюс не затрагивает эту проблематику, однако все материалы, которые со скрупулезностью анализируются в книге, свидетельствуют об имевших место в это время существенных сдвигах в развитии основных культурных элементов, объяснение которым может быть дано только вторжением на территорию Литвы на заре средневековья новых групп населения.

После небольшого введения, в котором определяется период исследования и дается краткая история накопления знаний, автор достаточно подробно характеризует поселения и жилища. Весьма характерные для раннего железного века, в частности для культуры штрихованной керамики, городища оставляются населением в IV столетии. В V–IX вв. они использовались в качестве убежищ – в моменты опасности в них укрывались окрестные жители. На городищах зафиксировано возведение дополнительных укреплений, в частности на валах обычно строились двойные деревянные стены столбовой конструкции. Население в среднем железном веке проживало на селищах, находящихся как у подножий городищ, так и в отдаленных от них местах. Некоторые из них ограничивались рвами, но чаще – простыми изгородями. В IV–V вв. еще доминировали постройки со стенами столбовой конструкции и ямными очагами, которые в восточных районах Литвы окружались камнями или бортиком из глины. Позднее получают широкое распространение срубные жилища, очаги постепенно вытесняются каменными печами.

Во второй главе книги исследуется хозяйственная деятельность населения рассматриваемого региона. Показывается, что основой экономики было пашенное земледелие (встречены находки рала с лемехом в форме лопаточки, железных мотыг и небольших серпов, а также каменные зернотерки) и животноводство (крупный рогатый скот и свинья, в меньшей степени – мелкий рогатый скот и лошадь). Заметная роль принадлежала охоте, меньшая – рыболовству и бортничеству. Почти повсеместно из болотной руды добывалось железо. Железообработку проводили местные кузнецы, знавшие закаливание, умевшие изготавливать сталь и приваривать стальные лезвия к орудиям труда. Широко было развито бронзолитейное и ювелирное ремесла, изготавливались преимущественно различные металлические украшения. Материалы раскопок поселений позволяют охарактеризовать также деревообработку, гончарство, пряде-

© В.В. Седов, 1998 г.

ние и ткачество. Торговый обмен осуществлялся с соседними землями Прибалтики и Средней Европой (украшения и иные изделия из цветных металлов, стеклянные бусы).

Большой интерес представляет следующий раздел книги А.З. Таутавичюса, озаглавленный "Этнокультурные регионы". Он посвящен анализу могильных памятников, которые в разных регионах территории современной Литвы были весьма различными, что и позволяет выделить несколько племенных ареалов. Последние сохраняются до XII столетия, когда племенные образования на территории Литвы были зафиксированы письменными источниками. Поэтому автор имел все основания распространить этнонимы XIII в. на этнокультурные регионы V–IX вв.

В IV в. н.э., как уже отмечалось, прекращает свое развитие культура штрихованной керамики. В разных частях ее обширного ареала складываются довольно различные культуры. В настоящее время вполне очевидно, что это было обусловлено вторжениями в рассматриваемый ареал различных племен. В его восточной части (на территории Белоруссии) формируется тушемлинско-банцеровская культура, в соседних районах Литвы – культура восточнолитовских курганов. А.З. Таутавичюс утверждает, что формирование последней было результатом инфильтрации в часть ареала культуры штрихованной керамики племен с двух сторон – из Северной Литвы и ятвяжского Занеманья. С этим заключением целиком следует согласиться, тем более что и сам обычай сооружения курганов мог быть привнесен в восточную Литву только переселенцами.

А.З. Таутавичюс безоговорочно рассматривает все курганные древности Восточной Литвы, как памятники исторической Литвы. Думается, что следовало бы разделить эти древности на два временных этапа. Вполне очевидно, что в первое время устройство насыпей, обрядность (захоронения по обрядам ингумации и кремации) и вещевые инвентари рассматриваемых курганов были весьма неоднородными. Лишь со временем различия в обрядности (уже с VI в. господствовал обряд трупосожжения) и инвентарях нивелируются, насыпи по своему устройству становятся единообразными. В этой связи, исторической Литве следует приписывать только курганы второго этапа (VIII–XII вв.). Более раннее время, на мой взгляд, следует рассматривать как период этнического становления раннесредневековой Литвы, когда по крайней мере из трех древних племенных образований балтов (потомков носителей культуры штрихованной керамики, переселенцев из двух разнокультурных регионов – из Ятвяжской земли и из Северной Литвы и смежных частей Латвии, где в I–IV вв. господствовали курганный обряд погребения). Таким образом, оказывается, что историческая Литва была раннесредневековым новообразованием, в генезисе которого участвовало по крайней мере три древних балтских племени. Интегрирующую роль при этом, нужно полагать, играло местное население – потомки племен культуры штрихованной керамики.

Для бассейна Невежиса и смежных районов поречья Немана были характерны грунтовые могильники. А.З. Таутавичюс считает, что это племенное образование (аукштайты, известные по источникам начала XIV в.) сформировалось из небольшой группы населения, представленной в предшествующее время грунтовыми могильниками в устьях Невежиса и Нериса. Однако и здесь в период великого переселения народов очевидно имел место приток нового населения, вызвавший значительное расширение племенной территории и смену обрядности (в V–VI вв. обряд кремации вытесняет господствующий прежде ритуал ингумации). Автор полагает, что распространение обычая сжигать умерших обусловлено влиянием из Надрувы. По всей вероятности, новая обрядность была не результатом влияния из западнобалтского ареала, а следствием миграции населения из занеманских земель.

Новообразованием раннего средневековья были и жемайты, занимавшие области бассейна Дубисы и до Юры на западе, а на севере – до средних течений Венты и Мушы. Этот регион характеризуется грунтовыми могильниками с погребениями по обряду ингумации и специфическим инвентарем (мужчины сопровождались топорами, копьями, боевыми ножами и фибулами, женщины – булавками, шейными гривнами и браслетами). А.З. Таутавичюс полагает, что жемайты образовались в результате дифференциации большой племенной группировки первой половины I тыс. н.э., занимавшей значительные части Северной Литвы и Южной Латвии и представленной курганными насыпями с несколькими трупоположениями. С этим нельзя не согласиться. К сожалению, условия выделения жемайтов из среды большого племенного образования предшествующей поры (из него вышли также земгалы, селы и латгалы) в книге не исследуются. В Жемайтии насыпка курганов прекратилась во второй половине IV в. Возможно, что этот процесс был также обусловлен притоком новых масс населения, одним из свидетельств чего является распространение в V–VI вв. в южных районах Жемайтии обычая класть в могилы головы и ноги коней.

Характерные для Литовского Приморья и смежных земель Латвии первой половины I тыс.

н.э. могильники с каменными венцами во второй половине VI в. прекращают функционировать и обычай обозначать могилы наземными венцами из камней в это время полностью исчезает. В ареале этих памятников складываются две культурные области – северная и южная, различающиеся по инвентарю и развитию обрядности. А.З. Таутавичюс связывает первую область с куршами, вторую – с ламатами и, по-видимому, полагает, что здесь имела место простая эволюция обрядности. Действительно, ряд особенностей погребального ритуала, свойственных могильникам с каменными венцами, сохраняется в некрополях VII–VIII вв., свидетельствуя, что местное население в основной массе не покидало свои земли. Вместе с тем, представляется несомненным, что оно пережило какие-то сильные потрясения, заставившие его оставить прежние кладбища и изменить обрядность. Мне уже приходилось обращать на это внимание. При этом культурная трансформация VI в. мною обуславливалась миграцией (или инфильтрацией) в эти земли населения из Мазурского Поозерья (Седов В.В., 1995, с. 170–185).

Отдельную этнокультурную область составляли юго-западные земли нынешней территории Литвы. Она характеризуется каменными курганами, которые надежно связываются с ятвягами.

Завершая разбор главы об этнокультурных областях территории Литвы в среднем железном веке считаю необходимым отметить следующее. Небольшая карта с различно заштрихованными культурными регионами, помещенная в книге (рис. 1) и издававшаяся неоднократно, не дает исчерпывающего представления о характеризуемых этнокультурных областях. Думается, что для монографии, посвященной истории и культуре раннесредневекового населения Литвы, крайне необходимы карты этнокультурных регионов с соответственной аргументацией их выделения, т.е. с фиксацией на картах основных культурно определяющих элементов обрядности и материальной культуры.

Следующие разделы рецензируемой книги посвящены характеристике материальной культуры населения Литвы V–IX вв. Отдельные главы отведены описаниям орудий труда, предметам вооружения, снаряжению коня и всадника, разнообразным украшениям, глиняной посуде и изделиям из кости и янтаря. Анализ всех элементов материальной культуры проводится на весьма высоком уровне, при этом автор предлагает ряд интересных наблюдений. При характеристике находок приводятся их датировка и территориальное распределение, даются необходимые отсылки к научной литературе. Такое полное монографическое исследование раннесредневековых древностей территории Литвы предпринято впервые в науке и заслуживает самой высокой оценки. В книге отсутствуют карты распространения описываемых вещевых находок. Однако это компенсируется сравнительно недавно изданным "Археологическим атласом Литвы" (Lietuvos TSR..., 1978), включающим как карты памятников рассматриваемого периода, так и карты важнейших вещевых находок.

Все же считаю возможным сделать одно, немаловажное замечание по разделам, посвященным характеристике вещевых находок. Последняя выполнена целостно для всей территории современной Литовской республики. Однако в V–IX вв. этот ареал не составлял какого-либо культурного единства, не было заметно каких-либо малейших признаков начала этнокультурной интеграции наблюдаемого в это время племенного многообразия в единый литовский этнос. Это процесс относится уже к более поздним столетиям. В этой связи представляется, что было бы целесообразным характеризовать вещевые материалы из памятников V–IX вв., в особенности это касается украшений, не целостно для всей территории Литвы, а по отдельным этнокультурным областям. Картина жизни и быта населения Литвы в V–IX вв. была бы в этом случае более конкретно-исторической.

Для изучения социальных отношений и языческого культа племен, заселявших территорию Литвы в рассматриваемое время, данных явно недостаточно. Этим темам А.З. Таутавичюсом посвящена небольшая по объему заключительная глава книги, озаглавленная "Социальные процессы и духовная культура". Автор констатирует медлительность развития социальных отношений в этот период. Стабилизация жизни, наблюдаемая в V–IX вв., вела к упрочнению племенных союзов. Социального расслоения общества данных могильных древностей не наблюдается – появившиеся в V–IX вв. погребения с богатым инвентарем постепенно исчезают. Продолжительность жизни, судя по данным антрополога Г.Ю. Чесниса, основанным, правда, лишь на материалах одного могильника Плинкайгалиса, была весьма высокой. Рассматриваемое время, по мнению автора, было периодом военной демократии.

Для реконструкции других сторон общества V–IX вв. А.З. Таутавичюсу пришлось использовать весьма фрагментарные данные и привлекать материалы соседних земель. Так, для характеристики динамики жизни поселений используются данные по поселению Арайшу, расположенному в Латвии. Мало фактов и для освещения верований той поры. Только погребальная обрядность и культ предков получает достаточную характеристику на основании археологических раскопок. Интересно наблюдение автора о терпимости населения к ино-

племенникам, к их ритуалам. Они обычно селились на поселениях местных жителей и хоронили умерших на общих кладбищах.

Книга А.З. Таутавичюса – актуальное источниковое исследование археологического фонда, накопленного несколькими поколениями ученых и краеведов, и одновременно современное историко-культурное осмысление этих материалов. Исследован исторический период, предшествующий становлению средневекового литовского этноса и государственности и весьма существенный для более глубокого познания этих процессов. Несомненно труд А.З. Таутавичюса является крупным вкладом в науку, его с большим интересом встретили археологи Балтийского региона и соседних земель.

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Седов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. M. Lietuvos TSR archeologijos atlasas, 1978. T. 4. Vilnius.

CORRESPONDANCE DE GIOVANNI BATTISTA DE ROSSI ET DE LOUIS DUCHESNE (1873–1894). ÉTABLIE ET ANNOTÉE PAR PATRICK SAINT-ROCH. COLLECTION DE L'ÉCOLE FRANÇAISE DE ROME, 205. Roma: Francaise de Rome, 1995. 729 p.

Это издание (далее – Переписка), в котором опубликованы письма Джованни Баттиста де Росси и Луи Дюшена, хранящиеся соответственно в Библиотеке Ватикана и Парижской национальной библиотеке, привлечет внимание всех, кто занимается или интересуется христианской археологией. Оба имени широко известны. Итальянский ученый де Росси признан "отцом-основателем" христианской археологии. Автор многих капитальных трудов о христианских надписях (Rossi G.B., 1861–1888), катакомбах (Rossi G.B., 1864–1877), мозаиках (Rossi G.B., 1872–1892) Рима, о христианском музее Пио Латерано (Rossi G.B., 1877), который сейчас является частью музеев Ватикана, де Росси остается в памяти специалистов последующих поколений прежде всего как певец подземного Рима. Именно его фундаментальный трехтомник, посвященный катакомбам, известен более всего. По крайней мере им широко пользовались русские авторы, обращавшиеся к этой теме (Фрикен А., 1872; Голубцов А.П., 1995; Успенский П., 1996). Исследование о научной деятельности де Росси принадлежит перу его ученика и друга О. Марукки (Marucchi O., 1901). Недавняя книга А. Баруфф является скорее биографическим очерком (Baruffa A., 1994).

Второй корреспондент – француз Л. Дюшен, в начале переписки почтительный ученик де Росси, позже – сам крупный ученый в области издания и исследования письменных источников, в частности Liber Pontificalis (Книга Пап) (Duchesne L., 1877), автор трудов по истории литургии (Duchesne L., 1889) и ранней церкви (Duchesne L., 1906). Детальную картину его жизни и деятельности дала в своей объемистой книге Б. Уоше (Washe B., 1992).

Вполне естественно, что издателем Переписки стал монсеньор Патрик Сен-Рок, директор Понтификального института христианской археологии, где продолжают традиции де Росси и чтут его память. Видимо, не случайно письма двух ученых, представлявших французскую и итальянскую ветви европейской науки, изучены французским специалистом, много лет работающим в Риме. Естественно то, что книга издана в серии Французской школы в Риме – старого научного центра, который в свое время возглавлял Л. Дюшен и где раннехристианские исследования всегда были в числе приоритетных.

Собрание писем планировали приурочить к столетию со дня смерти де Росси (1894), к этой дате была подготовлена выставка фотографий и документов, организованная в Риме Понтификальной Комиссией по священной археологии (Giovanni Battista de Rossi..., 1994), к ней был приурочен внеочередной XIII международный конгресс по христианской археологии. Переписка охватывает значительный период (свыше 20 лет) и включает в себя 594 письма. В предисловии издатель отмечает двойной интерес, заключенный в этих документах. Во-

© Л.Г. Хрушкова, 1998 г.

первых, они позволяют лучше узнать двух исключительных людей той эпохи, когда христианская археология становилась истинно научной дисциплиной. Во-вторых, они важны и в научном отношении, поскольку охватывают время наиболее продуктивной работы ученых и содержат их интенсивный обмен мнениями.

Безусловно, первое издание писем позволяет стереть черты "официальных, слишком агиографических биографий" (с. 7) – таких, как, например, известная книга П. Баумгартена, являющаяся настоящим панегириком (Baumgarten P., 1892). Многолетняя тесная дружба, которая связывала де Росси и Дюшена, необыкновенна. Мы видим общность взглядов и общее поле исследований, сходные симпатии и антипатии, сердечную привязанность – словом, они всегда были "на волнах одной длины" (с. 7). Но какая поразительная разница характеров и темпераментов! Де Росси – человек светский, идеальное воплощение умеренности, осторожности, компромисса. Он всегда мягок, добр и терпим и сам характеризует себя следующим образом: "Терпение и настойчивость – вот мой маленький секрет" (№ 53 от 13.09.1878). Священник Дюшен – полная противоположность. Это воинственный характер, полемический, чувствительный, обидчивый, резкий и прямой. "В конце концов, без борьбы и бурь жить не стоило бы", – пишет он (№ 256 от 22.05.1884). Дюшен очень принципиален: "Свойства моего ума позволяют мне говорить не то, что меня хотят заставить сказать, но то, что я считаю истиной" (№ 15 от 9.05.1877). Жизнь Дюшена полна конфликтов, и де Росси не раз дает ему советы: "Я проповедую вам тысячью способов немного больше осторожности и скромности... . Не подливайте масла в огонь, который я хочу потушить" (№ 307 от 18.02.1885).

Конечно, переписка интересна не только как материал для творческих биографий ученых. Она дает живое впечатление той идейной и интеллектуальной атмосферы, которая существовала в эпоху формирования христианской археологии как исторической науки. Настоящая история этой дисциплины еще не написана: очерк Дж. Бовини доводит изложение лишь до начала деятельности де Росси (Bovini G., 1968), а недавняя книга У. Френда страдает неполнотой – наука Восточной Европы представлена очень неполно, о России же и странах Закавказья нет даже упоминаний (Frend W.H.C., 1996). В середине XIX в. христианская археология в сильнейшей степени зависела "от политического и теолого-догматического состояния Ватикана I" (Deichmann F.W., 1983, S. 22). Свободная мысль ученых часто приходила в противоречие с мнением консервативных представителей церкви. Во многих письмах звучит мотив взаимоотношений Дюшена со знаменитым "Индексом" (Списком запрещенных книг), в который специальная комиссия Ватикана включала сочинения, сомнительные с точки зрения догматики.

Конечно, как Дюшен, так и де Росси оставались внутри церковной традиции, отнюдь не переходя на позиции рационализма. Дюшен не раз говорит о своем служении "науке и вере" (№ 77 от 1.08.1877). Метод, применявшийся ими в работе с историческими источниками, эти ученые определяли как "критический" (де Росси, № 14 от 29.01.1877). Сходное мнение высказывает и Дюшен: "Я только стремился очертить пределы, в которых может развиваться критика, с точки зрения ясно определенной догмы". Но в этих пределах он хочет быть вполне независимым: "Я буду жить бедным и без всяких почестей, но у меня будет свобода служить Богу и его Церкви без ущерба для моего достоинства и научной честности" (№ 59 от 5.12.1878; № 201 от 4/5.02.1883).

У Дюшена много недоброжелателей, среди которых и влиятельные кардиналы И.Б. Питра и Д. Бартолини (первый ведал Библиотекой Ватикана, второй был видным историком). В письмах Дюшена немало самых резких отзывов о церковной среде: "Есть в Ватикане люди, которые являются американцами, не зная этого, – хотя плоская вульгарность встречается во все времена и во всех странах" (№ 288 от 17.11.1883). Вот его мнение об Институте, в котором он работал: "Может ли согласовываться свобода слова и духа, с которой я привык трактовать вопросы религиозной истории, с требованиями такого учреждения, как Парижский католический институт?" (№ 342 от 3.08.1885). Не раз ему приходят на ум параллели с эпохой средневековья, он говорит о людях, "которые чистят до блеска железный лом инквизиции", и с юмором задает вопрос: "Так, говорите, в Риме нет намерения меня сжечь?" (№ 541 от 10.01.1891).

Де Росси старается предостеречь Дюшена как в целом, так и против конкретных опасностей и недоброжелателей: "Вы идете по лезвию бритвы, кардинал Питра не слишком вольнодумен в теологии" (№ 118 от 19.02.1881), призывает не "шокировать, будоражить, скандализировать направо и налево" (№ 346 от 17.09.1885). В сдержанных выражениях он предупреждает: "Добрый кардинал Бартолини представляет и персонифицирует самый воинственный пыл против критики любого сорта, даже самой умеренной и уважительной" (№ 26 от 10.10.1877). Опасность того, что диссертацию Дюшена, посвященную Liber Pontificalis, включат в "Индекс", была вполне реальной. Де Росси с тревогой спрашивал: "Есть ли формальный донос в Индекс?

Чем именно они скандализованы?" (№ 17 от 8.06.1877); тревога возникает по разным поводам и позднее: "Доносы против Вас идут из Франции. Я хотел даже говорить о Вас папе" (№ 307 от 12.02.1885).

Дюшен подчас как будто готов пойти хотя бы на внешний компромисс, но сама форма, в которой он эту готовность выражает, показывает, как мало он склонен к уступкам в сути, в своих научных позициях: "Я не хочу, чтобы меня отождествляли с нелепостями консервативной экзегезы, но я не буду впредь заявлять об этом на публике и для публики" (№ 256 от 22.05.1884). Порой Дюшену хочется стать простым кюре в рыбачьей деревушке в родной Бретани (№ 256 от 22.05.1884). Но как ни старался Дюшен избежать столкновений, его труд по истории ранней церкви (точнее, его итальянский перевод) все-таки был запрещен. Конечно, сказалось и то, что к этому моменту (1911 г.) давно уже не было в живых его многолетнего "адвоката" де Росси (№ 254 от 19.02.1891).

Де Росси – человек иного склада и иной судьбы. Его жизнь и научная карьера благополучны, он неизменно пользуется поддержкой Ватикана. Папа Лев XIII, направляя ему письмо, начинает его словами: "Возлюбленный сын, привет и апостольское благословение..." (№ 57 от 23.10.1878). "Нельзя ждать более великолепной поддержки нашим исследованиям", – отметит Дюшен в связи с широкой публикацией этого письма (№ 58 от 7.11.1878). Кавалер почетного звания Командора, префект музея Pio Cristiano, консультант св. Престола по вопросам науки, де Росси закончит свои дни в Кастельгандольфо, загородной папской резиденции.

Впрочем, даже у него были проблемы с "Индексом" – в связи с публикацией "Подземного Рима", причем исходили они от того же Бартолини (№ 202 от 17.02.1883). Многие, несомненно, были недовольны тем, что "светский" ученый вмешивается в традиционно церковную сферу. Об этом упоминает, например, П. Гранже в письме к О. Марукки от 14.05.1884: "Бартолини его враг. Вокруг него кишат зависть и интриги... Он победит все" (цит. по: Baruffa A., 1994, p. 86).

Де Росси приписывает знаменитую фразу "Archeologum facio, non theologum", которую часто цитируют без ссылки (да и на что сослаться?), как афоризм (например, Deichmann F.W., 1983, S 20). Видимо, это выражение стало крылатым уже при жизни де Росси, что совсем не принесло ему радости: "Вы знаете, что мне приписали это варварское речение" (№ 198 от 31.01.1883). Обычно сдержанный, де Росси иногда с горечью признается: "Никто не понимает ценности серьезных трудов... Посредственности и сикофанты завидуют мне... Мы ведем войну глухую и скрытую. Те, кто больше всего горячо аплодируют мне, понимают меня меньше, чем равнодушные. Мне кажется, что я проповедую в пустыне. В Италии я ни на что не надеюсь, сделайте, что можете, во Франции" (№ 53 от 13.09.1878).

Ученые "критического" направления, с одной стороны, страдают от узости взглядов тех, кто определяет научную политику: "Теологов нужно больше бояться за их невежество, чем за их знание" (письмо Дюшена от 24.12.1884, № 299). С другой, они не хотят дать повода для обвинений в рационализме. Характерно устойчивое отрицательное отношение Л. Дюшена к Э. Ренану (№ 31 от 31.10.1877; № 33 от 16.11.1877; № 396 от 22.02.1887; № 409 от 14.07.1887 и др.), который отказался от церковного призвания и занял позицию чистого рационализма. Интеллектуальный климат Европы де Росси характеризовал так: "Мы все дышим атмосферой рационализма более или менее безрелигиозного (я не говорю антирелигиозного, это другое)" (№ 248 от 20.04.1884). Сходным образом оценивает Дюшен известного византиниста Л. Байе: "Он всегда был αχριστιανός, как почти все очень образованные люди во Франции и повсюду" (№ 248 от 17–19.04.1884). Несомненно, это верно и для России, где Ренан был популярен гораздо больше, чем у себя на родине. Не зря Достоевский иронизировал над теми, кто знал Христа только по брошюрам Ренана.

В переписке де Росси и Дюшена мы черпаем также полезные сведения о развитии христианской археологии как учебной дисциплины. Начав преподавать ее в 1876 г. в Парижском католическом институте, Дюшен советуется со своим учителем по поводу программы курса. Он включает в него предметы литургические, церковно-исторические и собственно археологические, широко пользуясь, конечно, трудами де Росси (№ 10 от 27.09.1876). Очевидно, что это тот самый "междисциплинарный" подход, о котором постоянно пишут и современные специалисты (Pallas D., 1989, p. LXVI; Pietri Ch., 1989, p. LXX). В группе Дюшена археологией занималось 60 священников (№ 61 от 8.12.1878), что типично для той эпохи. (Как известно, сейчас ситуация полностью изменилась). Дюшен отмечает и еще одну любопытную черту тогдашней христианской археологии: его лучший слушатель – протестантский пастор; что касается католического духовенства, то его приходится заставлять заниматься наукой всерьез (№ 15 от 9.05.1877). Это верное отражение ситуации в целом: позиции протестантской ветви христианской археологии в Европе были традиционно прочными как в ту эпоху, так и в наше время.

Один из важных итогов развития христианской археологии во второй половине XIX в. – организация Первого международного конгресса. Его планировали провести в Спалато (Сплит) в 1893 г., но из-за холеры отложили на год. Больной де Росси уже не смог принять в нем участие и предоставил Дюшену "карт бланш" для выступления на конгрессе от его имени (№ 574 от 3.08.1893).

В переписке содержатся интересные сведения и для истории византинистики. Особенно Дюшен интересовался исследованием восточных провинций Римской империи, неоднократно участвовал в экспедициях на христианский Восток. Так, после совместной поездки с М. Колиньоном он привез около 200 греческих надписей из Малой Азии, среди них – 120 – с некрополя Корикос в Киликии (№ 10 от 27.09.1876). Вместе с Л. Байе он совершил поездку на Афон (№ 7 от 2.03.1875; № 20 от 9.08.1877). Из писем мы узнаем, что де Росси и Дюшен активно содействовали передаче в Ватиканский музей некоторых греческих надписей, в частности известной надписи Аверкия, открытой английским исследователем У. Рамзеем. О Г. Миллс, историке византийской архитектуры и иконографии, Дюшен писал: "Он тоже вышел из моего чрева – но для Афинской школы" (№ 538 от 5.11.1891). Отметим, что через это имя Дюшен на какой-то миг соприкасается с русской научной школой: много лет спустя Г. Миллс, уже признанный мэтр, станет французским учителем А.Н. Грабара, который сформировался в традициях школы Н.П. Кондакова, Д.В. Айналова, Я.И. Смирнова.

В переписке рассеяно множество любопытных характеристик известных ученых – оба корреспондента поддерживали живые контакты с коллегами из ученого мира всей Европы. Ограничусь одним примером. Де Росси и Дюшен были в самых дружеских отношениях с Теодором Моммзеном. Именно он, в связи с выходом первого тома "Христианских надписей Рима" произнес в Немецком археологическом институте в Риме знаменитую фразу: "Сегодня кончился дилетантизм в христианской археологии, начинается наука" (№ 53 от 13.09.1878). Но когда Моммзен в рамках своих римских штудий обратился к раннехристианским сюжетам, Дюшен дал этому оценку в своей обычной резко-остроумной манере: "Он входит в церковную ученость, как носорог в виноградник, круша направо и налево, не думая об опустошениях" (№ 559 от 13.11.1892).

В Переписке почти нет русских имен, и все-таки истории нашей науки она небезынтересна. Прежде всего, мы получаем возможность лучше представить обстановку, в которой работал Н.П. Кондаков во время своих многочисленных поездок в Рим, где он собирал материалы для диссертации по византийской миниатюре. Н.П. Кондаков знакомится с мэтром христианской археологии в 1875 г. Де Росси отметил молодого русского профессора, в частности, его доклад о знаменитом памятнике V в. – рельефах деревянных дверей церкви Санта Сабина в Риме (Kondakoff N., 1877)[1]. Н.П. Кондаков становится членом Общества любителей христианской археологии в Риме, сложившегося вокруг де Росси. В письме к своему учителю Ф.И. Буслаеву (8/20.12.1875) он сообщает, что слушает лекции П. Роза, Р.-А. Ланчиани и других (Кызласова И.Л., 1985, с. 163). Эти же имена неоднократно встречаются в переписке де Росси и Дюшена. В другом письме (3/15.12.1882) Н.П. Кондаков сообщает Буслаеву: "Здесь в Риме, кроме осмотра вновь всего, я занимаюсь по утрам в Ватикане... Вход мне в Ватикан достался не без труда, но сам кардинал Петр принял меня под свой покров" (Кызласова И.Л., 1985, с. 167). Петром здесь назван Питра – тот самый кардинал, который доставил Дюшену столько хлопот и огорчений, и после смерти которого Дюшен напишет: "Он велел бы сжечь меня на Кампо ди Фьоре без всякого дурного намерения, ради моего и всеобщего блага" (№ 476 от 13.02.1889).

Впрочем, в Переписке все-таки есть одно русское имя. Визит философа В.С. Соловьева произвел большое впечатление на Дюшена: "Это пророк старого образца... и вдобавок очень хорошо воспитанный человек. Аббат Лагранж поторопился обратить его, но русский сопротивлялся, и теперь я вижу почему: в нем самом есть дух..." (№ 454 от 7.07.1888).

В заключение можно отметить, что хотя Переписка насыщена научной информацией, читается она легко и с интересом. Это хороший образец эпистолярной прозы. Спокойный и академический стиль писем де Росси составляет контраст динамичным и эмоциональным письмам Дюшена, часто пересыпанным иронией и сарказмом.

Издание снабжено четырьмя указателями: собственных имен, имен пап (с указанием дат понтификатов), святых и библейских персонажей, географическим. Подстрочные примечания, составленные издателем, содержат множество интересных сведений о лицах, упоминаемых в письмах, о некоторых важных событиях, иногда – о состоянии той или иной научной проблемы.

---

[1] П. Сен-Рок по моей просьбе интересовался вопросом, нет ли писем Н.П. Кондакова в архивном фонде де Росси. Было выявлено несколько писем русских ученых, которые П. Сен-Рок передал мне для публикации. Пользуюсь случаем выразить мою признательность П. Сен-Року.

Кроме того, немалого труда потребовало выяснение источников цитат, которые часто употребляют корреспонденты-эрудиты.

Нередко издание писем служит составителю материалом или поводом для создания собственного труда – предисловия, послесловия, специального комментария. Здесь же мы видим совсем другое – объемистый том Переписки издатель предварил кратким введением (около семи страниц). Таким образом, П. Сен-Рок проделал большую работу с ценным первоисточником с одной лишь целью – издать письма двух коллег-ученых. Не сомневаюсь, что читатель оценит как предпринятый труд, так и деликатную скромность издателя.

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Л.Г. Хрушкова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голубцов А.П., 1995. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб. (Репринт издания 1917 г.).

Кызласова И.Л., 1985. История изучения византийского и древнерусского искусства в России. М.

Успенский П., 1996. Святыни земли Италийской. М.

Фрикен А., 1872. Римские катакомбы и памятники первоначального искусства. М.

Baruffa A., 1994. Giovanni Battista de Rossi. L'archeologo esploratore delle Catacombe. Città del Vaticano.

Baumgarten P.M., 1892. Giovanni Battista de Rossi fondatore della scienza di archeologia sacra. Roma.

Bovini C., 1968. Gli studi di archeologia cristiana dalle origini alla metà del secolo XIX. Bologna.

Deichmann F.M., 1983. Einführung in die Christliche Archäologie. Darmstadt.

Duchesne L., 1877. Étude sur le Liber Pontificalis. Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. Fasc. I, 1 Paris.

Duchesne L., 1889. Les origines du culte chrétien. Paris.

Duchesne L., 1906. Histoire ancienne de l'Église. T. I. Paris.

Frend W.H.C., 1996. The Archaeology of Early Christianity. A History. Bodnim Cornwell.

Giovanni Battista de Rossi e le catacombe romane. Mostra fotografica e documentaria in occasione del 1° Centenario della morte. Roma, 11 dicembre 1994 – 25 gennaio 1995. A cura della Pontificia comissione di archeologia sacra, 1994. Città del Vaticano.

Kondakoff N., 1877. Les sculptures de la porte de Sainte-Sabine à Rome // Rev. Archéol. V. 33, 34.

Marucchi O., 1901. Giovanni Battista De Rossi. Genni biografici. Roma.

Pallas D., 1989. Un discours à la séance inaugurale // Actes du Xe Congrès international d'Archéologie chrétienne, 21–28 sept. 1986. Lyon–Aoste. V. I. Città del Vaticano.

Pietri Ch., 1989. Un discours à la séance inaugurale // Actes du XIe Congrès international d'Archéologie chrétienne, 21–28 sept. 1986. Lyon–Aoste. V. I. Città del Vaticano.

Rossi G.B., 1861–1888. Inscriptiones Christianae Urbis Romae septimo saeculo antiquiores. Roma.

Rossi G.B., 1864–1877. La Roma sotterranea cristiana descritta ed illustrata. V. I–III. Roma.

Rossi G.B., 1872–1892. Musaici cristiani e saggi dei pavimenti delle chiese di Roma anteriori al sec. XV. V. I–XXIII. Roma.

Rossi G.B., 1877. Il Museo epigrafico cristiano Pio-Lateranense. Roma.

Washé B., 1992. Monseigneur Louis Duchesne (1843–1922). Collection de l'École française de Rome. № 167. Rome.

И.В. ГАНЕЦКАЯ. МАЕЛІКА НА БЕЛАРУСІ У XI–XVIII стст. Мінск: "Навука і тэхніка", 1995. 123 с.

Основной текст книги разделен на две части, организуя материал по хронологическому принципу. Первая часть "Производство майолики на территории Беларуси в XI–XV вв." состоит из трех разделов: "Археологические источники и их характеристика", "Становление и развитие производства майолики на территории Беларуси в XI–XIII вв.", "Безмайоликовый период (XIII–XV вв.)". Вторая часть "Майоликовое производство на Беларуси в XVI–XVIII вв." включает четыре раздела: "Способы декоративной обработки поверхности майоликовых изделий", "Период возрождения и наивысшего расцвета белорусской майолики (XVI – первая половина XVII в.)", "Майолика второй половины XVII–XVIII в.", "Организация производства, технология и реализация продукции".

Уже во Введении автор дает определение предмета своего исследования – майолики, чье название вынесено в заглавие книги: "В общем смысле под майоликой понимают изделия из цветных глин с пористым черепком, покрытым непрозрачными поливами" (Ганецкая І. В., 1995, с. 4). Действительно, Большая Советская энциклопедия дает сходное определение майолики в "широком смысле": "Изделия из цветной обожженной глины с крупнопористым черепком, покрытые глазурью..." (Большая Советская энциклопедия, 1974, с. 222). Положения статьи из Большой Советской энциклопедии были взяты за основу в статье М.М. Яницкой "Майолика" в Энциклопедии литературы и искусства Беларуси (Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі, 1986, с. 386, 387). В энциклопедию "Археологія і нумізматыка Беларусі" включена статья И.В. Ганецкой, где даются основные положения авторской концепции о майолике (Археологія і нумізматыка Беларусі, 1993, с. 388, 389), позже повторенные в развернутом и дополненном виде в книге "Майолика на Беларуси в XI–XVIII вв.". Автор подчеркивает, что такое определение "присутствует во всех словарях и энциклопедиях" (Ганецкая І.У., 1995, с. 4).

Однако, если открыть зарубежные издания, признанные в качестве бесспорных авторитетов, в частности энциклопедию издательства "Ля Русс", то оказывается, что в понятие "майолика" включены изделия, характеризующиеся другим набором признаков. "Majolique ou maiolique n.f. (ital. majolica, de lile de Majorque) – итальянский фаянс эпохи Ренессанса. Был назван так, потому что согласно традиции способ производства этого вида фаянса был привнесен в Италию арабскими или испанскими мастерами с Болеарских островов ...

Следует указать, что под названием полумайолика подразумеваются изделия, белизна поверхности которых происходит не от окиси олова, а получается благодаря тончайшему слою белой глины" (Nouveau Larousse Universel, 1949, p. 124).

Большая иллюстрированная энциклопедия древностей, изданная в 1983 г. в Праге в переводе на русский язык, содержит более развернутую характеристику. Майолика, "обладая пористым черепком из содержащей железо и известь, но при этом белой фаянсовой массы или изразцовой глины, покрыта двумя глазурями: непрозрачной, с содержанием олова, и прозрачной блестящей свинцовой глазурью. Декор писали на майолике по сырой глазури, прежде чем обжечь изделие при температуре порядка 1000 градусов. Краски для росписи брались того же химического состава, что и глазурь, однако их существенной частью были такие окислы металлов, которые могли выдержать большой жар (так называемые огнеупорные краски – синяя, зеленая, желтая и фиолетовая") (Большая иллюстрированная энциклопедия, 1983, с. 153).

Отдельные виды керамики различаются в зависимости от состава керамической массы, образовательных свойств черепка (сюда входят такие характеристики, как зернистость, однородность структуры и равномерность окрашивания, пористость, фазовый состав спекшейся керамики, процент водопоглощения), особенностей обжига изделий (температура и атмосфера обжига), способов декорирования внешней поверхности (пластические и живописные приемы декорирования) и состава используемых для декора материалов (ангоб, поливы, лаки, краски).

В широком смысле – как технологический вид керамики – выделяются терракота, фаянс, фарфор и каменная масса. Они различаются составом формовочной массы, составляющие которой изменяют структуру и, главное, фазовый состав спекшейся керамики. Состав терракотовых формовочных масс был рассмотрен выше. В производстве фаянсовых формовочных масс используются глина, каолин, кварцевый песок, полевой шпат (Большая Советская энциклопедия, 1973, с. 52). Для изготовления этих формовочных масс могли

© С.Е. Зайцева, 1998 г.

использоваться содержащие железо глины (маложелезистые: Fe_2O_3 – 2,0–2,5%), которые окрашивали черепок в различные оттенки розовых и желтых тонов. Однако, чтобы получить черепок с требующимися свойствами, было необходимо наличие в тесте таких составляющих, как каолин, кварцевый песок и полевой шпат, что обеспечивало требуемую степень спекания черепка при температуре обжига порядка 1000° С.

Суть принципа декорирования керамических изделий, получивших название майолика, и это общепризнано, заключалась в том, что рисунок наносился жидкими керамическими красками по сырой фоновой поливе, после чего производился обжиг. Керамические краски разделяются на надглазурные и подглазурные. При обжиге надглазурных керамических красок флюс плавится и приплавляет пигмент к поверхности глазури. Учитывая достаточно высокую температуру обжига майолики, при росписи употребляли огнеупорные керамические краски.

Бесспорно использование в майоликовом производстве как оловянных (или свинцово-оловянных), так и свинцовых полив. Первые используются при организации фоновой поверхности под роспись, а вторые, бесцветные и прозрачные, – при окончательном декорировании изделий для придания им блестящей поверхности.

Суммируя вышесказанное, можно выделить основные внешние признаки майолики. Черепок в изломе однородный, мелкозернистый, пористый, равномерноокрашенный (белый или слабоокрашенный) розовых или желтых оттенков, частично спекшийся. Фоновая поверхность организуется посредством нанесения непрозрачной, опаковой поливы обычно белого цвета (возможно использование цветных непрозрачных полив). Роспись производится огнеупорными надполивными красками, причем может быть использован как один тон (монохромная майолика), так и краски различных цветов.

Для уточнения содержания термина "майолика" используем следующий прием. Рассмотрим, какие особенности майолики повторяют "фальшивые" изделия – так называемая псевдомайолика; очевидно, что внешние особенности, которые подделываются на этих изделиях, выделяют майолику среди керамических изделий. В декорировании этих изделий для организации фоновой поверхности используется белый ангоб, роспись производится тонированными ангобами, затем изделие покрывается бесцветной прозрачной поливой. Итак, подделка имитирует белую фоновую поверхность, многоцветную роспись, блестящую поверхность майоликового изделия. Видимо, эти внешние особенности и следует признать сущностными.

В узком смысле майоликой называют итальянский фаянс эпохи Ренессанса, в искусствоведении этот термин отделяет итальянский фаянс этой эпохи от фаянса заальпийских стран.

В специальных археологических исследованиях для обозначения изделий с терракотовым черепком из маложелезистых глин, покрытых "оловянной, непрозрачной поливой" белого цвета и расписанных по ней "марганцевыми, голубыми и желтыми красками", иногда используется термин "протомайолика", однако, во-первых, это относится к керамике, бытовавшей со второй половины XII до XV вв. и, во-вторых, оговариваются те особенности, которые, по мнению автора, характеризуют эти изделия (Boas J.A., 1994, p. 111).

Более широко в специальной археологической литературе используются термины "полумайолика", "псевдомайолика" (Suprun M., 1975, Mieroslawski M., 1979; Vydrova J., 1973), однако в работах последнего времени авторы предпочитают использовать развернутые характеристики: "Ангобированная керамика, или расписная белыми и цветными глинками, которая затем покрыта прозрачной свинцовой поливой" (Szetela-Zauchowa T., 1994; s. 46).

Итак, расширение термина "майолика" хронологически либо технологически представляется нецелесообразным. Использование термина в неконвенциональном смысле, особенно для времени, когда в керамическом производстве происходил постоянный бурный процесс совершенствования, поиска новых технологий, изменения форм и декора, связанный как с поиском более рациональных пропорций, так и с изменением предъявляемых к изделиям утилитарных требований, значительно затрудняет понимание сути этих процессов. Однако применение этого термина в общеевропейском понимании отнюдь не лишено смысла для описываемого региона, так как вполне реальны находки привезенных майоликовых изделий, возможны находки майоликовых изделий, произведенных на месте, хотя такая возможность ограничена отсутствием каолинитового сырья на территории Белоруссии.

Первая часть книги посвящена производству покрытых эмалями керамических изделий на территории Белоруссии в XI–XII вв., практически все они определены как майолика. Представляется сомнительной экстраполяция термина на изделия XI–XIII вв. даже не в силу отсутствия временного существования термина, а потому что на этих изделиях отсутствует набор признаков, дающий возможность отнести изделие к данной категории керамики.

В частности, черепок плиток пола Софийского собора в Полоцке середины XI в. в изломе может иметь как "однородную", так и "слоистую" структуру, содержащиеся в тесте "примеси дресвы и песка" заставляют характеризовать ее как крупнозернистую. Наличие большого количества фрагментов, черепок которых имеет серую прослойку, образовавшуюся из-за недостаточной температуры обжига (такой вид черепка зафиксирован автором как "хорошо спекшийся черепок трехслойного обжига") не дает возможности отнести их к равномерноокрашенным. Цвет черепка "красный, розовый, редко серый" (Ганецкая І. У., 1995, с. 6, 7). Такая характеристика черепка, как спеченность, не может быть применена к этим изделиям. Керамика плиток пола Софийского собора имеет все признаки терракоты, она высокопористая, грубозернистая, тесто состоит из железистой глины, песка и дресвы в качестве отощающих материалов.

В характеристике формовочной массы изделий как декоративно-строительной, так и бытовой керамики XI–XIII вв. исключений практически не встречено. Пинские изделия формовались из местных белых маложелезистых глин, однако по составу формовочной массы и всем другим показателям их также можно отнести к терракотам. Некоторую сложность в восприятии материала создает неправомерное использование автором понятий типа "черепок спекшийся" по отношению к изделиям из "массы с отощающими материалами в виде песка и небольшого количества дресвы" (Ганецкая І. У., 1995, с. 15), в то время как конвенционное употребление понятия "спекшийся черепок" относится к характеристике фарфора.

Изделия покрыты эмалями обычно одного цвета, без росписи, за исключением одной плитки, выявленной Г.В. Штыховым на Верхнем замке в Полоцке, на которой по "серой поливе нанесены цветные кружочки" (Ганецкая І. У., 1995, с. 9).

Приходится признать, что покрытые эмалями изделия с территории Белоруссии XI–XII вв. по сумме признаков, их характеризующих, не подпадают под такую категорию керамических изделий, как майолика.

Учитывая характеристики черепка этих изделий, можно отнести их к терракотам, а способ декорирования позволяет назвать их "поливными изделиями", "покрытыми эмалями изделиями", "покрытыми эмалями терракотами".

XIII–XV вв. названы автором "безмайоликовым периодом", так как исчезает традиция украшать полы и фасады зданий поливными декоративными плитками и археологические материалы, датированные этим временем, не показывают покрытых эмалями изделий. Автор приводит "несколько версий относительно исчезновения некоторых ремесел" (Ганецкая І. У., 1995, с. 25) в это время. Так, отвергая в качестве причины татаро-монгольское нашествие, в силу того что "белорусские города XIII в. не испытали татаро-монгольских набегов" (Ганецкая І. У., 1995, с. 25), и "версию о прекращении импорта цветных металлов в связи с изменением направлений торговых путей" (Ганецкая І. У., 1995, с. 25), автор декларирует, что "исчезновение ремесел, связанных с восточной традицией" (Ганецкая І. У., 1995, с. 26), произошло потому, что "под влиянием целого комплекса внутренних и внешних причин изменяется культурная ориентация белорусских земель с византийской на западноевропейскую" (Ганецкая І. У., 1995, с. 27).

Нам представляется, что без определения характера производства архитектурно-декоративных плиток (и тесно связанного с ним изготовления других изделий по этой технологии), нельзя найти ответ на вопрос, почему это производство прекратилось. Было ли изготовление архитектурно-декоративной керамики самостоятельным производством или мастера, делавшие поливные плитки, смальту для мозаик, входили в состав так называемых дружин (артелей) зодчих, возводивших каменные сооружения? Надо отметить, что время функционирования мастерских по производству декоративных плиток (изготовление других покрытых эмалями изделий тесно и неразрывно связано с этим производством (Ганецкая І. У., 1995, с. 21, 22)) ограничивалось временем сооружения храмов, для украшения которых использовалась эта плитка. Тогда можно сказать, что полоцкая традиция производства поливных плиток прервалась в 80-е годы XII в. после прекращения каменного строительства в городе. Можно предположить, что плиточники входили в состав дружины, принимавшей на себя обязательства по строительству определенных сооружений. Уточнить этот вопрос, вероятно, помогли бы небольшие, но комплексные физико-химические исследования образцов полив и смальты, происходящей из храмов древнего Полоцка.

Отношения этой дружины в лице зодчего с заказчиком в лице князя, фундатора церковного и государственного строительства, до конца неясны. Однако понятно, что при исчезновении заказа исчезала сама возможность осуществлять подобные дорогостоящие проекты. Общепризнано, что эти дружины могли перемещаться по территориям древнерусских

государств и кроме своего мастерства и инструментов привозить и некоторые полуфабрикаты или сырьевые материалы, в частности полуфабрикаты для производства полив (возможно, это были некоторые составляющие фритты, другая часть которых находилась на месте). Секреты производства, вероятно, сохранялись в тайне. Происхождение этих мастеров (если иметь в виду их этническую принадлежность) могло быть как византийским, так и киевским, так как там в это время существовало уже достаточно развитое стеклодельное производство. Приход (приглашение) дружин строителей из разных центров зафиксирован в различных архитектурных стилях сооруженных ими зданий. В частности, гродненские архитектурные памятники XII в. сооружены, похоже, выходцами из Греции. В оформлении фасадов Каложской Борисоглебской церкви в Гродно зафиксирован декоративный прием, характерный для византийской провинциальной (греческой) архитектурной школы: включение в фасад поливных плиток и крестов (Культура Византии..., 1989, с. 519). В Полоцк мастера, по традиционному представлению, приглашались из Киева (Раппопорт П.А., 1986, с. 32). Прекращение с XIII в. использования поливных плиток в строительстве говорит о том, что пресекались не источники сырья для местного производства (торговые связи, ориентированные на западные источники подобного сырья, сохранялись и крепли, в частности торговля с Европой через Ригу, Готский берег и Крулевец (Белоруссия..., 1959, с. 74; 83; Левко О.Н., 1989, с. 18–20, 37–39)), а исчез источник мастерства. Одну из причин можно видеть в татаро-монгольском нашествии, последствия которого, выразившееся в нашем случае в прерывании киевской стеклоделательной традиции, привели к исчезновению производства "на месте" поливных плиток в городах на территории Белоруссии.

Изменение культурной ориентации не повлияло на развитие местных ремесел, в частности на изготовление гончарной посуды, как отмечено автором (Ганецкая І. У., 1995, с. 26). Следовательно, к XIII в. изготовление поливных изделий не успело перерасти в местную ремесленную традицию, а представляло ремесленное производство изделий на месте.

Вторая часть книги посвящена производству майолики в Белоруссии в XVI–XVIII вв. "Возобновление майоликового производства" автор связывает со "знакомством с лучшими образцами западноевропейского керамического искусства, в частности с итальянскими майоликами" (Ганецкая І. У., 1995, с. 28). Как основа для данного утверждения приводятся находки двух фрагментов изделий, отнесенных автором к итальянской майолике. "Решающую роль в переносе майоликовой технологии сыграли династические контакты" (Ганецкая І. У., 1995, с. 30).

В керамическом материале XVI в. выявляются значительные изменения как в формообразовании, так и в приемах обработки поверхности, часть из которых вызвана, несомненно, расширением культурных контактов с Европой. В ряду этих контактов – экономические связи, военные конфликты, миграционные процессы, и сомнительно, чтобы только "династические контакты" (впрочем, не совсем понятно, что автор вкладывает в это понятие) сыграли решающую роль в переносе майоликовой технологии. Бесспорны торговые контакты внутри средневековой Европы; перемещение товаров, особенно предметов роскоши, было обычным явлением, и выявление большого числа фрагментов майолики в замковых комплексах свидетельствует скорее о цене изделий (ведь и в Италии изделия из майолики были принадлежностью патрицианского быта), чем о династических контактах.

Являются ли находки майоликовых изделий в Белоруссии единичными или это массовый материал? Ответить на этот вопрос можно, если использовать данные, опубликованные в книге И.В. Ганецкой, однако надо иметь в виду, что не все отнесенные ею к майолике материалы можно считать таковыми. Взяв за основу определение, сформулированное выше, мы оставим за границами рассмотрения изделия, покрытые эмалью одного цвета или расписанные эмалями. Этот технологический прием декоративного оформления поверхности, имеющий достаточно широкие хронологические и географические рамки бытования, не относится к особенностям собственно майоликовых изделий.

Итак, как майолику мы определим изделия с фаянсовым черепком, декорированные "росписью по эмали" (Ганецкая І. У., 1995, с. 34), оставив за рамками рассмотрения изделия, где использованы "смешанные технологии" нанесения полив (Ганецкая І. У., 1995, с. 31), "роспись эмалями" (Ганецкая І. У., 1995, с. 31), "монохромия" (Ганецкая І. У., 1995, с. 36–38). Кстати, если рассмотреть группу изделий, по приему нанесения полив отнесенных автором к типу "монохромия", то выяснится, что там оказались изделия, поверхность которых покрыта "эмалями одного тона: желтого, бирюзового, белого". Однако в литературе принято "монохромной" называть майолику, которая расписана краской одного цвета, при этом цвет фоновой поверхности не учитывается. Можно принять это замечание в качестве еще одного

подтверждения некоторой неправомерности расширения используемого автором детерминатива.

Немного внимания уделено керамической массе изделий. Для XVI – первой половины XVII в. отмечено только, что "большая часть полихромных сосудов сформована из красных глин (70,4%), меньшая часть – из светлых (как правило, это куфли, похожие один на другой формами, техникой и сталистикой орнаментации, что дает возможность думать о происхождении их из одного центра)" (Ганецкая І. У., 1995, с. 51). Продукция второй половины XVII–XVIII в. по качеству формовочной массы поделена автором на две группы: "а) изделия из хорошо отмученной глины со значительными примесями мелко- и среднезернистого песка, имеют черепок красного цвета...; б) изделия, сформованные из маложелезистых, хорошо очищенных глин, которые дали после обжига пористый черепок желтого, желтовато-розового, розового цветов, близкий по своему качеству к фаянсовому" (Ганецкая І. У., 1995, с. 55). Итак, очевидно, что среди поливной продукции, обозначенной в книге как майолика, выделяются по составу формовочной массы две различающиеся группы изделий. Остались практически невостребованными автором опубликованные в виде приложения (Ганецкая І. У., 1995, с. 80–83) результаты петрографического исследования археологической керамики XII–XVIII вв., проведенные сотрудником лаборатории физико-химических методов исследования "Белреставрации" Т.И. Левковой, где описаны особенности использования глинистого сырья, некоторые особенности технологии подготовки формовочной массы и режима обжига изделий из красножгущейся глины. Изделия из фаянсовой массы выделяются в особую группу изделий, которые характеризуются "специальным, достаточно сложным характером формовочной массы и высокотемпературным обжигом" (Ганецкая І. У., 1995, с. 83).

Учитывая все вышесказанное, можно констатировать, что такая категория керамических изделий, как майолика, присутствует в материалах раскопок, однако скорее в единичных экземплярах.

Вопрос о месте изготовления майоликовых изделий, фрагменты которых обнаружены в раскопках на территории Белоруссии, рассмотрен в книге И.В. Ганецкой и решен в пользу их местного производства. В качестве обоснования своего предположения автор приводит коллекцию изразцов с эмалевым покрытием, происходящую с территории замкового комплекса в Городке (владение Радзивиллов (Ганецкая І. У., 1995, с. 39). Не принимая тезиса автора об отнесении этой группы керамических изделий к майолике, остановимся, однако, на этом примере. "Морфологический, стилистический анализ, технологические особенности, необычайная близость сюжетов некоторых экземпляров к виленским" (Ганецкая І. У., 1995, с. 39), отмеченные автором, не только "дают право датировать эту коллекцию 20–30-ми годами XVI в." (Ганецкая І. У., 1995, с. 39), но и позволяют предполагать приглашение в княжескую резиденцию той же группы мастеров, которая трудилась в Вильно. Однако можно ли считать местным производством изготовление на заказ приезжими мастерами с использованием привезенных технологий, а возможно, и привезенных инструментов и материалов? Бесспорно существование практики приглашения ремесленников от одного двора к другому, при этом государственные границы не были непреодолимым препятствием. Мастера налаживали производство на новом месте, обычно привозя с собой не только технологии и инструменты, но и главные компоненты сырья. Находки изразцов с эмалевым покрытием, датированные XVI в., связаны в основном с замковыми комплексами, безусловным доказательством определения которых для этого времени они являются.

Широкое распространение изразцов с эмалевым покрытием характерно на территории Белоруссии для конца XVI–XVII вв. При условии широкого распространения технологических новшеств можно предполагать массовость их носителей: не одиночки ремесленники, а большие группы ремесленного населения должны быть вовлечены в миграционный процесс, для того чтобы привнесенные ими новые технологии прижились и получили широкое распространение на новом месте. Такими группами исходили из Германии евреи, гонимые волной религиозной нетерпимости, в середине – второй половине XVI в., принеся с собой определенные технологические приемы изготовления мореной керамики на территорию Белоруссии (Зайцева О.Е., Синчук И.И., 1983, с. 17, 19). Наложившись на существующие у местного населения традиции керамического производства, привнесенные мигрантами элементы через определенное время становятся трудно вычленяемыми. Однако существует момент, и он вполне уловим на археологическом материале, когда ассимиляционный процесс только начался, и еще в достаточной степени сохраняются особенности прежней культурной традиции. Причем в случаях с повторяющейся миграцией нужно помнить, что процесс образования диаспоры в принимающих государствах проходит в условиях глубоких ассимиляционных процессов и при

новом переселении следует говорить о тождественности ряда элементов материальной культуры мигрантов материальной культуре прежней страны обитания.

В XVII в. изготовление изразцов с эмалевым покрытием было уже принадлежностью технологии белорусского керамического производства, подтверждением чему может служить известный факт переселения белорусских мастеров-ценинников в Московское государство в середине XVII в.

Другой факт, подтверждающий местное производство майолики, приведен для времени конца XVII–начала XVIII в. В Молодечно была обнаружена "бракованная майоликовая тарелка с кобальтовой росписью по белой эмали", датированная автором концом XVII–началом XVIII в. (Ганецкая І. У., 1995, с. 62). Она была обнаружена в яме для брака вместе с бракованными полихромными изразцами. Бесспорным доказательством местного изготовления служит обнаружение бракованного изделия вместе с фрагментами бракованных изделий явно местного производства. Однако можно ли квалифицировать "тарелку с кобальтовой росписью по белой эмали" конца XVII–начала XVIII в. как майолику? И.В. Ганецкая не сообщает дополнительно ни о характеристиках черепка изделия, ни о том, в каком составе находился кобальт для росписи. Но ведь в это время европейские приоритеты в области художественной керамики перешли к делфтскому фаянсу, где использовалась именно эта цветовая гамма.

Итак, в целом представляется достаточно спорным вопрос о местном характере производства майолики, хотя вполне допустимо существование нескольких мастерских, использующих эту технологию при условии наличия местного сырья (к фактам, затрудняющим подобное производство, относится отсутствие каолинитовых глин на территории Белоруссии). Однако широкого распространения и местного развития эта технология, видимо, не получила.

В разделе "Организация производства, технология и реализация продукции" рассмотрены различные вопросы, касающиеся производства майолики. Характер производства майолики в XVI – начале XVII в. определен как производство на заказ, в XVII в. – как производство на рынок (Ганецкая І. У., 1995, с. 59, 60). Определяются те категории ремесленников, которые могли заниматься изготовлением майолики: "Производством майоликовых изделий в XVI–XVIII вв. могли заниматься все категории ремесленников: частновладельческие, монастырские, цеховые и нецеховые" (Ганецкая І. У., 1995, с. 61). Однако изготовление "майолики" (в понимании автора) не было обособленным производством, о чем свидетельствует "существование во многих местах терракотовых, зеленополивных и майоликовых изразцов, которые оттиснуты в одних матрицах. Нередко находим пятна эмалей на румпах терракотовых и зеленых экземпляров, что свидетельствует об их совместном обжиге с полихромными. В ассортименте и формах сосудов очевидное совпадение соответственно поливных и эмалевых изделий" (Ганецкая І. У., 1995, с. 62). По нашему мнению, это свидетельствует о том, что изделия, покрытые эмалями, не выделялись в отдельную технологическую группу керамических изделий, каковой является майолика. "Разделение труда между гончарами и мастерами, которые владели технологией майолики, не нашло своего отражения и в названиях ремесленных специальностей" (Ганецкая І. У., 1995, с. 62). Это, по нашему мнению, говорит о том, что производство данного вида керамики не носило местного характера. Ведь, к примеру, в России XVII в. существуют термины "ценина", "ценинник". По утверждению М.Г. Рабиновича, в XVII в. "русские гончары освоили технику изготовления поливных ценинных сосудов, среди которых преобладали горшки, но много было кувшинов и иной столовой посуды" (Рабинович М.Г., 1988, с. 258). Возможно, сначала термин "ценина" относился ко всем покрытым эмалями изделиям, а позже перешел на майолику и фаянс. Известно, что в 1747 г. барон Черкасов не разрешил Ивану Гребенщикову превращать "ценинную" фабрику в "порцелинную" (завод Гребенщикова изготовлял майоликовую и фаянсовую продукцию из гжельских глин) (Черный Н.В., 1970, с. 14).

В разделе проводится анализ химического состава эмалей, использовавшихся в производстве поливных изделий. Отмечен важный момент в технологии росписи цветными эмалями, который давал возможность исключить смешивание и затекание полив одна на другую, – разная температура растекания полив разного цвета на одном изделии. Исходным постулатом служит следующее утверждение: "В качестве тапинников вместе с окислом свинца использовали поташ и соду. От их соотношения в составе полив зависела температура растекания поливы" (Ганецкая І. У., 1995, с. 64).

Непонятна этимология термина "тапіннік", использующегося то по отношению к стеклообразующим (поташ, сода), то к составляющим фракциям стекла (оксид свинца). Термин вводится впервые, поэтому было бы вполне уместно раскрытие его содержания. В специальной литературе приняты такие определения, как "главные стеклообразующие" для природных или

искусственно полученных сырьевых материалов, применяемых в стекловарении (Ланцетти А.Г., Нестеренко М.И., 1987, с. 17), "легкоплавкие фракции стекла" для некоторых химических составляющих стекла (Щапова Ю.Л., 1989, с. 41), "плави" для обозначения щелочных составляющих (Ткачукова Г.В., 1980, с. 122). В польской археологической литературе употребляется термин "topnik" по отношению к "оксидам свинца, калия и натрия", которые, входя в химический состав поливы в соответствующей пропорции, определяли температуру размягчения и растекания полив во время обжига (Danbrowska M., 1987, s. 206, 208).

Итак, сырьевые материалы, содержащиеся во фритте (свинцовый глет, песок, глина и зола), переходят в поливу в виде оксидов свинца (PbO), кремния (SiO_2), алюминия (Al_2O_3), щелочных оксидов (Na_2O, K_2O), оксидов кальция (CaO), магния (MgO) и железа (Fe_2O_3). Некоторые составляющие оксиды (PbO, Na_2O, K_2O) делают стекло более легкоплавким (Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л., 1987, с. 25).

Далее нами использованы данные, полученные при количественном спектральном анализе полив, проведенном В.А. Галибиным в лаборатории спектрального анализа Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, и опубликованные в Приложении в книге И.В. Ганецкой (Ганецкая І. У., 1995, табл. 1). К сожалению, отсутствие описаний исследованных образцов в принятом порядке затрудняет работу с результатами (не отмечено, взяты ли пробы на одной или на разных находках с одного памятника; если пробы взяты с фрагмента одного изделия, то в случае использования рельефа, какая из полив организует фон, и т.д.).

В исследованных образцах сырьевой основой фритты являлись свинцовый глет, песок и глина, присутствие Na_2O в количествах, меньших единицы, не позволяет говорить об использовании соды в качестве стеклообразующего, а отсутствие K_2O в более чем 50% подвергнутых спектральному анализу образцов (в остальных случаях значения процентного содержания K_2O укладываются в интервал 2,4–3,9% (99% образцов) при полимодальном распределении 2,9; 3,3; 3,6%) – об использовании поташа (см. Приложение, табл. 1, с. 84–87).

Поскольку у нас присутствует только высокосвинцовое стекло (процентное содержание оксида свинца для изразцов укладывается в интервал от 17 до 50% (95% образцов) с модальным распределением 35%, а для посуды – в интервал от 17 от 38% (88% образцов) с модальным распределением 37%), то особенности этого составляющего, его достаточность в процессе стеклообразования, его различающееся процентное содержание в поливах, образующих фон и рисунок, а также минимальность содержащихся в стеклянной массе щелочных составляющих (Na_2O и K_2O), по нашему мнению, позволяют не принимать во внимание их соотношения. Такое соотношение могло быть существенным в случае, когда процентное содержание оксида свинца являлось постоянным во всех нанесенных поливах, но таких случаев не отмечено ни по материалам из белорусских городов, ни по польским материалам (см. Ганецкая І. У., 1995, табл. 1; Danbrowska M., 1987, tabl. 1). Лишь в одном случае при исследовании образца (пробы 17a, b, c/380) из раскопок в Варшаве отмечено такое совпадение, но следует отметить, что принятая точность расчета 40–50% может скрывать существующую разницу (Danbrowska M., 1987, tabl. 1).

Итак, температура растекания в наших примерах зависит, вероятнее всего, от процентного содержания оксида свинца в поливе, что подтверждается значительным колебанием его содержания в эмалях фона и рисунка.

Несколько непонятен прием, использовавшийся И.В. Ганецкой и заключающийся в складывании процентного содержания оксида свинца с процентным содержанием щелочных составляющих. Используемые при расчете данные определены с разной степенью точности: процентное содержание оксидов свинца – до целых, оксидов калия – до десятых и оксидов натрия – до сотых долей процента (точность отличается на три (!) порядка). Впрочем, попытки просчитать вслед за автором "минимальную и максимальную разницу в количестве топинников" к совпадению результатов не привели. Например, если следовать указаниям, что "минимальная разница в количестве топинников составляет 2,4% (№ 10а и 10б)", и отнять от 34,22 (образец № 10б в табл. 7) 26,04 (образец № 10а в табл. 7), то получим 8,18, а приведенная разница в 2,4 получается при сравнении результатов по образцам № 10б и 10в (Ганецкая І. У., 1995, с. 65). Подобная небрежность снижает доверие к приведенным в книге расчетам.

Кроме того, определение соотношения, декларированное автором, – это совсем другая математическая операция, в основе которой лежит арифметическое действие деления.

Этот расчет произведен со ссылкой на исследования польских ученых, однако приходится отметить, что в польских исследованиях применена другая методика (Danbrowska M., 1987, s. 206, 208), которая заключается в определении отношения "топников" в поливах, разнорасположенных на рельефе (исследуются полихромные рельефные изразцы). Т.е., если

сравнить процентное содержание щелочных составляющих K_2O и Na_2O из разных полив одного образца, качество которого отвечает стандартам: поливы лежат ровно, без затеков и смешения, то "удовлетворительный эффект достигнут в случаях, когда пропорции в содержании щелочей составляют 1:1,5 в пользу полив, которые предполагается сплавлять в более низкой температуре. Отмечено тогда одновременное несколько увеличенное присутствие оксида свинца (1:1,15:1,28)". Следует отметить, что принятая в польских исследованиях точность в определении процентного содержания оксида свинца (приблизительно 50%, 40–50, 50–60, более 50%) не позволяет полностью доверять результатам этих расчетов (Danbrowska, M., 1987, tabl. 1).

Остается предположить, что И.В. Ганецкой был использован некачественный перевод с польского некоторых положений из книги М. Донбровской "Изразцы и изразцовые печи в Польше до конца XVIII века". Представляется, что результатом этого явилось и следующее заявление: "Разница примерно в 100° С достаточна, чтобы избежать отрицательных технологических эффектов". Для доказательства приводится часть таблицы из упомянутой книги. Действительно, разница между температурами растекания синей и белой полив на приведенных фрагментах не менее 100° С. Однако в книге М. Донбровской отмечено, что на одном из упомянутых образцов – фрагменте из Тикоцина первой половины XVII в. (пробы 6a/369, 6b/369 по нумерации М. Донбровской) – "установлено смешение белой поливы с рельефа с синим фоном" (Danbrowska M., 1987, s. 208), хотя разница в температурах растекания составляет 100° С. Очевидно, что разница в температурах растекания должна быть в направлении увеличения от фона к рисунку, а не наоборот, как в упомянутом фрагменте. Что же касается ее абсолютных показателей, то она может колебаться в пределах от 100 до 300° С.

Для того чтобы получить эмаль соответствующего цвета, используются красители. Автор книги предлагает следующие варианты для создания цветных эмалей XVI–XVIII вв.: "Существовало несколько вариантов окрашивания в зеленый цвет: окислом меди или трехкомпонентной комбинацией окислов меди, свинца, сурьмы" (Ганецкая І. У., 1995, с. 63). Однако при рассмотрении данных, полученных при спектральном анализе полив, выясняется, что красителем в зеленых поливах выступают оксиды железа (50% образцов зеленой поливы), меди (30% образцов зеленой поливы) или их сочетание (рецептурная норма в пропорциях Fe_2O_3 – 1,2%, и CuO – 0,5% при PbO – 34%). "Окрашивание в желтый цвет достигалось двумя способами: при помощи окиси железа, что обычно для XVI–XVIII вв., и путем комбинации окисей свинца и сурьмы, что характерно для более ранних эмалей ...". Судя по приведенным данным, для окрашивания полив в желтый цвет использовался оксид сурьмы (в пяти из шести исследованных образцов полихромных изразцов и только в одном из пяти исследованных образцов посуды), в других случаях красителем выступал оксид железа в сочетании с оксидом свинца (Щапова Ю.И., 1983, с. 35).

В целом можно заключить, что сегодня в археологии складывается научный аппарат, включающий естественнонаучные методы исследований и объективные методики интерпретации результатов этих исследований. В книге И.В. Ганецкой сделана попытка применить результаты этих исследований, чему помешало, видимо, не совсем верно выбранное основание для классификации исследуемых изделий, что изначально привело к порокам в системе упорядочения и дальнейшего исследования материала. Среди несомненных достоинств книги следует отметить включение в научный оборот нового археологического материала и опубликование результатов его физико-химических исследований.

Государственная инспекция
по охране культурного наследия,
Минск

О.Е. Зайцева

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археалогія і нумізматыка Беларусі, 1993. Мінск.
Белоруссия в эпоху феодализма, 1959. Т. 1. Минск.
Большая иллюстрированная энциклопедия древностей, 1983. Прага.
Большая Советская энциклопедия, 1973. Т. 12. М.
Большая Советская энциклопедия, 1974. Т. 15. М.
Ганецкая І.У., 1995. Маёліка на Беларусі XI–XVIII стст. Мінск.
Зайцева О.Е., Синчук И.И., 1993. Дымленая посуда XV–XIX вв. из г. Несвижа // Тез. конф. "Проблемы развития еврейской культуры на Беларуси". Минск, 2–3 апреля 1993 г. Минск.

Культура Византии, вторая половина VII–XII вв., 1989. М.
Ланцетти А.Г., Нестеренко М.Л. 1987. Изготовление художественного стекла. М.
Левко О.Н., 1989. Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. Минск.
Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.
Раппопорт П.А., 1986. Зодчество Древней Руси. Л.
Ткачукова Г.В., 1980. Исследование и реставрация художественных эмалей // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. Т. 6 (36). Л.
Щапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.
Щапова Ю.Л., 1989. Стеклоделие древности как исторический источник // Тр. XV междунар. конгр. по стеклу. Археометрия. М.
Черный Н.В., 1970. Фарфор Вербилок. Из истории русского и советского фарфора. М.
Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі, 1986. Т. 3. Мінск.
Boas J., Adrian, 1994. The import of Western Ceramics to the Latin Kindon of Jerusalem // Israel Explorat. J. V. 44. N 1–2.
Danbrowska M., 1987. Kafle i piece kaflowe w Polsce do konca XVIII wieku. Wroclaw; Warszawa.
Mieroslawski M., 1979. Pseudomajolika XVI–XVII wieku z Zamku Krolewskiego w Warszawie // Rocznic Warszawski. T. XV. Warszawa.
Nouveau Larousse Universel, 1949. T. 2. Paris.
Supryn M., 1975. Polmajolikowa ceramica z Jaroslawia // Wiadomosci Archeologiczne. T. XL.
Szetela-Zauchowa T., 1994. Miechocin. Nowozytny osrodex garncarski // Garncarstwo i kaflarstwo na ziemach polskich od poznego srediowiecza do czasow wspolczesnych. Materialy z konferencji. Rzeszow, 21–23. IX. 1993. Rzeszow.
Vydrova J., 1973. Italska majolika v ceskoslovenskych sbirkach. Praha.

Хроника

АРХЕОЛОГИЯ В ЛИТВЕ В 1991–1996 гг.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Предпосылки развития. После распада Советского Союза в 1991 г. Литва во второй раз в XX в. обрела независимость. Археология как наука, изучающая древнейшее прошлое человечества, была одной из наименее политизированных гуманитарных наук. Коренным образом ей самой меняться было незачем. За происшедшие в последние 6 лет изменения в археологии в большинстве случаев обусловлены общими внутригосударственными изменениями, нежели потребностями науки. Другая мощная тенденция, которая действовала на протяжении последних 6 лет и продолжает действовать, – это наследие с времен первой Республики Литва (1918–1940). Именно в это время сформировалась национальная школа археологии, часть представителей которой (П. Куликаускас, Р. Волкайте-Куликаускене, Р. Римантене) успешно работала в советское время и продолжает работать сейчас. Вторая Литовская Республика (с 1991 г.) в своей внутренней жизни вообще старается продолжить начатое до ее включения в состав Советского Союза в 1940 г. и в этом отношении положение современной литовской археологии тоже претерпело некоторые изменения. Третья реальность, которая тоже сильно влияет на положение современной литовской археологии – это важное наследие научных разработок, оставшееся с советского времени. Основные учреждения, кадры, издания, система охраны памятников археологии возникли в это время, что в наши дни является солидным фундаментом для литовской археологии XXI в. Таковы в общем предпосылки развития археологии в Литве в наше время.

Общие принципы работы. Принципы взаимодействия разных археологических институций установились в советское время и за прошедшее 6 лет лишь обновляются и совершенствуются. Всю литовскую археологию можно грубо поделить на две части: научную и прикладную. Археологические исследования примерно на одну десятую часть финансируются из государственного бюджета. Главным образом это хозрасчетные или спасательные раскопки, полевые практики студентов, раскопки сотрудников музеев для пополнения своих фондов. Такие работы лишь накапливают материалы для будущих научных исследований, а возможность их использования в непосредственно научных целях определяется самим исследователем. Научная сторона подготавливаемых отчетов контролируется слегка модифицированной системой советских времен, при которой разрешения (на основе ранее существовавших Открытых листов) выдает Отдел археологии Института истории Литвы. Это Разрешение регистрируется в центральном учреждении по охране памятников культуры и в местном самоуправлении. Получив такое Разрешение, исследователь обязан в течение одного года предоставить полный отчет обо всех раскопках и разведках, проводившихся за этот год, в Отдел археологии. Отчет подготавливается по "Общим требованиям по производству археологических раскопок и отчету за них", принятым в 1991 г. на базе существовавших советских методических указаний и доступного тогда зарубежного опыта. С начала 1996 г. усилием Департамента охраны культурных ценностей этот порядок сделан более бюрократичным и громоздким. Само разрешение состоит из двух частей, одна из которых, по отношению конкретного объекта, заполняется в департаменте. За Отделом археологии осталось право контролировать общую отчетность и выдавать Разрешения на производство раскопок в течение года на определенных видах археологических объектов.

Найденные в ходе разведок и раскопок археологические материалы в течение года сдается в местные или центральные музеи (право выбора остается за исследователем). Весь остеологический материал тоже собирается и сдается на вечное хранение в соответствующие учреждения: человеческие кости – в Лабораторию антропологии Медицинского факультета Вильнюсского университета, кости млекопитающих, птиц, рыб – в Академию ветеринарии.

В республике действует единая система присвоения научных степеней, которая была введена в 1993 г., и имеет две градации: доктор гуманитарных наук соответствует советскому кандидату исторических наук, а габилитированный доктор – бывшему доктору. Все полученные научные степени в советское время по

© Г. Забела, 1998 г.

археологической тематике в 1993 г. были нострифицированы (признаны). Теперь право на присуждение научных степеней по работам в области археологии имеет два учреждения: Вильнюсский и Каунасский университеты.

Учреждения. Археологию конца XX века продвигает вперед главным образом хорошо поставленная система археологических учреждений. За прошедшие 6 лет она претерпела большие преобразования и сменилась системой независимых учреждений, специализирующейся на изучении какой-то одной группы вопросов. Ведущей научной организации не стало, а археологов на чисто добровольной основе теперь объединяет Литовское археологическое общество.

Самой многочисленной и в научном отношении плодотворной организацией остается Отдел археологии Института истории Литвы (до 1990 г. – Институт истории АН). Руководителем отдела до конца 1994 г. был В. Казакявичюс, теперь им руководит автор этой статьи. В 1996 г. в Отделе работало 18 научных работников, в числе которых 12 научных сотрудников (в 1991 г. – соответственно 22 и 16). В 1996 году в отделе работало два габилитированных доктора (Л. Вайткунскене и Р. Римантене), пять докторов (Г. Забела, В. Казакявичюс, Э. Святикас, Й. Станкус, С. Урбанавичене). С советского времени в отделе существовал сектор хозрасчетных работ, где в 1991 г. в нем работало пять научных сотрудников. В связи с кризисом в капитальном строительстве в 1992 г. он был преобразован в хозрасчетный сектор исследования замков. В отделе существует архив археологической документации, в котором в 1996 г. хранилось более 2500 отчетов о проведенных раскопках и разведках в Литве в XX веке, около 12 000 единиц оригиналов рисунков и чертежей, около 70 000 единиц черно-белых фотонегативов и несколько тысяч фотографий с этих раскопков. Этот архив является самым большим хранилищем археологической информации в Литве. Ежегодно его услугами пользуется около 200 читателей: археологи, студенты, краеведы. В 1996 г. учрежден Отдел рукописей института, в который в будущем войдет и археологический архив. За прошедшие 6 лет ряд специалистов из отдела археологии перешел в другие учреждения, что, несомненно, способствовало их укреплению. Ученые отдела работают над одной темой "Культура дохристианской Литвы" (1992–1996 гг.), в рамках которой проводятся полевые работы (до 10 экспедиций в год) и специальные научные изыскания. Главные научные направления отдела археологии – неолит, железный век и средневековый период.

Второе по величине и научной значимости археологическое учреждение – это Кафедра археологии Исторического факультета Вильнюсского университета. Кафедрой руководит М. Михельбертас. Здесь в 1996 г. работало семь сотрудников, не считая докторантов. В 1991 г. на тогдашней Кафедре археологии и этнографии работали лишь два сотрудника. В 1993 г. была образована отдельная Кафедра археологии, которая с 1994 г. принимает на докторантские студии, что примерно соответствует прежней аспирантуре. В 1996 г. здесь обучалось семь чел. На Кафедре работают профессор, габилитированный доктор М. Михельбертас, доцент доктор А. Лухтан, а также три преподавателя доктора А. Кунцявичюс, А. Мяркявичюс, В. Шименас. Главное направление деятельности Кафедры – подготовка будущих археологов. С 1993 г. существует отдельная специальность археологии (до этого была лишь специализация). Кафедра проводит тренировочные раскопки (до пяти экспедиций в год), подготавливает научно-методическую литературу для студентов. Главные направления научной деятельности ученых кафедры – бронзовый век и ранний-поздний железный век.

Третье археологическое учреждение, возникшее уже в наши дни, это Центр по исследованию замков "Литовские замки". Он был образован как самостоятельная организация в 1993 г. на месте Сектора исследования Нижнего замка в Вильнюсе Института истории Литвы. Директором центра является В. Урбанавичюс. В 1996 г. в нем работало около 30 чел.: археологов, историков, архитекторов, музееведов, реставраторов, строителей. Собственно археологов в нем работает семь сотрудников, один из которых – габилитированный доктор (В. Урбанавичюс), два доктора (И. Вашкявичюте, А. Таутавичюс). Главная задача Центра – исследование остатков Нижнего замка в Вильнюсе. Археологические раскопки здесь ведутся с 1987 г. в связи со строительством Музея дружбы народов. До 1996 г. включительно исследовано около 70% всей территории. Раскопки Нижнего замка, финансируемые из бюджета, стали важнейшими археологическими раскопками за последние 10 лет. Наряду с этими работами, Центр проводит небольшие раскопки в каменном замке Мядининкай и в ближайших окрестностях Нижнего замка.

Другие учреждения или организации, занимающиеся археологией, трудно выстроить в один ряд по их значимости. Они как обычно работают в каком-то одном направлении и объединяют несколько археологов. В Центре культурного наследия (в советское время – Научно-методический совет по охране памятников культуры) работает семь археологов (здесь и далее – данные на 1996 г.), среди которых один доктор (А. Гирининкас). Они разведуют и раскапывают малоизученные или разрушаемые памятники археологии, составляют и уточняют списки этих памятников. Аналогичная ситуация – в Отделе археологии Национального музея Литвы (бывший Историко-этнографический музей в Вильнюсе), где работает тоже семь археологов, среди которых один доктор (В. Юодагальвис). Эти археологи являются ведущими музееведами в республике в области музеефикации археологических находок.

Хозрасчетными раскопками в исторических центрах старых городов (в основном в Вильнюсе и Каунасе)

занимаются три самостоятельных учреждения, возникших на базе существовавшего в советское время Института реставрации и проектирования памятников. Это группа археологов в Вильнюсском отделе Института реставрации памятников (7 сотрудников, рук. В. Рашкаускас), группа "Антиква" в Вильнюсе (4 сотрудника, руководитель К. Каталинас), группа археологов в Каунасском отделе Института реставрации памятников (5 сотрудников, рук. А. Жалнерюс). Специалисты в области археологии работают в системе охраны археологических памятников, а также в музеях республики: в Военном музее Витаутаса Великого в Каунасе, Биржайском краеведческом музее "Села", Кэдайнском краеведческом музее, Кярнавском государственном резерватном музее археологии и истории, Паневежском краеведческом, Тракайском историческом, Утянском краеведческом музеях, Швянчёнском музее "Нальшя", в Шяуляйском музее "Аушра" и Жемайтском музее "Алка" в Тяльшяй, в Музее истории Малой Литвы (Й. Гянис). Кроме того, специалисты в области археологии имеются в Педагогическом университете (Е. Йовайша), в Центре истории Западной Литвы и Пруссии (В. Жулкус).

Кадры. Во всех учреждениях и организациях в 1996 г. можно было насчитать около 75 археологов. Ещё более десятка археологов находится на пенсии или работают на другой работе, а археологией занимается лишь на досуге. В общем в Литве на 1996 г. было около 90 археологов. С 1989 г. их объединяет Литовское археологическое общество – юридическое лицо со своей символикой, уставом, удостоверением, счетом в банке. Общество является добровольной организацией, ставящей своей целью координацию действий всех археологов республики, празднование памятных дат и юбилеев. До 1993 г. Председателем общества был М. Михельбертас, теперь – А. Кунцявичюс.

Работающие археологи хотя и неравномерно, но заполняют своими исследованиями всю хронологическую шкалу литовской доистории и исторического периода начиная с конца палеолита (X тыс. до н.э.) и кончая поздним средневековьем (XVIII в.). Большинство из них занимается средневековым городом, многие изучают могильники железного века и средневековья, неолитические поселения. По образованию литовские археологи в большинстве своем являются выпускниками Вильнюсского университета. С 1994 г. на специальность "археология" здесь принимают 10 чел. ежегодно. Для научного роста молодых археологов при Кафедре археологии в Вильнюсском университете существует 4-летняя докторантура. Сами диссертации можно подготовить и защитить заочным путем, сдав девять обязательных экзаменов. После распада общесоюзной системы по предоставлению научных степеней (ВАК) до 1993 г. диссертации по археологической тематике в Литве не защищались. 1993 г. явился самым "урожайным" годом для археологов Литвы по числу защищенных диссертаций. Тогда были защищены две габилитированные: (Л. Вайткунскене. "Западные жемайты в железном веке: культура и этносоциальная история" и В. Урбанавичюс "Литовское язычество и ее реликты в XIII – XVI веках" и семь докторских диссертаций (И. Вашкявичюте "Материальная и духовная культура южных земгалов в V – XII веках", Й. Гянис "Города в Западной Литве в XI – XVII в.", Г. Забела "Деревянные замки Литвы в XI – начале XV века (по данным археологии)", А. Кунцявичюс "Изразцы Нижнего замка в Вильнюсе", А. Мяркявичюс "Погребальные памятники и обряд захоронения в Литве в бронзовом и раннем железном веках", Э. Святикас "Перстни и монеты в могилах XIV–XVII в. Типология и хронология", С. Урбанавичене "Праздничная одежда сельского населения Литвы в конце XIV–XVII в."). В 1994 г. докторскую диссертацию на тему "Этнокультурные процессы в Западной Литве в середине I тысячелетия н.э." защитил В. Шименас, в 1995 г. – В. Юодагальвис по теме "Занеманье в конце каменного – начале бронзового веков". В 1996 г. велась работа над 10 докторскими и 2 габилитированными диссертациями. Научные работы Р. Римантене в 1994 г. были отмечены Национальной премией.

Прошедшие 6 лет не обошлись и без потерь. Археологическая наука потеряла шестерых своих представителей. В 1991 г. умерли В. Ушинскас и И. Яблонскис, погиб Л. Дзикас, в 1993 г. – К. Мякас, в 1994 г. Л. Мурникайте и М. Гимбутене, известная в научном мире как М. Гимбутас. С 1944 г. она работала на Западе (главным образом в США), где ее работы получили всемирное признание. Тем не менее в последние годы жизни М. Гимбутене неоднократно приезжала в Литву и широко общалась с литовскими археологами.

Раскопки и разведки. Археология немыслима без полевых работ. За прошедшие 6 лет археологические раскопки проводились примерно на 300 объектах. Самым урожайным был 1994 г., когда археологи работали в 185 местах. Большинство из этих раскопок носило разведывательный или прикладной характер и было небольшим по объему (до нескольких десятков квадратных метров). В чисто научных целях в год проводилось не более 10 раскопок значительных масштабов, главным образом за счет средств Института истории Литвы. Важнейшие из них – раскопки могильников Гянчай (рук. Й. Станкус) в 1983 – 1996 гг., Кальнишкяй (рук. В. Казакявичюс) в 1985 – 1996 гг. и Кярнаве – Кривяйкишкяй (рук. Г. Вэлюс) в 1994 – 1996 гг., замчища и селища Сянейи Тракай (рук. А. Кунцявичюс) в 1994 – 1996 гг., городища Щяйминишкеляй (рук. Г. Забела) в 1990–1996 гг. Примерно пять экспедиций в год проводится в целях обучения студентов, большинство из них финансируется Вильнюсским университетом. Важнейшими из них являются раскопки могильников Дауглаукис (рук. Э. Йовайша) в 1983 – 1995 гг. и Кярнаве (руководитель А. Лухтан) в 1989 – 1996 гг., курганного могильника Парагаудис (руководитель М. Михельбертас) в 1982–1992 гг.

Самыми большими по объему проводимых работ и количеству добываемого материала являются хозрасчетные археологические раскопки. Правда, их число из года в год уменьшается. Важнейшими из них являются раскопки неукрепленных селищ Бакшяй (рук. В. Стяпонайтис) и Лепоряй (рук. Б. Салаткене) в 1992 – 1996 гг., могильника Марвяле (рук. А. Астраускас) в 1991 – 1996 гг., Нижнего замка в Вильнюсе (рук. В. Урбанавичюс) в 1987 – 1996 годах. С 1987 г. проводятся спасательные раскопки на городищах, подвергающихся естественному разрушению, финансируемые органами охраны памятников. В 1987 и 1993 гг., в частности, исследовано городище Антатильчяй II, а в 1994 – 1995 гг. раскопано городище Довайнонис (рук. в обоих случаях Г. Забела). С 1993 г. более широко исследуются объекты с неясной археологической ценностью. Для исследования городских слоев эпохи средневековья на протяжении шести лет было заложено примерно 150 раскопов в Аникщяе, Биржае, Вильнюсе, Йонишкисе, Каунасе, Клайпеде, Крятинге, Кэдайняе, Молетае, Тяльшяе, Тракае, Укмярге, Шилуте, Юрбаркасе.

Более сложная обстановка сложилась с археологическими разведками. Хотя территория Литвы обследована археологами довольно хорошо, она еще таит много неизвестных науке археологических памятников. Об этом свидетельствует и такой факт, что пока еще каждый год в Литве находят по два-три ранее неизвестных городища. Прошедшие 6 лет ознаменовались кризисом разведывательных экспедиций. Причиной тому не только скудное финансирование таких мероприятий, но и охлаждение археологов к разведкам. Последние крупномасштабные археологические разведки проводились в 1991 г. С тех пор разведывательные работы продолжают вести А. Гирининкас в Восточной Литве и Т. Остраускас в Южной Литве (каменный век). В. Вайткявичюс собирает по всей Литве материалы о языческих священных местах. Упомянем также о разведках средневековых культурных слоев местечек, осуществляемых в Нижнем Понеманье Г. Алялюнасом при финансовой поддержке Центра культурного наследия.

Издания. Научные достижения в археологии освещаются прежде всего в разных изданиях: монографиях, сборниках статей, отдельных статьях. Начало 1990-х годов совпало с серьезными изменениями в печатном деле и значительным удорожанием самой печати. Это поставило научные издания, в том числе и археологические, в затруднительное положение. К счастью, литовские археологи сумели справиться с трудностями создавшегося положения. За 1991–1996 гг. на свет появилось около 40 новых книг. Книги издаются на литовском языке тиражом не более 1000 экз. (в единичных случаях тираж их бывает больше), в последнее время тираж научных археологических книг имеет тенденцию уменьшаться до 500 экз. Как обычно, книги имеют резюме на одном (английском или немецком) или на двух (еще и на русском) языках.

Большинство изданий подготовлено и выпущено Институтом истории Литвы. Продолжалось издание книг в серии "Археология Литвы". Было издано семь новых томов: монографии В. Казакявичюса "Могильник Плинкайгалис" (т. 10, 1993), Й. Станкуса "Могильник Бандужяй" (т. 12, 1995), Л. Вайткунскене "Могильник Пагрибис" (т. 13. 1995) и сборники статей (т. 8 и т. 9 в 1992 году – последний посвящен столетию со дня рождения литовского археолога П. Тарасенки), "Средневековые могильники" (т. 11, 1995), "Памятники каменного века Западной Литвы" (т. 14, 1996). Регулярно продолжают выходить "Археологические исследования в Литве". За истекший период их вышло четыре книги (за 1990 – 1991 гг. появилось два тома), при чем книга, охватывающая материалы раскопок 1994 и 1995 гг., является первой, выпущенной в издательстве Института. В 1995 и 1996 годах появились третья и четвертая книги из задуманного 1980-е годы шеститомного обобщающего издания. Это написанная Э. Григалавичене книга "Бронзовый и ранний железный века в Литве" (т. 2) и А. Таутавичюсом – "Средний железный век в Литве" (т. 4). Первая из них – монография Р. Римантене "Каменный век в Литве" (1984), которая была переиздана в 1996 году с дополнением как учебник для вузов. Институт истории Литвы в 1995 г. выпустил первый том сборника статей "Археология Балтики". Сборник включает статьи по археологической тематике, написанные на английском или немецком языках археологами трех прибалтийских стран. Сама идея издания такого сборника, а также ее осуществление принадлежат В. Казакявичюсу. Таким образом, родилась новая серия археологических сборников, в которых на иностранных языках будут печататься статьи археологов Балтийского региона. Институт выпустил монографии Г. Забелы "Деревянные замки Литвы" (1995) и В. Казакявичюса "Балтские мечи IX – XIII веков" (1995), а также сборник статей "Княжеский дворец Вильнюсского замка (исследования 1989 года)" (т. 2, 1991). Первый том вышел в 1989 г., третий в 1995 г. выпустил Центр по исследованию замков "Литовские замки". Ученые института выпустили три научно-популярные книги: Л. Вайткунскене "Бронзовые письма предков" (1991), В. Даугудиса "Из прошлого города Вильнюс" (1993) и Р. Римантене "Литва до Христа" (1995).

На втором месте по числу издаваемой археологической литературы стоит Центр культурного наследия. С 1994 г. здесь образовалось издательство "Савастис", которое выпустило монографии А. Гирининкаса "Истоки балтской культуры" (1994) и Э. Иванаускаса "Клады литовских денег, сокрытые в 1390–1865 годах" (1995), книгу Л. Даугноры и А. Гирининкаса "Остеоархеология в Литве. Средний и поздний голоцен" (1996), сборник статей "Развитие поселений и керамики в землях балтов" (1994). Самым важным вкладом Центра является издаваемый им с 1994 г. научно-популярный журнал "Балтская археология" (гл. ред. А. Гирининкас). До 1997 года вышло девять его номеров.

Отдельно нужно упомянуть о появившихся за этот период каталогах археологических выставок и библиографиях археологов. Прежде всего это напечатанный в ФРГ каталог "Археологические клады из Литвы" (1993) и в Польше каталог "Древности Литвы" (1994). Оба они отличаются высоким полиграфическим качеством. В 1991 г. появился каталог "В поисках балтского орнамента". Все каталоги подготовлены Национальным музеем Литвы. Библиографии отдельных выдающихся археологов хотя и малотиражные, но позволяет ориентироваться в археологической литературе. За прошедшие 6 лет их вышло три: библиографии М. Гимбутене и В. Урбанавичюса в 1995 г. и Р. Волкайте-Куликаускене в 1996 г.

Кроме того, за последние 6 лет был опубликован ряд важных исследований: "Археология Средней Литвы" (1994, 1996), "Дельта Нямунаса. Исследования и открытия" (1991, 1992), книга В. Жулкуса "Модель развития старого города Клайпеда" (1991). Нужно отметить и книгу Д. Стяпонавичене "Пятрас Тарасенка", вышедшую в 1996 году в Центре по исследованию замков "Литовские замки" и посвященную одному из основоположников современной литовской археологии.

Конференции. Любая наука не может нормально развиваться без непосредственного общения между учеными. Научные конференции и семинары позволяют поделиться новейшими открытиями, обсудить острые вопросы. Затрагивать последние как раз и боялись на конференциях советского времени. Археологи Литвы теперь пытаются активизировать дискуссии, но свободное общение в повседневную жизнь продвигается медленно. При организации научных конференций возникают многочисленные проблемы, связанные, в первую очередь, с недостаточным финансированием.

25–28 сентября 1991 г. в курортном городе Паланга (Западная Литва) прошла четвертая конференция этногенеза и этнической истории балтов, посвященная, главным образом, этногенезу западных балтов. Большинство из прочитанных докладов (около 30) были по археологической тематике. Эта конференция закончила серию конференций, начатых в 1977 г. в Риге и поочередно проводимых в Латвии и Литве. По разным причинам материалы Палангской конференции будут изданы только в 1997 г.

25–30 апреля 1994 г. в курортном городе Нида в Западной Литве Клайпедским университетом и Институтом истории Литвы была организована международная конференция с участием ведущих специалистов из Финляндии, Швеции, Дании, Германии, Польши, Латвии, России "Балты и их соседи в регионе Балтии (800–1200 гг.)". Доклады этой конференции изданы в 1997 г., к подобной конференции, посвященной более ранним периодам. 1–7 сентября 1994 г. в Вильнюсе проходила большая международная конференция "Индоевропеизация Северной Европы", посвященная памяти недавно скончавшейся М. Гимбутене. Конференцию организовали Вильнюсский и Калифорнийский (США) университеты. В ней приняло участие свыше 50 археологов, антропологов, этнологов, языковедов из 11 стран Европы, США и Канады. Изданы тезисы, а сами материалы этой конференции опубликованы в выходящем в США журнале "Студии индоевропейцев". Еще одна большая двусторонняя археологическая конференция, названная семинаром, "Археология Литвы и Западной Норвегии: статус и перспективы" проходила в Вильнюсе 15–19 апреля 1996 г. Ее организовали Институт истории Литвы и Бергенский университет (Норвегия). В 33 прочитанных докладах археологов Литвы и Норвегии анализировался различный археологический материал. Акценты конференции были поставлены на изучении проблем каменного века и современного развития археологической науки в обеих странах. Изданы тезисы, готовятся к печати тексты докладов, сделанных на конференции.

Значительно больше за истекшие 6 лет проводилось республиканских конференций с участием археологов Литвы, а также ученых из соседних стран, главным образом из Польши. Из традиционных республиканских конференций самая постоянная – это "Археологические исследования в Литве", проводящаяся с 1960-х гг. каждый второй год. В ней представляются важнейшие полевые археологические открытия за последние два года. Таких конференций было три: в 1992 г. в Биржай, в 1994 г. в Кернаве и в 1996 г. в Вильнюсе. Похожие по тематике конференции ежегодно проводились в Вильнюсе в 1991 – 1994 гг. Набирают силы две новые конференции. Это "Археология Средней Литвы" и "Чтения имени Й. Пузинаса". Первая проводилась в 1994 и 1995 г. в Каунасе на базе археологической экспедиции в Марвяле и была посвящена различным проблемам железного века этого региона. Ее доклады вышли отдельными изданиями. "Чтения имени Й. Пузинаса" в 1996 г. организовал Вильнюсский университет. На конференции работали две секции, в которых разбирались проблемы хронологии старого железного века и средневековой керамики.

Следует упомянуть также археологические конференции, посвященные развитию поселений до XIV в. (Палуше, 1992), раскопкам археологических памятников в чертах крупных городов (Шяуляй, 1993), 5-летию археологических исследований в окрестностях Аникщяй (Аникщяй, 1994). В 1995 г. Литовское археологическое общество организовало три семинара, посвященные проблемам атрибутации первых литовских монет, образования балтов и генезису литовских городов.

В 1996 г. широко отмечалось 75-летие со дня рождения М. Гимбутене. За прошедшие 6 лет археологи участвовали в многочисленных конференциях, посвященных истории того или иного региона или конкретной местности.

Охрана памятников. Археология теснейшим образом связана с охраной основного источника ее исследований – археологических памятников. Эта область в Литве за прошедшие 6 лет претерпела большие изменения. Реформы начались в связи с естественным желанием отказаться от малоэффективной советской системы защиты культурных ценностей в целом. Но уже с самого начала они попали в руки некомпетентных однодневных исполнителей, преследовавших совсем иные цели. В этом кроется основная причина несостоятельности и беспомощности большинства таких реформ, приведших к серьезному ухудшению охраны памятников культуры (в том числе и археологии) в 1996 г. Хотя поначалу было сделано немало позитивного. Еще в 1990 г. были учреждены основные институции охраны памятников: Департамент по охране памятников и Инспекция культурного наследия. С 1991 г. при департаменте существует Центр культурного наследия, в функции которого входит поиск и учет культурных ценностей. В 1992 г. в Конституции страны было закреплено положение об исключительном праве государства на собственность и охрану важнейших культурных ценностей. В связи с реальным претворением в жизнь еще советских законов об охране и использовании памятников культуры ужесточился контроль за ними. Виновники нарушений привлекались к суду, с них взимались крупные штрафы. Сохранности археологических памятников способствовал и общий экономический кризис, приостановивший или прекративший значительную часть земельных работ, разрушающих памятники. Государство начало претворять в жизнь такие программы как сохранение городищ, спасение застроенных или иначе активно используемых археологических памятников, исследование предполагаемых их мест, разведочные раскопки культурных слоев средневековых городов и местечек с учетом определения их археологической ценности. Все это благоприятным образом повлияло на состояние археологической науки в Литве: вдвое увеличилось общее число раскопок, улучшились качество предоставляемых отчетов и общая отчетность за проведенные полевые работы, увеличилось число выявленных археологических памятников. Конечно, все это происходило не без проблем, но общая тенденция была положительной.

Однако в том же 1994 г. положение начало резко меняться в худшую сторону, хотя конкретные результаты стали проявляться лишь в 1995 г. Предвестником перемен была отставка генерального директора департамента В. Зубова. Назначенный новый глава этого ведомства при поддержке определенных политических сил пошел на свертывание достигнутого. В конце 1994 г. была упразднена Инспекция культурного наследия, департамент реорганизован, принят закон об охране недвижимых культурных ценностей. При этом в действия органов охраны памятников культуры была внесена сумятица, конкретная ответственность потерялась среди чиновников разного ранга. Десятилетиями существовавшая система выдачи разрешений на ведение археологических разведок и раскопок (бывших Открытых листов) при Институте истории Литвы была разрушена отнятием большинства прав у последнего и созданием громоздкой сложной системы выдачи таких разрешений совместно с Департаментом охраны культурных ценностей. При этом мнение ученых было проигнорировано. Новый закон искусственно и нелепо поделил все культурное наследие на две части по формальным критериям, ввел новый регистр памятников, создание которого связано с новой бумаготворческой деятельностью. Почти каждый год стали переписываться разные подзаконные правила и инструкции. В результате этого в 1996 г. охрана памятников археологии оказалась в плачевном состоянии, в большинстве случаев отдана на откуп местным самоуправлениям. Число выявленных нарушений на фоне постепенно оживающей хозяйственной деятельности стало минимальным. Общее число полевых работ сократилось на треть. Выйти из создавшегося положения довольно сложно. Прежде всего нужно изменить законы, создавая новые или внося изменения в уже существующие. Пока не будет нормальной простой правовой базы для охраны памятников археологии, археологическая наука каждый год будет нести невосполнимые утраты.

Связи с другими науками. Нынешний статус археологии немыслим без тесного сотрудничества с другими науками, и не только исторического и гуманитарного характера. В этом отношении в советское время было сделано очень мало. Причиной тому было экстенсивное развитие науки в погоне за сенсационными открытиями. Глубокий анализ материала с применением прежде всего достижений технических наук отсутствовал почти полностью. Отдельные археологи, ступившие на путь такого анализа, должны были превратиться в специалистов узкого технического профиля. В советский период сформировался и глубоко укоренился традиционный консервативный подход к археологическим исследованиям, который предполагает создание типологии и выработке на ее основании выводов.

Новые ветры в этом направлении подули после 1991 г., когда зарубежный опыт стал поступать в Литву более широко благодаря непосредственным контактам ученых и поступлению новой литературы. Прежде всего отметим связи с антропологами. С середины 1970-х г. по инициативе Г. Чесниса при Медицинском факультете Вильнюсского университета началось накопление остеологического материала с человеческих погребений. Теперь это антропологическая лаборатория, насчитывающая несколько тысяч остатков скелетов, в которую поступает остеологический материал со всех археологических экспедиций. Сотрудники лаборатории С. Баракаускас, А. Баркус, Р. Янкаускас в течение года определяют основные параметры поступившего материала: пол, возраст, патологии. На базисе этих материалов они исследуют различные стороны палеоантропологии. Другая область, где достижения довольно заметны, это реставрация и

консервация археологических находок. Можно сказать, что теперь консервируются находки из всех основных органических и минеральных материалов, раставрируются керамика, детали одежды. Такие работы проводятся в Центре реставрации и консервации музейных ценностей им. П. Гудинаса в Вильнюсе, в музеях Вильнюса, Каунаса, Кярнаве.

С 1995 г. начались сборы и хранение остеологического материала (костей животных, птиц, рыб и т.п.) в Академии ветеринарии в Каунасе под руководством Л. Даугноры. Здесь также исследуются остатки конских погребений. Более сложно обстоит дело с радиоуглеродной датировкой. Здесь пока что не установились единые требования. Немногочисленные пробы рассылаются в различные лаборатории мира. Работы по более серьезному применению в археологии аэрофотографии, методов подводной археологии, биолокации начались лишь в самые последние годы. В археологии применяются, хотя и в ограниченном количестве, петрографические и спектральные анализы, методы палеоботанических и палеогеографических исследований.

Здесь следует коротко упомянуть о применении различных технических средств в археологических исследованиях. С середины 1960-х годов фиксацией археологических раскопок на киноленту занимается В. Урбанавичюс. С начала 1990-х годов он начинает создавать и видеофильмы. В полевых работах все чаще используются металлодетекторы (их в 1996 г. имели около 10 экспедиций). При обработке информации в кабинетных условиях неотъемлемой частью инвентаря становится персональный компьютер.

В стране пока отсутствуют специалисты по дендрохронологической датировке, недостаточно широко применяются технические методы точной фиксации. Более широкому применению технических методов и современной техники в археологии пока препятствует их большая стоимость.

Внешние связи. Одной из особенностей археологии советского времени являлась ее замкнутость в пределах одной страны, которая была обусловлена идеологическими причинами. Такое положение отчасти поправлялось из-за огромных размеров Советского Союза, но со стороны Литвы контакты и связи допускались лишь в восточном направлении. Поэтому неудивительно, что когда появились возможности, взоры литовских археологов в поисках недостающей информации прежде всего обратились на Запад. Свою лепту в резком прекращении контактов с коллегами с востока внесли и новые политические реалии на территории б. СССР. 1991–1996 гг. ознаменовались для литовской археологии резким поворотом на Запад.

С польскими археологами контакты поддерживались и ранее, однако с учеными других стран литовские археологи не были знакомы. В 1990 гг. В. Казакявичюс стажировался в Королевском обществе древностей и Государственном историческом музее в Стокгольме (Швеция). Вслед за ним на стажировках в Швеции побывали Г. Забела, Р. Яроцкис, А. Блюене, Ю. Пошкене. Кроме того В. Казакявичюс и А. Кунцявичюс стажировались в научных учреждениях Германии. А. Мяркявичюс стажировался в США. Самым распространенным способом установления научных контактов является участие в международных конференциях. За 6 прошедших лет литовские археологи смогли принять участие во многих конференциях, проходивших в Белоруссии, Великобритании, Германии, Дании, Италии, Латвии, Польше, России, Швеции, Украине, Финляндии, Франции. Лидером здесь тоже является В. Казакявичюс. Для полноты картины можно еще упомянуть об участии молодых литовских археологов в археологических раскопках за рубежом, об учебе там нескольких студентов – будущих специалистов, что осуществлено главным образом благодаря финансовой поддержке различных организаций.

В противоположном направлении – в Литву – для участия в конференциях или с визитами знакомства приезжали археологи из Белоруссии, Великобритании, Германии, Дании, Италии, Латвии, Норвегии, Польши, России, США, Швеции, Украины, Финляндии, Эстонии. В последнее время немного оживились контакты с археологами из б. СССР. По своему географическому положению Литва всегда была между Западной и Восточной Европой, однако любые перекосы в какую-нибудь одну сторону для археологии нежелательны. Конечно, не все возможности установления контактов с соответствующими зарубежными специалистами (особенно на уровне организаций) были использованы, но причина главным образом остается та же – недостаток средств.

Проблемы развития. В нормально развивающейся стране обычно бывает только одна проблема – финансовая. Ее археологические аспекты были давно обговорены, но Литве еще очень далеко в этом отношении до западноевропейского уровня. Существует много других проблем, на решение которых нужно больше времени, чем денег. Одна из важнейших – это интеграция археологической науки с образованием, преподавательской деятельностью, подготовкой будущих докторов. Разлад между различными учреждениями в этом отношении очевиден. Вторая проблема – расшатаны система охраны памятников археологии и ее связь с учеными-археологами. Пока в этой области власти не будут прислушиваться к голосу специалистов, серьезного изменения к лучшему не будет. Третья проблема – это соотношение новых раскопок традиционными методами с обработкой многочисленных неопубликованных материалов при помощи новейших достижений археологии. Пока явно доминирует первая составляющая и на раскопки тратится львиная доля тех мизерных средств, которые отпускаются на развитие археологии. Еще одна проблема связана с отсутствием в республике научного археологического журнала. Без него невозможно оперативно делиться новейшими открытиями, обсуждать созревшие проблемы, ориентироваться в

книжном мире и т.д. Определенной трудностью является и отсутствие литовской археологической библиографии. Поиск нужной информации для ученых становится все актуальней.

Более мелких проблем можно перечислить довольно много. Не все они являются наследием недавнего прошлого. Проблемы рождает само развитие археологии. Важно, чтобы археологи реагировали на их появление своевременно и без какой-либо предвзятости, что, вне всякого сомнения, способствует их разрешению.

Перспективы. Археология Литвы за короткий шестигодовой срок самостоятельного развития сумела выжить и не потерять положительного опыта, накопленного в советское время. Это вселяет надежды на будущее науки, которое связывается прежде всего с молодым поколением специалистов археологов, с их активностью и научной смекалкой. Существующее положение литовской археологии позволяет осуществить подготовку таких специалистов. Трудности при продвижении вперед возникают обычно там, где не до конца искоренены реликты мышления советского времени или где они сумели ожить в других формах. Видимо, для этого нужно гораздо больше времени, нежели 6 прошедших лет. В довоенной Литве археология как самостоятельная наука оформилась лишь спустя 15 лет после обретения независимости. Есть все основания надеяться, что становление современной археологической науки в Литве на пороге третьего тысячелетия не потребует значительного промежутка времени.

Институт истории Литвы,
Вильнюс

Г. Забела

МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "КУЛЬТУРЫ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э."

(Самара, 1995)

Международная археологическая конференция "Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э." проходила в г. Самаре с 14 по 17 ноября 1995 г. Конференция была организована Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П.В. Алабина при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (код гранта 95-06-87503д) и Администрации Самарской области. В конференции приняли участие 30 ученых из 11 городов и 18 научных организаций России и Украины. Всего было заслушано 29 докладов.

Ряд докладов посвящен памятникам новинковского типа, открытых самарскими археологами, и древностям ранней Волжской Болгарии.

В докладе *Г.И. Матвеевой* (Самара) "Об этнической принадлежности памятников новинковского типа в Среднем Поволжье" подводились итоги исследования кочевнических курганных и грунтовых могильников новинковского типа, выявленных на Самарской Луке и датированных автором концом VII–VIII вв. Проведя подробный анализ погребального обряда и вещевого инвентаря, Г.И. Матвеева показала, что население, оставившее эти памятники, не имеет местных генетических корней и может быть связано с первой волной болгарского населения из районов Северного Причерноморья. Однако тезис о болгарской этнической принадлежности новинковского населения явился дискуссионным.

Е.П. Казаков (Казань) выступил с докладом "Ранняя Волжская Болгария. Итоги и перспективы исследования", в котором подвел итоги 40-летних исследований памятников этого времени на территории Среднего Поволжья. В раннеболгарском периоде (середина VIII – середина X в.) автор выделил три этапа, в которые, однако, не включаются памятники новинковского типа, отнесенные им к доболгарскому периоду. Касаясь перспектив исследования, Е.П. Казаков отметил, что актуальной является разработка дробной хронологической шкалы древностей ранних болгар и тщательный анализ ситуации в регионе в предболгарское время.

Именно этой теме был посвящен второй доклад *Е.П. Казакова* "К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья". Основываясь на новых материалах именьковской культуры с территории Татарстана, и прежде всего II Коминтерновского могильника, Е.П. Казаков выдвигает дискуссионный тезис о том, что в Волго-Камье нет особой турбаслинской культуры, а есть общность турбаслинско-именьковских памятников, общность памятников эпохи тюркского каганата.

© Д.А. Сташенков, 1998 г.

Р.С. Багаутдинов (Самара) представил доклад "Новые памятники болгарского времени в Ульяновском Поволжье". Полученные автором в последние годы материалы (впускные погребения в курганы более ранних эпох и одновременные им захоронения в курганах с ровиками), датирующиеся второй половиной VIII – началом IX в., связываются им с населением, появившимся в Поволжье в период смутного времени и гражданской войны в Хазарском каганате. Об этнической принадлежности погребенных говорить пока преждевременно. Различия в погребальном обряде, по мнению автора, объясняются разным социальным статусом погребенных. Последний тезис вызвал дискуссию.

С предыдущей темой связано выступление *Ю.А. Семыкина* (Ульяновск) "Раннеболгарские поселения Ульяновского Поволжья". Для территории Среднего Поволжья, где наиболее ранние поселенческие памятники раннеболгарского времени датировались началом X в., исключительное значение приобретают материалы, полученные автором при раскопках на Абрамовском поселении, трактуемом им как сезонная стоянка ранних болгар, и на Чертовом городке, где он видит начало процесса оседания. По мнению Ю.А. Семыкина, последний памятник связан с территориально и хронологически близким к нему II Уреньским курганным могильником, исследованным Р.С. Багаутдиновым.

В докладе *Д.А. Сташенкова* (Самара) "Особенности погребального обряда хазарского времени в Среднем Поволжье" основное внимание было обращено на существование в этом регионе ритуального обряда обезвреживания погребенных. Многочисленные параллели позволяют считать этот обряд характерным прежде всего для степного населения Евразии эпохи каганатов, однако формы его проявления различны для разных памятников и зависят от этнической и социальной принадлежности оставивших их групп населения. Для памятников новинковского типа отличия в антропологии и погребальной обрядности подтверждают тезис о том, что новинковцы не представляли собой части единого болгарского этноса. Более корректно говорить о принадлежности населения Среднего Поволжья в конце VII–VIII вв. к государственной культуре Хазарского каганата.

В докладе "Об обряде обезвреживания погребенных в Танкеевском могильнике" *А.Ф. Кочкина* (Самара) высказала предположение, что значительная часть его "разграбленных" погребений может быть связана с обрядом обезвреживания. Об этом свидетельствует анализ степени разрушения и наличия погребального инвентаря в захоронениях. Поддержанную рядом участников конференции эту точку зрения категорически отрицает один из исследователей памятника Е.П. Казаков.

Вторая группа докладов касалась синхронных памятников Подонья и Северного Кавказа.

В.Б. Ковалевская (Москва) в своем докладе "Проблемы математической обработки археологического материала VI–IX вв. (по материалам Кавказа)", явившемся результатом коллегиальной работы по грантам, обратилась к закрытым погребальным комплексам могильников Пашковского I, Чир-Юртского и Мокрая Балка, принятым за эталонные. Доклад, представляющий значительный интерес с методологической и методической точки зрения, интересен и в практическом отношении – для могильника Мокрая Балка построена дробная периодизация, когда хронологические фазы в среднем соответствуют жизни одного поколения. Это является шагом к построению единой классификации вещей для Восточной Европы в целом, что, по мнению докладчика, является обязательным этапом в исследовательской процедуре.

Совместный доклад *О.Ю. Жиронкиной* и *Ю.И. Цитковской* (Харьков) "К вопросу о погребальном обряде Нетайловского могильника", традиционно относимого к салтово-маяцкой культуре, еще раз обратил внимание на необходимость проведения тщательных полевых исследований. В результате новых раскопочных работ подтвердился вывод о том, что обряд вторичного захоронения на этом могильнике является господствующим. Авторы утверждают, что совокупность всех особенностей погребального обряда не позволяет отнести Нетайловский могильник ни к одному из известных локальных вариантов салтово-маяцкой культуры.

Доклад *В.С. Флерова* (Москва) "Общинное хранилище (к проблеме социальных отношений в Хазарском каганате)", основанный на результатах исследования поселения Малая Борщевка в Ростовской обл., интересен и тем, что сельские поселения салтово-маяцкой культуры до сего дня практически не изучены. Исследованный комплекс, состоящий из многочисленных хозяйственных ям – хранилищ с ритуальными захоронениями животных, позволил автору связать их с общинным хранилищем и высказать несколько предположений о назначении поселения.

Д.С. Коробов (Москва), выступивший с докладом "Опыт компьютерной дешифровки аэрофотосъемки Маяцкого селища", поднял ряд методических вопросов, связанных с обработкой археологических данных. Ценность работы увеличивает выбор для исследования такого хорошо изученного памятника салтово-маяцкой культуры, каким является Маяцкое селище. Проверка результатов дешифровки осуществлялась путем раскопочных работ, в ходе которых получены интересные материалы.

В докладе *А.А. Демакова* (Нижний Архыз) "Раскопки на Нижне-Архызском городище в Карачаево-Черкессии" большое внимание уделено анализу материала из расположенных вокруг городища скальных могильников, отличающихся прекрасной сохранностью органического материала. Автор связывает население, оставившее эти могильники, с алано-болгарскими группами, охранявшими торговые пути на участке Шелкового пути в VII–X вв.

Серия докладов была посвящена анализу отдельных категорий и комплексов археологических источников, их информационным возможностям с учетом новых подходов и методик, рассмотрению вопросов периодизации и хронологии.

В докладе *А.Г. Мухамадиева* (Казань) "Туранская письменность" приводится его перевод и интерпретация надписей на сосудах и на хорезмийских монетах рубежа и первых веков н.э. Составленный автором по монетам туранский алфавит, проверенный по спискам царей Хорезма доисламского периода ал-Бируни, позволил ему дать трактовку недешифрированным надписям на сосудах из драгоценных металлов, обнаруженных в Поволжье и Приуралье.

Доклад *А.В. Богачева* (Самара) "К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье" посвящен хронологическому аспекту изучения этой категории раннесредневековых украшений. Появление их в Прикамье автор связывает с притоком в регион позднекочевнического населения с юга Восточной Европы после гуннского нашествия. По мнению А.В. Богачева, на базе калачевидных серег сформировались т.н. "аварские серьги", а через них – "салтовские". Целый ряд положений автора, в первую очередь хронологических, вызвал оживленную дискуссию.

В докладе *С.И. Валиулиной* (Казань) "Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тиганского и Больше-Тарханского могильников" впервые подробно рассмотрено более трех тысяч стеклянных бус, по принципу изготовления разделенных на массовые и индивидуальные. Важен вывод, что в это время достаточно устойчивый набор бус отражает не этнокультурную принадлежность памятников, а временны́е рамки, в которых господствовала устойчивая "мода" на те или иные украшения.

И.О. Гавритухин (Москва) свой доклад "Поясные наборы Поволжья VI–VII вв." построил как дискуссию с публикациями А.В. Богачева. Затронув ряд методических вопросов и проведя анализ Башкирских и Поволжских материалов, автор дает свою схему соотношения поволжских ременных гарнитур.

Доклад *О.Н. Журиной* (Харьков) "Средневековые украшения салтовской культуры из Красногорского могильника на Харьковщине" основан на материалах из раскопок В.К. Михеева. Наличие половозрастных определений на могильнике делает выводы автора о характере погребальной одежды средневекового населения более убедительными.

И.Р. Газимзянов (Казань) в своем докладе "Палеоантропологические материалы второй половины I тыс. н.э. с территории Самарского Поволжья" обратился к материалам раскопок памятников новинковского типа на Самарской Луке. Важен вывод автора о значительном антропологическом отличии погребенных в курганных могильниках у сел Новинки, Брусяны и Малой Рязани. Прослеженная близость серии из Новинок к серии из венгерских могильников эпохи завоевания родины, а серии из Брусян и Малой Рязани к сериям из раннеболгарских могильников Поволжья позволяет наметить пути формирования этнической картины Среднего Поволжья во второй половине I тыс. н.э.

В совместном докладе *А.И. Семенова* и *А.М. Савина* (С.-Петербург) "К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков" делается вывод о наличии двух линий развития лука в евразийских степях – гунно-болгаро-аварской и хазаро-венгерской. По мнению авторов, луки – очень тонкий культурный индикатор, жестко связанный с погребальным обрядом. Большое внимание в докладе уделено методике публикации луков.

В.Ю. Морозов (Самара) в докладе "К вопросу о путях проникновения сасанидских монет и металла в Урало-Поволжский регион" на основе картирования мест находок приходит к заключению, что сасанидские монеты и сасанидский художественный металл поступали в Прикамье различными путями. Прослежено два этапа их проникновения в регион.

В остальных докладах рассматривались вопросы, связанные с гуннами, тюрками Зауралья и мадьярами эпохи обретения родины.

И.Э. Любчанский (Челябинск) выступил с докладом «Археологический комплекс "курган с усами" эпохи Великого переселения народов на Южном Урале», подготовленным совместно с А.Д. Таировым. Яркий вещевой комплекс, аналогии которому авторы видят на востоке, позволил датировать памятник V – первой четвертью VI в. и связать его с представителями смешанной угро-хуннской группировки племен, входивших в состав гуннского племенного союза.

В докладе *Д.А. Черниенко* (Ижевск) "О некоторых особенностях гуннской культуры" рассматривались военные аспекты этой проблемы. Доклад базируется на синтезе исторических и археологических источников. Основное внимание уделено военной тактике гуннов, особенностям вооружения, прежде всего лука, и статусу гуннов на службе Римской империи.

Доклад *С.Г. Боталова* (Челябинск) "Тюркские кочевники Урало-Иртышья" раскрывает историю хозяйственного освоения этого региона в I тыс. Причину частых миграций населения в этом районе, проходивших в три этапа, автор усматривает прежде всего в изменении ландшафтно-гидрологической ситуации.

В.А. Иванов (Уфа) свой доклад "Мадьярский путь на Запад" построил на основе версии К.Я. Грота, высказанной столетие назад. Продвижение венгерских племен могло проходить по кромке лесостепи, что

прослеживается по выразительным погребениям каракуповского типа на территории Оренбургской, Самарской и Саратовской областей, которые отождествляются с мадьярами.

С докладом "К вопросу о характере раннего контактирования волжских болгар с населением лесного Прикамья" в VIII – начале X вв. выступил *А.Г. Иванов* (Ижевск). Присутствие на раннеболгарских памятниках прикамско-приуральского элемента он объясняет отнюдь не мирными контактами народов, населявших этот регион. На первый план автор выдвигает военный фактор – прежде всего походы волжских болгар на соседей.

В докладе *В.В. Овсянникова* (Уфа) "Природно-географический фактор в выделении комплексов вооружения культур Урало-Поволжья эпохи средневековья" на основе сравнительно-статистических методов анализировались памятники кушнаренково-каракуповского типа, неволинской, поломской, домоватовской культур, а также памятники ранней Волжской Болгарии. Выделены три комплекса вооружения, сформировавшихся под воздействием лесной, степной и лесостепной географических зон, причем в ряде случаев географический фактор пересилил этнокультурный.

А.И. Семеновым был зачитан доклад *Р. Штарка* (Мюнхен, Германия), посвященный анализу ювелирных изделий полихромного стиля гунского времени с территории Центральной и Западной Европы.

Конференция в целом выполнила свою задачу. В ходе научных дискуссий выявились наиболее спорные проблемы, требующие не столько дальнейшего накопления материала, сколько разработки процедур источниковедческого анализа.

Работа конференции облегчалась тем, что к ее открытию были изданы тезисы докладов ее участников ("Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э."). По итогам конференции издан сборник статей "Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э." (Самара, 1996).

К открытию конференции в СОИМК им. П.В. Алабина была подготовлена выставка археологических материалов, представленных археологами гг. Казани, Ульяновска, Самары.

Участники конференции приняли решение провести в 1997 г. конференцию по раннесредневековой хронологии древностей степной и лесостепной зоны Евразии.

Самарский областной историко-краеведческий музей

Д.А. Сташенков

БОХАЙСКИЙ СИМПОЗИУМ В ПРИМОРЬЕ

(Владивосток, 1996)

Бохай – это название раннесредневекового государства, которое существовало с 698 по 926 гг. на территории южной части Приморского края России, Маньчжурии и частично Северной Кореи. Бохайская проблематика традиционно относится к числу наиболее популярных тем историков и археологов стран Дальнего Востока. В последние десятилетия на данную тему было написано весьма большое число книг и статей (Song Ki-Ho, 1990a, b), проведено множество больших конференций и более узких симпозиумов в Китае, Японии, Южной и Северной Корее. В нашей стране на данную тему долгое время чуть ли не единственной оставалась книга Э.В. Шавкунова (1968). Однако в последние годы, отчасти под влиянием зарубежных коллег, отмечается определенный всплеск интереса к бохайской проблематике. В 1994 г. была опубликована большая коллективная монография, в которой суммировались достижения отечественных археологов-дальневосточников по основным вопросам истории и археологии Бохая (Государство Бохай..., 1994). Эта книга не так давно была переведена в Сеуле на корейский язык. Наконец, 3–5 октября 1996 г. впервые на российской земле был проведен специальный симпозиум, посвященный государству Бохай.

Симпозиум был проведен в уютном живописном санатории в курортной зоне г. Владивостока. Его организаторами выступили японское общество "Хоппо Юрасио" ("Северная Евразия") и российское научное историко-археологическое общество "Древности Северо-Восточной Евразии" (председатель – проф. Э.В. Шавкунов). Доклады участников симпозиума предварительно были опубликованы (The First International Symposium..., 1996).

На открытии симпозиума выступили *Э.В. Шавкунов, Й. Кодзима* (Япония), генеральный консул Японии во Владивостоке *Тэцуэ Хироси, Вэй Цун Чэн* (КНР), которые отметили важность проведения подобных мероприятий для координации научных исследований, развития культурных связей и установления добрососедских отношений между народами в дальневосточном регионе.

© Н.Н. Крадин, 1998 г.

Первый пленарный доклад был прочитан *Э.В. Шавкуновым* (Владивосток, Россия). Докладчик остановился на оценке роли государства Бохай в истории народов Дальнего Востока, показал вклад бохайского общества в развитие региональной культуры, рассмотрел отношения бохайцев с другими народами Восточной Азии. *Т.А. Васильева* (Владивосток, Россия) сообщила об основных итогах изучения российскими исследователями бохайской культуры в Приморье. Большое вниманех вызвал доклад *Я. Судзуки* (Токио, Япония) "Система лидерства в Бохае: общественная структура и региональное управление". Автор попытался по-новому интерпретировать ряд фрагментов из китайских летописей относительно административно-политического устройства Бохайского королевства. Дискуссия развернулась также и по докладу *М. Сакайори* (Токио, Япония) "Престолонаследие в государстве Бохай". Критике был подвергнут главный тезис автора, что бохайцы заимствовали систему наследования от танского Китая. Докладчику было указано, что аналогичная система существовала под различными названиями у многих народов Европы, Азии и Африки ("танистрии" у кельтов, "лествица" на Руси). Еще большая полемика развернулась по докладу *Н.Н. Крадина* и *Ю.Г. Никитина* (Владивосток, Россия) "Пространственная организация бохайских археологических памятников в Приморье". Авторы попытались реконструировать на основе анализа гравитационных связей между бохайскими археологическими памятниками административную структуру государства. Главная дискуссия развернулась по поводу того, где находился региональный центр – город Шуайбинь. Исходя из выбранной методики исследования, докладчики высказали предположение, что Шуайбинь должен был находиться на территории современного г. Уссурийска. Эта точка зрения критиковалась рядом исследователей (главным образом, китайскими коллегами), которые считают, что Шуайбинь находился на территории КНР неподалеку от места пересечения рекой Суйфун (Раздольная) российско-китайской границы. Последний доклад первого дня работы "История отношений между Мохэ, Бохаем и Японскими островами" был зачитан *Й. Кодзимой*. Автор поэтапно показал, как развивались политические и культурные контакты между вышеуказанными обществами, отметил, что их изменение было обусловлено геополитическими факторами.

Второй рабочий день (4 октября) начался с докладов *Э.В. Шавкунова* и *Е.И. Гельман* (Владивосток, Россия), посвященных основным результатам раскопок на Марьяновском городище в 1995 г. Первый докладчик остановился на общих итогах раскопок и высказал предположение, что данное городище было пограничным форпостом Бохая и погибло в результате нашествия врагов (что вызвало некоторую полемику). Выступление *Е.И. Гельман* было посвящено анализу керамики городища и сопоставлению с материалами других археологических культур. Китайские исследователи *Вэй Цун Чэн, Ван Ся* (Чанчунь, КНР) "Археологические памятники мохэ и Бохая в районе среднего течения Второй Сунгари" рассказали о раскопках трех могильников (всего около 100 погребений), датированных V–VII вв. н.э. Этнокультурная принадлежность погребенных – племена сумо мохэ (тех самых, которые создали Бохайское государство). В то же время докладчиками были отмечены наличие элементов культур Фуюй и Когурё. *Окаучи Мицудзанэ* (Токио, Япония) представил подробную сводку о буддийских памятниках в Бохае (храмы, кумирни, статуи Будды). Анализируя археологические материалы, он убедительно показал наличие в государстве нескольких различных буддистских сект. Доклад *В.И. Болдина* (Владивосток, Россия) был посвящен анализу модели питания бохайского населения южного Приморья в VIII–X вв., автор проследил некоторые параллели с системой питания корейцев, отметил наличие нескольких традиций в структуре питания малых народов Дальнего Востока России. *Н.В. Лещенко* (Владивосток, Россия) рассказала о различных домашних промыслах бохайского населения Приморья. Большое внимание вызвал доклад *А.Л. Ивлева* (Владивосток, Россия) "Приморье после Бохая", поскольку период между гибелью бохайского государства и появлением в Приморье чжурчжэней оставался до сих пор "белым пятном" в дальневосточной археологии. Автор отметил, что большую часть Приморья заселяли племена хэйшуй мохэ (т.е. "приамурские мохэ", так как Хэйшуй – "Черная река" обычно интерпретируется как название Амура), только самую южную часть Приморья занимали, возможно, байшань мохэ. Последние входили в состав бохайского округа Янь. Кроме того, в долине р. Суйфун (Раздольная) на территории расселения племени шуайбинь была создана область с одноименным названием. После разгрома Бохая кочевниками киданями и подавления оппозиции большинство бохайцев были переселены в Ляо, часть бежала в Корею.

В последний день (5 октября) было заслушано еще три доклада, а также проведена общая дискуссия. *В.А. Харев* (Владивосток, Россия) рассказал об исследованиях Ананьевского городища в Приморье. По его мнению, городище представляло собой чжурчжэньский "мэнъань" (военное поселение в сто дворов) начала XIII в. *Онуки Шидзуо* (Токио, Япония) рассмотрел истоки и эволюцию обогревательной системы типа "кан" на Дальнем Востоке. По его мнению, кан появился в III тыс. до н.э. (Лонгшан). В период "борющихся царств" кан распространился по территории Северо-Восточной Азии, в том числе попал и в Приморье. *Ю.Е. Вострецов* (Владивосток, Россия) в докладе "События, предшествовавшие появлению первого государства на Российском Дальнем Востоке" удачно связал свои исследования по палеоэкологии доисторических культур Приморья с данными письменных источников. Автору удалось привязать ряд археологических культур к тем или иным народам, упоминаемым в китайских летописях.

В дискуссии развернулась полемика относительно колебаний уровня Японского моря и возможности

культурных контактов в эпохи палеолита – неолита между Ю.Е. Вострецовым и Й. Кодзимой. Последующие выступившие – М. Сакайори, Вэй Цун Чэн, Ю.Г. Никитин, В.И. Болдин, Оно Рё (Япония, Токио), М.А. Патрушева (Владивосток, Россия), Я. Судзуки, Н.Н. Крадин, Э.В. Шавкунов – остановились на проблемах дальнейшей кооперации бохаеведческих исследований, обмена научной информацией, совместных раскопках. Были высказаны пожелания в обсуждении наиболее актуальных в настоящий момент проблем: этническая принадлежность бохайцев, генезис бохайской государственности, границы и территориальная структура Бохая, бохайцы после крушении государства Бохай.

В заключение участники симпозиума приняли резолюцию, в которой отмечалась научная, культурная и политическая важность подобных мероприятий, необходимость организации аналогичных встреч между исследователями различных стран в будущем. Было принято решение провести в 1998 г. во Владивостоке международный симпозиум, посвященный 1300-летию образования государства Бохай.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток

Н.Н. Крадин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России, 1994. М.
Шавкунов Э.В., 1968. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.
The First International Symposium of Behai Culture, 1996. Vladivostok.
Song Ki-Ho, 1990a. Current Thrends in the Research of Palhae History // Seoul Journal of Korean Studies. V. 3.
Song Ki-Ho, 1990b. Several Questions in Studies of the History of Palhae // Korean Journal. V. 10. № 6.

IV ВСЕРОССИЙСКИЙ СЕМИНАР "ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ"

(Новосибирск, 1996)

12–13 ноября 1996 г. на базе Новосибирского государственного педагогического института прошел IV Всероссийский семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований", посвященный 60-летию со дня рождения В.И. Васильева, организованный Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН и Новосибирским государственным педагогическим университетом при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 96-06-85016). В число организаторов вошли также научно-координационный совет государственной программы "Народы России: возрождение и развитие", Омский государственный университет, Сибирский филиал Российского института культурологии, Комитет по культуре и искусству администрации Омской обл. Соорганизаторами выступили Академия гуманитарных наук России, Ассоциация этнографических и антропологических наук России.

В работе семинара приняли участие ученые из Барнаула, Екатеринбурга, Кемерова, Новосибирска, Омска, Тобольска, Томска, Ханты-Мансийска. Тезисы докладов опубликованы[1].

Ряд докладов был посвящен теоретическим и методологическим проблемам интеграции археологии и этнографии, а также перспективам и некоторым итогам подобных исследований.

Н.А. Томилов (Омск) в докладе "О становлении омского этноархеологического направления" вкратце остановился на предыстории интеграции археологии и этнографии, особо отметив работы сибирских ученых 1940–1980 гг. Докладчик подробно охарактеризовал теоретические положения, используемые при изучении этноархеологических комплексов (ЭАК): объектом являются социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемые или реконструируемые путем интеграции археологических и этнографических знаний, предметом – свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, сопрягать эти явления в одну систему и возможность

[1] Интеграция археологических и этнографических исследований. (Отв. ред. В.И. Соболев, Н.А. Томилов, С.Н. Корусенко). Новосибирск, Омск, 1996. Ч. I. 114 с.; Ч. II. 114 с.

© С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, 1998 г.

реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и отношения с другими системами. Следует помнить, что хотя ЭАК почти всех хронологических эпох будет неполным из-за фрагментарности материалов, его применение перспективно на глубину 1,5–2 тыс. лет.

В.И. Матющенко (Омск) в докладе "Археологические микрорайоны и этноархеологический комплекс" поставил вопрос о соотношении этих научных понятий, которые являются продуктом взаимодействия культуры человека и экологической среды. Выявление составных элементов этноархеологических комплексов, сформировавшихся под ее влиянием, их преемственность могут быть наиболее продуктивны в случае их поиска в комплексах, представленных в памятниках археологического микрорайона.

В докладе *В.И. Молодина* и *В.И. Соболева* (Новосибирск) "Изучение позднесредневековых памятников в Обь-Иртышье: некоторые итоги, проблемы и перспективы" дан анализ их изучения на территории Западной Сибири за последние 20 лет. Особенно успешно провели подобные работы ученые Томска, Новосибирска, Омска и Барнаула, что позволило воссоздать некоторые страницы этнической истории народов Сибири. В настоящее время сибирская археология выходит на новый уровень исследований, когда некоторые гипотезы и схемы способны благодаря комплексному изучению обрести реальную плоть, став по существу историей народов, населявших эту обширную территорию.

А.В. Головнев (Екатеринбург) выступил на тему "Этнографические предпочтения в археологии: замечания к концепции В.Н. Чернецова". На большом археологическом и этнографическом материале он рассмотрел соотношение угров и самодийцев на территории Приобья и вопросы этнической атрибуции некоторых археологических культур.

В.Б. Богомолов (Омск) в докладе "Реалогия – наука о вещах и археолого-этнографические исследования" рассмотрел возможности вещеведения и искусствоведческого подхода в изучении неосознанных механизмов сознания и в поисках путей перехода от изучения объектов на уровне "предмет" к его изучению на уровне "вещь".

В.И. Молодин (Новосибирск) выступил с докладом "О возможности этноархеологического исследования на плоскогорье Укок (Южный Алтай)" и подробно охарактеризовал это интересное плато и его археологические памятники с XIV–XVI по XIX – начало XX в. Он подчеркнул, что наиболее плодотворными будут следующие направления исследований: изучение этногенеза и этнической истории восточных казахов и китайцев, исследование традиционного хозяйства, осмысление иррациональных представлений жителей Укока и реконструкция семантики наскальных изображений.

Ю.Ф. Кирюшин (Барнаул) и *А.М. Малолетко* (Томск) выступили с докладом "Этноархеология Васюганья". Рассмотрев материалы эпохи неолита и бронзы, они попытались определить этническую принадлежность населения развитой и поздней бронзы.

Вопросам определения этнонима населения, оставившего памятники сросткинской культуры, посвятил свой доклад "Проблема соотношения сросткинской культуры с этнонимами средневековья" *А.М. Илюшин*. Внимательно изучив материалы этой культуры и опыт предшественников, автор доклада пришел к выводу, что создателей разных вариантов этой культуры можно отождествлять с кимаками, кыпчаками, кыргызами, уйгурами, бома и карлуками. Он предлагает отказаться от понятия "сростскинская культура" и говорить о конкретных этнонимах.

А.П. Бородовский и *Е.Г. Шпакова* (Новосибирск) в докладе "Возможности палеодемографической реконструкции по материалам могильника эпохи раннего железа Быстровка-2" проанализировали демографическую ситуацию на начальном этапе эпохи Великого переселения народов и драматические события, сопутствовавшие ей.

Часть докладов была посвящена археологическим экспериментам, наблюдениям, применению методов естественных наук в этноархеологических исследованиях.

А.П. Бородовский и *И.Ю. Слюсаренко* (Новосибирск) сделали сообщение на тему "Перспективы и проблемы дендрохронологических исследований в Новосибирском Приобье". Они рассказали об опыте создания дендрохронологической шкалы в этом регионе и перспективах ее развития на материалах памятников Быстровка-2, Милованово-2, Умна-4, Умревинский острог.

В.В. Ситникова и *М.И. Воевода* (Новосибирск) в докладе "Молекулярно-генетические исследования археологических останков погребенных из захоронений пазырыкской культуры Горного Алтая" продемонстрировали возможность генетического анализа антропологических останков при изучении эволюции человека.

А.А. Адамов (Тобольск) в докладе "Обожженная береста: экспериментальные исследования" показал, как после проведения несложных экспериментов можно интерпретировать характер почернения бересты. Это убережет исследователя от принципиальных ошибок, влияющих на конечный результат.

В докладах *В.Е. Медведева* (Новосибирск) "Причины появления западин на курганах чжурчженьской культуры и их трактовка" и А.П. Бородовского (Новосибирск) "Экспериментальное моделирование варианта поминально-погребальной обрядности эпохи раннего железа (большереченская культура Новосибирского Приобья") показано, как наблюдения и эксперимент позволяют расширить информационные возможности археологического материала.

Е.М. Данченко, В.А. Волосов, О.Е. Гришаев (Омск) сообщили "О возможностях дактилоскопического исследования следов рук на древней керамике". Изучив посуду раннего железного века и средневековья, они получили информацию, хотя и ограниченную, о поле гончаров и некоторых приемах обработки посуды.

Ряд докладов был посвящен историографическим вопросам.

Н.В. Лукина (Томск) в своем докладе "Язык, фольклор, этнография финно-угорских народов в трудах К.Ф. Карьялайнена" рассказала о личности и научной деятельности этого выдающегося исследователя.

Ю.С. Худяков (Новосибирск) в докладе "Изучение археологических памятников XVIII–XIX вв. на Среднем Енисее" и в совместном докладе с Ю.А. Борисенко "Археологические и этнографические материалы об енисейских кыргызах в трудах немецких ученых XVIII–XIX вв." подробно проследил историю исследования памятников этого времени в Минусинской котловине, отметил вклад сибирских и немецких ученых в изучение памятников на Енисее и существенно расширил источниковедческую и методическую основу для дальнейшего изучения истории енисейских кыргызов.

А.В. Жук (Омск) в докладе "Агриков меч (к проблеме протоархеологического сознания)" рассмотрел фигуру богатыря-змееборца и особенности его оружия.

С.С. Тихонов (Омск) в докладе "О методике этноархеологических исследований (современное состояние проблемы)" рассмотрел несколько направлений интеграции археологии и этнографии: построение ЭАК, экспериментальную археологию, изучение поздних археологических памятников, анализ универсальных явлений культуры.

Доклады *А.С. Васютина* и *В.М. Кимеева* (Кемерово) «Этноархеологический комплекс "Зимник"», Л.М. Кадыровой (Омск) "Использование посуды в традиционной бытовой медицине аялынцев", *Н.В. Перегоедовой и В.С. Марковой* (Новосибирск) "Информационное обеспечение научных исследований по археологии и этнографии в Сибири и на Дальнем Востоке", *М.А. Корусенко* и *С.Ф. Татаурова* (Омск) "Надмогильные сооружения могильника XVII–XVIII вв. Бергамак-II (опыт поиска современных аналогий)", *С.Ф. Татаурова* "За границами раскопа", *Д.В. Черемисина* и *И.В. Октябрьской* (Новосибирск) "Современные наскальные рисунки на стыке традиций", *Л.В. Татауровой* (Омск) "Процесс исчезновения традиционного гончарства у татар в Низовьях Тары", *Н.А. Левочкиной* (Омск) "Археолого-этнографический комплекс и традиционная народная хореография", *Т.Н. Троицкой* и *В.А. Сумина* (Новосибирск) "Новосибирское Приобье в период освоения его русскими (к постановке вопроса)", *Б.В. Мельникова* (Омск) "Некоторые аспекты изучения истории коренного населения Таежного Прииртышья XVI–XVIII вв. в свете данных археологии", *М.Ю. Здора* (Омск) "Природно-географические условия в пойме правого берега р. Иртыш от д. Артын до д. Танатово", *К.Н. Тихомирова* (Омск) "Разведочные работы 1996 г. в верховьях р. Бергамак", *Л.В. Татауровой* и *О.А. Яковлевой* (Омск) "Поселение Бергамак-I", *А.В. Шершунова* (Омск) "Городища низовий Тары: типология и предназначение", *Ю.Р. Гильмияровой* (Омск) "Русская керамика на поселении Бергамак-III", *Е.В. Переваловой* (Тобольск) "Две традиции в сакральном отношении к собаке у нижнеобских хантов", *А.Г. Селезнева* (Омск) "Южносибирский лесной культурный комплекс: проблемы генезиса полозных средств транспорта", *М.А. Лапиной* (Ханты-Мансийск) "Правила поведения хантов в отношении предметов их быта", *М.Л. Бережновой* (Омск) "О возможности реконструкции сибирских тканей домашнего производства по археологическим данным", *С.Н. Корусенко* (Омск) "Хозяйственные занятия татарского населения низовий Тары (по данным переписи населения 1897 г.)" были посвящены изучению конкретных сюжетов этноархеологических исследований.

В конце работы участники семинара выразили глубокую благодарность его организаторам, отметили хороший организационный уровень и подчеркнули необходимость дальнейшего развития этноархеологических исследований.

Омский филиал
Объединенного института истории, филологии
и философии СО РАН

С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕМИНАР "ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ДРЕВНОСТИ" (Тверь, 1997)

24–27 марта 1997 г. состоялся четвертый семинар "Тверская земля и сопредельные территории в древности", организованный Тверским государственным объединенным музеем. В нем участвовали археологи Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Петрозаводска, Нижнего Новгорода, Самары, Иванова, Вологды, Череповца, Сергиева Посада.

На одном из предыдущих семинаров его участниками было решено, что ряд докладов будет посвящен какой-либо одной проблеме. Для данного семинара такой темой была выбрана адаптация первобытного человека и общества к природной среде. Поэтому группа сообщений касалась этой темы. Семинар начался с доклада *Л.В. Кольцова* (Москва), который на материале мезолитических культур Северной Европы попытался показать многомерность явления адаптации, выделив четыре ее формы (экономическую, социальную, культурную и биологическую) и определив для каждой из них присущие ей способы и средства. Доклад в основном касался трех первых форм. С ним очень тесно соприкасался доклад *Г.В. и А.А. Синицыных* (С.-Петербург), посвященный адаптации населения Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцен – голоцен. Однако содержание доклада было гораздо шире названия. В нем затрагивались общие проблемы явления адаптации, чем он и перекликался с предыдущим. Доклад *И.В. Калининой* (С.-Петербург) характеризовал важность системы человек – среда в первобытном обществе. Динамичность этой системы и ее значение в истории первобытной культуры были показаны в их понимании культурологами и археологами. *М.В. Козловская* (Москва) посвятила свой доклад адаптивным процессам в изучении палеопопуляций. На материалах крупных мезо- и неолитических погребальных комплексов она показала важность изучения биологической формы адаптации первобытного человека. *М.Г. Жилин* (Москва) сделал доклад об адаптации мезолитического населения Волго-Окского междуречья к кремневому сырью. Он нарисовал динамику использования разных вариантов кремня в мезолитических культурах региона на отдельных ступенях развития мезолита и в разных экологических условиях. На проблемы адаптации в эпоху бронзы обратил внимание в своем докладе *К.В. Воронин* (Москва). На примере фатьяновско-балановской общности он показал, что своеобразие балановского и фатьяновского ее локальных вариантов связано с наличием месторождений меди на востоке и отсутствием их на западе, что повлияло на их хозяйственно-культурный тип.

Остальные сообщения не были связаны с основной темой семинара. *Ю.Б. Цетлин* (Москва) в обширном докладе затронул проблемы палеолитического искусства. Он говорил о разных культурных традициях в искусстве, территориальных и хронологических его особенностях, смещении традиций и реконструкции систем формирования мировосприятия в палеолите.

Серия докладов была посвящена проблемам мезолита и неолита. *М.М. Шахнович* (Петрозаводск) в сообщении о мезолите Северной Финляндии пришел к выводу, что памятники этого региона занимают промежуточное положение между культурами комса на севере и аскола-суомусярви на юге. О происхождении и периодизации иеневской мезолитической культуры говорил в своем докладе *А.Е. Кравцов* (Москва). Его основные положения в большой степени повторяли уже изложенные в прежних его работах мысли о сложении иеновской культуры на базе финального палеолита типа Усть-Тудовки I. Новым, но достаточно спорным в этой связи является привлечение для решения данной проблемы материалов стоянки Боршево II на Дону. Периодизация же в изложении автора доклада, несмотря на наличие большого количества дат, полученных с помощью методов естественных наук, выглядит довольно аморфной. Несколько докладов вводят в научный оборот новые материалы по мезолиту или приводят данные обработки этих материалов с помощью новых методов. *Т.М. Гусенцова* (С.-Петербург) доложила о новых мезолитических памятниках на северо-востоке Ленинградской обл. *Н.В. Косорукова* (Череповец) познакомила участников семинара с материалами стоянки Лиственка 8 в бассейне Шексны, относящейся к памятникам типа Андозеро-М. *А.Н. Сорокин* и *В.В. Сидоров* (Москва) доложили о результатах раскопок многослойной стоянки Замостье 5 на р. Дубне в Московской обл., где встречены мезолитические и неолитические находки. *Н.Б. Васильева* (С.-Петербург) изложила результаты трасологического анализа орудий мезолитической стоянки Марьино 5 (Вологодская обл.).

В.В. Сидоров (Москва) предложил выделить новую моложскую неолитическую культуру в восточной части Валдайской возвышенности. Однако в дискуссии большинство выступавших не согласилось с ним: выделять новую культуру практически по двум раскопанным памятникам со смешанным разновременным керамическим комплексом пока рано. Гораздо более обоснованным выглядел доклад *А.В. Энговатовой* (Москва) о хронологии верхневолжской ранненеолитической культуры и ее дробной периодизации: на основании имеющихся дат по С-14 и спорово- пыльцевых определений докладчица считает, что верхне-

© И.В. Исланова, Л.В. Кольцов, 1998 г.

волжская культура должна датироваться с рубежа VI–V тысячелетий до последней четверти V тыс. до н.э. включительно. Обследованию неолитической стоянки Ивановское II в Ярославской обл. посвятил свое сообщение *А.В. Гонозов* (Нижний Новгород).

Энеолиту была посвящена тоже серия докладов. *А.В. Уткин* и *Е.Л. Костылева* (Иваново) познакомили слушателей с абсолютной датировкой могильника Сахтыш II А, полученной с помощью дат по С-14, сделанных по костям погребенных. *Н.В. Овчинникова* (Самара) рассказала об очень интересных волосовских поселениях в Среднем Поволжье. *А.И. Королев* (Самара) доложил о поселении Волгапино на р. Мокше, где встречены материалы имерской и волосовской культур.

А.В. Суворов (Вологда) сделал доклад о могильнике Минино I на Кубенском озере (Вологодская обл.), материалы которого, состоящие из погребений с интересным костяным инвентарем без керамики, обнаружены под слоем средневекового селища. *Е.В. Волкова* (Москва) по совокупности технологических признаков керамики фатьяновского Волосово-Даниловского могильника сумела выявить сосуды, обнаруженные в разных погребениях и сделанные одним (условным) мастером. Это позволило предположить практическую одновременность этих захоронений.

Группа докладов освещала эпоху раннего железного века и начала раннего средневековья. Особый интерес вызвал доклад *А.Д. Максимова* (Тверь) и *Л.С. Розановой* (Москва) "Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок I" (Тверская обл.). Основная масса исследованных предметов в технологическом отношении близка москворецким памятникам дьяковской культуры. Однако четыре изделия были сделаны в несвойственной дьяковцам технике трехслойного пакета, появившейся в лесной зоне Восточной Европы только в VIII в. н.э. Докладчики поставили проблему пересмотра хронологии и культурной принадлежности памятника или возможного удревнения проникновения изделий в технике трехслойного пакета в лесную зону.

В докладе *И.В. Исламовой* (Москва) была предложена классификация городищ бассейна верхней Мсты эпохи раннего железа. Большинство укрепленных поселений ею были разделены на ранние (с различной системой укреплений) и поздние (городища с напольной системой укреплений и наличием поблизости погребальных памятников культуры длинных курганов).

А.А. Александровским, *Н.А. Кренке* и *Б.Е. Янишевским* (Москва) изучались погребенные почвы под валами ряда дьяковских городищ. Сделаны выводы о наличии пашни на этих местах до сооружения укрепленных поселений.

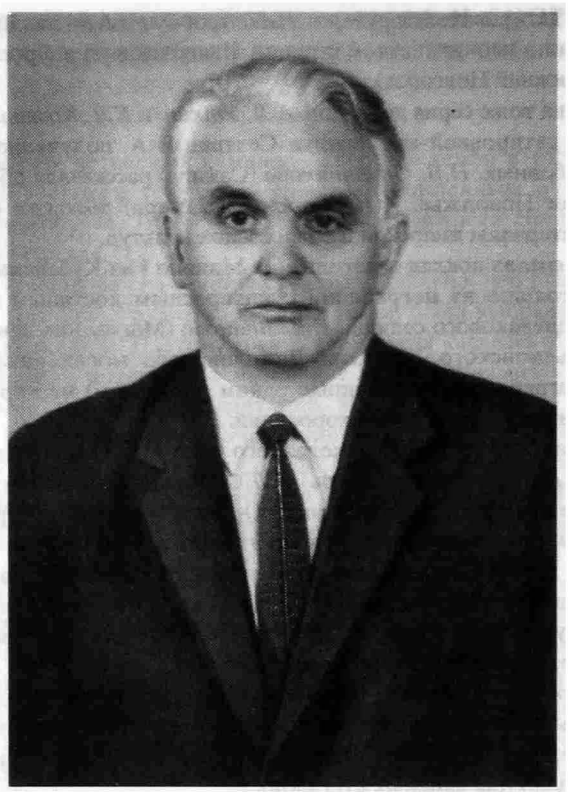
Несколько докладов вводили в научный оборот новые находки и материалы. *Н.В.* и *О.А. Лопатины* (Москва) доложили о новом памятнике мощинской культуры на р. Вазузе, *И.В. Исланова* (Москва) и *И.Н. Черных* (Тверь) – о поселении раннего железного века и раннего средневековья Глыби 2 (Тверская обл.), *И.Н. Черных*, *П.Д. Малыгин* (Тверь), *Т.Н. Томашевич* (Москва) – о погребальном комплексе культуры длинных курганов Подол I на оз. Кафтино. Доклад *Д.И. Вишневского* (Сергиев Посад) был посвящен Кикинскому городищу поздней дьяковской культуры. На основании наличия разных культурных компонентов на нем выделяются два хронологических этапа функционирования: ранний – с ориентацией на москворецкие городища западной части Волго-Окского междуречья, поздний – на поволжско-финские древности.

Результаты исследований топонимии озер бассейна р. Торопы как отражение адаптации древнего населения доложены *В.М. Воробьевым* (Тверь). Были проанализированы названия 88 озер, отражающие хозяйственную деятельность населения, пути сообщения, типы поселений и ландшафта.

Организация семинара была безупречной. Много сил и энергии вложил в нее заместитель директора Тверского музея И.Н. Черных, которому все участники семинара высказали за это свою глубокую благодарность.

Институт археологии РАН,
Москва

И.В. Исланова, Л.В. Кольцов



ПАМЯТИ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЗАХАРУКА

(1914–1997)

12 апреля 1997 г. после тяжелой болезни скончался Юрий Николаевич Захарук – видный представитель украинской и российской археологической науки.

Ю.Н. Захарук родился 12 апреля 1914 г. в г. Виннипег в Канаде, куда в 1910 г. его родители эмигрировали из Западной Украины, находившейся в те годы под властью Австро-Венгрии. В начале 20-х годов семья Захаруков возвратилась на родину и приступила к работе в 1-й Канадской Агрокоммуне, созданной в те годы на Украине.

В 1938 г. Ю.Н. Захарук оканчивает исторический факультет Одесского государственного университета и вскоре становится заведующим историческим отделом Житомирского краеведческого музея. Здесь были начаты его первые историко-археологические исследования. В 1940 г. Ю.Н. Захарук поступает в аспирантуру Института арехологии АН УССР, где специализируется по трипольской тематике.

Однако продолжению работы помешала война. С первых дней Великой Отечественной войны Ю.Н. Захарук уходит добровольцем на фронт. В звании старшего лейтенанта он принимал участие в боевых действиях на Кавказе, в освобождении Польши, Чехословакии, Австрии. Участие Ю.Н. Захарука в Великой Отечественной войне было отмечено орденом Отечественной войны, медалями "За боевые заслуги", "За оборону Кавказа", "За победу над фашистской Германией". Только в мае 1946 г. он получает возможность вернуться к научной работе.

Научные интересы Ю.Н. Захарука в этот период сосредоточиваются на памятниках трипольской культуры. Свои научные исследования ему приходилось сочетать с административной деятельностью. В 1950 г. он переводится на работу в Львовскую группу Института археологии УССР, которая с 1951 г. вошла в состав Института общественных наук АН УССР.

В 1953 г. Ю.Н. Захарук защищает кандидатскую диссертацию. В ней он подводит итоги изучения Софиевского могильника трипольской культуры. В этот период, наряду с трипольскими древностями, Ю.Н. Захарук изучает памятники культуры воронковидных кубков и культур шнуровой керамики. В целом его интересы охватывают проблемы эпохи энеолита и бронзового века юга Восточной Европы.

В 1960 г. Ю.Н. Захарук становится заместителем директора по научной работе в Институте археологии АН УССР в Киеве. Здесь проявились его природные склонности к теоретическим проблемам науки. Необходимость их изучения стала для него очевидной еще в период практической работы на трипольских

© В.И. Маркович, Ю.Б. Цетлин, 1998 г.

памятниках. В 1964 г. появляется его первая крупная теоретическая статья, посвященная проблемам археологической культуры. Ю.Н. Захарук считал, что новый этап развития археологии как науки начинается с возникновения научной "рефлексии", когда археология начинает изучать саму себя, строить свою собственную теорию. Именно в этой время, в начале 60-х гг., сначала очень медленно, а затем все более интенсивно начинает формироваться устойчивый интерес к теоретическим проблемам археологии. Наряду с работами А.П. Смирнова, А.Л. Монгайта, М.Ю. Брайчевского и других исследователей, весьма большую роль в развитии этого процесса сыграла деятельность Ю.Н. Захарука.

В 1971 г. Ю.Н. Захарук переезжает в Москву и становится заместителем директора Института археологии АН СССР. Несмотря на то, что в этот период все больше времени начинает занимать административная деятельность, он продолжает интенсивные исследования в области теории археологии. В работах этого периода Ю.Н. Захарук пытается очертить круг основных теоретических проблем археологии и источники их возникновения. Таковыми, по его мнению, являются возникающие в ходе любого исследования "проблемные ситуации", которые, с одной стороны, требуют своего разрешения для успешного осуществления практических исследований, а, с другой стороны, должны быть подвергнуты специальному критическому анализу, т.к. это является основой плодотворного развития теории науки. По сути дела, именно критическому анализу таких "проблемных ситуаций" в археологии и была посвящена основная творческая деятельность Юрия Николаевича. Наибольшее внимание он сосредоточивает на выяснении места археологии в системе наук, проблеме предмета и объекта археологии и комплексу проблем, связанных с понятием "археологическая культура".

Анализируя место археологии среди других наук, Ю.Н. Захарук убедительно показывает, во-первых, внутреннее единство самой археологической науки, во-вторых, ее исторический характер и глубокую специфику по сравнению с теми историческими науками, которые опираются на письменные памятники.

По мысли Ю.Н. Захарука, "объектом" археологии являются археологические источники, которые относятся к особой "ископаемой действительности" и служат фундаментом для познания прошлого. Основным их свойством он считал "компрессивность", т.е. сжатость, спрессованность в них исторической информации. Отсюда Ю.Н. Захарук выводил положение о том, что теорией объекта науки должна стать теория "археологического источниковедения", основной задачей которой является выяснение познавательных возможностей разных групп археологических источников. "Предмет" археологической науки включает ее объект (археологические источники) и основную цель – реконструкцию на их основе исторического прошлого. Таким образом, теория предмета науки, по Ю.Н. Захаруку, включает, с одной стороны, теорию ее объекта (археологическое источниковедение), а, с другой стороны, теорию "перевода" информации, содержащейся в археологических источниках, на язык исторических понятий и категорий. Отсюда, по его мнению, вытекает важность выработки глубоко продуманной археологической терминологии и выяснение ее связи с терминологией исторических наук.

Центральным научным понятием археологии Ю.Н. Захарук считал понятие "археологическая культура", и поэтому именно его специальной разработке он уделял особое внимание. Наиболее последовательно проблема археологической культуры была изложена в его докторской диссертации "Методологические проблемы археологической науки" (1981), где подробно анализируется ее природа, внутренняя структура и историко-социологическое содержание. К сожалению, эта его центральная работа так и осталась неопубликованной.

Ю.Н. Захарук был одним из инициаторов подготовки и издания трехтомной "археологии Украинской ССР" (1971). Это издание было отмечено Государственной Премией Украинской ССР за 1977 г. Длительное время Ю.Н. Захарук был членом редколлегии журналов "Археологія" и "Советская археология". Одной из важнейших заслуг Ю.Н. Захарука является организация в 1985 г., несмотря на многочисленные трудности, специального Отдела теории и методики в Институте археологии АН СССР, во главе которого он стоял первое время. И после выхода на пенсию Ю.Н. Захарук продолжал оставаться активным сотрудником отдела.

Память о Юрии Николаевиче Захаруке, человеке необычайно добром и внимательном к людям, приложившим много усилий к развитию отечественной археологической науки, сохранится в сердцах знавших его людей, а его научные труды будут еще долго служить отправной точкой дальнейших теоретических исследований в нашей науке.

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Марковин,
Ю.Б. Цетлин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ – Археологические исследования в Молдавии
АИП – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
ВВ – Византийский временник. СПб.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. М.–Л.
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГРМ – Государственный Русский музей
ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М. – Л.
Изв. СОНИИ – Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе
КМИДР – Киевский музей исторических драгоценностей
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСОГАМ – Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного археологического музея
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии РАН
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Симферополь
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.
МКАС – Международный конгресс археологов-славистов
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РОУ – Российский открытый университет
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СИЭ – Советская историческая энциклопедия
СКАЭ – Северо-Кавказская археологическая
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горц
СЭ – Советская этнография. М.
Тр. ГИМ – Труды Государственного Историч
Тр. ИЭ – Труды Института этнографии АН С

Техническ

Сдано в набор 17.04.98 Подписа
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8.
Тира

Отпечатано в типографии "